

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ АРХИВ XI

Составители
Джузеппина Джулиано, Андрей Шишкин

Салерно 2020

ARCHIVIO RUSSO-ITALIANO XI

a cura di
Giuseppina Giuliano, Andrej Shishkin

Salerno 2020

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI

MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

COMITATO SCIENTIFICO

LAZAR FLEISHMAN, KSENIJA KUMPAN

JOHN MALMSTAD, ROLAND MARTI

MARCA TIPOGRAFICA DEGLI ARTISTI G. A. V. TRAUGOT

CURA EDITORIALE: TATIANA PROKOFIEVA

ISBN 978-88-94422-74-0

E.C.I. Edizioni Culturali Internazionali

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2020 by Europa Orientalis

Dipartimento di Studi Umanistici – Università di Salerno

Finito di stampare presso la Casa Editrice PRINTI', Atripalda (AV), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Вишневецкий	
<i>Италия и Россия 1829–1833, 1837 и 1843 годов</i>	
<i>в стихах и стихотворных переводах Степана Шевырёва</i>	7
Людмила Правоторова	
<i>Постижение Италии: Николай Ульянов и другие</i>	102
<i>Приложение. Николай Ульянов и итальянские футуристы</i>	121
<i>Н. П. Ульянов. Ответ футуристам Италии.....</i>	125
Ирина Едошина	
<i>«Мой грустный взгляд ласкают тени...» (Об Н. С. Ашукине — писателе)</i>	129
<i>Николай Ашукин. Венеция</i>	131
Джузеппина Джулиано	
<i>Неизвестное письмо Максима Горького к Зиновию Пешкову (1913)</i>	140
Татьяна Красовицкая и Юлия Филина	
<i>Воспоминания Николая Адриановича Прахова о жизни на Капри.....</i>	144
Андрей Шишкин	
<i>Лидия Вячеславовна Иванова в письмах к отцу (1927 г.)</i>	168
<i>Из переписки Лидии Вячеславовны Ивановой с Вячеславом Ивановым (1927)</i>	
<i>Подготовка текста Татьяны Мисникевич, комментарии Андрея Шишкина</i>	174
Эльда Гаретто, Андрей Шишкин	
<i>«И мне надо заработать любовь Италии»:</i>	
<i>переписка Ивана Шмелева с Еленой Григорович</i>	215
Федор Поляков	
<i>Воссоединение как отречение:</i>	
<i>к истории обращения Льва Кобылинского-Эллиса в католичество</i>	236

Powell Atlas	
<i>The Painter and the Visionary: Ivanoff and Ivanov</i>	250
<i>Письма Сергея Петровича Иванова к Вяч. И. Иванову</i>	
Публикация Андрея Шишкина	261
Марко Каратоццоло	
<i>«Ваш тон был тон приказа игумена послушнику»:</i>	
<i>письма П. А. Соколова В. И. Иванову и его семье (1947–1961)</i>	268
<i>Протоиерей Владимир Левицкий.</i>	
<i>Хронология летних пребываний и прочего</i>	
Публикация М. Г. Талалая	285
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	293
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	298
ABSTRACTS	312

ИТАЛИЯ И РОССИЯ 1829–1833, 1837 И 1843 ГОДОВ
В СТИХАХ И СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕВОДАХ СТЕПАНА ШЕВЫРЁВА

Игорь Вишневецкий

I. О стихах и стихотворных переводах
Степана Шевырёва, в особенности о тех,
что он создал в Италии в 1829–1832 гг.

I.1. «Проблема» с Шевырёвым

Главный вопрос в любом разговоре о Степане Петровиче Шевырёве (1806–1864) — его посмертная репутация, настолько не соответствующая Шевырёву подлинному, что на этом несоответствии легко продемонстрировать как минимум ещё четыре проблемы, с которыми сталкивается всякий серьёзный историк русской литературы и — шире — русского культурного сознания.

Во-первых, проблему адекватности устоявшейся истории «золотого века» (да и, будем честны, других «веков») наличному материалу. В канонической истории так называемого «золотого века» русской литературы Ш.¹ не то, чтобы отсутствует вовсе, но место занимает столь малое, что в пору говорить о сознательной дискриминации — в пользу продолжающих работать на определённое содержание, кстати, вполне нам сегодня чуждое, эстетически, идеологически и политически заряженных схем, созданных общими усилиями русской интеллигенции XIX–XX веков, и всеми, кто продолжает даже сейчас, в XXI-м веке, воспринимать эти схемы некритически.

Во-вторых, проблему мало уже для кого «авторитетных суждений» якобы «прогрессивного», буржуазно-радикального толка, продолжающих, окостенев и утратив всякий смысл, а более всего смысл «прогрессивный», дозвесь в качестве «нормы». Придуманый певцами тогдашнего «прогресса» образ Ш. как выпрненного, нелепого поэта (Н. А. Полевой)², внешне смешного человека, педантического критика и учёного зануды (В. Г. Белинский)³, приспешника

¹ Так в дальнейшем, за вычетом заголовков и цитат, будет сокращена фамилия героя настоящей публикации. Исключение также сделано мною для парного употребления фамилии с именем: «Степан Шевырёв».

² *Картофелин*. Рим (Рим, 1832 г. Марта 2 д<ня>) // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1832. Ч. 44, № 5 (март); Камер-обскура. № 7. С. 129–130.

³ См. его очерк «Педант. Литературный тип» (1842) // *Белинский В. Г. Собрание сочинений*: В 9 т. М.: Худ. литература, 1978–1982. Т. 4. С. 382–389.

режима Николая I, готового — хотя и не факт, что совершающего, — но внутренне готового на самые неблагородные поступки (А. И. Герцен)⁴, т. е. по сути карикатура, созданная его открытыми литературными врагами (упомянутыми выше Н. А. Полевым, В. Г. Белинским и А. И. Герценом), продолжает кое-кем восприниматься за правдивое свидетельство и по сей день. Между тем знакомство с многочисленными опубликованными текстами Ш., с его не менее обширными архивными материалами, с послужным списком, с мнением — будем честны — куда более значимых, если глядеть из дня сегодняшнего, современников поэта, таких как Гёте (лично знакомый с Ш.), Пушкин (горячо поддерживавший Ш. в его литературных и исследовательских начинаниях), Гоголь (сделавший Ш. своим литературным душеприказчиком), князь Вяземский (мечтавший видеть Ш. своим посмертным биографом) и многих других, свидетельствует о совершенно другом литераторе и человеке, мало похожем на образ, созданный его врагами.

⁴ Так, вспоминая о затаенном Ш. и М. П. Погодиным в 1840-е гг. журнале «Москвитянин», совсем не чисто славянофильского направления, журнале, во многом наследовавшем их возвышенной романтической эстетике 1820–1830-х и едко в лице Ш. критиковавшем язык сочинений самого А. И. Герцена (см.: «Москвитянин». 1848. № 1. С. 55–57; № 2. С. 218–222), тот в «Былом и думам», как бы в отместку своим прежним критикам, и в первую очередь Ш., утверждал буквально следующее:

«...“Москвитянин” выражал преимущественно университетскую, доктринёрскую партию славянофилов. Партию эту можно назвать не только университетской, но и отчасти *правительственной*. Это большая новость в русской литературе. У нас рабство или молчит, берет взятки и плохо знает грамоту, или, пренебрегая прозой, берет аккорды на верноподданнической лире.

Булгарин с Гречем не идут в пример: они никого не надули, их ливрейную кокарду никто не принял за отличительный знак мнения. Погодин и Шевырёв, издатели “Москвитянина”, совсем напротив, были добросовестно раболепны. Шевырёв, — не знаю отчего, может, увлечённый своим предком, который середь пыток и мучений, во времена Грозного, пел псалмы и чуть не молился о продолжении дней свирепого старика; Погодин — из ненависти к аристократии. <...>

Шевырёв вряд даже сделал ли что-нибудь как профессор. Что касается до его литературных статей, я не помню во всем писанном им ни одной оригинальной мысли, ни одного самобытного мнения» (*Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Наука, 1954–1965. Т. 9. С. 164–165).

В приводимом отрывке удивительно всё, но в первую очередь аргументы мемуариста относительно того, чем же плох журнал «Москвитянин»: плебейским происхождением его издателя профессора истории М. П. Погодина, ближайшего друга Ш. (при том, что сам Герцен считал себя «социалистом» и врагом неравенства); тем, что Погодин и Ш. слишком схожи с Булгариным и Гречем (это Ш.-то, в открытую воевавший с Булгариным, считая того воплощением ненавистного «торгового» духа в литературе!); интересом Погодина и Ш. к средневековой русской истории и литературе, который Герцен увязывает со славянофильством (получается, что неславянофил должен подобные предметы презирать), и, наконец, лояльностью редакции по отношению к правительству, которую Герцен объявляет «рабством» (аргумент психологически понятный в устах политического эмигранта, но приклеивающий к любому законопослушному гражданину ярлык раба). Достоверность оценки окончательно подрывается заявлением Герцена, что «Шевырёв вряд даже сделал ли что-нибудь как профессор». То чрезвычайно многое, что поэт сделал как профессор Императорского Московского университета, — будет рассмотрено далее. Отметим, что в подобном и во многих других «воспоминаниях» мы имеем дело с чистой инсинуацией, с попыткой манипулировать будущим читателем.

В-третьих, немалое число превосходных текстов, написанных по-русски в течение XIX–XX веков, остаётся либо не собранным, либо не опубликованным, и это тормозит всякий осмысленный разговор, который — сейчас это ясно как никогда — неизбежно приведёт к существенной корректировке *всей* истории русской литературы. Мы до сих пор не имеем полных научных изданий многих важнейших авторов классического периода, от князя Вяземского до Андрея Белого. О тех, кто писал, начиная со второй трети XX столетия, лучше и вовсе умолчать. И здесь Ш. не исключение из общего грустного правила.

Большая часть его стихотворного наследия так, увы, и не собрана, слишком многое в этом наследии — не опубликовано. Единственное более или менее вмняемое собрание стихов Ш. увидело свет спустя 75 лет после его смерти в советском Ленинграде (*Шевырёв С. П. Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. М. Аронсон. Л.: Сов. писатель, 1939*). Однако издание это включает лишь около трети созданного поэтом.

В-четвёртых, имели место очевидные трудности в восприятии и оценке романтического мышления в неромантическую эпоху, т. е. после 1848 года, когда окончательно сложилась репутация Ш. А между тем он в лучшие свои годы, примерно с 1824 по 1848, оставался самым настоящим романтиком.

Сейчас, когда отношение к наследию романтизма перестаёт быть снисходительным, а многие романтические стратегии реабилитируются в передовой, экспериментальной русской литературе, наступает время переоценки места и роли Степана Шевырёва в русском стихе XIX столетия в целом и в «поэзии мысли», за которую Ш. так горячо ратовал, в частности.

Ш. достаточно рано, когда ему едва исполнилось 18, т. е. уже в стихах 1824–1825 гг., продемонстрировал склонность к глубоко оригинальной интонации и взгляду, а также способность противостоять мнению большинства, но этому предшествовали годы неизбежного ученичества, свидетельствовавшие не только о фундаментальности ещё в очень юные годы приобретённых знаний, но и голосе не по годам сильном, хотя и не достаточно «окреплом», как писал о себе самом поэт в «Послании к А. С. Пушкину». Ш. начинал так хорошо, как мало кто начинает, но в конце концов биография его как поэта не задалась.

Родился Степан Петрович Шевырёв 18 (30) октября 1806 г. в Саратове. Как сообщается в книге немецкого либерального журналиста *Генриха-Иосифа Кёнига* (Heinrich Joseph Koenig; 1790–1869) «Очерки русской литературы», написанной им совместно с близким товарищем Ш. прозаиком, музыкальным критиком и композитором *Николаем Александровичем Мельгуновым* (1804–1867), «фамилия Шевырёва происходит от одного славного в истории, древнего княжеского дома. Отец Шевырёва [Пётр Степанович в течение 12 лет] стоял во главе дворянства Саратовской губернии, и наш молодой ученый сам имеет независимое состояние. Между тем в России учёное сословие, если и не находится в презрении, — по крайней мере в высших кругах общества не очень уважается. И до сих пор кажется здесь странным принять на себя должность профессора, будучи аристократом. Поставить себя выше всех этих отношений и свободно следовать своим склонностям и внутреннему призванию — есть уже такой поступок, о котором стоит

упомянуть»⁵. С 1818 по 1822 г. Ш. по решению родителей обучался в престижной школе-интернате — Благородном пансионе при Императорском Московском университете, и продемонстрировал недюжинные успехи в науках, окончив Пансион с золотой медалью. Собственно, к этому всё его формальное образование и свелось; остальное было результатом упорного самообразования.

Ш. вспоминал атмосферу учебного заведения:

Одни природные дворяне принимались в Университетский пансион; но такое условие не водворяло в питомцах духа какой-то касты, не внушало им никакой аристократической гордости. Если бы кому-нибудь и вздумалось из своего семейства внести в училище предубеждение о привилегии рода, — то вот что мог прочесть такой в Речи одного из старших своих товарищей о том, каков должен быть прямо благородный воспитанник: “Благородство происхождения есть ничто, когда оно не украшается благородством духа. Знатность предков есть тяжкое бремя для того, кто собственными достоинствами не умеет поддержать её. Чем выше степень, занимаемая нами в обществе, тем добродетели и пороки наши виднее; тем пример наш благотворнее, или пагубнее. Чем важнее звание, нами носимое, тем круг деятельности нашей обширнее; сведения наши должны быть многообразнее; чем больше требуется от нас времени, внимания, труда, пожертвований. Юный Россич! здесь, в сем храме Наук, потщись образовать душевные и телесные свои способности; здесь потщись устроить себя на служение Отечеству, и докажи со временем, что благородство твоё не в титулах, не в знатности предков, но в сердце твоём, в делах твоих, в заслугах”.

Весьма важен дух общежития, связующий учеников в учебном заведении («Москвитянин». 1848. № 8. С. 199–200).

Именно в этом антииндивидуалистическом «духе общежития», в самостоянии и в личной, а не кастовой ответственности, воспитывавшихся в учениках бессменным руководителем Благородного пансиона *Антоном Антоновичем Прокоповичем-Антонским* (1762–1848), видел Ш. главный для себя урок: и когда делал первые шаги как литератор, а затем как учёный, и когда стал к середине 1830-х гг. известным поэтом и критиком, воевавшим вместе Пушкиным, Вяземским, Баратынским против «торгового», буржуазного направления в литературе, за творчество, одушевляемое несиюминутными культурными задачами (что особенно заметно по его публикациям и вообще по редакторской политике в журнале «Московский наблюдатель» в 1835–1837 гг.), и когда, наконец, добился высоких педагогических постов и признания, став в 1837 г. лауреатом престижной половинной Демидовской премии Императорской академии наук⁶, в 1838 доктором философии⁷, пройдя путь от адъюнкта до ординарного профессора Императорского Московского

⁵ Кёниг Г., Мельгунов Н. А.] Очерки русской литературы / Пер. с нем. и пред. Н<иколая> П<авлова>. СПб.: в тип. Якова Трея, 1862. С. 190; ср. *Koenig Heinrich* [und Nikolai Aleksandrovich Mel'gunov]. Literarische Bilder aus Rußland. Stuttgart und Tübingen: J.G. Cotta'sche Buchhandlung, 1837. S. 259.

⁶ Составлявшей 2500 рублей ассигнациями, т.е. 396 133 рубля (6701 доллар США или 5504 евро) в пересчёте на денежный курс февраля 2018-го года.

⁷ История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею Степаном Шевырём, 1755–1855. М.: [б.и.], 1855. С. 572.

университета, и — как если бы этого было мало — в 1841 избранный адъюнктом, в 1847 экстраординарным и, наконец, в 1852 ординарным академиком Императорской Академии наук⁸, занимая при этом в 1848–1854 должность декана историко-филологического факультета Московского университета⁹. Изданный в 1855 г. Академией наук «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве» даёт краткую сводку всех этих достижений: Ш. не только заседает во Втором отделении (Русского языка и словесности) Академии в основной группе ординарных академиков месте — в числе прочих — с Митрополитом Московским и Коломенским Филаретом, министром народного просвещения Авраамом Норовым, князем Петром Вяземским, а также с самым старым и близким своим товарищем Михаилом Погодиным, с И. И. Срезневским и с некоторыми другими, но и — до 1854 (как было уже выше отмечено) — декан Историко-филологического факультета Московского университета, а также действующий, активно и много публикующий ординарный профессор, доктор философии, преподающий теперь в качестве основных дисциплин историю русской словесности и педагогию, а по табели о рангах — действительный статский советник¹⁰. Казалось, что энергия Ш. и способность заниматься несколькими важными делами сразу не имеют предела. Одним из таких занятий была, конечно, поэзия.

Биография его при этом может восприниматься как неуклонное выпадение из предначертанного, как набирающее с годами обороты сознательное и поначалу довольно успешное движение против течения. Помимо большой внутренней убеждённости, которая могла только восхищать, это свидетельствовало и об определённой негибкости, приведшей к середине 1850-х гг. к отсутствию у Ш. какой бы то ни было групповой поддержки и к его идейной и бытовой изоляции.

Для старого дворянства, продолжавшего сохранять важные позиции в обществе и в государстве, он — при всех служебных заслугах — оставался выпавшим из их круга наёмным работником, состоящим на казенном содержании «профессоришкой»; для новой профессуры и начавшей формироваться интеллигенции, более не сохранявшей крепкой связи с дворянством, — странно-ватым учёным и литератором-идеалистом с сильно преувеличенным и потому смешными представлениями о роли образования и поэтического слова, к тому же связанным с разного рода консервативными институциями, такими как Академия наук.

Изоляция усугублялась тем, что начиная с 1849 года со свойственным ему во всех начинаниях упорством и даже упрямством, Ш. неоднократно заявлял о поддержке конфронтационного внешнеполитического курса правительства Николая I (что было связано в первую очередь с отрицательной оценкой Ш. начавшего утверждаться в Западной Европе порядка вещей), —

⁸ Сведения почерпнуты с сайта Информационной системы Архивов РАН (<http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=FE5013F3-139C-DA54-64CC-BFB95F763252&str=шевырев>).

⁹ История Императорского Московского университета... С. 566.

¹⁰ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1855: [В 2-х ч.]. СПб.: Имп. Академия наук, 1855. Ч. 1. С. 169, 180.

курса, приведшего в конце концов к поражению России в Крымской войне; словно убеждая тех, кто наблюдал его общественное поведение, в том, что рисовавшаяся с начала 1830-х годов его врагами карикатура и есть подлинный человек. Однако им двигала не выгода (выгоды тут не могло быть никакой), а своеобразно понятое ощущение культурной миссии и патриотизм.

Дело не могло не закончиться катастрофой, особенно после начала царствования Александра II. 14 января 1857 на заседании совета Московского художественного общества Ш. был жестоко избит троюродным братом главы государства графом В. А. Бобринским, и событие это было подробно описано со слов присутствовавших в почти торжествующем письме И. С. Тургенева¹¹ к давнему недругу Ш. А. И. Герцену от 21 февраля (5 марта) 1857 из Парижа. Биограф же ближайшего товарища Ш. историка Погодина *Николай Платонович Барсуков* (1838–1906) приводит письменный рассказ свидетеля публичного конфликта и драки А. Б. Михайлова, добавляющий много деталей к тому, что по рассказам других, было изложено Тургеневым¹².

Приведём и мы этот уникальный документ, прекрасно иллюстрирующий нравы либеральной верхушки русского общества, той самой, что считала возможным возводить на Ш. любые обвинения и даже подвергнуть поэта и учёного-гуманитария физическому насилию, — с необходимыми комментариями и уточнениями:

Граф Бобринский явился на заседание в состоянии духа несколько приподнятом. Шевырёв, в своей записке, в которой он излагает настоящий случай, выражает даже предположение, что граф был не совсем трезв, но, впрочем, Шевырёв тут же оговаривается, что, благодаря богатырскому телосложению графа, опьянение его не могло быть сколько-нибудь заметно. В разговоре, перед заседанием, и во время самого заседания, граф выражал свои мысли в форме необычайно энергичной и резкой. Особенно доставалось тогдашним русским порядкам и неустройствам. Когда, например, зашла речь о злоупотреблениях в управлении построенной казною железной дороги, граф заметил, что грабёж в этих случаях чисто наше родное дело; когда заговорили о предстоявшей всемирной выставке и о возможном участии в ней России, то граф сказал, что то в роде того, что на выставку, при настоящем положении наших дел, мы могли бы послать разве только драную спину помещичьего крестьянина, чтобы похвалиться перед Европою безмерной выносливостью этой спины; наконец, по какому-то такому же поводу, граф воскликнул, что когда все это слышишь, — самое имя русское становится противным.

Профессор Шевырёв, поняв все эти замечания графа в том смысле, что граф позорит и унижает Россию и всё русское, безразлично — хорошее оно или дурное, с запальчивостью стал укорять графа в недостатке патриотизма, весьма не стесняясь при этом в выражениях.

Тут надо понимать, что Ш., давно пренебрегший предрассудками своего круга и сословия, говорил не как государственный служащий (профессор университета) и не как частное лицо (чьи предки были потомственными дворянами

¹¹ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. (Сочинения: В 12 т.; Письма: В 18 т.). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1978–2014. Т. II 3. С. 196–197.

¹² *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888–1910. Т. 15. С. 321–322.

ещё при Рюриковичах), что было бы для Бобринского вполне объяснимо положением или сословной гордостью, а как представитель великой культурной традиции, друг Пушкина и Гоголя, а это было выше разума его оппонента.

Граф ответил тоже с горячностью и, между прочим, сказал, что Шевырёв принял на себя неблагодарный труд быть защитником всякой мерзости и подлости. Затем собеседование это, разгораясь, стало принимать все более и более бурный характер. Шевырёв кричал, что графу дорог лишь его титул, а ему, Шевырёву, дороже всего честь русского имени. С обеих сторон посыпались слова прямо бранные и даже неприличные.

Эти слова приводит в письме к Герцену Тургенев. Желая задеть понятное ему сословное чувство Бобринский сказал Ш. буквально следующее: «А ты, сукин сын, женат на выблядке!» — имея в виду тот факт, что женой Ш. была внебрачная дочь вечного холостяка князя *Бориса Владимировича Голицына* (1769–1813) от цыганки *Софьи Борисовны Зеленская* (1809–1871). Ш., разумеется, оскорбленный в адрес жены (по отцу происходившей из Гедиминовичей) выслушивать не собирался и потомку «графа», тайно рождённого от внебрачной связи захолустной княжны *Софии-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской* (до того, как та стала Императрицей Екатериной II) и капитана артиллерии Григория Орлова ответил буквально следующее: «А ты сам производишь от выблядка». Возвращаемся к письменному свидетельству А. Б. Михайлова:

Присутствовавшая на заседании лица и хозяева Чертковы, видимо, растерялись и не сумели во время положить конец этой сцене. Граф Бобринский, наступая на Шевырёва, требовал дуэли. Шевырёв решительно отказывался, говоря, что направлять пистолета в человека, вообще противно его правилам, а в данном случае у него, никогда в жизни не стрелявшего, едва ли есть основание подставлять под выстрел свою грудь за то только, что он защищал честь русского имени. Отступая от графа, Шевырёв схватился за стул, а граф, приняв это за угрозу, замахнулся и задел Шевырёва. После этого началось уже побоище, в котором граф Бобринский, человек громадного роста и силы, конечно, смял совершенно Шевырёва и даже повредил ему ребро. Только тут удалось разнять дравшихся, и Шевырёва унесли домой.

На самом деле, орудуя при помощи того самого стула, разъярённый Бобринский сломал тщедушному и низкорослому Ш. два ребра и сместил внутренние органы. Последствия этого инцидента были самым удручающими. По утверждению Тургенева (в письме к Герцену) московский генерал-губернатор А. А. Закревский моментально телеграфировал о происшедшем царю, и через месяц, в феврале 1857, Ш. была объявлена «Высочайшая Его Императорского Величества воля <...> 15 числа. Вслед за тем Действительный Статский Советник Шевырёв подал <...> прошение об увольнении его от службы при Московском Университете с оставлением в звании Ординарного Академика»¹³. Воля главы государства состояла в исполнении предложений генерал-губернатора Москвы А. А. Закревского, поведшего себя как лукавый царедворец, при этом стремившийся сохранить лицо и перед избитым до полусмерти Ш., к которому он присылал справиться о здоровье. Предложения заключались в следующем: подвергнутому публичному избиению поэту и учёному следовало

¹³ РГИА. Ф. 733, оп. 37, д. 93, л. 27; сообщено Т. В. Костиной.

оставить звание члена Московского художественного общества, уйти в отставку из Императорского Московского университета и отправиться в ссылку в Ярославль, начало которой было определено на май месяц, а до того — сидеть под домашним арестом¹⁴. Зачинщику же драки графу Бобринскому «Высочайше повелено было оставить столицу и жить безвыездно в своей деревне»¹⁵.

Как если бы всего это было мало, министр народного просвещения *Авраам Сергеевич Норов* (1795–1869), литератор и путешественник, в прошлом профессиональный военный, тяжело раненный на Бородинском поле, решил наказать Ш. материально. Начальник первого отделения Министерства народного просвещения (с 1854) коллежский советник *Игнатий Осипович Гирт* разыскал не опубликованное (и потому, строго говоря, не имеющее законной силы) и всеми забытое, но якобы утверждённое ещё в 1837 г. постановление, согласно которому увольнению с обязательной пенсией подлежал профессор, прослуживший в университете 25 лет и поднявшийся от адъюнкта до самой высокой должности — желателно заслуженного профессора — в случае, если начальство не видело причин к его преждевременному увольнению. Ш. до пенсионной выслуги оставалось чуть более 2-х лет¹⁶. Тяжело болеющий и находящийся под домашним арестом Ш. написал Погодину:

Сегодня (12 марта 1857 года) пришла мне отставка; сохранены пенсия и звание академика, но отнято у меня две тысячи сто рублей серебром, которые были бы мне совсем не лишними в теперешнем моём положении... Но уж, право, полно горевать: буду радоваться. — Ведь три креста: насилие, клевета и несправедливость. Ведь славно, любезный друг! А то хорошо, что на душе светло — и как-то светлее. Как бы не дети и не нужды семейные, не обратил бы на это внимания, а две тысячи сто рублей серебром — не безделица¹⁷. Вдруг их не выработаешь. <...> Да и как быть жертвою Канцелярии?¹⁸

Ещё откровеннее о своих чувствах Ш. говорит в стихах «не для публикации», хранящихся среди отданных им в Императорскую публичную библиотеку бумаг:

Я кавалер: на мне крестов обилье!
Завидное для многих торжество!
Мой первый крест — жестокое насилие:
Благодарю я Промысл за него.
Я родины призванье исповедал,
Вступился я за общую нам мать:
Отечества безмолвием не предал,
Когда его изменник смел ругать.

¹⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 15. С. 322–323, 325–326.

¹⁵ Там же. С. 323.

¹⁶ Подробнее о 25-летнем стаже, правах профессоров, которые по достижении определённого уровня не подлежали переизбранию, но могли быть в исключительных случаях уволены, и роли И. О. Гирта см.: *Костина Т. В.* Как университеты Российской империи 20 лет жили по разным законам, или О потерянных чиновниками Министерства народного просвещения постановлении // «Социология науки и технологий». 2017. Т. 8. № 3. С. 50–58.

¹⁷ 1 152 871 рубль или 19 818 долларов или 16 181 евро в год в современном пересчёте (по состоянию на февраль 2018).

¹⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 15. С. 327–328.

Но крест второй был всех крестов тяжеле,
Как клевету лукавый сонм пустил,
И пред судом я, мученик на деле,
За пошлого буяна выдан был.
О, тяжкий крест! Слова певца святы
И я к себе смиренно применю:
Избавь, Господь, от клеветы людския —
И заповедь Твою я сохраню¹⁹.

И третий крест мне послан службой строгой,
И за него хвала тебе, Министр!
Хоть инвалид Бородина безногой,
Ты был в моей отставке дивно быстр!
Бумажных форм при ней ты не ослабил,
И все крючки приладил и подвёл:
Но нет, не ты, не ты меня ограбил,
А твой клевет, твой Гирт меня обчёл²⁰.

И хотя позорной высылки в Ярославль после заступничества старых друзей избежать удалось, было очевидно, что даже в правление «красного» императора Александра II Россия остаётся тем, чем она была и при других Романовых — скрывавшейся за либеральным фасадом деспотией восточного типа, где право на субъектность и несогласное мнение не признавалось ни за кем из подданных, а кровный родственник главы государства имел возможность свершать любые безобразия. Удручённый, Ш. принимает решение уехать навсегда в Италию и приступает к ликвидации дел. Значительная часть архива была передана им в Императорскую публичную (ныне Российскую национальную) библиотеку²¹, уникальная библиотека — в Нежинский юридический лицей (бывшую Гимназию высших наук, а ныне Нежинский государственный университет²² им. Гоголя), из стен которого вышел его друг Гоголь (и библиотека находится там по сию пору)²³. Уезжал Ш. из России в 1860 г. уже горячим сторонником гарибальдийского движения, одним из немногих русских, заявлявших об этом в открытую²⁴. Последней его прижизненной книгой стала написанная по-итальянски

¹⁹ Имеется в виду стих из 118 Псалма царя Давида: «Избави мя от клеветы человеческия, и сохрани заповеди Твоя» (Пс. 118, 134).

²⁰ Не издано. Автограф — ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 22, лл. 25–25 об. Там хранятся 86 черновики и беловики стихотворений и стихотворных переводов Шевырёва, а также перечень стихотворений за 1817 [в описи ошибочная дата: 1830]–1864, составленный И. А. Бычковым. Общий объём материалов — 122 лл. (далее: черновики и беловики, с указанием листа архивного хранения).

²¹ ОР РНБ. Ф. 850.

²² До недавнего времени — Нежинский государственный педагогический университет.

²³ О чём подробнее в книге: Библиотека С. П. Шевырёва. Русский фонд: библиографическое описание / Сост. О. В. Банзерук, Л. В. Гранатович, Л. М. Остапенко, А. В. Чоботько; вступ. ст. П. В. Михед. Нежин: Нежинский гос. педагогический университет им. Н. Гоголя, 2002.

²⁴ О чём свидетельствует целый ряд стихов Ш., прочитанных им публично или направленных в газеты: «К Италии» (26 апр. 1859; «Русская старина». 1886. XLIX (февраль). С. 423–424), «Н. В. Бергу перед отъездом его в Италию (сказано на прощальном вечере в мае 1859 года)» (17 мая 1859; «Русский архив». 1894. Т. I. С. 595–596) и «Гарибальди» (июнь 1860). По сообщению

в соавторстве с итало-русским исследователем и педагогом *Иосифом Павловичем Рубини* (Giuseppe Rubini. 1793–1864)²⁵ и изданная во Флоренции обзорная «История русской литературы» от славянских древностей до И. С. Тургенева, графа Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина²⁶. Перебравшись незадолго до смерти в Париж и тщетно рассчитывая на помощь французских врачей, считавшихся куда лучше итальянских, Ш. прочитал там ещё один курс лекций по русской литературе, изданный уже после его кончины²⁷. Всё это время он продолжал писать стихи, последнее из сохранившихся помечено концом апреля — началом мая 1864 г.²⁸

Обратимся теперь к общей периодизации творчества Ш.-поэта.

1.2. Периодизация поэтического творчества и интересы вне поэзии

Самый ранний период поэтического творчества Ш., связанный с его пребыванием в Благородном пансионе при Императорском Московском университете — от первых известных стихов по произведения 1823 г. включительно, — отмечен влиянием восемнадцатого столетия с его системой жанров (дружеское послание, посвятельное приношение, ода, шире — гимн) и языком, а также с античной образностью, воспринятой в целом через всё тот же XVIII век и через культ просвещения в частности (в выпускном сочинении «Гимн солнцу», о котором подробнее см. ниже 1.4, просвещённый монарх оказывается равен солнцу, свету благоденственного разума).

Второй период — с 1824 по 1829 г. (до отъезда за границу), прошедший под сильным немецким (Гёте, Шиллер), а затем и польским (Мицкевич)

С. Гардзонио последнее стихотворение было впервые опубликовано в итальянском переводе 10 сент. 1860 в «Gazzetta di Milano»; оригинальный русский текст увидел свет лишь 135 лет спустя в подстрочном примечании С. Гардзонио к итальянскому письму Ш. к Никколо Томмазо (*Garzonio S. Lettere di Stepan Petrovič Ševyrev a corrispondenti italiani // Russica Romana. Roma: La Fenice edizioni, 1995. Vol. II. P. 257*).

²⁵ С 1827/1828 учебного года читавшим итальянский язык и итальянскую словесность в стенах Императорского Московского университета (История Императорского Московского университета... С. 554). В числе изданных Рубини в России на французском и итальянском языках учебных книг упомянем «Cours grammatical de la langue italienne et partie pratique» (Moscou, 1827–1835), «Scelta di prose italiane» (Mosca, 1832), «Dante. La Divina Comodia [sic!]. Inferno. Nuova ed. Rubini» (Mosca, 1838) и «Antologia italiana poetica» (Mosca, 1843), налицествовавшие в 1849 г. в библиотеке казённых студентов Московского Императорского университета (Список книг библиотеки казённых студентов Императорского Московского университета / Сост. Зав. библиотекою помощник инспектора доктор медицины Степан Клименков. М.: в Университетской тип., 1849. С. 295, 298–299); в Италии же увидела свет его «Storia di Russia dai primitivi e principali suoi popoli fino all'anno 1725» (Torino: Tipografia E. Botta, 1858).

²⁶ Sceviref Stefano, Rubini Giuseppe. Storia della letteratura russa. Firenze: Le Monnier, 1862.

²⁷ Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С. П. Шевырёвым / Пред. Я. К. Грот // Сборник отдела русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. XXXIII, № 5 (весь номер целиком). СПб.: в тип. Имп. Академии наук, 1884.

²⁸ Его приводит в своих воспоминаниях М. П. Погодин. См.: *Погодин М.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве (Извлечено из «Журнала Министерства народного просвещения»). СПб., 1869. С. 57.

влиянием, отмечен попытками привить русской словесности правильный романтизм, со всеми присущими такому романтизму чертами: вплоть до скрыто-революционного пафоса и намеренного отхода от благозвучия в сторону иногда слишком поэтически книжного, иногда слишком огрублённого, демократического, простонародного языка (последнее особенно заметно по переводу «Валленштейнова лагеря» Ф. Шиллера, 1827)²⁹. Этому периоду была свойственна вера в действенность литературы и отрицание её гармонизирующей роли своеобразного «медиатора» между конфликтующими интересами и группами общества (в общем-то главной роли, которую та играла в последующей истории России); более того Ш. был в открытую взят курс на трудную для читателя «поэзию мысли» и огромное место в его собственной поэтической работе заняли экспериментальные переводы с немецкого и с польского, не оставшиеся без отклика. Гёте, узнав о комментированном переводе Ш. из второй части «Фауста»³⁰, написал письмо в Россию³¹, что привело через несколько лет к их личному знакомству, а перевод «Конрада Валлерода» ритмизованной прозой³², предвосхитивший последующие эксперименты Ш. с неметрическим стихом, был сделан им по рукописи, полученной от жившего в Москве Мицкевича, ещё до публикации в Петербурге польского оригинала поэмы³³.

Вершина романтического периода и поэтического экспериментирования Ш. — годы первого пребывания за границей (1829–1832), о которых подробнее речь пойдёт в разделах 1.3, 1.4.

Осуществлённое в эти годы было продолжено в 1833–1848, т.е. в период после возвращения в Россию и вплоть до резкой перемены политической и поэтической позиции в стихах 1849 г. «27-е марта в Кремле»³⁴, когда поэт в открытую солидаризировался с конфронтационной политикой Николая I³⁵

²⁹ Валленштейнов лагерь. Соч. Шиллера / Пер. в стихах С. Шевырёва. М.: в тип. Бахметева, 1859.

³⁰ «Московский вестник». 1827. Ч. 6. № XXI. С. 3–8.

³¹ 1 мая 1828 г. из Веймара в Петербург Н. Борхарду. Письмо на двух языках — в немецком оригинале и в русском переводе Борхарда — было опубликовано с предисловием адресата в «Московском вестнике» 1828 (Ч. 9. № XI. С. 326–333).

³² «Московский вестник». 1828. Ч. 8. № VII. С. 290–303, 354–356 (примечания); Ч. 8. № VIII. С. 369–390, 464–466 (примечания); Ч. 9. № IX. С. 13–35; Ч. 9. № X. С. 124–143.

³³ Konrad Wallenrod. Powieść historyczna dziejów litewskich i pruskich przez Adama Mickiewicza. Petersburg: drukarni Karola Kraja, 1828.

³⁴ Под заголовком «27-го марта 1849 года в Кремле» в газ. «Московские ведомости» 1849. № 39 (четверг, 31 марта). С. 395; идентичный текст, озаглавленный «27-го марта в Кремле», без подписи и на первых страницах (т.е. фактически «от имени редакции») в «Москвитянине» 1849. № 7–8, раздел «Русская словесность. Стихотворения». С. 143–146.

³⁵ На самом деле за публикацией этих стихов стояла не только политическая эволюция Ш., но и достаточно сложная ситуация, сложившаяся внутри Московского университета и вокруг университетов России вообще, когда вследствие интриг Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений (т.н. «Комитета 2 апреля 1848 года»), возглавляемого Дмитрием Петровичем Бутурлиным (1790–1849), возникла реальная угроза существованию университетского образования в стране. Противники Бутурлина, выдвинувшиеся при министре народного просвещения графе С. С. Уварове, в их числе Шевырёв, опубликовали ряд материалов, как бы напоминавших правительству о том, что они по некоторым вопросам занимают позиции даже более решительные, чем верховная власть. Это, как и жалоба

и сознательно резко — уже до конца жизни — сузил свой творческий репертуар, став стихотворцем политическим по преимуществу. Стихи и экспериментальные переводы 1833–1848 продолжили то, что было найдено в 1829–1832 и могут быть тематически сгруппированы в следующем порядке: (1) давно обдумывавшийся, но едва начатый перевод «Божественной комедии» Данта (1839, Рим; сохранились в разной степени готовности четыре первые песни «Ада»)³⁶; (2) экспериментальные переводы из итальянского поэта-импровизатора Джованни Джустиниани (Giustiniani, 1810, Имола — 1866, Санкт-Петербург)³⁷ — самое эстетически радикальное из поэтического наследия Ш. вообще; (3) философская и политическая лирика с сильной религиозной составляющей; (4) связанные и не связанные с ней стихи на случай и посвящения, включая два большие посвящения Гоголю (1838 и 1848)³⁸. Как поэт Ш. пребывает в полной силе, хотя количество сочинённого им значительно снижается, а в глазах публики он становится скорее учёным, чем стихотворцем.

Действительно, в 1833–1848 происходило стремительное развитие научной карьеры Ш. Для поступления адъюнкт-профессором в Императорский Московский университет — на освободившееся после смерти *Александра Фёдоровича Мерзлякова* (1778–1830) место — Ш., которого к этому понуждал Пушкин, всячески протезировавший ему в данном предприятии³⁹, пишет, поселившись у своего товарища Николая Мельгунова, магистерскую диссертацию «Дант и его век»⁴⁰, а затем, уже будучи принятым в профессора (сначала — адъюнктом), создаёт на основе университетских лекций докторскую диссертацию «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых

Уварова царю на вредоносную деятельность Бутурлинского комитета, привело к отставке министра, назначению на его место А. С. Норова (о незавидной роли которого в судьбе Ш. см. выше) и известной резолюции Николая I: «Не вижу никакой уважительной причины изменять существующий ныне порядок; <...> ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, для ответа на пустые толки, не согласно ни с достоинством правительства, ни порядком у нас, к счастью, существующим. Должно *повиноваться*, а рассуждения свои держать *про себя*» (цит. по *Парсамов В. С.* «История Императорского Московского университета С. П. Шевырева: исторический нарратив в политическом контексте»: препринт WP6/2013/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013; обзор ситуации в целом — там же. С. 5–14).

³⁶ В не оконченных черновиках — песни 1 и 3; в «Москвитянине» (1843. Ч. 1. № 1. С. 1–12) опубликованы отделанные песни 2 и 4.

³⁷ Частично опубликованные в «Московских Ведомостях», 1840, № 76 (суббота, 21 сент.). С. 592–593; в «Москвитянине», 1841 (Ч. 1. № 1. С. 324) и в «Москвитянине», 1841 (Ч. 2. № 4. С. 1–4 (доп. пагинация). Новые и прежние версии переводов и не опубликованные прежде см.: *La muse italienne en Russie, recueil d'improvisations diverses avec des traductions ou imitations en différents langues, dédiée a Sa Majesté l'Impératrice, avec Son Auguste autorisation, par M. Giustiniani, Membre des principales Académies d'Italie.* Saint-Pétersbourg: MDCCCXXXI [1841].

³⁸ «Москвитянин». 1842. № 1. С. 16–17; «Москвитянин». 1848. Ч. 6. № 11. С. 1–8.

³⁹ И даже появившийся ради успеха кандидатуры Ш. в стенах университета в компании Министра народного просвещения графа С. С. Уварова, критического отношения к которому Пушкин особенно не скрывал.

⁴⁰ Дант и его век: исследование о «Божественной комедии» адъюнкт-профессора С. Шевырѣва // Учёные записки Имп. Московского университета. 1833 (ноябрь). № V. С. 306–363; 1833 (декабрь). № VI. С. 509–543; 1834 (январь). № VII. С. 118–180; 1834 (февраль). № VIII. С. 336–373; 1834 (март). № IX. С. 550–575; 1834 (апрель). № X. С. 117–155; 1834 (май). № XI. С. 365–391.

народов»⁴¹ и предпринимает невероятные усилия по расширению круга изучаемых студентами-словесниками дисциплин: читает лекции по теоретической и исторической поэтике (вскоре превращённые им в монографические исследования «Теория поэзии...» и «История поэзии»)⁴², по классической филологии — его излюбленному предмету в ранние годы преподавания⁴³, по истории романских языков и литератур с упором на итальянистику и на Данте⁴⁴, по истории английской литературы со специальным интересом к Шекспиру⁴⁵, по истории литературы русской с особым вниманием к практически не изучавшемуся до Ш. средневековому периоду⁴⁶, за что его, напомним, возненавидел Герцен; отдельное внимание уделялось Ш. новогреческому языку и литературе⁴⁷ и педагогике как самостоятельной дисциплине⁴⁸. Не будет преувеличением сказать, что филологическое образование в современном понимании было создано в Московском университете именно Ш. В 1838–1840 Ш. совершает вторую длительную поездку за границу, на этот раз с определёнными поручениями от Министерства народного просвещения, занимается изучением методов преподавания гуманитарных дисциплин в Германии и Италии, разбирает в течение четырёх месяцев в местечке Дахау под Мюнхеном (в том самом, возле которого

⁴¹ Шевырёв С. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М.: в тип. Н. Степанова, 1836.

⁴² Шевырёв С. История поэзии: В 2 т. М.: в тип. Агуста Семена, 1835; СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892.

⁴³ Шевырёв С. О характере римского образования (лекция из истории римской поэзии) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. VII. № 9 (1835). С. 423–227; Лукреций и его поэма (лекция из истории римской поэзии) // Там же. Ч. VIII. № 10 (1835). С. 18–47; О «Энеиде» в отношении историческом и эстетическом (лекция адъюнкт-профессора Шевырёва) // Учёные записки Имп. Московского университета. № 10–4 (октябрь 1835). С. 115–143 и № 10–5 (ноябрь 1835). С. 278–299; О Лукане и Персии (лекция из истории римской поэзии) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. IX. № 1 (1836). С. 74–102; О первоначальной поэзии Рима до влияния греческого (лекция из истории римской поэзии, читанная 28 сентября 1834) // Там же. Ч. XIII. № 2 (1837). С. 241–264; Ювенал и Марциал (из истории римской поэзии) // Там же. Ч. XVIII. № 4 (1838). С. 244–273; Древняя школа поэтов римских. Комики: Плавт и Теренций // Там же. Ч. XIX. № 7 (1838). С. 23–79.

⁴⁴ Дант и его век: исследование о «Божественной комедии» адъюнкт-профессора С. Шевырёва, цит.; Шевырёв С. О первых поэтах Италии, предшествовавших Данту (лекция из истории итальянской поэзии, читанная 29 марта 1835) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XIII. № 3 (1837). С. 501–523; Образование языков юго-западной латинской Европы (из лекций по истории словесности) // Там же. Ч. XVII. № 2 (1838). С. 330–373.

⁴⁵ Шевырёв С. Лекции о Шекспире и материал к ним (после 1836) // ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 33; ср. Шекспир по Гёте (из Гёте) // Московский наблюдатель. Ч. 2. Кн. 5 (1835) С. 34–53; О выгодах писателей в шестнадцатом и семнадцатом столетиях и о денежных обстоятельствах Шекспира в особенности // Московский наблюдатель. Ч. 2. Кн. 7 (1835). С. 506–515; Шекспир о русских // Москвитянин. Ч. 3. № 5 (1842). С. 94–96.

⁴⁶ Шевырёв С. История русской словесности: В 4 т. / Изд. 2-е, доп. М.: в тип. Бахметева; Имп. Академия наук, 1859–1887.

⁴⁷ К этому Московский университет вернулся в полной мере лишь в 1995 г., создав Кафедру византийской и новогреческой филологии при Филологическом факультете.

⁴⁸ Шевырёв С. Об отношении семейного воспитания к государственному: Речь, произнесённая... 18 июня 1842. М.: в Университетской тип., 1842; Вступление в педагогию // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXV. № 2 (1852). С. 9–42.

в ХХ веке располагался печально знаменитый концлагерь) библиотеку барона Молля, который завещал её Московскому университету в обмен на 20-летнюю пенсию⁴⁹, работает в Ватиканской библиотеке и довольно близко сходится с живущим в Риме Гоголем. Они переходят на ты, а разговоры с Ш. о необходимости «русского Данта» постепенно превращаются в первый том «Мертвых душ», держать вёрстку которого Гоголь поручает именно Ш.

Как если бы этого было мало и собственная энергия Ш. была неистощима, он посвящает 1835 год (напомним, время подготовки многочисленных лекций) усиленной критической работе в журнале «Московский наблюдатель», главное направление которого — борьба за возвышенную романтическую философскую эстетику против «торгового» направления в русской словесности. Открывает первый номер «Московского наблюдателя» программная статья Ш. «Словесность и торговля» (1835. Ч. 1. Кн. 1. С. 5–29), идущая в паре с «Последним поэтом» Баратынского, открыто политические смыслы которого почему-то мало обсуждаются историками литературы.

При этом свои собственные стихи Ш. публикует очень нерегулярно, а когда публикует — то часто без подписи или под псевдонимом («Москвич» и др.). Дело доходит до того, что его стихи начинают приписывать то Пушкину (несколько стихотворений конца 1820-х о цыганах), то Баратынскому (посвящение Брюллову, 1836), ибо о Ш.-поэте читающая публика начинает забывать.

Наконец, начиная с 1849 г. наступает период прикладной, хотя и по-своему интересной поэзии, состоящей в подавляющем большинстве из политических стихов на случай, сначала сугубо охранительных по содержанию, даже «реакционных», потом, после катастрофических для Ш. событий начала 1857 г., столь же декларативно «революционных», прогарибальдийских.

Наиболее неожиданные, интересные стихи последнего периода (т.е. 1849–1864 гг.) приходится сначала на годы Крымской войны (1853–1856), осмысляемой Ш. как метафизический конфликт суши и моря и борьба Англии и её союзников против России за планетарные (выражаясь языком геополитики) и метафизические (глядя с точки зрения эсхатологии) права на эти самые море и сушу⁵⁰, а затем — на годы после эмиграции из России (1860–1864).

Хотя некоторые из стихов этого последнего периода Н. А. Некрасов, не знавший об авторстве Ш., случалось, и перепечатывал в «Современнике»⁵¹, именно у куда более политически ангажированного Некрасова подобная поэзия о «жизни битвах» (как, переходя на язык столь чуждой ему интеллигенции, говорит

⁴⁹ См. комментарий Н. П. Барсукова к письмам Погодина к Ш.: Русский архив 1883. Т. 1. С. 77–78.

⁵⁰ Назовём только главные стихотворения, в которых проводится тема так истолкованного конфликта: «Великая Суббота в Одессе (10 апреля 1854 года)» (28 апреля 1854), «Море» (8 мая 1854), «Англии» (16 мая 1854), «Соловецкая обитель 7го июля 1854 года» (8 августа 1854), «2-е ноября <1854>» (17 ноября 1854), «Морякам России» (20 февраля 1856), «Песня-сказание об Озере Плещееве» (23 февраля 1856), «17го июля <1856>» (сочинено уже после заключения Парижского мира). За исключением двух — «Соловецкой обители 7го июля 1854 года» и «Песни-сказания об Озере Плещееве» — стихи эти не перепечатывались с XIX столетия. Общее число выявленных мной стихотворений Ш., содержащих отклики на события Крымской войны, приближается к двум десяткам; некоторые из них — стоит ли удивляться? — до сих пор не опубликованы.

⁵¹ Об этом см.: Шевырёв С. П. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1939. С. 233.

о своём опыте Ш. в отмеченных «Современником» «Кибиточках»], не позднее 1857)) и выходила лучше всего. Можно без преувеличения сказать, что последний период творчества — кода к тому главному, что было сделано Ш. в 1824–1848 и что должно составлять основу его посмертной репутации как поэта.

Умер Ш. 8 (20) мая 1864 в Париже от тяжёлых последствий пережитого в 1857 г. избиения (здоровье его так никогда и не поправилось), почти забытый как поэт и отвергнутый «прогрессивным общественным мнением», которое в очередной раз продемонстрировало, чего оно на самом деле стоит. Погребён он был тем не менее на Ваганьковском кладбище Москвы, и, нетрудно догадаться, что могилу его от разорения и забвения в последующие полтора десятилетия бурных лет спас установленный на ней неподъёмный валун с высеченными на нём названиями трёх главных филологических трудов отставного профессора и академика — «История поэзии», «Теория поэзии» и «История русской словесности», — а также с цитатой из Послания к Галатам Ап. Павла «сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истребление, сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный» (Гал. 6, 8) и со словами признательности «учителю русской словесности, профессору Московского университета и академику Степану Петровичу Шевырёву» от «друзей, товарищей и учеников». Некоторые не опубликованные труды издала Императорская Академия наук (парижские лекции о русской литературе⁵², 2-й том начатой печатанием в 1835 «Истории поэзии»⁵³. Резкое полевение Ш. за границей, кажется, осталось никем не замеченным. Те его современники, кто, как князь Пётр Вяземский, пережили Ш., чувствовали себя в новом времени вполне неудобно.

Единственная значимая посмертная публикация стихов Ш. в XIX веке (три стихотворения) состоялась тщанием его бывшего ученика князя *Александра Никитича Волконского* (1811–1878), дипломата и литератора, в приложении к тому сочинению матери князя Зинаиды, увидевшему свет в 1865 г. в Карлсруэ⁵⁴. В России в течение 1860–1890-х гг. увидели свет 24 строфы из не оконченной Ш. поэмы «Болезнь» (1862) и ещё четыре неопубликованные стихотворения: строфы из поэмы — в составленном учеником и другом Ш. поэтом, переводчиком, журналистом и художником Н. В. Бергом сборнике «Братьям-славянам» (М., 1867), стихи — в московском «Русском архиве» (три) и на страницах Санкт-Петербургской «Русской старины» (ещё одно), но уже скорее как историческое свидетельство или даже как курьёз⁵⁵. Единственное

⁵² См. сноску 27.

⁵³ *Шевырёв С.* История поэзии: В 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892.

⁵⁴ Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской, урождённой княжны Белосельской. Париж и Карлсруэ: в придворной тип. В. Гаспера в Карлсруэ, 1865. С. 155–157 (коллективное), 169–175 (стихи самого Ш.) по автографам, ныне хранящимся в Houghton Library, Harvard University (Cambridge, Massachusetts; U.S.A.: Zinaida Aleksandrovna Volkonskaia Papers, 1809–1879 (далее ZAVP). MS Russ 46.1.II).

⁵⁵ *Шевырёв С.* «Устрой свой мир внутри себя, Россия...» (1865) [24 строфы из поэмы «Болезнь»] // Братьям-славянам. Стихотворения <Константина> Аксакова, Берга, кн. Вяземского, Тютчева и Хомякова, а также Шевырёва, кн. А. И. Одоевского, гр. А. К. Толстого, кн. Н. Цертелёва / <Сост.: Н. В. Берг.>. М.: в тип. Т. Риса, май месяц [sic!] 1867. С. 42–45; «Русский архив». 1878. Т. II. С. 70–71; «Русская старина». 1886. Т. XLIX (февраль). С. 423–424; «Русский архив». 1894. Т. I. С. 595–596.

отдельное издание избранных стихов Ш. вышло в советском Ленинграде в 1939, но оно, как уже было сказано, весьма далеко от полноты, а все последующие переиздания в антологиях и сборниках представляли собой в лучшем случае выжимку из без того куцевого избранного 1939 г.

Настало время куда более серьёзного разговора о Ш.-поэте, которого он заслуживает очень давно.

1.3. Первая поездка молодого Шевырёва за границу

Итак, вершина романтического периода и поэтического экспериментирования Ш. — годы первого пребывания за границей (1829–1832). Любой разговор об этом исключительно плодотворном для поэта периоде состоит из двух частей: собственно из биографии Ш., совершившей после принятия им позиции частного учителя в доме княгини Зинаиды Александровны Волконской (1789–1862) крутой поворот от государственной службы, приличествовавшей для дворянина его образования и происхождения (к государственной службе Ш. ещё вернётся), к педагогике (а вот педагогом он останется на всю оставшуюся жизнь); и во-вторых — из разбора сочинённого и переведённого им в стихах в течение 1829–1832 гг.

Пригласившая Ш. в учителя к своему сыну Александру княгиня Волконская настолько хорошо известна, что подробный рассказ о ней будет совершенно излишним, однако несколько черт, связанных с её происхождением, семейным положением и характером упомянуть стоит. Княгиня (тогда ещё — княжна) Зинаида была второй дочерью известного дипломата, состоятельнейшего князя *Александра Михайловича Белосельского* (1752–1809), получившего при Павле I право именоваться князем Белосельским-Белозерским. Достаточное представление об имущественном положении семьи дают следующие факты: в Петербурге, где жильё было чрезвычайно дорого, и подавляющее большинство населения, включая даже весьма богатых людей, жило до послереволюционной социализации жилья в съёмных квартирах (часто — как Пушкин — в долг), а, кто мог себе это позволить, то в съёмных домах, Белосельским-Белозерским принадлежал знаменитый дворец на Невском, перестроенный в 1840 Андреем Штакеншнейдером (и впоследствии доставшийся Романовым), а на Крестовском острове (приобретённом князем Александром Михайловичем в личное владение ещё в XVIII веке) — перестроенная тогда же тем же Штакеншнейдером дача-дворец; в Москве в наследное имущество семьи Белосельских-Белозерских входил роскошный дворец тещи Александра Михайловича по второму браку *Екатерины Ивановны Козицкой* (1746–1833), ныне, в перестроенном и сильно упрощённом виде — здание, где вот уже 118 лет (с 1901 г.) располагается «Елисеевский магазин»; в этом самом дворце на Тверской улице устроила в 1820-е гг. известнейший салон дочь князя Александра Михайловича от первого брака Зинаида, которая, когда решила уехать из Москвы в Рим, то уже в Риме жила первоначально на виа Монте Брианца, 20^{55a}, а затем в принадлежавшем ей знаменитом Дворце Поли, что фасадом выходит на Фонтан Треви, а в более тёплое время года — на вы-

^{55a} *Gasperowicz W.* Zinaida Volkonskaja. Materiali inediti dagli archivi italiani // Roma/Russia. Materiali e studi a cura di Rita Giuliani, Alessandra Moretti, Dario Citati. Roma, 2012. P. 22.

строенной для себя самой возле Собора Св. Иоанна Крестителя на Латеранском холме вилле (ныне — после продажи и неоднократной смены владельцев — это территория посольства Великобритании). Жил на Монте Брианца во время пребывания в Риме и Ш. Родилась же княгиня Зинаида Александровна и провела большую часть жизни вне России. Невероятный имущественный достаток и свободная жизнь на несколько стран сделали большинство вопросов, встающих перед всеми, кто должен как-то заботиться о семейных финансах и жить со своей семьёй в одном определённом месте, несущественными для неё. Зато можно было уделить больше времени тому, что занимало княгиню Зинаиду куда гораздо больше: любви, искусству, а впоследствии религии.

3 февраля (ст. ст.) 1811 г. княжна Зинаида Белосельская-Белозерская вышла замуж за князя *Никиту Александровича Волконского* (1781–1844), более всего известного своим участием в Наполеоновских войнах. 29 октября (10 ноября) 1811 у них родился единственный сын Александр, будущий воспитанник Ш. Гармоничным брак Волконских назвать нельзя: супруги в силу разных причин длительное время жили порознь. Кажется, единственное время, когда они постоянно были вместе — это период тех самых Наполеоновских войн, победные для русских кампании в Европе. Именно тогда — в мае 1813 г. в Теплице — Зинаида Волконская и познакомилась с Гёте, который, несмотря на союз своего герцогства с Наполеоном, особых симпатий к Наполеону не питал и искал дипломатического соглашения с Россией⁵⁶. В конце 1820-х гг. князь Никита Александрович находился при дворе в Петербурге, а княгиня Зинаида Александровна — в основном в Москве, где и блистала в созданном ею салоне на Тверской. Около этого времени с её именем был связан ряд любовных историй, которые не могли не быть очень хорошо известны Ш. Первая — увлечение сильно старшей его Волконской со стороны доброго знакомого Ш. «любомудра» *Дмитрия Владимировича Веневитинова* (1805–1827), завершившееся трагически (что породило длившиеся не одно столетие разговоры о самоубийстве), вторая — с итальянцем *Миньято Риччи* (Miniato Ricci; 1792–1877), жившим в Москве музыкантом и поэтом-любителем, оставившим ради Волконской свою аристократическую русскую жену *Екатерину Петровну Лунину-Риччи* (1787–1886), куда лучшую певицу, чем он сам, ради брака с которой он был возведён в графское достоинство великим герцогом Тосканским. И если Веневитинов в подобной ситуации искал смерти (и был погребён с подаренным ему Волконской перстнем из Геркуланума), то Риччи покинул в 1828 г. Россию. Ш. — видимо, по просьбе Волконской — перевёл одно из его стихотворений «Лотос» и опубликовал его летом 1828 г. в «Московском вестнике»⁵⁷. Сама Волконская собиралась последовать за Риччи в Италию. В Риме они уже были в открытую вместе, живя как муж и жена, при том, что с официальным мужем своим князем Никитой Волконским, княгиня Зинаида формально разведена не была, и он в конце концов тоже приехал в Италию, навсегда поселился там и даже перешёл в католичество, ставшее с годами занимать в душе Зинаиды то место, которое прежде занимало искусство.

⁵⁶ Литературное наследство. Т. 4/6. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 477.

⁵⁷ «Московский вестник». 1828. Ч. 10. № XIII. С. 6–7. Итальянский оригинал стихотворения уцелел в бумагах княгини: ZAVP. MS Russ 46.1.II.

Характер сына Волконских Александра был, по свидетельству современников, трудным, да и не мог быть иным при столь дисфункциональной «семье». Очевидно, что приглашая ему в учителя Ш., бывшего лишь на 5 лет старше своего перспективного воспитанника, Зинаида Волконская рассчитывала, что сын её обретёт не только очень образованного наставника, но и старшего товарища и даже в некотором смысле «брата», которого у него никогда не было. В плату за всё это Ш. получал возможность путешествовать самым лучшим образом через всю Европу и жить в Италии в условиях совершенно сказочного комфорта. Конечно, приглашение в учителя — даже в столь не подверженную предрассудкам аристократическую семью — ставило Ш. в неизбежно зависимое положение, в некотором смысле понижало социальный его статус, но излишнее внимание к статусу, как легко догадаться, не было свойственно ни Зинаиде Волконской, ни молодому Ш., и он это предложение с лёгкостью принял.

В самом начале зимы 1828–1829 гг. поэт участвовал в праздновании 39-летия Волконской, на которое ей были поднесены коллективные «Куплеты на день рождения Княгини Зинаиды Волконской в понедельник 3-го декабря 1828 года, сочинённые в Москве Кн. П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, С. П. Шевырёвым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским»⁵⁸. Пушкин в шутку и за глаза — в январском 1829 письме из Петербурга в Пензу Вяземскому — пожелал отъезжающей княгине Зинаиде «ни дна ни покрышки, т. е. ни Италии ни графа Риччи!»⁵⁹.

Ш. отбыл из Москвы, где проживал с момента поступления в Благородный пансион, 13 февраля (ст. ст.) 1829 г. Он прибыл в Санкт-Петербург на четвёртый день — 16 февраля, в субботу, проведя почти неделю в столице в активном общении со своими прежними литературными знакомыми, в том числе повидавшись с Пушкиным, к этому времени всерьёз убеждённым в значительности таланта молодого поэта (очевидно тогда и возникла, как свидетельствует дневник Ш., тема его стихотворения «Петроград»⁶⁰), и со знакомыми и родными княгини Зинаиды и даже успел сочинить стихотворение, обращённое к одной такой родственнице, графине *Александрине (Александре) Ивановне Лаваль*, в замужестве (с августа 1829) графине *Корвин-Коссаковской* (1811–1886) («Партизанке классицизма», 25 февраля 1828)⁶¹, а 28 февраля уже отправился в дальний путь вместе с княгиней и её сыном. Так как пароходное сообщение между Петербургом и Германией не было ещё открыто, то путь их сначала пролегал через «ливонские поля» (как именовал их Тютчев), представившиеся Ш. этакой полу-Германией.

⁵⁸ Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской, урождённой княжны Белосельской. Париж и Карлсруэ: в придворной тип. В. Гаспера в Карлсруэ, 1865. С. 155–157; по записи в стихотворном альбоме кн. З. А. Волконской (ZAVP Ms Russian 46.1.П).

⁵⁹ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 9. С. 291.

⁶⁰ *Шевырёв С.* Итальянские впечатления / Вст. статья, подгот. текста, сост. и прим. М. И. Медового. СПб.: Академический проект, 2006. С. 47.

⁶¹ Автограф — РГАЛИ. Ф. 563, оп. 1, ед. хр. 4, л. 5–6. Неоднократно издавалось и переиздавалось.

В самой Германии он, а также обосновавшийся в Мюнхене любомудр Рожалин и княгиня Волконская посетили жившего в Веймаре Гёте. Влияние передовой немецкой культуры — Винкельмана, Гёте, Шиллера, Шеллинга — на юного Ш. было огромно, и Гёте был главным её воплощением («гегелизм», как его несколько свысока именовал Ш.⁶², ещё не овладел умами молодёжи), личностью, благодаря которой немецкая культура была одушевлена «всемирным чувством»⁶³. А кроме того отношения Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского (великого только в названии) да и самого Гёте с Россией были особенными, начиная как минимум с восхождения на русский престол Александра I, но ещё более с 1804, когда сестра императора *Мария Павловна* (1786–1859) сочеталась браком с наследным принцем саксен-веймар-эйзенахским *Карлом-Фридрихом* (1783–1853). Отношения эти стали совершенно исключительными с мая 1813 г., когда Гёте, желая избегнуть разорения и возможной гибели небольшого государства, которому он прослужил несколько десятилетий, напрямую обратился за покровительством к Российской империи. К 1829 году, о котором идёт речь, когда Мария Павловна уже стала великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенахской, веймарский двор превратился, как убедительно показал это на основании множества документов С. Н. Дурьилин⁶⁴, в «филиал» петербургского двора.

Дипломатичный Гёте умел благодарить за добро. Не известно случая, чтобы он не принял посетителя из России (честь, которой удостоивался не всякий другой иностранец, не говоря уже о немцах; а желавших увидеть европейскую знаменитость было великое множество), княгиню же Волконскую он встретил и вовсе «как старую знакомую»⁶⁵.

Прошёл только год с того дня, как Гёте, узнав о публикации Ш. русского перевода отрывка из вступления ко второй части «Фауста» и ознакомившись с содержанием комментариев к нему Ш., написал благодарственное письмо в Петербург приславшему ему эти известия Николаю Борхарду, Рожалин только что издал в Москве перевод «Страданий Вертера»⁶⁶, и Ш. видел в Рожалине задатки «Винкельмана или Гейне русского»⁶⁷. Оба они, ободряемые княгиней Зинаидой, родившейся в Германии и чувствовавшей здесь себя вполне естественно, шли на свидание с творцом, чьи мысли были им прекрасно знакомы, а творения дороги, но Гёте при всей любезности, на которую он был способен, не мог скрыть того факта, что русская литература, знакома была ему поверхностно, и сказать что-либо основательное в ответ на вопросы посетителей он не мог. Другое дело, если бы разговор шёл на более общие темы. Не спасло

⁶² См. начало сатирического стихотворения «Неологи», опубликованного за подписью «Модест Шпилькин» в «Москвитяине». 1843. Ч. I. № 1, раздел «Смесь». С. 7–8.

⁶³ Как сказано о Гёте в неопубликованном стихотворении Ш., по-видимому 1837 г., обращённом, как можно судить по содержанию, к Кёнигу (см. III.2.1).

⁶⁴ В монографии «Русские писатели у Гёте в Веймаре». Литературное наследство. Т. 4/6. С. 81–504.

⁶⁵ По характеристике С. Н. Дурьилина (там же. С. 488).

⁶⁶ Страдания Вертера / Пер. с немецкого Р... [Н. М. Рожалина.]: В 2 ч. М.: в тип. Августа Семена, 1829.

⁶⁷ «Русский архив». 1879. Т. I. С. 138.

ситуации и личное знакомство Гёте с Жуковским, и присутствие рядом невестки Оттилии⁶⁸. Возможно, эта встреча, о которой Ш. потом вспоминал только один раз (не считая отчёта о свидании с великим немцем в отправленном вскоре после встречи письме — о котором ниже), дала первый импульс к переоценке его отношения к Центральной и Западной Европе, увидеть которую воочию он так желал и о культурах которой он, как выяснилось, знал неизмеримо больше, чем даже лучшие её представители о культуре его родины.

Ш. так описывал это свидание в письме из Флоренции от 29 мая 1829 г. к *Авдотье Петровне Елагинной* (1789–1877, урождённой Юшковой, по первому браку Киреевской), племяннице В. А. Жуковского и матери братьев Ивана и Петра Киреевских:

Вообразите, <Рожалин> не хотел идти к Гёте, как переводчик Вертера, а просился в передней его видеть. Княгиня насильно его потащила и избавила всех нас. Если Гёте нас робел, как же мы-то должны были его бояться! Мы всё молчали и смотрели. Он показал нам подарок Жуковского, — картину, изображающую арфу у стула, на котором кто-то сидел и исчез, оставив плащ свой. Луна ударяет на струны. Эта мысль взята из его «Елены». Гёте очень доволен этим подарком. Княгиня своею любезностью загладила нашу скромность. Оттилия Гёте не хороша, даже дурна, но очень умна и любезна; она вся дышит Байроном и сожалеет, что он не успел исполнить своего обещания — посетить Веймар. Гёте очень добрый дедушка; когда вошёл в комнату внук его, он весь устремился на него. Видно, что в бессмертии своём, как поэт, он слишком уверен; ему хочется жить и во внуках. Какие огненные глаза! Но они одни и живут в нём, а впрочем он только что бродит по земле. Он сидел на стуле, протянувши руки и беспрестанно сжимая пальцы. Уже всё ему в тягость, а особенно незнакомые лица, как будто ему уже нет времени видеть новое. Он редко теперь выходит из дома, однако всё издаёт журнал свой. По-французски говорит он дурно. С большим участием слушал он, как княгиня говорила ему о том, как ценят его в России. Оттилия слыхала о Пушкине, но не могла сказать его имени, потому что имена русские жестки даже и для немецкого уха⁶⁹.

Наконец, в конце мая они уже были в итальянских землях, а в ночь с 15 на 16 июня 1829 г. въехали в Рим. Таким образом, дорога из Петербурга заняла ровно четыре месяца.

⁶⁸ *Оттилия-Вильгельмина-Эрнестина-Генриетта фон Гёте* (Otilie Wilhelmine Ernestine Henriette von Goethe), урождённая *баронесса фон Погвиш* (Freiin von Pogwisch, 1796–1872), после гибели сына Гёте *Юлиуса-Августа-Вальтера* (Julius August Walter von Goethe, 1789–1830), выполняла роль хозяйки в доме И.-В. Гёте. Брак Августа и Оттилии не был особенно счастливым, сын Гёте, как, впрочем, и внуки, страдал от непомерной славы веймарского патриарха.

⁶⁹ «Русский Архив». 1879. Т. I. С. 139. Ср. с куда более сдержанным и менее внутренне критичным, если не противоположным по оценкам, описанием поездки в Веймар и этого свидания у Н. М. Рожалина, в отличие от Ш. меланхоличного аналитика, а не настроенного на штурм новых вершин творца: «Я пробыл там дни полтора всего на всё, однако ж меня успели представить Гёте. Он важен, но ласков и ещё необыкновенно жив по своим летам. Гёте интересуется всем, что касается до России, читал все, какие есть, французские, немецкие, английские и итальянские переводы наших стихотворений, расспрашивал меня, что переведено на русский с английского и с немецкого, и звал на другой день опять к себе, но я мог только благодарить его за приглашение; ибо был уже записан в дилижанс... Он уже ветхой старик, уже выбрал место для могилы подле друга своего Шиллера; я видел это место» [«Московский вестник». 1830. Ч. 2. № V (раздел «Смесь»). С. 300–301 (в корреспонденции за подписью «Р.» от 4 июня 1829 г. из Дрездена)].

Конечно, одним пребыванием в Риме время, что Ш. провёл в Италии, не ограничивалось. Часть июля и августа 1829 он провёл с княгиней и своим подопечным на острове Искья, совершая вылазки к руинам Геркуланума, Помпеи, Бай, в уже из Рима — и по всем прочим направлениям, зимой 1831–1832 гг. он был в Женеве (где его застал А. И. Кошелев)⁷⁰ и так далее. Однако, сколь разнообразной и расширяющей горизонты ни была его жизнь в Италии, положение учителя при изрядно выросшем юноше (отнюдь не младенце) постепенно стало тяготить поэта и, пригласив себе в замену Рожалина, уже больного чахоткой (Рожалин умрёт через два года через день после своего возвращения в Россию, едва сойдя с парохода), Ш. в середине июня 1832 г. был у подножия Альп, на итальянской их стороне, пусть и находящейся под австрийским владычеством, а к середине осени водворился в Москве⁷¹. Он чувствовал избыток сил, и ему хотелось попробовать себя на открывавшихся ему новых поприщах.

И если некоторые сочинённые в Риме стихи Ш. — такие как «Кн. Гагаринской» в альбом» (1829, см. II.14), «Стены Рима» (1830, см. II.22), «Стансы» («Стен городских затворник своенравный..», 1830, см. II.21)» или «Сонет (итальянским размером)» (1831, см. II.55) — кажутся развитием тем «Римских элегий» Гёте, вплоть до словесных переключек⁷², за исключением разве что темы любовной (в мемуаре о повторном посещении Веймара в 1838 г. Ш. заострил внимание на том, что в показанной ему уже после смерти Гёте рукописи «Элегий» эта тема присутствовала ещё сильнее, чем в печатном варианте)⁷³, то с течением времени поэтический диалог его с «Римскими элегиями» сходит на нет, а переводы из Тассо, а затем и из Данте, начинают занимать то место, которое прежде занимал Гёте.

С. Н. Дурылин подвёл справедливый итог годам, проведённым поэтом в Италии: «Шевырёв ехал в Италию гётеанцем, а через <почти> три года вернулся оттуда дантеанцем»⁷⁴. А это совершенно другой тип эстетического сознания, с совершенно другими задачами. К существу этой перемены мы и перейдём.

1.4. О стихах и стихотворных переводах, созданных в Италии в 1829–1832 гг.

Поэзия Ш. периода первого заграничного путешествия, даже правильной сказать — пребывания за границей, часть которого прошла в неизбежном путешествии, а часть в совершенно не слыханной по комфорту жизни в Риме (напомним: во дворце Поли перед самым фонтаном Треви и с видом на прилегающую к фонтану площадь и на строившейся вилле княгини Волконской

⁷⁰ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 гг.), с семью приложениями. Berlin: V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. С. 38–39.

⁷¹ Основные даты путешествия и жизни за границей приводятся по: Шевырёв С. Итальянские впечатления. СПб., 2006.

⁷² Особенно с I, II и V элегиями. См. в комментариях к указанным стихам.

⁷³ Об этом подробно и с привлечением не опубликованных страниц дневника Ш. в: Литературное наследство. Т. 4/6. С. 469–470.

⁷⁴ Там же. С. 464.

близ Собора Св. Иоанна Крестителя на Латеранском холме), производит удивительно цельное впечатление. Она продолжает и заостряет работу с поэтическим языком и со смыслами первого романтического периода (1824–1829), прибавляя к нему кое-что существенно новое. Будучи вершиной развития Ш.-романтика, стихи 1829–1832 годов отбрасывают долгую тень на третий, завершающий период, в течение которого Ш. ещё вполне может считаться приверженцем романтизма, т. е. на 1833–1848 гг., задавая как высокий уровень достижений в этот четвёртый, самый зрелый для поэзии Ш. период, так и определённые ограничения поэтической стилистике и мировоззренческой оптике стихотворца, приведшие Ш. начиная с 1849 года к уже упоминавшемуся конфликту с современниками⁷⁵. Можно смело утверждать, что благодаря стихам 1829–1832 гг., сочинённым преимущественно в Италии, Ш. окончательно утвердился в качестве самостоятельного романтического поэта философского склада, но благодаря им же он навсегда законсервировался в позиции чуждости общему — как его сам Ш. определял, «торговому» направлению отечественной литературы⁷⁶ — идеалиста-италофила, предпочитавшего аристократически возвышенные цели и задачи влиянию на умы, ибо последнее было неизбежно связано с успешной «торговлей» идеями и образами. Годы первого пребывания в Италии стали не только годами наибольшей захваченности собственно поэтическим вдохновением, но и психологической ловушкой. Всю последующую жизнь Ш., кажется, думал, что превзойти те вдохновенные дни и месяцы ему не удастся. Стих его мог стать совершеннее, взгляд сделаться зорче к окружающему — и они стали таковыми в 1840-е — но повторить подъём, пережитый в 1829–1832, он действительно уже не смог.

Поэзия Ш. в годы первого пребывания за границей, т. е. в годы, проведённые преимущественно в Италии и более и прежде всего в Риме, развивалась по следующим направлениям.

Во-первых, произошло окончательное оформление его образной системы, романтически переосмыслившей, включившей в себя многое из совсем раннего, даже ученического периода, когда делавший первые шаги стихотворец пребывал в стенах Благородного пансиона. Остановимся на том, что занимало Ш.-юношу подробнее.

В соответствии с популярными в XVIII столетии воззрениями богословов платонического склада, группировавшихся в Российской империи вокруг духовных учебных заведений, Завет Абсолюта был дан человечеству в виде двух книг — Священного Писания и аллегорической Книги Природы. Природа таким образом воспринималась не буквально, а как указание на сверхреаль-

⁷⁵ В качестве исключения и постскриптума к публикации я привожу стихотворения, всё ещё тематически связанные с итальянским периодом, но вместе с тем принадлежащие последнему романтическому пятнадцатилетию — «Глаза» (октябрь 1833; см. III.1), «Кёнигу» (1837; см. III.2.1) и «Urbi» (1843; см. III.2.2).

⁷⁶ Критике которого посвящены как упоминавшаяся выше «Словесность и торговля» («Московский наблюдатель», 1835. Ч. I. Кн. I. С. 5–29), так и вызвавший ожесточение и злобу Виссариона Белинского «Взгляд на современное направление русской литературы (Вместо предисловия ко второму году “Москвитянина”». Статья первая. Сторона чёрная» («Москвитянин», 1842. Ч. I. № 1. С. I–XXXII).

ность, и от человека зависело, правильно или неправильно это указание прочитать (осмыслить данное в наличной Природе). Странствующий поэт-философ *Григорий Саввич Сковорода* (1722–1794), кажется, был самым горячим приверженцем аллегорического чтения природного мира, но он в этом был далеко не одинок.

Нет никаких оснований полагать, что Ш. испытывал какое-либо презрение к «семинарским выдумкам», столь широко распространившееся среди якобы просвещённого дворянства позднее (особенно держа в уме то, что он с самого начала пошёл против предрассудков своего сословия и социального положения, на что ещё в 1837 указывали Г.-Й. Кёниг и Н. А. Мельгунов)⁷⁷. Руководитель Благородного пансиона А. А. Прокопович-Антонский, сам выходец из малороссийского священства, бывший студент Киево-Могилянской академии, человек глубоко религиозный, оказавший огромное педагогическое воздействие на юного поэта⁷⁸, всячески подобный взгляд на вещи, для начала 1820-х гг. уже несколько архаичный, поощрял. О популярности Сковороды в художественно близкой Ш. среде свидетельствовал тот факт, что А. Ф. Вельтман включил очерк о Сковороде и портрет его — наряду с портретом и очерком памяти Гёте — в собственные двухтомные «Картины света» (Москва, 1836–1837)⁷⁹.

В сочинённом Ш. в стенах Пансиона, прочитанном 25 марта 1822 года в качестве выпускного сочинения и опубликованном в мартовском же 1822 года «Вестнике Европы» грандиозном «Гимне солнцу» звезда нашей планетной системы — в соответствии с аллегорическим чтением мира — предстаёт эмблемой космического Абсолюта, в земном своём воплощении в свою очередь эмблематизируемого самодержавной империей Александра I Благословенного (как он поименован в стихах)⁸⁰. Здесь привычное даже не столько для XVIII столетия, сколько для средневекового европейского сознания (и присутствующее, например, у Данте или в русской формуле о «царе — ясном солнце») космологическое обоснование вселенской монархии, проецируется на правление Александра I, утвердившего — после поражения Наполеона — общеевропейский мир. Солнце — олицетворение надмирных энергий, «лик светлый Божества» — преломляет присутствие Абсолюта в «озаряемых» им «славе» и «мире» (в смысле спокойствия) России (т.е. в *Paх Rossica*), в «освещаемом» солнцем монархе, которому приписывается космическая мощь: способность пробуждать любые формы земной жизни, даровать свободу в разнообразии этих форм, прекращать напрасные страдания и борьбу за источники жизненных сил. Юный Ш. останавливается буквально в шаге от уже языческого,

⁷⁷ Очерки русской литературы. Пер. соч. Кёнига [и Мельгунова]. С. 190; *Koenig H.* [und N. A. Mel'gunov]. Literarische Bilder aus Rußland. Stuttgart und Tübingen. P. 259.

⁷⁸ О чём подробнее см. в уже цитировавшемся некрологическом очерке Ш. «Антон Антонович Прокопович-Антонский (*Посвящается всем воспитанникам Университетского Пансиона*)» в «Москвитянине». 1848. № 8. С. 180–206.

⁷⁹ [А. Вельтман.] Картины света: энциклопедический живописный альманах на 1836 год, с политическими рисунками: В 2 ч. М.: в тип. Семёна Селивановского, 1836–1837. Ч. 1, стлб. 373–380 и 449–452. Интересно, что третьим автором, удостоившимся подобного внимания в двухтомнике Вельтмана, был Э. Т. А. Гофман.

⁸⁰ См.: «Вестник Европы». 1822. № 5. С. 52–58.

античного обожествления солнца и вместе с ним верховного правителя, который тем не менее объявлен в стихотворении главным миротворцем видимой человеку вселенной. Впоследствии, в лекциях по древнеримской поэзии Ш., пройдя на рубеже 1820–1830 через увлечение республиканскими идеями⁸¹, будет говорить об империи как о наиболее приемлемой для частного человека форме государственности⁸², противопоставляя «чувствительность» и «эгоизм» имперского человека жестокости отрицающих всё частное республиканцев.

В стихах 1829–1832 взгляд на Природу остаётся по-прежнему аллегоричным, но при этом делается акцент на присущие ей — в соответствии с оптикой романтизма — свободное от человека, стихийное начало. Взгляд этот оказывается осложнён вот ещё чем. Как внимательнейший читатель и почитатель Винкельмана (о чём много и убедительно пишет К. Ю. Лаппо-Данилевский)⁸³, захваченный винкельмановским утверждением о первичности для искусства центральной, южной и западной Европы образцов из классической греческой и римской древности, Ш. не видит осязаемого присутствия античности на территории тогдашней Российской империи. И хотя значимые с точки зрения античного наследия территории — Южная Таврия, Крым, дельта Дона, Таманский полуостров — уже входили в состав российского государства, до подлинного знания об их богатом прошлом было далеко. Потому не стоит удивляться и категоричности выводов Ш.-поэта. Тем, чем могла бы быть для России античность, в стихах, сочинявшихся в Италии, провозглашается русская природа, аллегорически указывающая эстетический идеал примерно в том смысле, в каком указанием идеала была античность для Винкельмана. Только для Ш. в природе был заключён — конечно, не прямо, а аллегорически — и идеал космический, сверхчеловеческий, религиозный. В ключевом для всего комплекса занимавших его художественных идей и образов «Послании к А. С. Пушкину» (1830), публикуемом в неискажённом, авторском виде только в настоящем издании, спустя 188 лет после его написания, именно многообразная, ничем не стесняемая природа России провозглашается образцом для русского стиха, более того — аргументом против так раздражавшей Ш. гладкописи. Попутно в ученики к природе записывается русская поэзия XVIII века во главе с Державиным — концепция столь же романтическая, сколь и не имеющая никакого познавательного смысла, кроме одного един-

⁸¹ Что особенно заметно по сочинённым им в Италии стихам «К Риму» («По лестнице торжественной веков...» [*Не позднее 22 декабря 1829*], см. П.13 наст. изд.), «Ода Горация последняя (IV кн., 16-я)» («Что грязен, Тибр? Струя желта, мутна!», [*Май или июнь 1830*], см. П.25 наст. изд.) и неоконченной пьесе «Ромул, трагедия в пяти действиях (Действие первое. Август 1829, о. Искья — 6 августа 1830. Рим; Действие второе. Окончено 9 ноября 1830. Рим, см. П.13 наст. изд.)».

⁸² О «Энеиде» в отношении историческом и эстетическом (лекция адъюнкт-профессора Шевырёва) // Учёные записки Императорского Московского университета. 10–4 (октябрь 1835). С. 138–143.

⁸³ *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Шевырёв и Винкельман (статья первая) // Русская литература. 2002. № 2. С. 3–28; Шевырёв и Винкельман (статья вторая) // Русская литература. 2002. № 4. С. 61–88. Ср. *Лаппо-Данилевский К.* Gefühl für das Schöne: Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln: Böhlau Verlag, 2007. P. 259–299; *Antike und Klassizismus: Winckelmanns Erbe in Russland* / Herausgegeben von M. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz und Ruppolding: Franz Philipp Rutzen, 2017. P. 26–27, 37–38.

ственного: она помогает понять ход мысли самого Ш. В уже упоминавшихся «Очерках русской литературы» (1837) Г.-Й. Кёнига и Н. А. Мельгунова дано следующее описание поэзии Державина, способное довести до отчаяния любого настроенного на строгий анализ читателя:

На Державина в его поэтической силе надо смотреть как на великую естественную красоту, в которой не было ничего искусственного, сообщаемого людской заботой, и велик он как Альпы, как Сириус, как водопад Иматы, которые он воспевал. Его лирическая сила имеет в себе нечто титаническое, его творчество — нечто чарующее в восточном вкусе. Он изумрудные горы мечет на рубиновые хребты, алмазные водопады сыплет на пенящуюся бездну жемчуга и серебра, катит лаву по льдистым долинам, курящимся тонкими испарениями. Державин, этот сын Востока по своим гиперболам, но более европеец по отсутствию в нём любви к языку аллегорическому, должен считаться преимущественно поэтом природы северной, с свежими силами, как эта природа, но и суровым, как эта северная природа⁸⁴.

Близость этого описания к описанию учащей русских поэтов — и в их числе Державина — природы в «Послании к А. С. Пушкину», которое я здесь не цитирую, поскольку оно целиком приводится далее (см. II.27), совершенно очевидна. При этом следует держать в уме, что и консультировавший Кёнига Мельгунов, и Ш.-поэт лишь выражали консолидированное мнение философски настроенного круга московских романтиков (бывших «любомудров») и меньше всего говорили «от себя лично». А позиция этого круга удивительным образом совпадала с позицией, культивировавшейся романтиками в другой периферийной по отношению к Центральной, Южной и Западной Европе стране — Соединённых Штатах Америки. Торговая цивилизация была для американских романтиков таким же злом, каким она была для Ш., европейская античность — прекрасным образцом, но в виду её полного отсутствия в Северной Америке, куда актуальней были слова Вальтера Скотта, сказанные им Вашингтону Ирвингу, что «просторные деревья-аборигены, дававшие кров индейцам до вторжения белого человека, — вот монументы, вот древности вашей страны»⁸⁵; более того — Книга Природы, аллегорически прочитанная, была для американских романтиков таким же Заветом Абсолюта, как и Библия. Особенно это заметно у живописцев — *Томаса Коула* (Thomas Cole, 1801–1848) и первых мистиков и визионеров Гудзонской школы.

⁸⁴ Очерки русской литературы: Пер. соч. Кёнига [и Мельгунова]. С. 37–38; ср. *Koenig H. [und N. A. Mel'gunov]. Literarische Bilder aus Russland*. P. 48–49.

⁸⁵ Приведём эту редко цитируемую, но важную речь Вальтера Скотта из ирвинговских «Зарисовок г-на Карандаша № 2, содержащих Эбботсфорд и Аббатство Ньюстэд» (1835) целиком и на языке оригинала: «There is nothing I should like more than to be in the midst of one of your grand, wild, original forests; with the idea of hundreds of miles of untrodden forest around me. I once saw, at Leith, an immense stick of timber, just landed from America. It must have been an enormous tree when it stood on its native soil, at its full height, and with all its branches. I gazed at it with admiration; it seemed like one of the gigantic obelisks which are now and then brought from Egypt, to shame the pigmy monuments of Europe; and, in fact, these vast aboriginal trees, that have sheltered the Indians before the intrusion of the white men, are the monuments and antiquities of your country» (The Crayon Miscellany. By the author of 'The Sketch Book'. No. 2. Contains Abbotsford and Newstead Abbey. Philadelphia: Carey, Lean, and Blanchard, 1835. P. 27).

Как если бы всего перечисленного было недостаточно, Ш. добавляет к своему романтическому и одновременно укоренённому в семинарском платонизме XVIII века и в чтении Винкельмана видению природы дихотомию стихийно-природного и умиротворённо-сверхприродного. При всём ученичестве у природы, ассоциируемой у Ш. с дневным жизнестроительным началом — как это особенно видно в одном из римских стихотворений первой половины 1830 г. «Стансы» («Когда безмолствуешь, природа...», библиографический комментарий к которому см. в П.26) — он настаивает на верховенстве доступного лишь мысли «вольного», «преображённого» созерцания, возникающего при освобождении «ночного» нерассуждающего чувства от «дневного» стихийного, связанного с природой разума:

Стансы

Когда безмолствуешь, природа,
И дремлет шумный твой язык
Тогда душе моей свобода,
Я слышу в ней призывный клик.

Живее сердца наслажденья,
И мысль возвышенна, светла;
Как будто в мир преображенья
Душа из тела перешла.

Её обнял восторг спокойный —
И песни вольные живей
Текут рекою звучной, стройной
В святом безмолвии ночей.

Когда же мрачного покрова
Ты сбросишь девственную тень,
И загремит живое слово,
И яркий загорится день —

Тогда заботы докучают,
И гонит труд души покой,
И песни сердца замолкают,
Когда я слышу голос твой.

Но это уже был момент, вызывавший несогласие у современников, внимательно Ш. читавших.

«Не то, что мните вы, природа...» (не позднее 1836) Ф. И. Тютчева, дошедшее до нас с цензурными выпусками, есть ничто иное как предельно резкое возражение на «Стансы», и удивительно лишь, что столь очевидный факт этот на протяжении почти двух веков ускользал от внимания исследователей.

Тютчев отталкивается от строфико-метрического и образного построения «Стансов» и в первой строфе почти дословно (за вычетом одного только звука) цитирует шевырёвские рифмы: напомним, у Тютчева это *природа–свобода, лик–язык*. Восславление Ш. творчески благодатной для поэта «ночи природы»

истолковано Тютчевым как слепота и глухота к изначальной по отношению к дню, оборотно-стихийной жизни мироздания:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
.....
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..⁸⁶

Природа по Тютчеву не есть вместилище чисто созидательного начала; он далёк и от аллегорического её прочтения, свойственного Ш.; тютчевская природа это самозданный диалектический мир, превосходящий человека и все его концепции.

Ответ другого внимательного читателя Ш. — Пушкина был куда более дифференцирован. В «Медном всаднике» (1833)⁸⁷, вступление к которому переполнено цитатами из шевырёвского «Петрограда»⁸⁸ (1829, сочинённого на о. Искья), каковой также впервые публикуется в окончательной авторской версии лишь в настоящем издании, созидательное начало передано культуре, природа же объявлена вместилищем стихийного своеволия, практически безумия — в противоположность уму создателя северной столицы. Между тем шевырёвский Пётр совсем не победитель природы в пушкинском смысле, он — воплощение тех же природных, стихийных сил, только более «могучих», не подавляющих непримиримую натуру в физическом смысле, а просто выигрывающих у неё «спор» (спор в конце концов не есть вражда)⁸⁹.

⁸⁶ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.: Классика, 2002–2004. Т. I. С. 169–170.

⁸⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. III. С. 285–300.

⁸⁸ См. подробнее об этом: Аронсон М. К истории «Медного всадника» // Временник Пушкинской комиссии. 1936. № 1. С. 221–226.

⁸⁹ Вообще Пушкин в отличие от Ш. идет в оценке Петра в русле общих установок николаевского царствования, ясно заявленных в трёхтомной энциклопедической «Панораме Санкт-Петербурга» (1834) А. П. Башуцкого, посвящённой «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому», с которым Башуцкий был знаком с ранних лет и посвящение которому «с благоговением» не было бы возможно без его, главы государства, личного одобрения. Книга Башуцкого, написанная в том же 1833 г., что и изданный посмертно «Медный всадник», кажется временами находящейся с ним в чрезвычайно близком родстве, свидетельство чему — вот такой пассаж из «Панорамы Санкт-Петербурга»: «Присутствие Петра оживило пустыню: под стопой его дикий гранит принимает правильный вид, и зелень

Ещё определённое расхождение Пушкина и Ш. в «Капитанской дочке» (1833–1836), где воплощением шевырёвского следования русской природе оказывается Пугачёв, и таким образом романтическая концепция Ш. об ученичества XVIII в. и русской поэзии вообще у ничем не стесняемой природы России уравнивается с Пугачёвщиной, о которой в повести сказано: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»⁹⁰.

Тютчев и Пушкин, конечно, возражают Ш. с предельно несхожих позиций, но для нас здесь важен факт именно заинтересованной полемики современников — полемики, выпавшей из зрения историков литературы на последующие 180 лет, а, правильнее сказать, ими не осмысленной, ибо работы М. И. Аронсона 1930-х годов, о которых речь пойдёт далее, трактуют эту полемику иначе и видят её там, где её нет, т.е. в основном со стороны Ш., как бы не допуская, что Пушкин, вокруг имени которого к 1930-м сложился культ, никак не соответствовавший реальному положению Пушкина в литературе за сто лет до того, взялся бы полемизировать с младшим современником. Но для Ш., как и для остальных своих литературных друзей и союзников, Пушкин был первым среди равных, никак не самодержцем от литературы и уж точно не идиологом на пьедестале, на который возвели его последующая критика и культурная мифология.

С романтическим видением природы у Ш. связан и уход от поэтической гладкописи — второе сознательное направление стихотворчества в 1829–1832. Его поэзия остаётся «архаизирующей» по словарю и звукописи, рассчитанной на несколько замедленное чтение вслух, а не беглое чтение глазом. К этому добавляется и кое-что ещё. Поэт предпочитает изъясняться обиняково, загадкой, от обратного, описывая то, чего быть не должно, чтобы яснее высветилось должное, и перспектива при повторном чтении или осмыслении поменялась на обратную. Особенно это заметно в малых вещах, например в приводимом ниже двенадцатистрочном «Широкко» (лето 1830; библиографический комментарий см. в П.34): здесь ответом на загадку является заглавие стихотворения, называемый в нём ветер — сирокко (ит. scirocco от араб. سيلى هاش), дующий из Северной Африки в Италию, достигающий наибольшей силы в марте и ноябре. Характерно, что при переиздании стихотворения в посмертном сборнике 1939 года М. И. Аронсон решил подправить слишком трудный язык, заменив правильное авторское, диалектное «марит» (т.е. сильно парит как перед дождём или грозой) единственной прижизненной публикации более литературным «морит» в 10-й строке, что было повторено в издании 1982⁹¹, но что мы безусловно отвергаем, поскольку в автографе, не известном Аронсону⁹² — именно «марит».

пробивается сквозь прах бесплодный. В волнах клубящегося вдали тумана, на берегу моря, возникает юный город; с ним вместе восходит роскошное светило дня; оно златит стройные верхи Византийского храма и льёт отсюда лучи на небосклон. Сердцем, взором и дланью, Царь-Гений приветствует радостный восход обетованного светила над юной столицей, милой его сердцу, пересозданной им страны; он молит, да льёт на неё вечно благодатный свет свой...» [Панорама Санкт-Петербурга: В 3 ч. СПб: в тип. вдовы Плюшара с сыном, 1834. Т. 1. С. 252 (сноска)].

⁹⁰ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. С. 388.

⁹¹ Поэты тютчевской плеяды / Сост. В. Кожинов. Е. Кузнецова; вст. ст. В. Кожинова, статьи о поэтах и примеч. Е. Кузнецовой. М.: Сов. Россия, 1982. С. 301.

⁹² РГАЛИ. Ф. 563, оп. 1, ед. хр. 4, л. 41 об.

Широкко

Воздух скован теплотой,
Крылья ветра непрохладны:
Манят тени темнотой,
Но и тени безотрадны.
В теплых рощах стрекоча,
Надоела саранча;
Зефир листьев не колышет;
Всё чуть движется, чуть дышит;
Мир уснул, оцепенел;
Марит зной, но небо ясно,
И не жди, чтоб дождь ненастно
Над тобою прошумел.

Другой пример построения стихотворения как загадки — сравнение в «Форуме» (после 13 июля 1830; полный текст и комментарии см. в П.38) — сравнение «разъятого» римского «веча» с разбросанными членами бога Осириса, которые, как мы помним из египетского мифа, подлежат соединению и сращению, а сам бог — воскрешению. То есть воскрешение римского форума, его «веча» неизбежно, а значит неизбежно и возвращение связанной в русском сознании с вечем «вольности», в данном случае вольности римской — суверенных прав «сената и народа Рима», что и является разгадкой задаваемой в стихах загадки.

Но и в вещах крупных, таких как «Послание к А. С. Пушкину», действует тот же принцип — нечто (в послании, о котором речь: настоящая русская поэзия) это всё, кроме (далее следуют убийственные перечисления); в «Послании к А. С. Пушкину», как и в «Широкко» или в «Форуме», затрудняется метр; синтаксис в «Послании» строится так, что чередование стоп, неуклонное и упорное, противоречит смысловым остановкам во фразе; всё это неуклонно ведёт к вопросу об адекватности утвердившейся к 1830 году силлабо-тоники внутреннему членению стихотворной речи (это, конечно, заметно и в «Широкко»).

В завершение разговора о системе образов в стихах Ш., сочинявшихся им 1829–1832, хотелось бы отметить следующее. Россия в этих стихах, в лице ли царя Петра (в «Петрограде») или в лице её поэтов, учащихся у стихийной природы (в «Послании к А. С. Пушкину»), — это, конечно, общеромантический *poble sa(u)vage*, и как таковая превосхищает «скифство» Блока, что очень точно почувствовал современник и литературный противник Ш. Николай Полевой. Ещё до того, как образ «скифа» появился в римских стихах Ш., Полевой высмеял очевидное умонастроение поэта в пародии. В ней лирический герой стихотворца Картофелина (за которым легко угадывается сам Ш.) усаживается в порыве «тёмного вдохновения» задом на раскалённый пророчесственный треножник и возглашает:

Молчи, красноречивый Рим;
.....
Твои развалины святые,
Твои остатки гробовые,
Я оживлю моим стихом!

Как бы на Пифии треножник,
 С поникшим сяду я челом
 На те места, где Скиф-безбожник
 С огнём являлся и мечом;
 Стадами думы зароятся
 В душе поэта: смело он
 Смотрит на мир, когда теснятся
 К нему стихи со всех сторон!⁹³

Интересно, что в последующих стихах Ш. без колебаний принимает ассоциацию с дикими скифами и превращает грубую насмешку в прославление варваров, наследников и учеников собственной дикой природы, пленяющих наследников древней культуры, т.е. итальянцев, своим интересом к их древним «торжествам» и «обрядам» (см. II.14).

А в возрастающем восхищении римским — и шире: итальянским — культурным наследием и во включении не только природы, но и этого наследия в оптику и опыт русской поэзии Ш. превосходит Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина и Осипа Мандельштама (но особенно — складом своей поэтической речи в сочетании с такой оптикой — Мандельштама).

Наконец, темнотой, а иногда и почти заумностью поэтической речи он останавливается в шаге от Хлебникова: речь у Ш.-поэта строится так, что иногда вполне ясные слова представляются странными, неожиданными. Что такое «марит зной» в уже цитированном стихотворении лета 1830 года «Широкко»? Сводятся ли значения только к диалектному значению («сильно парит как перед дождём или грозой») или — в силу того, что стихи сочинялись в романском языковом окружении — тут просвечивает связь с морем — *mare*, с латинской смертью — *moris*, и, может быть, со славянскими «марой» (умиранием и воскрешением природы) и, конечно, с «морозами»?

И хотя таких соскальзываний в лабиринты этимологий в стихах 1829–1832 немного и они совершенно точно не играют главенствующей роли, отмеченного достаточно, чтобы превосходить будущее.

Третье направление поэтической работы Ш. в 1829–1832 — экспериментальные переводы. Это во-первых попытки завершить полный перевод «Валленштейна» (1799) Фридриха Шиллера, с которым Ш. судя по всему связывал надежду на реформу русского театра в сторону как большей его интеллектуализации, так и расширения диапазона театральной речи — в переводах Ш. выразительны не только язык высших сословий, но речь простонародья. Думается, что переводя «Валленштейна», он готовил себя к будущей роли драматурга. Однако отрывки из «Пикколóмини» — второй части трилогии, —

⁹³ См.: Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М. 1832. Ч. 44. № 5 (март). Камер-обскура. № 7. С. 130. Следует признать, что это довольно удачная пародия: в ней осмеянию подверглись не только намеренно затруднённый язык, топика, романтические образы и общий настрой лирики Ш., но и факт появления многозначительных цензурных отточий в публиковавшихся текстах и даже шевырёвская манера датировать стихи. Педантическая, как на официальном документе, подпись под стихотворением гласит: «*Картофелин. Рим, 1832 г. Марта 2 д<ня>*».

переведённые в Риме (см. подробнее II.15 и II.19), так и остались отрывками, как и переведённое ещё в 1826 г. начало третьей части, «Смерти Валленштейна»⁹⁴. В наиболее отделанном виде до нас дошла лишь первая часть перевода — «Валленштейнов лагерь» (завершена в 1827), заслужившая похвалы Пушкина и Мицкевича⁹⁵, но изданная только в 1859 г., накануне окончательного отъезда Ш. из России. В целом очень удачный перевод трилогии оказался, увы, не доведённым до конца, как и сочинявшаяся Ш. в 1829–1830 годах трагедия в пяти действиях «Ромул» (подробнее о ней см. II.17), видимо в силу того, что Ш. осознал не без горечи, что театр — это не его творческая стихия (хотя и остался театралом на многие десятилетия); и более существенный вклад он может внести в другое.

Этим другим стала задуманная им в Италии контрреформа русского стиха — которую можно смело назвать третьим после окончательного оформления романтической образной системы и ухода от посткарамзинской поэтической гладкописи направлением поэтической работы Ш., т. е. направлением, напрямую связанным с экспериментальными переводами. Здесь не место разбирать её подробно, тем более, что значительная часть работы уже проделана в прекрасном исследовании Стефано Гардзонио⁹⁶, а до того — в концептуальном предисловии Е. Г. Эткинда к двухтомнику стихотворных переводов русских поэтов XVIII–XX вв.⁹⁷ Ограничимся только самыми общими словами. Сильно спрямляя аргументацию Ш., укажем на то, что он решил *во-первых* раскрепостить русскую рифму — и отойти от рифмы «зрительной» к рифме «произносительной», *во-вторых* фактически вернуть русскому стиху силлабику, но в преобразённом виде, и правильной было бы сказать, что он попытался разбавить силлабо-тонический стих отдельными элементами силлабики, позаимствованными не из польских образцов как у Симеона Полоцкого и его

⁹⁴ «Московский вестник». 1828. Ч. 11. № XIX, XX. С. 209–221; Ч. 12. № XXI, XXII. С. 6–16.

⁹⁵ О чём Шевырёв вспоминал в написанном в январе 1858 г. предисловии к бесконечно откладывавшейся первой публикации перевода: «Издавая его теперь, я с удовольствием вспоминаю, как первые отрывки из этого перевода я читал Пушкину, с каким одушевлением он меня слушал и как ободрял к продолжению перевода. Несколько раз, в литературных кружках Москвы, читан был перевод при Пушкине и при Мицкевиче, которому он также нравился. Под эгидою памяти двух великих Славянских поэтов, я издаю залежавшийся труд мой в такую пору, когда всё прежнее выходит на свет Божий из-под спуда времени» (Валленштейнов лагерь. Соч. Шиллера / Пер. в стихах С. Шевырёва. М.: в тип. Бахметева, 1859. С. 5). Это воспоминание подтверждается римской частью «Дорожных писем» А.-Э. Одынца (о котором см. II.13 и 38), например письмом Юлиану Корсаку от 4 апреля 1830, в котором рассказано о впечатлении от восприятия Мицкевичем текста — уже в Италии: «...Шевырёв начал читать свой перевод “Лагеря Валленштейна”, который действительно совершенен. Адам <Мицкевич> так был им восхищён, и так наконец оживился, что стал настоящим героем вечера в разговоре... (. . . Szewirew zaczął czytać cały swój przekład “Obozu Wallensteina» Szyllera, który jest rzeczywiście doskonały. Adam tak był nim zachwycony, i tak się nakoniec ożywił, że był prawdziwie bohaterem wieczoru w rozmowie...») (Listy z podróży Antoniego Edwarda Odyńca (z Rzymu). Tom III, wydanie drugie. Warszawa: Gebetner i Wolff, 1885. P. 307).

⁹⁶ Гардзонио С. Метрические опыты С. П. Шевырёва и русский стих романтической эпохи // *Philologica*. 2012. Vol. 9. № 21/23. С. 145–169.

⁹⁷ Мастера русского стихотворного перевода: В 2 кн. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Г. Эткинда. Л.: Сов. писатель, 1968. Т. 1. С. 44–46.

последователей, а из классической итальянской поэзии, а именно — ввести в русский стих квазисиллабическую *ottava rima*, притом с плавающей цезурой, допускающую время от времени несиллабо-тонические строки, и применять иногда неведомые русской поэзии, но совершенно естественные для итальянского силлабического стиха стяжения гласных. Самым амбициозным в этом плане был шевырёвский перевод Седьмой песни «Освобождённого Иерусалима» Торквато Тассо (1830–1831, изд. 1831; переработан и переиздан в 1835; см. П. 46), за которым последовали «Сонет (итальянским размером)» (1830, издан 1832; см. П. 55) и начало перевода Третьей песни Дантова «Ада» (1830–1832, первую публикацию которого см. в настоящем издании, П. 66). Кажется, наиболее важным сам Ш. считал перевод из «Освобождённого Иерусалима». Однако простой арифметический подсчёт показывает, что в 123 строфах, т. е. в 984 строках перевода, собственно несиллабо-тонические (силлабические) строки встречаются 24 раза, т. е. составляют 2,4% от общего числа строк, а стяжения гласных («эллизии» [sic!], как их называл сам Ш. в письме к Сергею Соболевскому⁹⁸) присутствуют лишь в 9 строках, т. е. общее число «неправильных строк» лишь 3,35%. Назвать это чистой силлабикой по итальянскому лекалу очень трудно, но Ш. и не стремится к чистой силлабике (кроме, разве что пробного перевода из Данте). Очевидно, что весь смысл контрреформы был не в опрокидывании силлабо-тоники, а в её корректировке — всем тем, что можно было взять из силлабики. Реакцией современников было удивление, а Пушкин, как сообщал Ш. Погодин, «решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данта»⁹⁹. То, что Ш. успел перевести в Италии из «Божественной комедии» — первые 46 строк Третьей песни «Ада», — представляется единственной по-настоящему радикальной попыткой Ш. передать итальянскую силлабику по-русски. Здесь и обязательная цезура в середине строки (в важности которой поэт сомневался; впрочем, она присутствовала и в строках его перевода из «Освобождённого Иерусалима»), и отказ от регулярного метра и, наконец, соответствующий силлабике в русском поэтическом сознании архаизирующий язык — а разве язык Данте для читателя XIX века не был таков? — с обязательной нацеленностью на произнесение вслух, а не на чтение глазами, и просто огромная выразительность, задаваемая перелагаемым на русский язык оригиналом исключительной мощи.

В целом контрреформа не удалась — Ш. никто не поддержал. И о том, что он сам признал её неудачу, свидетельствует то, что когда, оказавшись снова в Италии, Ш. в 1839 году повторно взялся за перевод «Божественной комедии», он её переводил уже силлабо-тоническим стихом¹⁰⁰.

⁹⁸ От 18 июня 1831 г. (цит. *Гардзонио С.* Метрические опыты С. П. Шевырёва... С. 165).

⁹⁹ Там же. С. 165.

¹⁰⁰ Однако неудача реформы не означала, что Ш. выбрал неправильную дорогу. Будущее часто признаёт именно то, что отвергли современники. Ефим Эткинд, считавший поэта важнейшим романтиком-экспериментатором, чьи идеи и опыты существенно опередили время, писал 137 лет спустя: «История поэзии XIX и в особенности XX века показала, что поиски Шевырёва были не так уж бесплодны. Например, его идеи касательно рифмы позднее осуществились: “зрительная рифма” оказалась отброшенной, преодоленной; рифмы составные проложили себе дорогу сначала в шуточных и сатирических стихах (Минаев, Саша Черный),

Разумеется, от реформы русского литературного сознания Ш. не отказался, просто отложил её на потом, будучи убеждённым, что русский аналог Данте ещё явится. И это — тема отдельного, большого разговора, ибо «аналог» явился в несколько иных формах, хотя и не без шевырёвского влияния: в виде «поэмы» в прозе его друга Гоголя.

Ожидания от такого национального поэта, равного Данте, Ш. изложил — по свежим следам пребывания в Италии — в диссертации «Дант и его век» (1833, опубл. 1833–1834). Ожидания эти могут быть в самом кратком изложении сведены к следующему. Будущий национальный поэт-эпик, ровня Данте Алигьери (а также его предшественникам Гомеру и Вергилию), должен соединить в своём произведении эпос с драмой и лирикой, должен быть средоточием знаний своего времени, должен придать повествованию «символический характер» (Ш. даже говорит о том, что такое произведение не лиро-эпично, а «лиро-символично»)¹⁰¹, должен быть (пере)создателем литературного языка наконец. Велика ли задача? Разумеется, велика. Но Ш. мерит её масштабом Дантовых свершений.

Своеобразной подготовкой к «русскому Данту» и была поэтическая контрреформа Ш., получившая теоретическое обоснование в виде статьи-манифеста «Рассуждение о возможности ввести италийскую октаву в русское стихосложение» (опубл. 1831, см. II.46).

Следует держать в уме и то, что стихотворения и стихотворные переводы, созданные Ш. в Италии в 1829–1832, — это произведения ещё очень молодого человека. Тем удивительней их разнообразие и очень высокое художественное качество.

1.5. Стихи и стихотворные переводы, созданные Шевырёвым в Италии, и опыты поэтов-современников

То, чем же на самом деле стало для современников сочинённое Ш. в 1829–1832 годах, можно лучше уяснить, сравнив вышедшее из-под его пера со стихами, созданными в Италии или об Италии, поэтами, занимающимися в истории русской куда более скромное, чем Ш., место, но тем не менее поэтами, чьё дарование бесспорно, — *Ефимом Петровичем Зайцевским* (ок. 1800 — ок. 1860) и *Константином Александровичем Бахтуриным* (1807–1841).

а потом и в серьёзной, даже трагической поэзии; глагольные рифмы утвердились уже в стихах Пушкина; ассонанс завоевал себе прочное положение — в стихах Блока, Есенина, Маяковского, Тихонова он стал равноправен с точной рифмой. Все это было предсказано Шевырёвым. Ритмические нововведения Шевырёва (соединение ямбов с хорейми, внедрение элементов силлабики в тонический стих), сильно видоизменившись, отразились впоследствии в дольнике, акцентном стихе, «тактовике», — в переводе именно итальянских октав они развития не получили. Автор одного из последних переводов «Освобожденного Иерусалима» Дмитрий Мин воспользовался, однако, рядом советов и указаний Шевырёва, облегчивших построение октавы. Лексика Мина, образность его перевода и характер рифм вызывают в памяти перевод Шевырёва» (Мастера русского стихотворного перевода. Т. 1. С. 45–46).

¹⁰¹ См.: Дант и его век: исследование о «Божественной комедии» адъюнкт-профессора С. Шевырёва // Учёные записки Имп. Московского университета. 1834 (март). № IX. С. 564–565.

Зайцевский, храбрый морской офицер, раненный в русско-турецкую кампанию 1828–1829 под Варной, с начала 1830-х практически навсегда поселился в Италии. В Италии он встречался с Ш. и княгиней Зинаидой Волконской, и благожелательный Ш. даже послал своему ближайшему товарищу Погодину, вероятно, для опубликования, одно из стихотворений Зайцевского¹⁰², в России же поддерживал — в становившиеся всё более редкими приезды на родину — знакомство с Денисом Давыдовым и Пушкиным, более того: все его зрелые стихи написаны в духе общих мест условной «пушкинской поэтики» и представляют собой ту самую не задерживающую слуха и взгляда гладкопись, против которой так восставал Ш., но отмечены — и в этом отличие Зайцевского от эпигонов — тем, чего иначе как «незаёмностью взгляда» не назовёшь. Сквозь полный готовых формул язык его стихов просвечивает занимательная биография пишущего: опасная боевая служба на Чёрном море, знакомство с крупнейшими поэтами-современниками, отъезд — без видимых на то причин — на Апеннины.

Словом, если мы хотим знать, какой Ш. не хотел видеть русскую поэзию, создаваемую в Италии и об Италии, следует внимательно прочитать немногочисленные уцелевшие вещи такого спутника «аристократической партии» в литературе как Зайцевский.

В 1833-м году в первом из альманахов «Новоселье» А. Ф. Смирдина, попытавшегося ради успеха собственной книготорговли примирить «аристократов» и «демократов» (впрочем, первых на его страницах было больше), от «аристократической партии» был помещён и «Полдень в Венеции» (1832) Зайцевского, две строфы из которого (вторая и четвёртая) приведены ниже:

Люблю я ночь — как шум стихает —
И бег таинственных гондол
В каналах тёмных, где сияет
Сквозь сумрак, лампы ареол [sic!].
Люблю я звуки *баркаролы*,
Диану в красоте лучей,
Прогулки поздние вдоль *Молы*:
Но полдень для меня милей.

<...>

Лишь в колокол *Святого Марка*
Рейтары полдень прозвучат:
Их звуки вздохами Петрарка
Душе влюбленной говорят.
То час свиданья, наслажденья
Объятий, поцелуев *с той*,
Кто жизни сладостным мгновеньем
Меня счастливит в полдень мой¹⁰³.

¹⁰² «Швейцария», сочинённое в январе 1832 в Женеве. См. письмо Ш. Погодину от 5 апреля 1832 из Женевы (РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 170–170 об.).

¹⁰³ «Новоселье[; альманах]». СПб.: в тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 558.

Ставший к 1832-му году общим местом четырёхстопный ямб¹⁰⁴, полный параллелизм, логично выстроенный «романский», а не бесконечно разветвляющийся и прерывистый, соединяющий несоединимое славянский синтаксис; обилие готовых как бы романтических формул — если гондолы, то «таинственные», если ночные каналы, то «тёмные» (днём же они, очевидно, «светлы»); аллегорическое именование взошедшей над Венецией луны Дианой (римской богиней флоры, фауны, плодородия и охоты); мысль при влюблённости о «вздохах Петрарка» (мрачное настроение, очевидно, должно взывать в памяти «проклятья Данта»), подпущенная под конец для «разрядки» небрежная, неточная, говорящая рифма «наслажденья — мгновеньем» (т.е. попросту *carpe diem*) — вот очевидные составляющие того, как возможно писать решительно обо всём на свете, не обязательно об «*Erotica Venetiana*» (если, держа в уме первоначальное авторское название «Римских элегий» Гёте «*Erotica Romana*», обозначить содержание стихов Зайцевского), и именно так писать об Италии сам Ш. решительно не хотел.

Другой пример позволяет лучше понять как раз то, что нового Ш. — по крайней мере в глазах своих современников — внёс в русское поэтическое письмо именно своими итальянскими стихами.

Ещё один попутчик «аристократической партии» в литературе Константин Бахтурин (между прочим, приятель Михаила Глинки), в 1820-е кавалерийский офицер, а в 1830-е профессиональный литератор — стихотворец лёгкого, переимчивого дара, в чём-то близкий столь популярным в Петербурге и в Москве 1830-х и 1840-х стихотворцам-импровизаторам из Италии — типу, запечатлённому Пушкиным в «Египетских ночах», очень сильно занимавшему и Ш., ибо тот, как и Пушкин, много и упорно работал над отделкой собственных стихов, но в 1840-е, как мы помним, с не меньшим тщанием переводил и импровизации одного из таких гастролёров — Джованни Джустиниани, так вот именно подобный эху Бахтурин, в чьих стихах мало следов упорной отделки, и видно, что они составлены из первых, счастливо приходящих автору на ум слов, откликнулся в 1830-е на печатавшиеся тут и там сочинённые в Италии стихи Ш., дав своеобразную квинтэссенцию достижений последнего в собственном «Риме» (не позднее сентября 1836)¹⁰⁵, Бахтуринский «Рим» полон громкой риторики, рассчитан на эффектное произнесение вслух (автор был известен театральной манерой читать), которому не мешают и две неточные рифмы «Лепида — позабыта» и «личиною — несправедливый». Стихи эти содержат даже аллюзию на шевырёвскую «Оду Горация последнюю (*IV кн., 16-я*)» (о бесполезности жертв «целению и здравью отчизны»), ибо, как и «Ода» Ш., повествует о крушении римской республики и о тщетных попытках её восстановления:

Рим — самовластный бич народов и Царей
Где слава прежняя твоих цветущих дней?
Где гордые сыны и Брута и Камилла?
Ответствуй — грозного могущества могила!

¹⁰⁴ «Четырёхстопный ямб мне надоел», — объявлял в первой строке «Домика в Коломне» Пушкин (Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. С. 250).

¹⁰⁵ Стихотворение датируется по цензурному разрешению единственного сборника его стихов, полученному 22 сентября 1836 г.

Почто граждán твоих вольнолюбивый дух,
 Столетия озарив, в столетиях потух!
 Ужель завет Судьбы, рукою своенравной
 Низверг сей кóлосс сил, свободный — но державный?
 Нет, избранный народ, — ты сам себя сразил;
 Ты гибель с роскошью в отчизне водворил;
 В сердцах изнеженных разлился яд разврата!..
 Междоусобием и завистью Сената
 Свобода скрылася, пренебрежён закон, —
 И гордый человек шагнул за Рубикон, —
 Который средь шатров, в безмолвном отдаленье
 Давно Республики обдумывал паденье.
 Уж хищник на чело корону возлагал, —
 Но Брут был жив ещё — и властолюбец пал.
 Он пал — и Рим воскрес, — и гордая свобода
 Отозвалась в сердцах великого народа!..
 Но быстро пролетел восторгов общий глас,
 Потомок Ромула душою вновь угас!
 Вот ставки бранные Антония, Лепида!
 Уже смерть Цезаря друзьями позабыта;
 Не Бруту пылкому они готовят месть, —
 Нет, цель у них одна: отечество угнесть;
 Под благородною мечтая скрыть личиной
 Коварные сердца и бой несправедливый.
 Уже Филиппополь сраженьем оглашён;
 В нём Рим последнего римлянина лишён!
 С тех пор — иль золото, иль воинов пристрастье
 Владели родиной...¹⁰⁶

Заключительные слова удалены цензурой, но, очевидно, следует вставить: «во славу самовластья».

Своим откликом Бахтурин превращает автора «Оды Горация последней (*IV кн., 16-я*)» в того, кем он мог бы при определённых обстоятельствах стать, но всё-таки не стал, по крайней мере в 1830-е гг.: в поэта, который является перед читателем в «романтическом плаще <...> на алой [читай: тираноборческой — *И. Г. В.*] подкладке» (С. Н. Дурылин)¹⁰⁷.

1.6. Об истории посмертных публикаций Шевырёва в СССР

История посмертных публикаций Ш. в СССР достаточно необычна и связана с политической историей страны, что свидетельствует об актуальности шевырёвского наследия и в XX в. и даже сейчас, когда нам приходится восстанавливать публикационные искажения и идеологические лакуны.

¹⁰⁶ Стихотворения Константина Бахтурина. СПб: в тип. Эдуарда Праца и К°, 1837. Ч. 1. С. 19–20.

¹⁰⁷ Литературное наследство. Т. 4/6. С. 450.

Первая серьёзная попытка собрать поэтическое наследие Ш. была предпринята через более чем 70 лет после его смерти, в 1930-е, и осуществил её для «Малой серии Библиотеки поэта» со всеми плюсами и минусами, свойственными всякой первопроходческой работе, *Марк Исидорович Аронсон* (1901–1937), человек столь примечательной и необычайной судьбы, что прежде чем мы перейдём к оценке его работы, потребуется хотя бы в самых общих чертах набросать его портрет на фоне того времени, в котором он жил.

М. И. Аронсон родился в Ковно и происходил из семьи весьма среднего достатка: отец его был агрономом, мать — фельдшерницей. С началом боевых действий в Первую мировую, ввиду близости немецкого фронта, Аронсонов обязали покинуть Ковно, и сначала они выбрали Одессу, а потом в 1916-м переехали в Петроград. В 1918-м семья «оптировала», как тогда выражались, в независимую Литву; и по окончании гимназии в родном Ковно, Аронсон был призван в армию Литовской республики (1920–1922), а по демобилизации уехал в Австрию, где был принят на философский факультет Венского университета, каковой и закончил с отличием. Обучение Аронсона было не только успешным, но и чрезвычайно быстрым. Уже в 1927-м году он под научным руководством князя *Николая Сергеевича Трубецкого* (1890–1938) защитил докторскую диссертацию о «внутренней форме», связывающей метрику с «инструментовкой» у ведущих русских поэтов (М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и А. А. Блока). Подружился Аронсон и с близким коллегой князя Трубецкого *Романом Осиповичем Якобсоном* (1896–1982). Помимо занятий историей русской словесности Аронсон увлёкся, живя в Австрии, альпинизмом, что неудивительно, учитывая ландшафт страны, и политикой¹⁰⁸, что также кажется неизбежным, учитывая активнейшую роль, которую в конце 1920-х играли в евразийском движении князь Трубецкий (один из его идеологов и вождей) и Роман Якобсон, внесший лепту в идеологическое обоснование фонетической общности языков евразийского ареала. Видимо, под их влиянием (а евразийцы считали распространение своих идей внутри СССР чрезвычайно важным для будущего их движения делом) у Аронсона возникла мысль о репатриации в СССР, который, строго говоря, его родиной не был.

В СССР работа ему нашлась лишь в Ленинграде, где он устроился научным сотрудником и почти сразу же начал публиковаться¹⁰⁹, преподавал, затем трудился на радио, пробовал силы в качестве прозаика¹¹⁰, в 1934-м году вступил в только что образованный Союз советских писателей, а также не оставлял занятий альпинизмом — на этот раз штурмуя пики Средней Азии и Северного Кавказа. Его спутником по восхождениям стал поэт *Николай Семёнович Тихонов* (1896–1979). С 1936-го Аронсон руководил в бывшей Императорской публичной библиотеке группой по изданию хранящегося там рукописного

¹⁰⁸ Все эти сведения собраны П. Л. Вахтиной и обнародованы ею в 3-м томе издания: *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь: В 4 т.* СПб.: Изд. Российской национальной библиотеки, 1995–2014 (продолжающееся издание).

¹⁰⁹ Наибольшей известностью из его чисто научных работ пользуется переиздаваемая по сей день и составленная вместе с С. А. Рейсером «монтажная» книга «Литературные кружки и салоны» (Л.: Прибой, 1929), которую сопроводил сочувственным предисловием Б. М. Эйхенбаум.

¹¹⁰ *Аронсон Марк. Победители: Повесть.* [Л.]: Изд-во писателей в Ленинграде, [1934].

наследия Степана Шевырёва. Подготовленный Аронсоном том стихов увидел свет уже после его смерти в 1939, но некоторые материалы были опубликованы до — большая подборка Ш. в коллективном томе-препринте московских поэтов 1820–1830-х условно говоря философского направления¹¹¹ и несколько предваряющих комментариев к тому 1939-го года статей (в числе которых главная — «К истории “Медного всадника”» в «Временнике Пушкинской комиссии» за 1936 год). В 1937-м Аронсон серьёзно заболел (не результат ли отсутствия защиты от солнца при многочисленных высокогорных восхождениях?); в середине лета, в связи с инвалидностью первой группы, уволился из Публичной библиотеки и вскоре скончался. Последние его недели прошли под неотступным присмотром НКВД. Не покидает ощущение, что в задуманном советской госбезопасностью ленинградском «писательском деле», по которому вскоре будут арестованы, «признают свою вину» и буду расстреляны Бенедикт Лившиц (1887–1938), Валентин Стенич (1897–1938), Вильгельм Зоргенфрей (1882–1938), Юрий Юркун (1895–1938) и Серей Дагаев (1910–1938), а решительно не признавший никаких обвинений Николай Заболоцкий (1903–1958) получит лагерный срок, как и занявший схожую позицию непризнания никакой потенциально опасной вины Иван Лихачёв (1902–1972), причём по свидетельству самого Заболоцкого в главари заговора следствием был назначен оставленный покуда на свободе Николай Тихонов¹¹², который позже, к концу 1940-х превратится из потенциального «врага» во вполне официозного советского поэта, с полагающимися такому положением и регалиями; так вот не покидает неотвязное ощущение, что в этом самом деле Аронсону — всем известному другу Тихонова, ученику одного из лидеров евразийцев князя Трубецкого — предназначалась, вероятно, роль ключевого свидетеля-обвиняемого, воображаемого связного между анти-советским зарубежьем и ленинградским «подпольем».

Тихонов посвятил памяти Аронсона стихи, решительно непонятные без сказанного выше, — в них в полном согласии с образностью его прежней лирики (собственно, и составившей славу Тихонова-поэта) жестокая, но славная гибель у пиков Тянь-Шаня противопоставляется медленной агонии в советском Ленинграде 1937-го года:

Он — альпинист и умирал в постели.
 Шла тень горы у бреда на краю.
 Зачем его не сбросили метели
 Высот Хан-Тенгри в каменном бою <...>¹¹³

¹¹¹ Веневитинов Д., Шевырёв С., Хомяков А. Стихотворения / Статьи, ред. и примеч. М. Аронсона и И. Сергиевского. [Л.]: Сов. писатель, 1937 (Библиотека поэта. Малая серия). Крошечный томик карманного формата был подписан к печати 1 июня 1937 года (далее — Стихотворения 1937).

¹¹² См.: *Заболоцкий Н. Метаморфозы* / Сост. Игорь Лощилов. М.: ОГИ, 2014. С. 632–633; а также материалы дела отца, опубликованные его сыном Никитой Николаевичем: *Заболоцкий Н. Жизнь Николая Заболоцкого*. М.: Рипол-Классик, 2016. Важная роль Тихонова в целиком выдуманном заговоре подтверждается написанной уже после смерти Сталина жалобой бывшего заключённого И. А. Лихачёва Генеральному прокурору СССР (*Шнейдерман Э. У следствия разыгрался аппетит...*: Жалоба И. А. Лихачева Генеральному прокурору СССР // *Звезда*. 2000. № 1. С. 189) и другими документами.

¹¹³ *Тихонов Н. Стихотворения и поэмы*. Л.: Сов. писатель, 1981.

Чем же так особенна работа М. И. Аронсона с поэтическим наследием Ш.?

Во-первых, в соответствии с собственным опытом и с воззрениями своего времени, Аронсон привносит в биографию поэта тему борьбы поколений, актуальную для послереволюционного опыта самого Аронсона, но для русского золотого века едва ли существенную, хотя, строго говоря, Пушкин был старше Ш. на 7 лет, и в принципе они могли принадлежать к разным поколениям.

Аронсон сверхдраматизирует отношения Ш. и Пушкина, приписывая младшему поэту бурное отвержение поэтики старшего, хотя факты свидетельствуют скорее о взаимно обогащающем, в высшей степени заинтересованном диалоге, в котором со стороны Пушкина мы видим не только критику (которая обсуждалась главкой выше), но и — повторим — многочисленные заимствования из шевырёвского «Петрограда» в «Медном всаднике», признаваемые, разумеется, и Аронсоном¹¹⁴, и даже находим набросок очень положительной рецензии Пушкина на первый том «Истории поэзии» Ш.¹¹⁵; со стороны же Ш. имеются стихи 1851-го года на завершение строительства железной дороги между Петербургом и Москвой, или, как говорит сам Ш., на возвращение Николаем дела Петра обратно в древнюю столицу России, сочинённые по метрической и строфической схеме пушкинского «Памятника», т. е. шестистопным ямбом с обязательной цезурой после третьей стопы в первых трёх строках и четырёхстопным ямбом в четвёртой¹¹⁶. Все эти тексты, которые не могли не быть прекрасно известны Аронсону, ещё и ещё раз свидетельствуют о гораздо более гармоничных отношениях старшего и младшего поэтов, чем те, которые описаны в предисловии и в комментарии Аронсона к тому 1939-го года¹¹⁷. Комментарии эти оказались принятыми на веру другими исследователями, подпавшими под обаяние исследований Аронсона¹¹⁸.

Не останавливается Аронсон и перед домыслом, не допустимым в серьёзной исследовательской работе. Так он предлагает читать название написанной в Риме эпиграммы Ш. «Критику» (П.30 наст. изд.) как «Пушкину». Но в известной нам и не известной Аронсону окончательной белой рукописи эпиграммы, она называется именно «Критику» и никак иначе¹¹⁹. На это было указано ещё в 1972-м году В. С. Киселёвым-Сергениным (о работе которого над рукописями Ш. — ниже). Приведём эту эпиграмму целиком, чтобы понять, насколько неверная атрибуция адресата выпала как Пушкина (на самом деле им был Орест Сомов) могла повлиять и на выводы о литературных отношениях двух поэтов:

¹¹⁴ Аронсон М. К истории «Медного всадника». 1936. С. 221–226.

¹¹⁵ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. С. 237–238.

¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 22, л. 9.

¹¹⁷ Шевырёв С. П. Стихотворения. С. XII–XVIII, XXIX–XXXII, 227–228.

¹¹⁸ Маймин Е. А. Стихотворение С. П. Шевырёва «Послание к А. С. Пушкину» // Проблемы пушкиноведения: сб. научных трудов. Л.: Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1975. С. 159–168; Зайонц Л. Ответ Пушкина на «Послание» Шевырёва // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, 2004. Вып. 3. С. 215–229.

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 563, оп. 1, ед. хр. 4, л. 40 об.

Критику

Вменяешь в грех ты мне мой тёмный стих,
 Прозрачных мне ненужно твоих:
 Ты нищего ручья видал ли жижу?
 Видал насквозь, как я весь стих твой вижу.
 Бывал ли ты хоть на реке Десне? —
 Открой же мне: что у неё на дне?

Вменяешь в грех ты мне нечистый стих,
 Пречистых мне ненужно твоих:
 Вот чистая водица ключевая,
 Вот Алеатико бурда густая!
 Что ж? — выбирай, возьми любой стакан:
 Ты за воду... Зато не будешь пьян.

[Рим. Лето 1830]

Итак, Аронсон приходит к своим выводам опираясь на богатые, но не представляющие поэзии Ш. в необходимой полноте источники (многочисленные, но далеко не все публикации поэта, а также рукописные собрания Пушкинского дома и бывшей Императорской публичной библиотеки). Разнообразнейшая московская периодика — а Ш. всё-таки жил большую часть времени в Москве и печатался, часто под псевдонимами или анонимно, не только в московских журналах, но и в газетах, — очевидно, осталась Аронсоном не просмотренной в должной мере. Не были Аронсону известны и рукописные материалы, хранящиеся в бывшем Румянцевском музее (ныне — НИОР РГБ) и особенно — в созданном уже после Второй мировой войны РГАЛИ, единственном собрании, где уцелел чистовой авторский сборник Ш. 1825–1831 годов (с добавлением одного стихотворения 1841-го, посвящённого памяти Лермонтова), т.н. «записная книжка», редакции стихов в которой очень часто отличаются от опубликованных (далее — зап. книжка).

Во-вторых Аронсон превращает Ш. в консервативного революционера, дополняющего лёгкую по видимости поэтическую дикцию Пушкина и его слегка механизированные метры (а) дикой и стихийной образностью в духе Державина, (б) вставками сильно модернизированной и уже основанной на итальянских, а не на польских образцах силлабика в силлабо-тонический стих — представление столь же приятное филологическому сознанию, сколь и уводящее в сторону от того, что на самом деле представлял собой Ш.-поэт. Если он искал чего-то созвучного себе в прошлом: в русском XVIII-ом веке, в силлабическом стихе столпов итальянской поэзии (Данте, Петрарки, Ариосто, Тассо), то чтобы переустановить настоящее на новых основаниях и ещё деятельней взяться за будущее. «Предчувствием объёмлю я отсель / Великое отчизны назначенье!» — восклицает он в «Послании к А. С. Пушкину». И это «назначенье» определено очень ясно — стать «решительным глаголом» в историческом со-
 стязании, «пре» европейских народов и культур; а, если надлежит завершить историю, выйти за её пределы, то это следует сделать на своих собственных, а не позаимствованных у кого-либо ещё, основаниях. К такому уровню разговора русская литература вернётся лишь через век.

В сущности Аронсон видит в Ш. протоевразийца, предшественника таких фигур как князь Н. С. Трубецкой, каковым Ш., конечно, не был, несмотря

на известные (и приводимые в публикации в наст. изд.) слова о «скифе, нашем <общем> предке круглолицем», имеющие целью не, выражаясь языком евразийцев, «поворот к востоку», а всего лишь — ещё больше раздражить своих литературных противников (таких как не раз упоминавшийся нами Николай Полевой). В противоположность евразийцам Ш. никогда не считал романо-германский мир цельным (ибо прекрасно видел различия между тогдашними Италией, Германией, Францией и Англией), единым в своём колонизаторском порыве, а кроме того — не видел в Российской империи проекта по культурной колонизации родной страны, идущего против того, что принято — несколько возвышенно — именовать душой русского народа. Девиз Ш., которому он оставался верен всю свою жизнь: «Будь человеком по Христу, будь русским по Петру»¹²⁰, — просто невозможно увязать с классическим евразийством.

Вследствие ряда неверных интерпретаций и подмен Аронсон приходит к фундаментально ошибочному выводу: «В сущности, вся работа Шевырёва как поэта во второй половине 20-х годов заключалась в борьбе с Пушкиным и его школой»¹²¹. Разумеется, ни для кого из участников литературного процесса 1820-х и 1830-х никакой пушкинской школы не существовало, только группа литературных единомышленников, борющихся за более высокие цели словесного искусства, за союз литературы с важными вопросами современности, за общее просвещение русского читателя, против бездумной коммерциализации — так называемая «аристократическая партия» с Пушкиным в качестве самого красноречивого защитника её программы («партия», объединённая в первую очередь против литературных «демократов» из третьего сословия, таких как Булгарин, Полевой и Сенковский). И Ш. принадлежал к этой самой «аристократической партии» — но никак не к «пушкинской школе», каковой попросту не было — вместе с князем Вяземским, Баратынским, Хомяковым и многими другими.

Для нас же важнее всего, что неверные выводы Аронсона, продиктованные, повторим это, особенностями времени и окружения, в котором он сформировался как исследователь, — повлияли не только на идеологически заряженный комментарий к текстам поэта, но и на выбор публикуемых Аронсоном вариантов текста. Неполные, неокончательные и цензурированные «Петроград» или «Послание к А. С. Пушкину», его устраивали вполне, ибо поддерживали его собственный далеко не нейтральный взгляд на Ш.

Необходимость ревизовать слишком политизированную текстологию Аронсона и дать Ш. в подлинном, не отретушированном виде стала к началу 1970-х совершенно настоятельной. К этому времени уже увидело свет в высшей степени объективное по отношению к Ш. предисловие Е. Г. Эткинда к вышедшему во всё в той же «Библиотеке поэта» двухтомнику «Мастера русского стихотворного перевода» (1968).

Наконец, в 1972-м в «Большой серии Библиотеки поэта» была напечатана новая большая подборка Ш., подготовленная В. С. Киселёвым-Сергениным

¹²⁰ О чём подробнее см.: Шевырёв С. Итальянские впечатления. СПб., 2006 (по именному указателю).

¹²¹ Шевырёв С. П. Стихотворения. С. XXXI.

для отредактированного Л. Я. Гинзбург двухтомника «Поэты 1820–1830-х годов», а высокий статус Ш.-поэта, был подтверждён его присутствием в одном из 200 томов грандиозной «Библиотеки всемирной литературы» (1968–1978)¹²².

Но и новая публикация 1972-го года в «Поэтах 1820–1830-х годов» оказалась, увы, не без крупных недочётов, причём, как и у Аронсона, продиктованных имплицитной политической позицией готовившего эти тексты.

Хотя В. С. Киселёв-Сергенин утверждает в комментариях к публикуемому, что все тексты, когда возможно, были им сверены с «записной книжкой» поэта, хранящейся в РГАЛИ, принцип этот был проведён крайне непоследовательно, если не сказать небрежно. Как и почему это происходило — легче всего продемонстрировать на примере во всех смыслах показательного «Послания к А. С. Пушкину».

Дело в том, что в издании 1972 (и повторяющем его переиздании текста «Послания» — в сборнике 2009)¹²³ не оговорено, что помещённое в первопечатном тексте примечание о гекзаметре в рукописи отсутствует; более того — сохранена пунктуация первопечатного издания, отличная от авторской, хотя сам Ш., находясь в это время в Италии, что-либо исправить в печатном тексте не мог; а также начиная с 109 строки не учитываются словесные отличия рукописи от опубликованного текста; наконец, неверно интерпретирована впервые публикуемая заключительная строка, ключевая во всём стихотворении. Это тем более странно, что репутация В. С. Киселёва-Сергенина как текстолога и редактора была достаточно высока (что подтверждено в разговоре со мною поэтом, прозаиком и издателем Николаем Кононовым, лично с ним общавшимся).

В зап. книжке, л. 51 об читаем: «И понят был на вече Европейской» — явная описка, ибо «вече» уже было употреблено до того в стихотворении в среднем роде. Предложенное В. С. Киселёвым-Сергениным чтение: «И понят был на вече европейском» предполагает наличие неточной рифмы «рифейской — европейском», невозможной у Ш., а, кроме того, в рукописи за ясно читаемым «й» не стоит по правилам дореформенной орфографии «ъ», что предполагало бы описку Ш. и «м» вместо «й». По белой рукописи видно, что, пересмотрев текст, Ш. вписал поверх «вечѣ» полустёртым, но ясно читаемым карандашом «почвѣ» (такие карандашные пометы есть и в других текстах зап. книжки). Особенно это ясно при сканировании и увеличении завершающих строк рукописи, специально проведённом по нашей просьбе сотрудниками РГАЛИ. Таким образом единственным возможным вариантом заключительной строки оказывается: «И понятъ былъ на почвѣ Европейской», что, в отличие от варианта, увидевшего свет в 1972-м году, полностью соответствует историко-политическим взглядам Ш. Голос Пушкина для Ш. не один из голосов на будущем «вече европейском» (как это прочитано в изданиях 1972 и 2009), который, хотелось бы, чтобы был принят, — в соответствии с пестуемым позднесоветской интеллигенцией комплексом собственной неполноценности перед умозрительным «Западом»,

¹²² Русские поэты XIX века: В 2 т. / Сост.: Е. Винокуров, В. Коровин; Вступ. ст. Е. Винокуров. М.: Худ. литература, 1974. Т. 1. С. 476–489, 677–678.

¹²³ Шевырѣв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вст. статья, путеводитель и коммент. Е. Ю. Филькина. М.: Русскій міръ, 2009. С. 175–177.

проецируемым публикатором и на Ш. с Пушкиным, такого комплекса лишённым, — а сильный, молодой и, возможно *главный голос будущей Европы*, которая обновится с возвращением (благодаря Петру Великому) на «европейскую почву» России, — голос уже понятный не одним только русским.

Вывод из всего сказанного прост. Ни одно из существующих изданий стихов Ш. не пригодно для точного и ответственного разговора о поэте. Настала пора выправить все опубликованные с искажениями тексты по давным-давно известным исследователям автографам, а также опубликовать все остальные стихи, остающиеся не изданными по сей день.

Будем надеяться, что настоящая публикация — один из первых шагов в правильном направлении.

1.7. Соотношение опубликованного и неопубликованного

И в заключение немного статистики. Из 72 выявленных мною стихотворений, относящихся к первому пребыванию Ш. за границей, включая и написанные уже в Москве стихотворение-постскрипtum «Глаза», а также два стихотворения, тематически связанные с первым заграничным путешествием, с преодолённым Ш. гётеанством и с пустившим в его творческом сознании корни мифом о «вечном городе» — «Кёнигу» и «Urbi»¹²⁴, 14 стихотворений не публиковались вообще никогда, ещё 15 никогда не публиковались в правильной и окончательной авторской версии, а остальные, если и печатались, то далеко не всегда в изданиях, доступных современному читателю и даже исследователю. Много это или мало? Для казалось бы неплохо изученного XIX столетия очень много. Можно, особенно не преувеличивая, сказать, что поэт Ш. толком своим читателям неизвестен. Самое время перейти к непредубеждённому чтению его текстов.

Пользуясь случаем, благодарю О. А. Брейнингер за содействие в работе с материалами из Отдела рукописей и редких книг Гарвардского университета (Бостон, США), К. Ю. Лаппо-Данилевского и А. Б. Шишкина — за помощь в работе над шевырёвскими материалами в собрании ИРЛИ РАН (Пушкинском доме), В. И. Шубинского — за проверку сведений о страницах как альбома Гербея, в который вписана поздняя редакция одного из стихотворных переводов Ш., так и итальянского дневника Ш., содержащего черновые тексты многих стихотворений и стихотворных переводов поэта (альбом и дневник хранятся в ОР РНБ). Без заинтересованного участия упомянутых здесь лиц, а также высказанных ими замечаний работа над публикуемыми далее материалами потребовала бы гораздо большего времени.

Также хочу выразить глубокую признательность Комиссии Европейского Союза, поддержавшей мою работу на раннем её этапе, в 2013–2014-м годам, исследовательским грантом. Особого упоминания заслуживает кафедра Иностранных языков и литератур Болонского университета (Италия) и руководитель её Славянского сектора профессор Габриэла Импости, обеспечившие мне идеальные условия для исследований.

¹²⁴ Можно не сомневаться, что список этот по мере подготовки полного собрания стихотворений Ш. возрастёт, как он неуклонно возрастал в прошлом.

II. Полный список известных к настоящему моменту стихотворений и стихотворных переводов С. П. Шевырёва, созданных им во время первого заграничного путешествия 1829–1832 гг., с публикацией неизданных произведений и неизданных авторских вариантов

II.1. Бессмертие («Везде, где ни промчался я...», 22 апреля 1829. *Страстной вторник. Берлин*)

«Галатея». 1829. Ч. 4. С. 303–305, под загл. «Бессмертие»; Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. М. Аронсона. Л.: Сов. писатель, 1939 (далее — Стихотворения 1939). С. 63–65 под загл. «Два духа». Подробно мотивацию для переименования стих. см. там же, с. 221–222. В автографе — РГАЛИ, ф. 563, оп. 1, ед. хр. 4 (далее — зап. книжка), л. 14–15 об. — без загл., поэтому мы возвращаемся к первонач. заглавию. Уточнённая датировка по автографу.

II.2. Ночь («Немая ночь! прими меня...», 20 июня 1829. *Рим*)

«Галатея». 1829. Ч. 9. С. 371–373; Стихотворения 1937. С. 137–138; Стихотворения 1939. С. 65–66; Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. / Общая ред. Л. Я. Гинзбург; биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. С. Киселёва-Сергенина. Т. 2. Л.: Сов. Писатель, 1972. С. 172–173, с восстановлением цензурных купюр и уточнённой датировкой по зап. книжке, лл. 16–17; Поэты тютчевской плеяды / Сост. В. Кожинов и Е. Кузнецова; вступ. ст. В. Кожинова, статьи о поэтах и примеч. Е. Кузнецовой. М.: Сов. Россия, 1982. С. 296–297. В автографе разбивка на строфы и пунктуация отличаются от изд. 1972 и 1982.

II.3. К непригожей матери («Пусть говорят, что ты дурна...», *Июля 16 <1829>. Искио. Вечер*)

«Телескоп». 1831. Ч. 2. № 5. С. 49–52, под заглавием «Непригожей матери» и с датой «Искио [sic!]. Июля 16»; Стихотворения 1937. С. 139–142; Стихотворения 1939. С. 68–70; впервые по автографу из зап. книжки Поэты 1820–1830-х годов. С. 174–176; Русская поэзия 1826–1836 / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Немзера. М.: Худ. литература, 1991. С. 185–188 (по первонач. изд.). По мнению М. И. Аронсона, опирающемуся на переписку Ш. с Погодиным, стихотворение «относится к России и выражает ранние славянофильские чаяния об особой исторической миссии России» (Стихотворения 1939. С. 223). Действительно, в письме к Погодину от 21/9 июля 1829 г. стихотворение предваряет примечание поэта: «То есть к России, дурной собою» (ОР ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 37).

Автографы: дневник ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 14, лл. 78 об. — 80 об.; РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 37–37 об. с датой, указанной в первом издании; зап. книжка, л. 17–19 об.; первоначальное название «К дурной матери».

В изд. 1831, 1939 и 1991 гг. есть разночтения с изд. 1972 и автографом в зап. книжке.

М. И. Аронсон (Стихотворения 1939. С. 222), также упоминает об известном ему автографе (1831? — в издании опечатка «1821»), определить место хранения которого в настоящий момент затруднительно.

II.4. Петроград

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведской гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополчённая водами;
За отъятые права
Отомщу её волнами.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений?
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Пётр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, — так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречён
По строителе высоком:
Для моей России он
Просвещения будет оком.

По хребтам твоих же вод,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесёт
В пользу чад моих вселенна, —
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».

Рек могучий — и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам.
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!
Истекают реки злата,
И родится чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тяжкой движется стопой
Исполин — гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.

И в основу зыбких блат
 Улеглись миллионы:
 Всходят храмы из громад
 И чертоги, и колонны.

Шпиц, прорезав недра туч,
 С башни вспыхнул величавый,
 Как ниспадный солнца луч
 Или луч Петровой славы!
 Что чернеет лоно вод?
 Что шумят валы морские?
 То дары Петру несёт
 Побеждённая стихия.

Прилетели корабли,
 Вышли чуждые народы
 И России принесли
 Дань наук и плод свободы.
 Отряхнув она с очей
 Мрак невежественной ночи,
 К свету утренних лучей
 Отверзает бодры очи.

Помнит древнюю вражду,
 Помнит мстительное море,
 И да мщенья примет мзду,
 Шлёт на град потоп и горе.
 Ополчается Нева,
 Но от твердого гранита,
 Не отъяв свои права,
 Удаляется сердита.

На отломок диких гор
 На коне взлетел строитель;
 И к добыче острый взор
 Пригвождает победитель;
 Зоркий страж своих работ
 Взором сдерживает море
 И насмешливо зовёт:
 «Кто ж из нас могучей в споре?»

9 авг<уста н.с. 1829>.

Воскрес<енье>. <Остров> Искио

«Московский вестник». 1830. Ч. 1. № 1. С. 3–6; М. Аронсон. К истории «Медного всадника» // Временник Пушкинской комиссии 1. М.-Л.: 1936. С. 221–223; Стихотворения 1937. С. 143–145; Стихотворения 1939. С. 70–72; Поэты 1820–1830-х годов. С. 176–178; Русские поэты XIX века: В 2 т. / Сост. Е. Винокуров, В. Коровин; вступ. ст. Е. Винокурова. М.: Худ. литература, 1974. Т. 1. С. 486–488; Русская поэзия 1826–1836. С. 189–191 (по первопеч. изд.); Итальянские впечатления / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. М. И. Медового. СПб.: Академический проект, 2006. С. 96–98 (с многочисл. черно-

выми вариантами); Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель и коммент. Е. Ю. Филькиной. М.: Русский мир, 2009. С. 169–171 (по изд. 1939).

Наиболее интересный черновой вариант по изд. 2006 в строфе 8 ст. 1–4:

Прилетели корабли,
Вышли чужды поколенья
И России принесли
Семя первое ученья.

После подробной работы М. И. Аронсона «К истории “Медного всадника”» (1936) общепризнанным является тот факт, что Пушкин во вступлении к поэме «Медный всадник» заимствовал ряд словесных оборотов и образов из шевырёвского «Петрограда».

Автографы: дневник ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 14, лл. 82–84 об., письмо к М. П. Погодину от 17 сентября <1829> РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 36–36 об. (с вариантами и примечаниями), зап. книжка, л. 21 об. — 24.

Отброшенные позднее варианты строк, имеющиеся в посланной Погодину версии:

Строфа 4, ст. 8: И *подъятую* державу.

Строфа 8, ст. 1–4 — поверх незачёркнутого оконч. варианта вписан тот же, что сохранился в качестве чернового в дневнике (см. выше).

В этой рукописи имеются следующие примечания: к заключительным двум ст. 2 строфы — «Эти два стиха, милый друг, взяты из природы» (РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 36), а к закл. ст. 4 строфы — «Хотел я сказать: *окрепиую*, да скажут<, > украл у П.: *окрепла Русь*» (там же). Погодин самолично заменил «подъятую» на «окрепшую» и не стал пользоваться вариантом, вписанным поверх ст. 1–4 8 строфы.

Впервые публикуется по последней прижизненной версии в зап. книжке. В печатной версии последней строфы ст. 3–4 прежде звучали так:

На добычу острый взор
Устремляет победитель

II.5. О ч и («Видал ли очи львицы гладной...», 2 сентября — ноябрь 1829. Каstellамаре, в окрестностях Неаполя — Рим)
«Телескоп». 1831. Ч. 4. № 14. С. 191–192; Стихотворения 1937. С. 146–147; Стихотворения 1939. С. 72–73; Поэты 1820–1830-х годов. С. 178–179; Русская поэзия 1826–1836. С. 191–192.

Автографы: письмо к Погодину от 6 декабря/24 ноября 1829 г. РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 68 об., с пометкой: «Кастелламаре, в окрестн<остях> Неаполя, сентября 2. День впечатления, а не день стихов» и с датой «Рим. Ноябрь 1829» зап. книжка, л. 24–25. И в зап. книжке и в письме к Погодину имеются исключённые из оконч. текста стихи (те же самые).

II.6. Ода Горация («Муж праведный, в делах неколебимый...», не позднее сент<ября> 17 н<ового> с<тиля> 1829, Рим)

Без имён переводчиков и под загл. «Ода Горациева». «Эхо». 1830. С. 89–93.

Представляет собой совместную работу Ш. и его ученика князя Александра Волконского — переложение одной из т. н. «Римских од», а именно 3 оды из III книги «Carmina» Квинта Горация Флакка (Quintus Horatius Flaccus, 65–8 до РХ), обращённой к цезарю Августу и в оригинале написанной алкеевой строфой.

Автограф рукою самого Ш. — в письме к Погодину от 17 сентября (н. ст.) 1829. РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 37–37 об. со следующим пояснением: «Ода Горация переведена моим подмастерьем с моею помощью. Если сочтёшь перевод достаточным, то помести его для одобрения молодого трудолюбца...» (там же, л. 36 об.)

II.7. Женщине

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Ты асмодей иль божество!
 Не раздражай души Поэта!
 Как безотвязная комета,
 Так впечатление его:
 Оно пройдёт и возвратится,
 Кинжалом огненным блеснёт,
 В палящих искрах разразится,
 Тебя осыплет и сожжёт.

Ноябрь 1829. Рим

«Телескоп». 1831. Ч. 5. № 19. С. 369; Стихотворения 1937. С. 148; Стихотворения 1939. С. 73; Поэты 1820–1830-х годов. С. 179.

Автографы: письмо к Погодину от 6 декабря/24 ноября 1829 г. РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 68 об. — 69 и с датой — зап. книжка, л. 25. Впервые публикуется по последней прижизненной версии в зап. книжке. Прежняя печатная версия ст. 7: В палящих искрах *раздробится*.

II.8. Тяжёлый поэт («Как гусь, подбитый налету...», *Ноябрь 1829. Рим*)

«Московский вестник». 1830. Ч. 4. № XIII. С. 7, под загл. «Поэт»; Стихотворения 1937. С. 149 и Стихотворения 1939. С. 73–74 под загл. «Тяжёлый поэт» с детальной мотивировкой нового заглавия в примечаниях (там же: 224); Русские поэты XIX века. С. 48; Поэты тютчевской плеяды. С. 299; Русская поэзия 1826–1836. С. 192–193.

Автографы: письмо к Погодину от 6 декабря/24 ноября 1829 г. РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 68 об. — 69 и с датой, но без загл. — зап. книжка, л. 25 об. Первоначально в автографе начиналось: «Как *строус*, *битый* на лету» (в письме к Погодину) и «Как *страус*, подбитый на лету» (в зап. книжке) — но страусы не летают, и слово вычеркнуто и заменено на «гусь».

II.9. Преображение

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Звуком ангельского хора
 Полны были небеса:
 В светлой скинии Фавора
 Совершались чудеса.

Средь эфирного чертога,
В блеске славы и лучей,
Созерцали образ Бога
Илия и Моисей.

В то мгновенье, над Фавором
Серафим, покинув лик,
Вождельня полным взором
К диву светлому приник.
Братья пели; но, счастливый,
Он их звукам не внимал
И украдкой, молчаливый,
Тайну Бога созерцал.

И в небесное селенье
Возвратился серафим:
Лучезарное виденье
Неразлучно было с ним.
И полётом неприметным
Век за веком пролетел:
Лишь о нём в эфире светлом
Братьям внемлющим он пел.

Раз, затерянные звуки
Долетели до земли:
Сколько слез, молитв и муки
Звуки те произвели!
Не одна душа желала
Зреть блистательный Фавор,
Не узревши отлетала
В Божий ангелов собор.

К тем молениям Создатель
Слух любви преклонил:
Божьей тайны созерцатель
К нам на землю послан был.
Ангел смелый в наказанье
С жизнью принял горе слез;
Но своё воспоминанье
Он в усладу взял с небес.

Духом Божьим вышний гений
Осенился с первых лет,
И утраченных видений
Рано в нем проснулся свет.
Слезы лья по небе ясном,
Сквозь их радужный кристалл
Он в величии прекрасном
Чистых братьев созерцал.

Как любил, осиротелый,
Думой в небо залетать! —

И замыслил кистью смелой
К прочной ткани приковать
Возвращённые виденья,
Часто облаком живым
В миг великого прозренья
Пролетавшие пред ним.

Вспоминал, как мир призванный
Он на лоне свежих крил,
Гость небес богоизбранный,
За Создателем парил;
Как с крылатым роем братий
В день творенья нёс дары;
Как из Божеских объятий
Всюду сыпались миры.

Он означил, как стопами
Бог раздвинул свет и тьму;
Как повесил над звездами
В небе солнце и луну;
Как по остову планеты
Океан перстом провёл;
Как из недр её без сметы
Сонм творений произвёл.

Раз, томясь своей утратой,
Наяву он видел сон:
Вдруг молитвою крылатой
В небо был перенесён;
Слышал Ангелов напевы,
Сонмы их изобразил,
И в среде их образ Девы
Кистью быстрой уловил.

Но любимое виденье,
Что утратил Серафим,
В недоступном отдаленье
Всё туманилось пред ним.
Тщетно не смыкались вежды
И пылал молитвой взор:
Погасал уж луч надежды,
Не сходил к нему Фавор.

Что земные краски тленья,
Солнца пышные лучи? —
Пред лучом Преображенья,
Как пред солнцем блеск свечи.
К смерти шествовал унылый.
Не сверша души завет,
И в расселинах могилы
Что ж он видит? — Божий свет!..

Луч сверкнул... и воспылала
Кисть Божественным огнём;
Море горнего кристалла
Пролилось над полотном, —
И уж Бога лик открытый
Он очами ясно зрел;
Но видением несытый,
Бросил кисть — и улетел!

Там его виденье вечно;
Там без горя и без слез
Созерцает он беспечно
Диво тайное небес.
У Фавора величавый
Стражем стал — и на крылах
Свет Божественных славы
Блещет в радужных лучах.

Рим. 3 декабря 1829. Четверг

«Московский Вестник». 1830. Ч. 1. № 2. С. 126–130; Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1835. № 94. С. 750–751 с датировкой «Рим, 3 декабря 1829 года» и несколько изменённой графикой (с отступом вправо в каждой чётной строке); Стихотворения 1937. С. 150–154 с датировкой по изд. 1835; Стихотворения 1939. С. 74–77 с ошибочной датировкой «Рим. 13 декабря 1829»; Поэты 1820–1830-х годов. С. 180–183 с переменной неправильной даты «13 декабря» на правильную «3 декабря»; Русская поэзия 1826–1836. С. 193–196 (по первопеч. изд.).

Автографы: письмо к Погодину от 6 декабря/24 ноября 1829 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 69, с правкой, и зап. книжка, л. 26–29.

Первоначальный вариант ст. 8 в строфе 6 из письма Погодину:

Тайну Бога созерцал.

М. И. Аронсон, опираясь на автограф в письме к Погодину, указал, что в строфе 9 ст. 1–4 относятся к «Ложам Рафаэля», а в строфе 10 ст. 6–8 к его «Мадонне» (Стихотворения 1939. С. 224). Действительно, слова «Ложы Рафаэля» и «Мадонна» вписаны автором на полях строф 9 и 10 соответственно, но без привязки к определённым строкам.

В наст. изд. впервые по зап. книжке, в которой содержится правка поверх белого варианта, отданного в печать. Разночтения многократно воспроизведённой печатной версии с окончательной авторской, публикуемой в наст. изд., следующие:

Строфа 2, ст. 4: К диву *горнему* приник.

Строфа 4, ст. 5–8:

Не одна душа, *желаньем*
Истомясь узреть Фавор,
С несвершённым упованьем
Отлетела в Божий хор.

Строфа 7, ст. 1–2:

*И любил, осиротелый,
Думой в небо залетать,*

Строфа 13, ст. 3–4:

*Море яркого кристалла
Пролилось над полотном...*

Ст. 8: *Бросил кисть... и улетел!*

П.9. К<нягине> З. А. В<олконск>ой
13/15 дек<абря> 1829. Рим
[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

К Риму древнему взывает
Златоглавая Москва
И любовью окриляет
Хладом сжатые слова:

«Древней славой град шумящий!
Приими привет Москвы,
Юной славою гремящей
В золотых устах молвы.

Я в покров твой благосклонный
Доверяю, царь градов,
Лучший перл моей короны,
Лучший цвет моих садов,—

И не с завистью ревнивой
Цвет тебе вручаю я,—
Нет, с тоской чадолюбивой
Отрываю от себя.

Нежно я его растила
С бескорыстностью любви,
На него я расточила
Все сокровища свои.

Но не может ненаглядный
Он на севере блеснуть.
Руки матери так хладны,
Льдом моя одета грудь.

Что же делать? Как ни тошно
На чужбину цвет отдать,
Коль не может он роскошно
У меня благоухать,

У тебя светило наше
Льёт обильный, тёплый свет,
У тебя и небо краше,—
Так возьми ж к себе мой цвет,

И согрей с любовью нежной
У пылающей груди:
На могилах славы прежней
В нём цветущее блюди.

Лишь бы он, в лавровых сенях
У тебя красой цветя,
О моих любовных пенях
Помнил, милое дитя.

Сам любуйся на создание
Наших северных степей,
Но его благоуханье
В сень родную перелей».

[Не позднее 3/15 декабря 1829. Рим]

Впервые: «Эхо». 1830. С. 218–220 без подписи, без даты и под загл. «К. З. А. В-ой»; Стихотворения 1937. С. 158–159 по тексту публ. 1830 под загл. «К[нягине] З. А. В[олконск]ой» с датой «Рим. 15/3 декабря (1829)» и с испр. в 3-й строфе, ст. 1: «Я в *призор* твой благосклонный». В известных нам автографах точная датировка отсутствует.

В наст. изд. заново сверено по автографу — зап. книжка, лл. 33–34. Сохранился также неисправный автограф в РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 75 об — с вариантами и ещё двумя (или более) строфами, которые из-за порчи текста практически утрачены.

Разночтения изд. 1830 с автографом из зап. книжки в 4-й строфе, ст. 2: «Цвет *родной* вручаю я, —». У изд. 1937 по сравнению с изд. 1830, помимо указанного исправления, более нигде не отмеченного, начиная с 7-й строфы — совпадение с изд. 1865 и с гарвардским автографом (М. И. Аронсону не известным, так как автограф этот в 1930-е находился в частных руках в Европе).

Без заглавия и даты: Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской, урождённой княжны Белосельской. Париж и Карлсруэ: в придворной тип. В. Гаспера в Карлсруэ, 1865. С. 169–170, По более раннему автографу — ZAVP, MS Russian 46.1 II (датированному в записи в альбом кн. З. А. Волконской как стихи «1829 года») со следующими разночтениями с публикуемым нами текстом:

4-я строфа:

Я не с завистью ревнивой
Цвет тебе *передала*,
Нет, с тоской чадолюбивой
От себя оторвала.

5-я строфа, ст. 2: С *бескорыстием* любви

7-я строфа:

Что же делать *мне несчастной?*
На чужбину цвет отдать,
Коль не может он *прекрасный*
У меня благоухать.

8-я строфа, ст. 2: Льёт *роскошней тёплый* свет,

10-я строфа:

*Только б он, в лавровых сенях
У тебя красой цветя,
О моих любовных тенях
Помнил, милое дитя.*

Воспроизведено без загл., б.д. и каких-либо пояснений по тексту первой публикации (основанной на хранящемся ныне в Гарварде альбоме кн. З.А. Волконской) в: *Итальянские впечатления*. С. 494–495.

II.10. Тибр (*песня*)

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Варвар севера надменной
Землю Рима хладно мнёт
И с угрозой дерзновенной
Тибру древнему поёт:

«Тибр! ты ль это? чем же славен?
Что добра в твоих волнах?
Что так шумен, своенравен
Расплескался в берегах?

Тесен, мутен!.. — незавидно
Прокатил тебя твой рок;
Солнцу красному обидно
Поглядеться в твой поток.

Не гордись! — Когда б ты — горе!
Нашу Волгу увидал,
От стыда, от страха б в море
Струи грязные умчал.

Как парчою голубою
Разостлалась по степям!
Как привольно в ней собою
Любоваться небесам!

Как молодой народ могуча,
Как РОССИЯ широка,
Как язык её гремуча,
Льётся дивная река!

Далеко валы глубоки
Для побед отважных шлёт
И послушные потоки
В царство влажное берёт.

Посмотрел бы ты, как вскинет
Со хребта упорный лёд,
И суда свои подвинет
Да на Каспия пойдёт!

О, когда бы доплеснула
До тебя её волна,
Словно каплю бы сглотнула
И в свой Каспий унесла!»

Тибр в ответ: «Ужели, дикой,
Мой тебе невнятен вой?
Пред тобою Тибр великой
Плещет вольною волной.

Славен я между реками
Не простором берегов,
Не богатыми водами,
Не корыстию судов.

Славен тем я, Тибр свободной,
Что моих отважных вод
Цепью тяжкой и холодной
Не квал могучий лёд.

Славен тем непобежденной,
Что об мой несдержный вал
Конь подковою презренной
В гордом беге не стучал.

Пусть же реки на просторе
Спят под цепью ледяной:
Я ж бегу, свободный, в море
Неумолчною волной».

8–10 декабря 1829. Рим

«Московский вестник». 1830. Ч. 2. № VIII. С. 311–314; Стихотворения 1937. С. 155–157 и Стихотворения 1939. С. 77–78 с мотивировкой уточнённой даты (там же: 224). С исправлениями в тексте и уточнённым загл. «Тибр» по зап. книжке в книге «Поэты 1820–1830-х годов». С. 183–185.

Автографы — письмо Погодину б. д., с пометкой: «Письмо пойдет в субботу дек. 12 (1829 г.)» под загл. «Тибр или песня (как хочешь)» (РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, лл. 22–22 об.) и зап. книжка, л. 29 об. – 31. В наст. изд. сохранено первопечатное загл., а текст и пунктуация заново уточнены по зап. книжке.

Строфа 5 следовала в письме к Погодину за 6-й строфой. Вычеркнутый вариант ст. 21–24 по записной книжке:

Как *младая Русь* могуча,
Как *народ её* сильна,
Как язык её гремяча,
Льётся дивная *она!*

Прежде печатавшийся вариант ст. 25: Далеко валы *широки*.

II.11. Храм Пестума («Храм пустынный, храм великой!..»), [Не позднее 22 декабря 1829]

«Московский Вестник». 1830. Ч. 3. № X. С. 193–194; Стихотворения 1937. С. 160–161; Стихотворения 1939. С. 78–79; Поэты 1820–1830-х годов. С. 186–187.

Автографы — письмо к Погодину от 22 декабря 1829 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 75 (текст стихотворения сохранился частично: первые семь строк) и зап. книжка, л. 32–33. Утрачено и имевшееся в письме к Погодину примечание.

Ниже приводятся варианты стихов из письма к Погодину.

Строфа 4, ст. 3–4:

*Уж не влагою ль небесной.
Гневный Бог тебя губил?*

Строфа 5, ст. 4: Кто скорей *сшибёт* меня?

II.12. К Р и м у

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Когда в тебе, веками полный Рим,
По стогам гром небесный пробегает,
И дерзостно раскатом роковым
В твои дворцы и храмы ударяет:
Тогда я мню, что это ты гремишь,
Тяжёлый прах надменно отрясаешь
И сгибами виссона шевелишь
И громом тем Сатурна устрашаешь.

[Не позднее 22 декабря 1829]

«Московский Вестник». 1830. Ч. 1, № 4. С. 335; Стихотворения 1937. С. 162; Стихотворения 1939. С. 80. Поэты 1820–1830-х годов. С. 186.

Автографы — письмо к Погодину от 22 декабря 1829 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 75 (текст стихотворения сохранился лишь частично: окончания заключительных строк) и зап. книжка, л. 31. В наст. изд. впервые по зап. книжке. Прежде ст. 6 публиковался так:

Во гневе прах столетий отрясаешь

В зап. книжке имеется следующий вычеркнутый вариант ст. 6:

С виссона прах тяжёлый отрясаешь

II.13. К Р и м у («По лестнице торжественной веков...») [Не позднее 22 декабря 1829]

Под загл. «Стансы Риму» с цензурными пропусками «Телескоп». 1831. № 2. С. 179–180 (цензурное разрешение 6 января 1831, цензор С. Т. Аксаков). Эта же версия включена в: Стихотворения 1937. С. 163–164 и Стихотворения 1939. С. 80. Впервые с восстановлением цензурной купюры (последние две строки второй строфы), оконч. авторского загл. «К Риму» и заменой «Колизея» на «Колосея» в 3-ей строке 3-ей строфы в: Поэты 1820–1830-х годов. С. 185–186; Русская поэзия 1826–1836. С. 193–196 (по изд. 1972).

Автографы — РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 75 об. (текст стихотворения сохранился лишь частично) и зап. книжка, лл. 31–32.

Возникновение этого и других политически окрашенных римских стихотворений Ш., таких как «Форум» (см. II.38), относится к началу интенсивного общения между Ш. и приехавшими в Рим Адамом Мицкевичем и Антонием-Эдуардом (Фаддеевичем) Одынцом, о чём Ш. пишет Погодину уже 24 ноября / 6 декабря 1829: «Одынец — славный малый. Я до смерти рад им. Есть с кем родное слово молвить и рифму сказать» (РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 69). В свою очередь молодой Ш. и высокие оценки, данные ему Мицкевичем, присутствуют на страницах третьего, римского тома «Дорожных писем» А.-Э. Одынца [см. *Listy z podróży Antoniego Edwarda Odyńca (z Rhyumu)*. Tom III, wydanie drugie. Warszawa: Gebetner i Wolff, 1885].

«Стансы Риму», как первоначально называлось стихотворение, и другие «тёмные» ораторски возвышенные философские стихи Ш., присылаемые им из Рима для публикации в русских журналах, вызвали стихотворную пародию Картофелина (Н. А. Полевого), которая обсуждается выше в I.3.

II.14. Кн. Гагари<ной> в альбом [неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Бывало, скиф, наш предок круглолицый,
Склонив к рукам закованным главу,
Смиренно шёл за римской колесницей,
Служа рабом чужому торжеству, —
А ныне скиф гордится, созерцая,
Как дочери его родной земли,
Красою чувств возвышенных сияя,
На торжество в Рим древний притекли;
Как их душа в развалинах пылает;
Как римлянин, наш данник в свой черёд,
Их кроткий плен с покорностью несёт
И языком Петрарки воспевает.

Рим. 1829

Под заглавием «В Альбом... (1830. Рим)» Молодик на 1843 год: Украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Харьков: в Университетской тип., 1843. Ч. 1. С. 268–269; Стихотворения 1937. С. 170; Стихотворения 1939. С. 83–84 с датировкой «Рим. 1830». М.И. Аронсон предположил: «Стих “На торжество в Рим древний притекли” имеет в виду, видимо, карнавал в Риме 1830 г. (см. “М<осковский> В<естник>”, 1830, ч. 2, стр. 361), что позволяет датировать стихотворение приблизительно февралём 1830 г.» (там же, 266). С изменённой датировкой «Рим. 1829» на основании перечня на л. 56 зап. книжки в: Поэты 1820–1830-х годов. С. 188.

Автографы — зап. книжка, л. 45 и НИОР РГБ, ф. 32, И. Е. Бецкой, к. 15, ед. хр. 25, л. 3 с, насколько можно судить, ошибочной, датой «1830. Рим».

В наст. изд. восстановлено авторское заглавие и убрано смысловое искажение в посл. слове. Прежде заключительная строка — по обоим сохранившимся автографам — печаталась так:

И языком Петрарки *напевает*.

Не указанный во всех предшествующих публикациях адресат стихов — жена русского дипломата, посла в Риме князя Григория Ивановича Гагарина (1782–1837) княгиня Екатерина Петровна, урождённая Соймонова (1790–1873). Как и Зинаида Волконская, княгиня Гагарина, долго живя за границей, перешла в католичество, что ещё в России сделала её сестра, известная русская католичка ультрамонтанского толка, переселившаяся в Париж писательница Софья Петровна Свечина (1782–1857). В Риме Шевырёв давал уроки не только Александру Волконскому, но и младшим сыновьям четы Гагариных.

Тематически стихотворение представляет собой развитие финала II-й из «Римских элегий» (1788) Гёте; только римлянка, которая рада «полярному гостю» — поэту из северной страны, лирическому герою «Элегий» — превращается в римского «данника»-поэта, воспевающего на «языке Петрарки» гостью из «полярной» Скифии. Вот как звучит соответствующее место из «Римских элегий» в современном Ш. переводе А. Н. Струговщикова:

Щедро ей платит за это пришлец, рассказом про снежные
Горы, леса дремучие, льдины, моря и гранит;
Нет ей отказа ни в чём. Рада Римлянка полярному
Гостю, а он, варвар, полный её властелин!

[Римские элегии. Сочинение Гёте /
Пер. А. Струговщикова. СПб., 1840
(далее — Гёте 1840). С. 6]

II.15. Сцена из I-го действия «Пикколомини» (Шиллера)
(Из Явления пятого, 1829)

«Денница». 1834. С. 207–218 с датой «1829» и за подписью «С. Шевырёв». Автограф неизвестен. Представляет собой перевод (без окончания) четвёртого явления первого действия второй части драматической трилогии Шиллера «Валленштейн» (1799).

В 1826–1829 Ш. работал над переводом всей трилогии, который не был завершён: в Москве в 1826-м он перевёл первые пять явлений первого действия заключительной части трилогии «Смерть Валленштейна», в 1827-м первую часть «Валленштейнов лагерь» (целиком), в Италии в 1829-м — вторую часть «Пикколомини» (фрагментарно). См. также «Романс Теклы (из Пикколомини)» (1829–1856).

II.16. Русская история [«Про царство — Русь, про ход её судьбин...», 1829 (?)
Итальянские впечатления. С. 578 (в составе комментария).

Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 22 (далее — черновики и беловики), л. 82. Полемический выпад против первого тома «Истории русского народа» (М., 1829) Н. А. Полевого, вошедший в переработанном виде в «Послание к А. С. Пушкину».

II.17. Ромул, трагедия в пяти действиях (Действие первое. Август 1829, о. Искья — 6 августа 1830. Рим; Действие второе. Окончено 9 ноября 1830. Рим)
Стихотворения 1939. С. 91–144 по рукописи ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 23. При жизни автора за подписью «С. Шевырёв» был опубликован только монолог сивиллы

Карменты (действие первое, явление шестое) без указания, откуда он взят, под заглавием «Пророчество Карменты о Риме (отрывок)»: «Денница» 1834. С. 22–25 (цензурное разрешение альманаха от 24 октября 1833) — отрывок, связанный как с «Одой Горация последней (IV кн., 16-я)» (1830), так и с переводами из Данте, и вообще с тематикой трагических гражданственных пророчеств о будущем Рима и его наследников (например, Москвы, см. неопубликованное стихотворение 1843-го года «Urbi», III.2.2).

Разночтений у опубликованного при жизни Ш. отрывка с текстом трагедии — за исключением не меняющих смысла пунктуационных — нет.

II.18. В а д и м (либретто к опере А. Н. Верстовского, 1829–1830. О. Искья и Рим) В последующих переделках либретто в отсутствие находившегося в Италии Ш. приняли участие Сергей Аксаков, Михаил Загоскин и кн. Александр Шаховской. Согласно сведениям Н. Н. Финдейзена, опера «дана была в *первый* раз в Москве 25-го ноября 1832 г. (в Петербурге же не исполнялась), на сцене Петровского театра и имела большой успех. Эта опера была написана под влиянием возникшего в то время, славянофильского стремления к, исключительно, народным сторонам» [Н<иколай> Ф<индейзен>. Алексей Николаевич Верстовский. Очерк его музыкальной деятельности (с портретом композитора). СПб.: в тип. Ю. Штауфа (И. Фишона), 1890. С. 49]. Однако тот же автор отмечает нескладность окончательного либретто и отсутствие в музыке запоминающихся номеров, за исключением песни сторожевой девы из 3-го действия. Ноты «Вадима» хранятся в Центральной музыкальной библиотеке Государственного академического Мариинского театра (Санкт-Петербург) и в Государственном архиве Ярославской области, а либретто — в Отделе рукописей, редких книг и художественно-постановочных материалов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (А. А. Соболева. Алексей Николаевич Верстовский. Библиографический указатель. Тамбов: <Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина,> 1999: 315), в Историко-музыкальном музее им А. Н. Верстовского Староюрьевского района Тамбовской области хранятся фотокопии эскизов 1832-го года к декорациям 1-го, 3-го и 4-го действий оперы «Вадим» (там же, с. 252–253 и 254).

Некоторую известность получила «Песня Гремиславы» («Участь моя горькая...»), опубл. «Денница» 1830. С. 254–256, откуда перепечатано в: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов: В 4 ч. М.: изданием моск. купца О.И. Хрусталёва (тип. Н. Степанова при Имп. театре), 1831. Ч. 2. С. 39–42 и Стихотворения 1939. С. 66–68. В РГАЛИ хранится помеченный 11 февраля 1829 автограф «Романса из оперы “Вадим”», безусловно указывающий на то, что работа над либретто была начата ещё до отъезда, в Москве (РГАЛИ. Ф. 563, оп. 1, ед. хр. 10). Автограф либретто «Вадима» — РГАЛИ, ф. 10, оп. 4, ед. хр. 166. И хотя в архивном описании автограф либретто указан как шевырёвский, ни стилистикой, ни типом почерка он не производит впечатления принадлежащего одному только Ш.

II.19. Р о м а н с Т е к л ы (из Пикколomini) («Бушует бор, шумят небеса...»), 1829 — сентября 13, 1856 г.)

Две начальные строфы за подписью Ит<альянец> под загл. «Романс Теклы (из Шиллера)» и с датой «1829» в «Москвитянине» 1841. Ч. 5. № 10. С. 338. Впервые полностью в: Стихотворения 1939. С. 191–192. Автограф первых

двух строф — зап. книжка, л. 45 об., под загл. «Перевод романса Теклы из “Пикколомини”» с датировкой 1829. Заключительная строфа приписана в 1856. Автограф оконч. ред. в альбоме Н. В. Гербея: ОР РНБ, ф. 179, ед. хр. 12, л. 195 (в пагинации хозяина альбома — 291).

Текла — действующее лицо второй части «Пикколомини» в драматической трилогии Шиллера «Валленштейн», дочь австро-чешского полководца эпохи Тридцатилетней войны *Альбрехта Венцеля* (Войтеха или Вячеслава) *Евсевия фон Валленштейна* (1583–1634), историческое лицо.

II.20. Две реки

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Из единого истока
 На родную грудь земли
 Два кристальные потока
 Тихоструйно истекли.
 Истекли — и разлучились,
 Но, кляня враждебный рок,
 Волны верные любились,
 Помня свой родной исток.

На чужбины брег далекой
 Занесен с своих полей,
 Так Налии одинокой
 Издали журчал Пеней:
 «Жажда вод моих, Налия!
 Там, где ты, лугов краса,
 Стелешь струи голубые, —
 Чисты ль, светлы ль небеса?

Ток мой ясен: над берегами
 В нём глядится пышный сад:
 Розы, лавры и кистями
 Наклонённый виноград.
 Облака серебром трепещут
 В зыбком зеркале струи;
 Мимолетом часто блещут
 Белокрылые ладьи.

Песни слышатся живые;
 Берег светлый, но чужой,
 Имя звучное — *Налия!* —
 Повторяет за волной.
 Много рек вокруг златится,
 Но их ток не нужен мне, —
 И волна моя стремится
 Всё к Налииной волне.

Скоро ль, скоро ль вожделенный,
 Тот проглянет светлый день,
 Как с чужбины, утомленный,
 Притеку в родную сень?

С той же ль лаской друга примешь?
Верно ль ток усталый мой
Ты с любовью обнимешь
Неизменно волной?»

Из родных полей Налия
Другу так журчит в ответ:
«Любят волны голубые,
Но грозит преградой свет.
Он твердит: дары любви
У меня не суждены
Ни сердцам единой крови,
Ни рекам одной волны». —

«Утечём же в степь изгнания,
Где ни скал, ни камней нет,
Где любовного слиянья
Не услышит строгий свет.
Если ж там мы, беззащитно,
Волн своих не можем слить,
На себе клянусь неслитно
Ток твой девственный носить.

Скрывшись в дебри, в мрак лесистый.
Ясных струй твоих красу,
Как елей прозрачно-чистый,
Не сливав туда снесу,
Где все реки притекают
Со четырёх мира стран
И течения сливают
В безграничный океан».

[Начало января 1830]

«Альциона». 1832. С. 89–92; Стихотворения 1937. С. 166–168; Стихотворения 1939. С. 81–82. М. И. Аронсон считал, что «Две реки» являются памятником неудачного романа Ш. с его двоюродной сестрою Натальей Степановной Топорниной (впоследствии, с 1833 г., женой товарища Ш. по Московскому Университетскому Пансиону — саратовского помещика Николая Ивановича Митракова). Завязка этого романа относится, вероятно, к 1827 г., когда Ш. провёл в кругу родных в Саратовской губернии более полугода. Во всяком случае, в январе 1829 г., когда Ш. ездил в Саратовскую губ. прощаться с матерью и родными, в том числе и с семейством своей тетки Марии Александровны Топорниной, сестры его матери, последняя уже знала о его любви; вероятно, с ней были даже разговоры, окончившиеся неблагоприятно для Ш., так как по правилам православной церкви брак близких родственников был запрещен. К роману с Н. С. Топорниной относится ряд анонимных произведений Ш.» (там же, с. 226).

Автографы — письмо к Погдину от 11 января 1830 г. (поправка — в письме к нему же от 6 марта 1830 г.). РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, лл. 80–80 об.

с вариантами и зап. книжка, л. 34 об. – 36. Первоначальный вычеркнутый вариант строфы 8, ст. 1–2 из письма Погодину:

Скрывшись в дебри *каменисты*,
Чистых волн твоих красу,

В наст. изд. текст уточнён по зап. книжке. Последняя строка прежде публиковалась так: В *беспредельный* океан.

II.21. Стансы («Стен городских затворник своенравный...»), *Рим. 9 февраля 1830, среда*)

С заглавием «Педантам-изыскателям» в альманахе «Сиротка: Литературный альманах на 1831 год, изданный в пользу заведения призрения бедных сирот». М.: В тип. С. Селивановского, 1831. С. 85–86. С неточной датировкой и под первопеч. заглавием в: Стихотворения 1937. С. 169 и Стихотворения 1939. С. 83, 226 (пояснение). С восстановлением авторского заглавия по зап. Книжке в: Поэты 1820–1830-х годов. С. 189; Науки жрец и правды воин! С. 172.

Автографы — письмо Погодину № 14, от 11 февраля 1830 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 84 об. и зап. книжка, л. 36 об. Уточнённая датировка по зап. книжке.

Тематически стихотворение представляет собой оклик на V-ую из «Римских элегий» Гёте с её дихотомией учёных занятий днём и любовных утех ночами, с той существенной разницей, что Ш. говорит лишь об интересе — чисто поэтическом — к жизни природного мира, «светлой флоры». Современный Ш. перевод данной элегии см. Гёте 1840. С. 13–14.

II.22. Стены Рима

[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Веками тканая величия одежда!
О каменная летопись времён!
С благоговением, как набожный невежда,
Вникаю в смысл твоих немых письмён.
Великой буквою мне зрится всяк обломок,
В нём речи прерванной ишу следов...
Всё дразнит жадный ум — и каждый камень, громок
Отзывами отгрянувших веков.

[Не позднее 22 марта 1830]

Первопечатный вариант стихов — «Московский вестник». 1830. Ч. 4. № XIV, XV и XVI. С. 109. Повторен Стихотворения 1937. С. 165 и Стихотворения 1939. С. 81. Первоначально предпоследняя строка читалась так: *Здесь всё таинственно* — и каждый камень, громок.

В наст. изд. впервые публикуется окончательная авторская редакция (с отличиями в предпоследней строке) по зап. книжке, л. 37. Она совпадает с дневниковой версией, опубликованной в: Итальянские впечатления. С. 123 (с черновым вариантом в предпоследней строке: *Всё раздражает мысль* — и каждый камень, громок). Другие автографы — письмо к Погодину, № 17

(вторая половина письма датирована 22 марта 1830 г.). РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 28; ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 14, л. 95 об.

Финал стихотворения — аллюзия на начальные две строки I-ой из «Римских элегий» Гёте, которые в переводе А. Н. Струговщикова звучат так:

Камни, ответствуйте мне, обелиски, дворцы, отзовитесь!
Капища, молвите слово! Гений, иль ты недвижим?

(Гёте 1840. С. 1)

П.23. «Хоры ангелов несутся...» (Рим. 27/15 марта [1830])

Автограф РГАЛИ, ф. 563, оп. 1, ед. хр. 21 в составе любовного письма неустановленному адресату из Рима с обращением «Уж давно, мой Ангел Н..., я хотел повести тебя по Риму». Год устанавливается предположительно. В рукописи вычеркнуты 14 начальных строк.

В первой публикации — Поэты тютчевской плеяды. С. 302–303 — вычеркнутые 14 начальных стихов воспроизведены вместе с оставленными.

П.24. Русский соловей в Риме (в альбом А. М. В<ласов>ой)
[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

«Лавры, тополи густые!
Кто теперь у наших вод
Песни новые, живые
Гармонически поёт?
Как полны любовной муки,
Отзываются в струях:
То неведомые звуки
На полуденных берегах!

Часто я, забывшись в беге,
В море волн не тороплю
И, покоясь в звучной неге,
Их дослушивать люблю.
Много песен, голосистый,
Распевает мой народ:
Сей же песни звонкой, чистой
Не слышать у наших вод».

Лавры, тополи, густыми
Сеньми к Тибру наклонясь,
Шепчут листьями живыми,
В струи жёлтые глядясь:
«Древний праотец — поитель!
С хладных, северных степей
В изумрудную обитель
К нам принёсся соловей.

Заунывный, тихий, нежный,
Чувством звук его дрожит;
Голос, правильно небрежный,
Чистым золотом звенит.

В песне русской, в песне томной
 Выливает душу он,
 Душу, любящую скромно,
 Душу нежных русских жён».

Тибр и шумная дубрава
 Сочетали дружный глас:
 «Соловей российской, слава!
 Пой нам песни, радуй нас
 На наречье свежем, новом!
 Счастье будь твой римский друг
 И тебе приветным словом
 Отвечай на каждый звук».

29 мая/11 июня 1830. Рим

Под заглавием, приводимым в наст. изд. «Альциона» 1832. С. 11–13. Также под заглавием «Русская песня в Риме (1830. Рим)». Молодик. 1843. Ч. 1. С. 191–193. Повторено в: Стихотворения 1937. С. 184–185 и Стихотворения 1939. С. 144–145. М. И. Аронсон высказал предположение, что «*М. А. В-а*, в альбом которой записаны стихи, по-видимому — Мария Александровна Власова, родственница З. А. Волконской, жившая в Риме вместе с нею» (там же, 229). На самом деле *Мария* (Магдалина) *Александровна Власова* (урожд. княжна Белосельская, 1787–1857) была не просто родственницей, а старшей сестрой княгини Зинаиды Волконской, вышедшей замуж за помещика *Александра Сергеевича Власова* (1777–1825), и стихи приурочены к 43-й годовщине её рождения. Брак с Власовым оказался бездетен, и после смерти мужа Мария Александровна жила в семье сестры. См. также обращённые к ней стихи «Кружася с вами в вальсе шумном...» (1832) и «На заданные слова» (1832) в наст. изд.

Черновой автограф без загл. (на обороте черновика «Оды Горация последней») — черновики и беловики, л. 95 об. На полях 4-й строфы черновика написан следующий вариант начала:

Глас пронзительный, и чувство
 Песни русские творит
 Златом чистого искусства

В черновике след. разночтения с оконч. редакцией в ст. 29–31:

В песне русской и прекрасной
 Выливает душу он,
 Душу, любящую *страстно*,

Беловые автографы: ZAVP, под заглавием «Русский соловей в Риме» и с датой (приводимой в наст. изд.), НИОР РГБ, ф. 32, И. Е. Бецкой, к. 15, ед. хр. 25, л. 2 (текст для «Молодика») под загл. «Русская песня в Риме» и зап. книжка, л. 38–39 об под загл. «Русский соловей в Риме».

В беловом автографе, подаренном М. А. Власовой (ZAVP), имеется следующий отброшенный при печатании вариант ст. 29–32, отчасти совпадающий с черновиком в ОР РНБ:

В песне русской и прекрасной
Выливает душу он,
Душу, любящую *страстно*,
Душу *пылких* русских жён».

Этот же вариант был первоначально вписан в зап. книжку, но впоследствии исправлен на опубликованный. Заключительная строка в рукописи, подаренной М. А. Власовой: «Отвечай на *русский* звук».

Вариант строфы 3, ст. 5 в изд. 1832 и 1939, отброшенный в рукописях ZAVP, НИОР РГБ и зап. книжки, а также в изд. 1843 и наст. изд.: «Древний *праотцев* поитель!»

Вариант строфы 5, ст. 3 белой рукописи из НИОР РГБ, опубликованный в «Молодике»: «Соловей *России*, слава!»

Для наст. изд. текст стихотворения сверен и выправлен по зап. книжке.

II.25. Ода Горация последняя (IV кн., 16-я) («Что грязен, Тибр? Струя желта, мутна!», [Май или июнь 1830])

«Северные цветы: Альманах». 1831. С. 49–50; Стихотворения 1939. С. 90–91; Поэты 1820–1830-х годов. С. 196. Автографы: черновой автограф б. д. (на обороте черновика стихотворения «Русский соловей в Риме») под заглавием «Ода Горация IV книги 16^а» — черновики и беловики, л. 95, белой автограф — зап. книжка, л. 39 об-40. Датируется по сочинённому одновременно стихотворению «Русский соловей в Риме».

М. И. Аронсон также упоминает об известном ему автографе в письме к А. Дельвигу от 14/2 сентября 1830 г. (Стихотворения 1939. С. 228), определить место хранения которого в настоящий момент затруднительно.

В IV-й книге «Од» *Квинта Горация Флакка* (65–8 до Р. Х.) их только пятнадцать.

II. 26. Стансы («Когда безмолвствуешь, природа...», [Первая половина 1830])

«Венера». 1831. Ч. 2. С. 34 (цензурное разрешение 18 сентября 1830, что позволяет датировать стихи первой половиной года); Стихотворения 1937. С. 127 (с произвольной датировкой «1828»); Стихотворения 1939. С. 54 (с по-прежнему неверной датировкой «1828?»); Поэты 1820–1830-х годов. С. 188–189 (с уточнённой датировкой «1830»); Русские поэты XIX века. С. 485–486 (с прежней неверной датировкой «1828?»); Поэты тютчевской плеяды. С. 298 (с повтором неверной датировки «1828?»); Русская поэзия 1826–1836. С. 248–249 (по изд. 1972); Науки жрец и правды воин! С. 171–172 (по изд. 1972). Автограф неизвестен.

II.27. Послание к А. С. Пушкину
[неизданная авторская версия, РГАЛИ]

Из гроба древности тебе привет!
Тебе сей глас — глас неокрепый, юный!
Тебе звучат, наш камертон Поэт,
На лад твоих настроенные струны.

Простишь меня великодушно в том,
 Когда твой слух, взыскательный и нежной,
 Я оскорблю неслаженным стихом
 Иль рифмою нестройной и мятежной;
 Но, может быть, порадуешь себя
 В моем стихе своим же ты успехом,
 Что в древний Рим отозвалась твоя
 Гармония, хотя и слабым эхом.

Из Рима мой к тебе несётся стих,
 Весь трепетный, но полный чувством тайным,
 Пророчеством, невнятным для других,
 Но для тебя не тёмным, не случайным.
 Здесь, как в гробу, грядущее видней;
 Здесь и слепец дерзает быть пророком;
 Здесь мысль, полна предания, смелей
 Потьмы веков пронзает орлим оком;
 Здесь Дантов стих всю землю исходил
 От дна земли до горнего эфира!
 Здесь Анжело, зря день последний мира,
 Пророчесственной кистью гробы вскрыл.
 Здесь, расшатавшись от изнеможенья,
 В развалины распался древний мир,
 И на обломках начат новый пир,
 Блистательный, во здравье просвещенья,
 Куда чредой все племена земли,
 Избранники, сосуды принесли;
 Куда и мы приходим, с честью равной,
 Последние, как древле Рим пришел,
 Да скажем в пре решительный глагол,
 Да поднесем и свой сосуд заздравный! —
 Здесь двух миров и гроб и колыбель!
 Здесь нового святое зарожденье!
 Предчувствием объёмлю я отсель
 Великое отчизны назначенье!

Когда, крылат мечтою дивной сей,
 Мой быстрый дух родную Русь объёмлет
 И ей отсель прилежным слухом внемлет, —
 Он слышит там: со плесками морей,
 Внутри её просторно заключенных,
 И с воем рек, лесов благословенных,
 Гремит язык, созвучно вторя им,
 От белых льдов до вод, биющих в Крым,
 Из свежих уст могучего народа,
 Весь звуками богатый как природа:
 Душа кипит!.. — Когда же вспомяну,
 Что сей язык на пиршестве готовом
 Призван решить последним, полным словом
 Священнейшую разума войну,
 Да мир смирит безумную тревогу,
 Да царствуют закон и правота,
 Какой тогда хвалой гремлю я Богу,
 Что сей язык он мне вложил в уста.

Но чьи из всех родимых звуков мне
Теснятся в грудь неотразимой силой?
Всё русское звучит в их глубине,
Надежды все и слава Руси милой,
Что с детских лет втвердилось в слова,
Что сердце жмёт и будит вздох заочный, —
Твои, певец! избранник божества!
Любовию народа полномочный!
Ты русских дум на все лады орган!
Помазанный Державиным предтечей
Наш депутат на Европейском вече,
Ты — колокол во славу россиян!

Кому ж, певец, коль не тебе, открою
Вопрос, в уме раздавшийся моём
И тщетно в нём гремящий без покою:
Что сделалось с российским языком?
Что он творит безумные проказы?
Тебе странна, быть может, речь моя,
Но краткие его развёрнем фазы —
И ты поймешь, к чему стремлюся я.

Сей богатырь, сей Муромец Илья,
Баюканный на льдах под вихрем мразным,
Во тьме веков сидевший сиднем праздным,
Стал на ноги уменьем рыбака
И начал песнь от Бога и Царя. —
Воскормленный средь северного хлада
Родной зимы и льдистых Альп певцом,
Окреп совсем и стал богатырём,
И с ним гремел под бурю водопада.
Но, отгремев, он плавно речь повёл
И чистыми Карамзина устами
Нам исповедь народную прочёл, —
И речь неслась широкими волнами:
Что далее — то глубже и светлей;
Как в зеркале, вся Русь гляделась в ней, —
И в Океан лишь только превратилась,
Как Нил в песках, внезапная сокрылась,
Сокровища с собою унесла,
И тайного никто не сметил хода...
И что ж теперь? — вдруг лужею всплыла
В Истории не-русского народа.

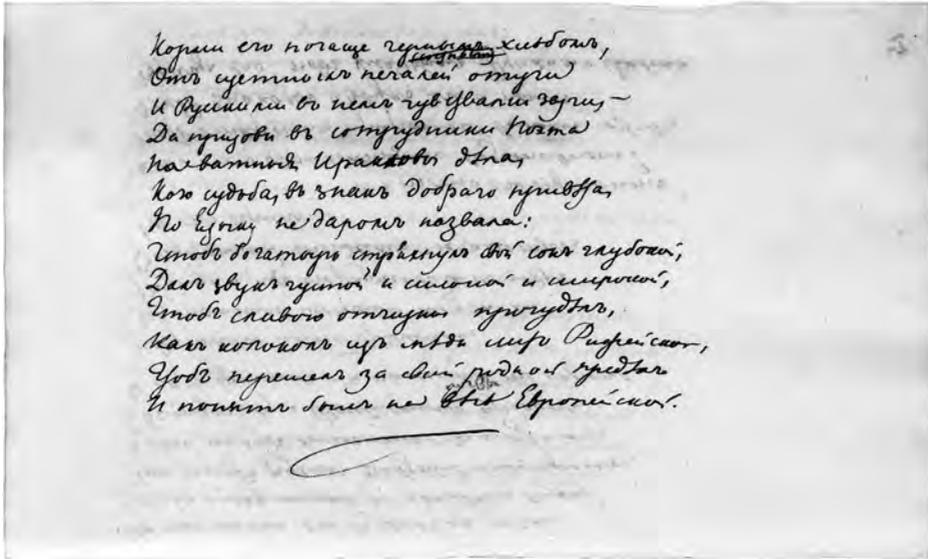
Меж тем когда из уст Карамзина
Минувшее рекою очищенной
Текло в народ: священная война
Звала язык на подвиг современной;
С Жуковским он, на отческих стенах
Развив с Кремля воинственное знамя,
Вещал за Русь: пылали в тех речах
И дух Москвы и жертвенное пламя:

Со славой он родную славу пел, —
И мира звук в ответ мечу гремел.
Теперь, кому ж, коль не тебе, по праву
Грядущую свою вручит он славу?

Что ж ныне стал наш мощный богатырь?
Он, гальскою диэтою замучен,
Весь испитой, стал бледен, вял и скучен,
И прихотлив, как лакомый визирь,
Иль сибарит, средь томного дреманья
На ложе роз подемяющий стенанья,
Когда под ним сомненья лепесток: —
Так наш язык: от слова ль праздный слог
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Теснее ль в речь мысль новую водвинешь, —
Уж болен он, не вынесет, кряхтит,
И мысль на нём, как груз какой, лежит!
Лишь песенки ему да слёзы милы;
Лишь только б ум был тихо усыплён
Под рифменный, отборный пустозвон!..
Что, если б встал Державин из могилы?
Какую б он наслал ему грозу?
На то ли он его взлелеял силы,
Чтоб превратить в ленивого мурзу?
Иль чтоб ругал заезжий иностранец,
Какой-нибудь писатель-самозванец,
Святую Русь российским языком
И нас бранил — и нашим же пером!..

Недужного иные врачевали,
Но тайного состава не узнали:
Тянули из его расслабших недр
Зазубренный спондеем гекзамётр*,
Но он охрип...
— И кто ж его оправит?
Кто от одра болящего восставит?
Тебе открыт природный в нем состав,
Тебе знаком и звук его и нрав,
Врачуй его: под хладным русским Фебом
Корми его почаще чёрным хлебом,
От суетных печалей отучи
И русскими в нём чувствами звучи, —
Да призови в сотрудники Поэта
На важные Иракловы дела,
Кого судьба, в знак доброго привета,

* Это не может относиться ни к гекзаметрам Жуковского, ни Гнедича, потому что они не зазубрены спондееми. Автор. [В авторской рукописи стихов — в зап. книжке, л. 47–51 об. — данное примечание отсутствует — И. Г. В.].

С. П. Шевырёв. Послание к А. С. Пушкину.
Неизданная авторская версия

По языку недаром назвала:
Чтоб богатырь стряхнул свой сон глубокой,
Дал звук густой и сильный и широкой,
Чтоб славою отчизны прогудел,
Как колокол из меди лит Рифейской,
Чтоб перешел за свой родной предел
И понят был на почве Европейской.

[20 июня — 17 июля и август 1830. Рим]

«Денница». 1831. С. 107–114, с многочисленными цензурными купюрами и искажениями и датой: «Рим. Август 1830». На самом деле «Послание» закончено 17 июля (н. ст.) 1830 г. (Итальянские впечатления. С. 166). Очевидно, что оно продолжало дорабатываться и в августе 1830 г. С уточнённой (но всё равно не вполне точной датой) «Рим. [14 июля] 1830 г.» и сохранением прежних купюр и искажений в: Стихотворения 1937. С. 172–177 и Стихотворения 1939. С. 86–90. С восстановлением главных цензурных купюр и частичными исправлениями по зап. книжке, л. 47–51 об. (единственный сохранившийся автограф), а также новой датой «Июль 1830. Рим» в: Поэты 1820–1830-х годов. С. 189–193 и Науки жрец и правды воин! С. 175–177. В Русская поэзия 1826–1836. С. 249–254 б. д. (в разделе «1830») но по изд. 1972. Однако и эти публикации далеки от исправности.

История бесконечных превращений текста «Послания к А. С. Пушкину», впервые публикуемого в авторской версии лишь в наст. изд., когда с момента написания прошло, напомним, почти 200 лет, — может быть, наиболее очевидный случай того, как текстология служит политике, а редактор и публикатор видят только то, что им хочется увидеть (о чём подробнее в разделе I.4).

Ниже приводим основные отличия цензурного варианта 1831 (переизданного в 1939) от публикуемого в наст. изд., а также отличия от изд. в книгах: Поэты 1820–1830-х годов (1972), Русская поэзия 1826–1836 (1991) и Науки жрец и правды воин! (2009).

Ст. 21 (исправлен в изд. 1972 и 2009): Здесь Дантов стих всю *бездну* исходил.

Ст. 33 (исправлен в изд. 1972 и 2009): Да скажем наш решительный глагол.

Ст. 49–54 после «*Душа кипит!..*» отсутствовали вовсе (исправлено в изд. 1972, 1991 и 2009).

Между ст. 76 и 77 отсутствует разбивка на строфы в предыдущих изд.

Ст. 97: В Истории *российского* народа.

Тот же ст. 97 в изд. 1972, 1991 и 2009: В «Истории не русского народа».

Ст. 109 во всех предыдущих изд.: Грядущую вручит он славу?

Ст. 114–116:

Иль сибарит, на *розах* почивавший,
Недужные *стенанья* издававший,
Когда под ним *сминался* лепесток.

Те же ст. 114–116 в изд. 1972, 1991 и 2009:

Иль сибарит, на *розах* почивавший,
Недужные *стенанья* издававший,
Когда под ним *сминался* лепесток.

Ст. 122 во всех предыдущих изд.: Лишь песенки ему да *брани* милы;

Ст. 136 — в рукописи (зап. книжка, л. 51) отсутствует сноска.

Ст. 142 (исправлено в изд. 1972, 1991 и 2009): Корми его почаще *сытным* хлебом, Заключительный ст. отсутствовал. В изд. 1972, 1991 и 2009 он читался так:

И понят был на *вече европейском*.

II.28. К Фебу («Плодов и звуков божество!»), [*Рим. Лето 1830*])
«Северные цветы» 1831. С. 67; Стихотворения 1937. С. 180 (с датировкой «1830»); Стихотворения 1939. С. 84–85 (с мотивацией датировки там же: 227). Автограф — зап. книжка, л. 40.

II.29. Чтение Данта («Что в море купаться, то Данта читать...»), [*Рим. Лето 1830*])
«Северные цветы» 1831. С. 7; Стихотворения 1937. С. 181 (с датировкой «1830»); Стихотворения 1939. С. 85 (с мотивацией датировки там же: 227); Поэты 1820–1830-х годов. С. 194; Русские поэты XIX века. С. 489; Поэты тючевской плеяды. С. 300; Русская поэзия 1826–1836. С. 254. Автограф — зап. книжка, лл. 40–40 об.

II.30. Критику («Вменяешь в грех ты мне мой тёмный стих...»), [*Рим. Лето 1830*])
«Литературная газета» 1830. Т. II. С. 161 под заглавием: «Сравнение», принадлежащим, как можно предположить, А. А. Дельвигу. Под предположительно

прочитанным М. И. Аронсоном заглавием «Пушкину» (в рукописи — письме Ш. к Дельвигу — оно вымарано) в: Стихотворения 1937. С. 178 (без пояснения почему) и Стихотворения 1939. С. 90 (с мотивацией датировки там же, с. 228). На этом, вполне обоснованном, гадательном чтении, Аронсон строит предположительную полемику Ш. с Пушкиным, проецируя нетерпимо полемическую атмосферу 1920–1930-х на 1820–1830-е и на взаимоотношения внутри «аристократической партии» в литературе, к которой принадлежали Пушкин, Дельвиг, Вяземский, Ш. В. С. Киселёв-Сергенин счёл такое прочтение ошибочным и указал в качестве адресата стихов Ореста Сомова (Поэты 1820–1830-х годов. С. 702–703). Под новым заглавием «Критику», восстановленным по зап. книжке, в книгах: Поэты 1820–1830-х годов. С. 195; Науки жрец и правды воин! С. 173.

Дошедший до нас автограф — зап. книжка, л. 40 об. В 10-й строке в зап. книжке вписан вариант «Вот Алеатико *струя* густая», впоследствии отвергнутый.

М. И. Аронсон также упоминает об известном ему автографе в письме к А. Дельвигу от 14/2 сентября 1830 г. (Стихотворения 1939. С. 228), определить место хранения которого в настоящий момент затруднительно.

Интересный анализ эпиграммы (хотя и основанный на ложном прочтении Аронсоном её адресата как Пушкина) дан В. Н. Топоровым, в частности, указывающим на финал Каллимахова «Гимна к Аполлону» в издании и переводе И. И. Мартынова (Гимны Каллимаха Киринейского / Пер. с греч. и примеч. Ивана Мартынова. СПб.: в тип. Иос. Иоаннесова, 1823. С. 39 и 41) как на вероятный источник образов стихотворения Ш. (В. Н. Топоров. О стихотворении Шевырёва «{Пушкину}» и античной параллели к нему // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, Издательство РГГУ, 1997. Вып. 2. С. 237–241).

II.31. Тройство («Я, в лучшие минуты окрыляясь...», [Рим. Лето 1830])
«Северные цветы» 1831. С. 101; Стихотворения 1937. С. 182; Стихотворения 1939. С. 85; Поэты тютчевской плеяды. С. 285. Автограф — зап. книжка, л. 41.

II.32. К Италии («Лобзай и жги и жми меня к устам...», [Рим. Лето 1830])
Под заголовком «Италии», без подписи и с датировкой «1829» впервые «Московский наблюдатель» 1835. Ч. 2. Кн. 5. С. 54. Повторено в Стихотворениях 1937. С. 183. В Стихотворениях 1939. С. 86 уточнена дата написания «лето 1830» и сообщается, что стихотворение предназначалось Ш. в качестве эпиграфа к воспоминаниям о Риме, «которые посвящу друзьям под именем Альбома» (письмо Погодину от 12 декабря 1830 РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 136 об.). Автограф — зап. книжка, л. 41. Восстановлен авторский вариант заглавия.

II.33. К матери («Во мне бьёт радостью твоя живая кровь...», [Рим. Лето 1830])

Под заголовком «Матери», без подписи и с датировкой «1829» впервые «Московский наблюдатель» 1835. Ч. 2. Кн. 5. С. 54. Предположительно дата и место написания те же, что и у стихотворения «К Италии». Автограф — зап. книжка, л. 41.

П.34. Широко («Воздух скован теплотой...», [Рим. Лето 1830])
 «Северные цветы». 1831. С. 36; Стихотворения 1939. С. 85–86 (с мотивацией датировки там же: 227); Поэты тютчевской плеяды. С. 301. Как уже отмечалось в I.4, редакторское исправление в изд. 1939 в 10-й строке «морит» вм. диалектного «марит» (т.е. сильно парит как перед дождём или грозой), повторенное в книге Поэты тютчевской плеяды, следует снять, поскольку в автографе — зап. книжка, л. 41 об. — именно «марит».

П.35. Соболевскому
 [неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Видел ты все страны чужды:
 Все народы знают нужды,
 Всюду плачут небеса,
 Всюду люди состарелись
 И довольно нагляделись
 На святые чудеса.
 Видел ты, как Папа driщет,
 Как француз над картой свищет,
 Как пути германец ищет,
 Как британец в свете рыщет
 И сказал: «Дай поплетусь
 Лучше в нашу Божью Русь!»
 Что мне Рим? — уж он нанюхан;
 Как на камнях вздуть огонь?
 И кому ж приятна вонь
 От опространных уж кухонь!
 Портер Лондона хорош,
 Рейнвейн германской тож,
 Но и тот и этот движим:
 «Всё осталось за Парижем»;
 Но желудок, говорят,
 Эгоист, аристократ:
 Кухня любит монархию,
 Так бегом, бегом в Россию!
 Ты одна лишь без греха,
 Волга — русская уха! —

[После 13 июля 1830]

Valentina Rossi. Tre testi inediti di S. P. Ševyrev // *Russica Romana*. Roma: La Fenice Edizioni, 1994. Vol. I. P. 187 (с прочтениями, отличными от нашего). Автограф — зап. книжка, л. 46. Библиофил и библиограф *Сергей Александрович Соболевский* (1803–1870) путешествовал в эту пору по Европе. Это, как и три следующие стихотворения, возможно, вдохновлено стихотворным посланием от 13 июля 1830 из Мюнхена, написанным Соболевским от имени их общего друга, переводчика Гёте Н. М. Рожалина (1805–1834), с 1828 жившего за границей, сперва в Германии, а затем в 1831 по протекции Шевырёва переселившегося в Италию для занятий с сыном З. А. Волконской: «Описать тебе хочу я, / Почему, о милый мой, / К вам приехать не могу я /

Из Баварии пивной. / Здесь держи лишь остро ухо / И глаза вперид горе: / Мудрствовать не будет сухо / Для жильцов Буасере. / Гередиток очи чёрны / На меня устремлены; / Пухты, Шеллинги и Шорны / Чуть в меня не влюблены; / На меня лишь уповае / Славный Тирш в ученой пре, / И слюну свою пускает / Госпожа Буасере. / Мне прославиться на свете, / Если здесь пробуду я, / И великий скажет Гете / Всей Европе про меня: / “Вот студент, рекомендую! / Что ни день, то по заре / Голову его младую / Мочит друг Буасере”» (Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты / Ред. В. В. Каллаш. М.: С. Г. Мамиконян, 1912. С. 29). В комментарии к «Эпиграммам и экспромтам» В. В. Каллаш поясняет: «Буасере — знаток искусства, которому покровительствовал Гёте; в его доме, в нижнем этаже, жил Рожалин. Пухта, Шеллинг, Шорн и Тирш — профессора» (там же, 116).

II.36. Отрывок из путешествия его же
[не публиковалось, РГАЛИ]

Приелась родина: как грустно!
Ничто не естся, всё невкусно.
Ничто не щиплет аппетит:
Что за тоска? За апатия?
Нет, голодна моя Россия,
И к ней желудок не лежит.
Уж надоели эти глыбы
Одной и той же мёрзлой рыбы:
Как рыбный стол и ни хорош,
Но наконец одно и то ж
Кому же в мире не наскучит?
Меня же голод, голод мучит:
Так, решено, в коляску сесть!
Европу всю опить, объесть!

[После 13 июля 1830]

Зап. книжка, л. 46 об.

II.37. Он («Он все концы земли изведаль...», [После 13 июля 1830])
За подписью Ит<альянец> б. д. в «Москвитянин». 1841. Ч. 5. № 10. С. 338;
Стихотворения 1939. С. 84 с ложным утверждением в комментариях, что
«печатается впервые по рукописи» (там же, 227). Автографы: черновики
и беловики, л. 82 об. (черновик) и зап. книжка, л. 42 (беловик). Восстановлен
авторский заголовок по зап. книжке.

II.38. Форум
[неизданная окончательная версия на основе рукописи из РГАЛИ]

Распаялись связи мира:
Вещий Форум пал во прах:
Тяжко возлегла порфира
На его святых костях.

Но истлел хитон почтенный —
И испуганным очам
Вскрылись веча, там и там,
Порознь кинутые члены.

И стоят печально ныне
Кой-где сирые столпы:
По заброшенной пустыне
Псы гуляют да попы.
Есть же форума обломки:
Так прияли ж от отцов
Благороднейшую кровь
Искажённые потомки!

[Рим. После 13 июля 1830]

Под заглавием «Римский форум (1830. Рим)» в «Молодик» на 1843 год. Ч. 1. С. 104. В Стихотворениях 1937. С. 171 и Стихотворениях 1939. С. 84 М. И. Аронсон издал отличный от опубликованного прежде вариант под новым заголовком «Форум» по черновикам и беловикам, л. 82 об. (где черновик «Форума» следует сразу за черновиком стихов, сочинённых в ответ на стихотворное послание от Соболевского), объявив прижизненную публикацию «цензурным вариантом текста». Беловой автограф (зап. книжка, л. 41 об.—42) демонстрирует, что дело не в цензуре и окончательная редакция «Форума» представляет собой текстологическую проблему: в записанный автором беловой текст были внесены исправления, частично отражающие первопечатную редакцию, частично учтённые в редакции, опубликованной М. И. Аронсоном, при этом исправления эти были неокончательными и некоторые из них оказались впоследствии сняты. Поэт, очевидно, искал наиболее точного выражения своим мыслям о новой, свежей, варварской силе, пришедшей на смену традициям латинской античности и средневековья.

Ниже приводим разночтения изданий 1843 и 1939:

- Ст. 2: Вещий форум пал во прах (1843)
Вольный Форум пал во прах (1939)
- Ст. 10: Кой-где сирые столбы (1843)
Кой-где сирые *столы* (1939)
- Ст. 12: Псы гуляют да рабы (1843)
Псы гуляют да *попы* (1839)
- Ст. 16: Угнетённые потомки (1843)
Недостойные потомки (1939)

В рукописи, отправленной в «Молодик», имеется следующий вариант 4-го ст., «если Ц<енсура> не позволит»: На его немых костях.

(НИОР РГБ. Ф. 32, И. Е. Бецкой, к. 15, ед. хр. 25. л. 3 об.)

Рукописная редакция зап. книжки с вариантами:

Форум

Распаялись связи мира:
Вольный [← карандашом, стёрто]
Вещий форум пал во прах:
Тяжко возлегла порфира
На его святых костях.

Но истлел хитон почтенный —
И испуганным очам
Вскрылись веча, там и там,
Порознь кинутые члены.

И стоят печально ныне
бы
Кой-где сирые столпы:
По заброшенной пустыне
рабы
Псы гуляют да попы.
Есть же форума обломки:
Так прияли ж от отцов
Благороднейшую кровь
Недостойные
Угнетённые потомки!
Искажённые [← карандашом, прописано довольно ясно]

Таким образом, публикуемая в наст. издании редакция ближе всего к окончательной рукописной, в то время как редакция стихотворения, помещённая В. С. Киселёвым-Сергениным в: Поэты 1820–1830-х годов. С. 195, представляет собой компромисс между текстом, опубликованным М. И. Арносоном, и зап. книжкой.

Судя по всему, замысел стихотворения относится ещё к концу предыдущего года, когда в Михайлов день (8/22 ноября 1829-го года) Ш. посетил римский форум в компании двух польских романтиков, о чём 24 ноября/6 декабря 1829-го с извинением сообщал Погодину: «В прошлом письме обещал тебе писать в день твоего Ангела, но с Мицкевичем и Одынцом был на форуме, устал и вечером забыл. Они приехали сюда уж 2 недели, <...> мы часто видимся» (РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 69).

П.39. [Из Беды Достопочтенного] (“Колос<с> сей падёт...»), 2 августа 1830. Рим)

Итальянские впечатления. С. 176. Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 11 об.

П.40. «... Дианы око...» (8 августа 1830. Озеро Альбано)

Итальянские впечатления. С. 176. Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 13.

П.41. Из двенадцатой песни «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо (Строфа LXIX, «И бледность — белый лик её покрыла...»), 25 сентября 1830. Рим)

Итальянские впечатления. С. 192 (с черновыми вариантами). Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 29 об.

П.42. Из тринадцатой песни «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо (Строфа XXI, «Но вот из бора зашумела вьюга...»), 25 сентября 1830. Рим)

Итальянские впечатления. С. 192 (с черновыми вариантами). Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 20 об.

II.43. Эпиграмма
[не публиковалось, РГАЛИ]

Наш миньютюрный Рафаэль,
Наш Рафаэль а l'aquarel,
Ты всем на первогоходишь,
И только тем ты не Урбин,
Что краски на воде разводишь
И в ней бессмертишь Форнарин.

[До 15/27 декабря 1830. Рим]

Зап. книжка, л. 43. *Форнарина* (La Fornarina, «дочь хлебопёка», наст. имя Маргерита Лути, Margherita Luti) — полупоэтическая натурщица и возлюбленная великого урбинца *Рафаэля Санти* (Raffaello Santi, также известен как Raffaello Sanzio, Rafael(o), Raffael da Urbino; 1483, Урбино — 1520, Рим).

II.44. Е щ ё
[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Не в славу нам, не к чести невских жён
На древний Тибр ты гордо притекаешь:
Там, где веков гремит бессмертный звон,
Вчерашний титл уместно ль выставляешь?
Хотя б красой блеснула в сих стенах,
Но не горишь, как северная роза:
Лишь след больной лапландского мороза
Рябит краснó в застуженных щеках.
Хотя б сиял сапфир Невы зыбей
В твоих очах; но чёрные глазёнки
Перунами полуденных очей
Потушат вмиг альбанские девчонки.
По мрамору изящных римских зал
Средь смуглых лиц гордась недужной краской,
Танцуешь ты малёванной маской,
Предупредив зараней карнавал.

Рим. Декабрь 27/15 1830 г.

Стихотворения 1939. С. 145 по автографу РО ИРЛИ с вариантом 12 ст.:

Потушат вмиг *затибрские* девчонки.

Автографы: черновики и беловики, л. 1 (черновая рукопись); письмо Погодину от 13 декабря 1830 г. — 1 января 1831 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 136 и зап. книжка, л. 43. куда вписаны следующие варианты:

Ст. 1: Не в славу нам, не к чести *наших* жён

Ст. 12: Потушат вмиг *ал<ь>банские* девчонки.

В черновиках и беловиках, л. 1 в окончательном варианте ст. 12 не выбран ни один эпитет и «затибрские» написано поверх «*Ал<ь>банские*». Мы сохраняем последний вариант «Альбанские» как встречающийся и в первоначальном

черновике и в окончательной редакции. В наст. изд. мы возвращаемся к этому варианту как к окончательному авторскому.

Черновик позволяет восстановить начальный вариант стихотворения, до его последующей правки:

Не в славу нам, не к чести Невских жён
В Рим вековой ты гордо притекаешь:
Где слышен был тысячелетний звон,
Вчерашний титл уместно ль выставляешь?
Блестишь ли ты как Северная роза,
Невы ли цвет лазурится в очах,
Лишь след больной Лапландского мороза
Рябит красно в застуженных щеках.
Хотя б сиял сапфир Невы зыбей
В твоих очах; но чёрные глазёнки
Перунами полуденных очей
Потушат вмиг Альбанские девчонки.
В толпе богинь средь Ватиканских зал,
Ты, разордясь своей недужной краской,
Являешься малёванной маской,
Предупредив зараней карнавал.

Рим. Дек. 27/15. 1830.

Черновики и беловики. л. 1.

П.45. Две песни: *любовь до счастья и после* (1. «Медли, солнце! Стань на доли...»; 2. «Солнце скучное, иди же!..» [1830]) «Северные цветы». 1831. С. 26–28; Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1834. № 10. С. 807–808 (с графически несколько иным расположением строк). Неясности первых публикаций легко выправляются по автографу — зап. книжка, лл. 37–38. Первонач. загл. в автографе «Песня. Любовь до счастья».

П.46. Седьмая песнь «Освобождённого Иерусалима» Торквато Тассо [«Меж тем Эрминия между кустами...», *после 25 сентября 1830 — Четверг, 10 марта 1831. Рим; 1835. Москва (окончательный вариант)*]

Впервые: строфы I–XXII вместе с «Рассуждением о возможности ввести ита-лианскую октаву в русское стихосложение» «Телескоп». 1831. Ч. 3. № 11–12: 263–299 и 466–497 (491–497 сам перевод), строфы LI–CXXXIII «Телескоп». 1831. Ч. 6. № 24. С. 461–481. Полностью и с неточной датировкой «1830, Рим» в «Московский наблюдатель». 1835. Ч. 3. Кн. 9. С. 1–35 (строфы I–XLIX с новым предисловием автора) и кн. 10. С. 159–196 (строфы L–CXXXIII). Переиздано со сверкой текста перевода по письму к М. Погодину от 15 марта 1831 г. и с предисловием 1835-го года в Стихотворения 1939. С. 148–179; затем в виде отрывка (строфы CXVII–CXXXIII) в: Поэты 1820–1830-х годов. С. 196–198 и Науки жрец и правды воин! С. 177–178. В Итальянских впечатлениях (С. 218–221, 222–228, 230–231, 233, 234–237, 241–244) напечатаны только строфы 54, 56–59, 70–78,

60–69 и 79–123 с черновыми вариантами. Автографы — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17 (приводимые в публикации Итальянских впечатлений строфы) и письмо Погодину от 15 марта 1831 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, лл. 148 об. — 150 об. и 153–155. Датировка по дневнику (ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 17; Итальянские впечатления). Версии перевода, изданные в 1831 и 1835 (основа последующих переизданий) не идентичны.

П.47. Песнь попугая. Подражание Тассу из «Освобождённого Иерусалима»

[не публиковалось, РГАЛИ]

Взгляни, взгляни, как роза расцветает
В тиши родной стыдлива и нежна,
Чуть развернув себя полускрывает,
Прелестней тем, чем менее видна...
Вот обнажась в своей красе блистает,
Вдруг томная, не та уже она:
Не тот цветок, который, пышно рдея,
Был юношам и девам всех милее.

Навек, увы! навек от нас умчится
Пролётным днём цвет юности живой.
Зелёный Май к долинам возвратится,
Но уж для нас не быть весне другой.
Срывай цветок скорей, пока не тмится
Меж близких туч час утра золотой.
Спешите любить, ведь дни невозвратимы
Когда любя, мы можем быть любимы.

<1830–1831. Рим>

Две приводимые выше октавы датируются временем работы Ш. над переводами из «Освобождённого Иерусалима» и публикуются в наст. изд. впервые. Пунктуация, довольно небрежная, приведена в порядок в соответствии со смыслом.

Стихотворение сообщено Г. Иоффе в 1957-м Т. Г. Цявловской со следующим примечанием к посылаемой им из Генуи в Москву фотокопии: «Найдено среди бумаг Миниатто Риччи (1792–1877) в родовом замке Риччи в Monterulciano (Италия), среди других рукописей Дениса Давыдова, Шевырёва, Зинаиды Волконской и др.» (РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 1839, л. 17). В том же почтовом отправлении Г. Иоффе сообщал: «Дубликат и более подробные сведения об архиве Риччи, а также другие немаловажные открытия в заграничных архивах посылаются Б. Томашевскому» (там же, л. 17 об). Т. Г. Цявловская первая атрибутировала стихи как принадлежащие Ш.

П.48. Песнь третья Дантова «Ада» (начало) («Мною входят в град скорбей безутешных...»), <14 октября 1830 и 15 июня 1832. Рим и Боцен>

Вариант начала перевода. Первая публикация в: Дант и его век: исследование о «Божественной комедии» адъюнкт-профессора С. Шевырёва // Учёные запи-

ски Имп. Московского университета. 1833 (ноябрь). № V. С. 344 (только первые девять строк); первая полная публикация (двадцать одна строка) в составе Дневника 1829–1832 (Итальянские впечатления. С. 198 и 407).

II.49.

[не публиковалось, ОР РНБ]

Свет разума сияет миру:
Царь мира на земли рождён,
Облекся не в царей порфиру,
А в нищету простых пелён.
Не негой царского чертога
Он колыбель свою снабдил;
Но в яслях низменных сокрыл
Могущество и славу Бога.

Не в громе туч, не в клике брани
Он к нам с небес своих сошёл;
Нет, он младенческие длани
На человечество низвёл, —
И первый вопль наш, вопль рожденья
Был первым голосом Его:
Нам стало братом Божество
В великой тайне воплощенья.

<Между 1830 и 1832? Рим?>

Беловой автограф б.д. — черновики и беловики, л. 94. Место и время написания устанавливается предположительно по типу бумаги и почерку.

II.50. Из восемнадцатой песни «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо («Не зная<,> кто виною звуков стальных...», 6 января 1831. Рим)

Итальянские впечатления. С. 220. Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 49.

II.51. Русским литераторам о необходимости издать русский рифмарь («Я вам спешу Рифмарь, я сделаю услугу...», 26 февраля 1831)

«Телескоп». 1831. № 7. С. 382, за подписью: «S»; Стихотворения 1939. С. 145–146; Поэты 1820–1830-х годов. С. 198–199; Науки жрец и правды воин! С. 178–179. Датировка по: Итальянские впечатления. С. 238–239 (с черновыми вариантами). Автографы: письмо к Погодину б.д. (М. И. Аронсон датирует его 15 марта 1831 г. — см. Стихотворения 1939. С. 230), РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 148; ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 58 и зап. книжка, л. 43 об.

II.52. Кошмар («Я автор: автора вы исповедь внимайте!..», 26 февраля 1831) Стихотворения 1939. С. 146 по автографу РО ИРЛИ. Датировка по: Итальянские впечатления. С. 239 (с черновыми вариантами)

Автографы: письмо к Погодину б.д. (М. И. Аронсон датирует его 15 марта 1831 г. — см. Стихотворения 1939. С. 230) РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 148; ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 58–58 об. и зап. книжка, л. 44–44 об.

II. 53. Камень Данта — Гвич<ч>иоли (в альбом Влад<имир>у)
[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

На площади столичной незамечен,
Ничтожный камень в прахе возлежал:
Его прохожий, хладен и беспечен,
Презрительной стопою попирал.
Но камень тот певец вдохновеньем
От горних мук навеки освятил:
И странник днесь идёт к нему с почтеньем,
И юноша не раз главу склонил,
И дрожь берёт надменного педанта,
Когда на нём читает имя Данта.

В красавицах полуденных краёв
Одна цвела красою незаметной,
Пока на ней орла земных певцов
Не опочил случайно взор приветный; —
Он к ней на грудь с своих небес летал,
От горнего полета утомлённый, —
И луч певца над нею воссиял, —
И юноша, лучом тем ослеплённый,
В ней полюбил не цвет, не красоту,
Но грешную Байронову мечту.

Рим. Апреля 7 <1831>

Под загл. «Камень Данта (в Альбом В<ладимиру> Д. П.)» «Альциона» 1833. С. 86–87 (цензурное разрешение 18 октября 1832). С датой по автографу РО ИРЛИ в Стихотворения 1937. С. 186 и Стихотворения 1939. С. 147. *Тереза Гвиччоли* (Teresa Guiccioli, 1800–1873), жена равеннского аристократа графа Гвиччоли, в 1819–1823 любовница *Джорджа Гордона Ноэла Байрона* (George Gordon Noel, 6th Baron Byron, 1788–1824), с которой тот жил в 1819–1821 в Равенне, а затем и в Генуе. В 1830–1831 Ш. часто виделся с Терезой Гвиччоли и, находясь, как и Пушкин, под впечатлением от общеевропейского культа Байрона, с некоторым недоумением писал Погодину о сердечном увлечении английского поэта: «...В этом у него предурной вкус. Она рыжая, шея очень белая, но вообще более дурна, чем хороша. Говорят, ума необыкновенного» (Письмо от 13 февраля 1830 г. РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 85). А чуть более чем через год, посылая сочинённые стихи: «Прочел последние три тома “Записок Байрона” — и как это приятно! Внизу читаю о его любви к гр. Гвиччиоли, а из верхнего этажа [дворца Поли] слышу её звуки. Она живет над нами, — и я всегда засыпаю под её голос: играет и поет до полночи и, кажется, живет музыкой. Писа к ней относится, но я надеюсь её прославить лично, ибо она очень интересна. Локоны волшебные — и сравнение им готово. Не думай, чтоб я влюбился. Нет, я очень живу скромно...» (Письмо от 21 апреля 1831 г. РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 14, л. 157).

Автографы: письмо к Погодину от 21 апреля 1831 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 157 и зап. книжка, л. 42 об.

В наст. изд. под новым загл. и с уточнением текста по зап. книжке. Прежде ст. 10 публиковалась так: Когда на нём читает: *Камень Данта!*

П.54. («Там море млечными парами...», 14 апреля 1831, четверг. У Монте Каво) Итальянские впечатления. С. 248. Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17, л. 62.

П.55. Сонет (итальянским размером) («Люблю, люблю, когда в тени густой...», [21 апреля 1831]) «Альциона». 1832. С. 45; Стихотворения 1937. С. 187; Стихотворения 1939. С. 147–148; Поэты 1820–1830-х годов. С. 199; Русская поэзия 1826–1836. С. 290–291 (по первопеч. изд.). Итальянские впечатления. С. 250.

Автографы: ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 17 (позволяющий датировать текст) и зап. книжка, л. 44 об. под загл. «Сонет» б.д.

Тематически стихотворение развивает I-ую из «Римских элегий» Гёте, в которой лирический герой, поэт из северной страны вопрошает самого себя о том, не останутся ли речь и мысль, и даже любовное томление его безответными:

Все наслаждается жизнью в стенах векового Рима,
Я лишь напрасно зываю, мне отзыва нет одному!
Где она? кто назовёт мне её, кто мне укажет
Ту, которая некогда примет в объятья меня?

(Гёте 1840. С. 1)

П.56. Журналисту («Певец любви, уныния и неги...», [Апрель — июль 1831]) Стихотворения 1939. С. 148 по автографу РО ИРЛИ. М. И. Аронсон считал, что объектом эпиграммы был в качестве издателя «Московского вестника» друг Ш. Погодин (там же, 231).

Автографы: письмо к Погодину от 2 августа 1831 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14 и зап. книжка, л. 45об.

П.57.

[не публиковалось, ОР и РК Гарвардского университета]

Кружась с вами в вальсе шумном,
Так завертелась голова,
Что я в кружении безумном
Утратил мысли и слова. —
Быть может, многим то завидно,
Но мне-то бедному как быть?
И, согласитесь, — ведь вам стыдно
Так наши головы кружить? —

Растанцевал я вдохновенье,
Оно утомлено и спит,
Но ваше светлое рожденье
Его мне снова возвратит.
Так утром солнца луч живящий
От сна тревожит небеса,
И песне<й> звонкой и гремящей
Звучат глубокие леса. —

29 мая/11 июня 1831, в пятницу. Рим

Лист с припиской «в знак дружбы — Степан Шевырёв —», вложенный в альбом М. А. Власовой, — ZAVP, MS Russian 46.8 IX.

Об адресате стихов см. комментарий к стихотворению «Русский соловей в Риме (в альбом А. М. Власовой)» (1830). См. также стихотворение «На заданные слова» (1832) в наст. изд.

29 мая/11 июня 1831 М. А. Власовой исполнилось 44 года.

П.58. Эпиграмма — октава («Рифмач, стихом российским недовольный...», [До 2 августа 1831])
«Московский наблюдатель». 1835. Ч. 3. Кн. 9. С. 10; Стихотворения 1937. С. 188; Стихотворения 1939. С. 179. Автоэпиграмма с долей самодистанцирования, необходимой всякому автору: в данном случае от стихотворного перевода Ш. Седьмой песни «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо.

Автографы: письмо к Погодину от 2 августа 1831 г. РО ИРЛИ, ф. 26, ед. хр. 14, л. 162 и зап. книжка, л. 45.

П.59. Княгине З. А. Волконской для окт<ября> 10/22 <1831>
[неизданная окончательная версия, РГАЛИ]

Вняв мольбе Москвы державной,
Ветхий прадед городов,
Под свою сенью славной,
Угощает дочь снегов.
Часть бессмертьем шитой тоги,
В кою мощь он облачил,
Ей на светлые чертоги,
Благородно уступил.

Плющ любовный, радость льющий
В соке гроздий виноград,
Лавр, торжественно цветущий
Для возвышенных наград,
В санный сад сочетается —
И венец из них ей сплёл,
Да и древо выражает
Бытия её символ.

Все драгое, что сберёг он,
Взяв себе на зло векам,
Вкруг чертога светлых окон
Разметал он по садам.
Округлённые их рамы
Естеством он расписал,
И окрест святые храмы
В хор молебный сочетал.

Там герой его достойной,
В ранах гордый инвалид,
Сын от древности покойной
Величаяся стоит,

Члены тела сохраненны
Обратив приветно к ней,
Цезарь в зданиях надменный,
Озарённый Колоссей.

Там, всю жизни мощь раскинув,
Где золотой горит закат,
Сосен куполы воздвинув,
Башни, рамена палат,
По лазури небосклона,
Крестоносную главу,
Во подобье Пантеона,
Рим возносит в синеву.

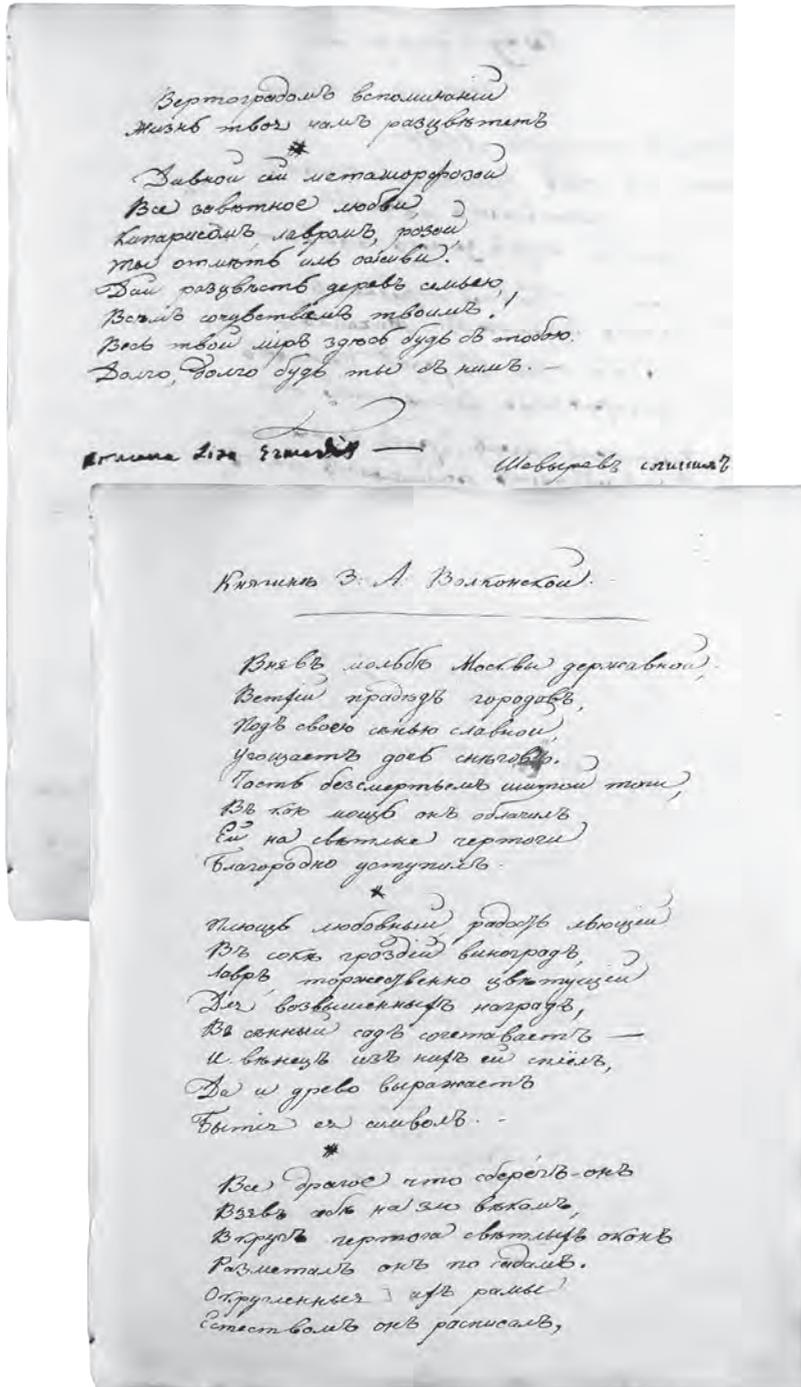
Но к востоку покидает
Он живое бытие,
И печально простирает
Поле мёртвое своё,
Но живое вечной славой,
Древле поприще векам,
Днесь в бездейственности правой
Отдыхающее там.

Там бегут водопроводы,
Рвутся, тянутся вдали,
Там гробниц мелькают своды,
Тщетно давят грудь земли
Безымянных зданий группы,
Божьим пламенем дыша,
Оживляет эти трупы,
Мысль — минувшего душа.

Поле смерти, поле славы
Рим достойно оградил:
Окрест цепи величавы
Гор эфирных округлил.
Как Олимпы подпирают
Небо знойное оне:
Сладострастно возлегают
Облака на вышине.

Уготованы чертоги,
Но ужель на облаках
Не воссядут древни боги,
В человеческих красах?
Мысль её — их лик чудесный,
Созовет на вертоград,
Боги красоты небесной
Снова горы населят.

Но с какой же мыслью нежной,
Украшая сей чертог,
Прадед-Рим хламидой снежной
Апеннин главы облёк?

С. П. Шевырѣв. Послание З. А. Волконской. Автограф. Первый и последний лист. Альбом кн. З. Волконской

Дщерь снегов! ты понимаешь
Тонкой замысел его?
Там ты родину встречаешь,
Ризу края своего.

Будто близ она с тобою,
Но без хлада, без вреда:
Утешает мысль мечтою,
И манит её туда.
А огни лучей горящих
Со снегов к чему палят?
То сердца тебя любящих:
Так они к тебе горят.

Все с тобой — любовью друга!
Прадед-Рим тебя взлюбил,
Дщерь снегов с душою юга!
И себе усыновил.
Веселись же помышленьем:
Я — владычица сих мест!
Все со мной его раденьем:
Рим и родина окрест.

С неба взор орлицы ясный
Обнимает край земель:
Так душой своей всевластной
Обнимай свой мир отсель:
Пусть из памятных преданий,
Как семянный сочный плод,
Вертоградом воспоминаний
Жизнь твоя нам расцветёт.

Дивной сей метаморфозой,
Всё заветное любви,
Кипарисом, лавром, розой,
Ты отметь иль оживи.
Дай расцвести дерев семьею
Всем сочувствием твоим!
Весь твой мир здесь будь с тобою:
Долго, долго будь ты с ним!

Окт. 9/21 1831

Впервые без заглавия и даты в Сочинениях княгини Зинаиды Александровны Волконской, урождённой княжны Белосельской. Париж и Карлсруэ, 1865. С. 171–175 по первоначальному автографу в альбоме кн. З. А. Волконской в: ZAVP, MS Russian 46.1 II (данный автограф озаглавлен «Октября 11/23 Рим» и имеет в конце ту же датировку, что и в зап. книжке, «Окт. 9/21 1831»). В наст. изд. впервые публикуется по позднему автографу в зап. книжке, л. 52–54. Основные разночтения с прежним автографом и публикацией 1865:

Строфа 4, ст. 7–8: *Цесарь* в зданиях надменный (изд. 1865)

В тоге, тканной из лучей (гарвардский автограф и изд. 1865).

Строфа 5, ст. 3: Сосен куполы воздвигнув (изд. 1865).

Строфа 7, ст. 4–5: Тщетно *давят* грудь земли.

Безмятежных зданий *группа* (изд. 1865)

Воспроизведено без загл., б.д. и каких-либо пояснений по неточному тексту первой публикации в: Итальянские впечатления. С. 495–496.

П.60. «Варшава вновь у ног российского владыки!» (<*После 21 октября 1831. Рим*>)

Впервые в составе статьи: К. В. Ратников. Русские стихотворные отклики на Польское восстание 1830–1831 гг. как дополнительный исторический источник // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 153–155.

Автограф — зап. книжка, л. 54, где помещено сразу вслед за стихами, помеченными 9/21 октября 1831 года. Именно 21 октября 1831 — в день, когда перед русской армией сдался гарнизон Замостья, — окончательно завершилось Польское восстание 1830–1831. Варшава капитулировала за полтора месяца до того, 8 сентября 1831 года, после чего руководивший штурмом генерал И. Ф. Паскевич (раненый при штурме в руку) написал Николаю I: «Варшава у ног Вашего Величества».

П.61.

[не публиковалось, РГАЛИ]

Как со гнезда молодой птенец орлицы
Бессильным порывается крылом
Обнять лазурные поля денницы:
Так юным вострепнувшись умом,
Мечтою о бессмертии ты страждешь, —
Давно ль? — течёшь — и океана жаждешь!
<Между 21 октября и 10 ноября 1831. Рим>

Автограф — зап. книжка, л. 54.

П.62. Начало отрывка из «Неистового Роланда» Ариоста
[не публиковалось, РГАЛИ]

Но уж пора нам вспомнить о Рогере,
Что мерит небо на крылатом звере.

Хоть Витязь мой и не прищурил глазом,
Хоть цвету в нём лицо не изменяло,
Но верить не хочу его рассказам,
Чтоб сердце в нём как лист не трепетало.
Уж всю Европу промахнул он разом
И лёгкое снотворное (?) уж мчало
Его за границу четы столбов,
Поставленных Гераклом для пловцов.
<Между 21 октября и 10 ноября 1831. Рим>

Автограф — зап. книжка, лл. 54–54 об.

II.63. Стансы

на 29 октября/10 ноября <1831>

[не публиковалось, РГАЛИ]

В тот самый день, когда, приавши дух,
Из лона ты рождающего вышел,
И матери оторопевший слух
Твой первый крик, надежды крик услышал,
В тот самый день (о дивная звезда!
Благоговей перед её решеньем!)
Сопутствуем родным благословеньем,
Слетаешь ты с лелейного гнезда,
Где мать тебя млекою души поила,
Где для тебя второе лоно было.

Родился ты — тебя не пеленали:
Не встретил уз твой первый в мир исход,
И члены жизнь свободно развивали:
Да будет так и твой второй исход:
Тебе и днесь не надобны пелёна;
Свободные две силы тут тебе:
Глас разума и совесть — глас закона.
Будь верен им и начерти в себе,
Что то одно лишь в смертном благородно,
Что из души его течёт свободно.

На выходе из этой колыбели
Внезапно сил души не расточи:
Младой атлет, держи коней у цели;
В ней собери очей своих лучи,
Упрись в неё: пусть мысль о ней заляжет
Во глубь души, как в глубь горы металл;
По имени я цели не назвал,
Но твой язык родным то звуком скажет.
Цель не везде, хоть к ней и разен путь:
Везде лишь Бог, а смертный где-нибудь.

Иди же к ней: мне сладко будет зреть
Твой первый лёт и первые движенья,
И сладостны мне будут помышленья:
Не даром мне пришлось о нём радеть,
И от меня, быть может, в сих порывах
Хоть искра есть: меня он понимал,
Когда я с ним в сердечных переливах
Весь свой сосуд в него переливал,
Когда на нём свои лелеял вежды
Со взорами гадающей надежды.

Лети, птенец, прямей к своей мете,
Но если ты, возвышися высоко,
Почувствуешь, что сердцу одиноко
И тяжело на хладной высоте,

Спустися — вот готовые объятья,
И вот рука, ты крепко жми её
И свято мне то будет рукожатъе;
Скрепившись так, удвоив бытиё,
Бодрей свершим любую мы дорогу,
Вручив себя самих себе и Богу.

29 октября/10 ноября <1831>. Рим.

Автографы — ZAVP, MS Russian 46.1 II под загл. «Стансы на 29 октября» и зап. книжка, лл. 54 об-55 под загл. наст. публ. Публикуется по зап. книжке. Основные разночтения гарвардского автографа из альбома кн. З. А. Волконской:

Строфа 2, ст. 2: Не встретил уз твой первый в *жизнь* исход.

Строфа 2, ст. 6: Свободные две силы *при* тебе:

Строфа 3, ст. 1: *Но выходя* из этой колыбели

Строфа 3, ст. 4: В ней собери очей *твоих* лучи,

Строфа 3, ст. 9: Цель не везде, хоть к ней и *розен* путь:

Строфа 4, ст. 6: Хоть искра есть: меня он *поминал*,

Строфа 5, ст. 5: *Не презри* — вот *безмездное объятье*,

Обращено к ученику Шевырёва юному князю А. Н. Волконскому.

П.64. «О дочь небес по Вышнему совету!..» (11 ноября 1831. Рим)
Итальянские впечатления. С. 334 (с черновыми вариантами и с неточными прочтениями). Автограф — ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 18, л. 2. Датируется по дате, непосредственно предшествовавшей данной записи.

П.65. «Страна счастливая довольства и покоя...» (22 апреля 1832. У подножия Монблана)
Итальянские впечатления. С. 401–402. Автограф — среди дневниковых записей от 22 апреля 1832 в ОР РНБ, ф. 850, ед. хр. 18, л. 48 об., л. 49.

П.66.

[не публиковалось, ОР РНБ]

Друг! иль не знаешь ты века златого? — Давно песнопел<ня>
С детской невинностью нам много сказали о нём;
В том незапамятном веке вся жизнь была храмом святости,
Чистое пламя любви в чистых хранилось душах,
А всемогущий закон, который солнцами правит,
В семени злаков земных тайный зародыш живит,
Вечный и мирный закон неизбежной, божественной Воли
Двигал волнами чувств в сердце свободных граждán.
И вдохновенная мысль, как стрела в указателе Кроне<?>,
Вечныя истины свет верно являла уму.
Не было в мире тогда ни отверженных, ни посвящённых,
Чувства живого души не искали у смерти в гробах:
Каждое сердце равно понимало закон неизменный —
Горний источник его тайной остался для всех.
Время златое умчалось — и произвол дерзновенный
В тихой природе на век [sic!] рушил божественный мир.

В чувстве души омрачённой не слышен глас Бога живого —
И в оглашенной груди замер пророка глагол.
Только <и> слышны они в глубине душ тихих и бдящих —
Слово завета таит Волю святую небес.
В нём испытатель, сходящий на дно <мироздания,>
В тайных откроет речах ясный премудрость <свою>.
Если, счастливцев, тебя не оставил твой Ангел-Хранитель,
Если верен душой веры внушеньям святым,
Если в девственном взоре луч истины светел и ровен,
Если голос её в сердце невинном звучит...

[До 15 июня 1832?]

Автограф — черновики и беловики, лл. 70–71 об. Край листа оборван, слово в конце ст. 21 восстанавливается предположительно. Также добавлено конечное слово в ст. 22, требуемое элегическим дистихом, которым написано стихотворение. Датируется по типу почерка («итальянский») и содержанию стихотворения, располагающемуся где-то между «Посланием к А. С. Пушкину» (1830), в котором упоминается о «Дантовом стихе», который «всю землю исходил / От дна земли до горнего эфира», и первым переводом из Третьей песни Дантова «Ада» (1830–1832), основная часть которого была сделана Ш. после 15 июня 1832.

Понятие «века золотого» (*aeuea saecula*) впервые появляется у Вергилия («Энеида», кн. VI, ст. 792–797) и связано с восстановлением изначального времени Кроноса-Сатурна, за которым последует переход к благоденствию Рима как мировой державы: «Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова / Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле / Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет, / Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли, / Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце, / Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный» (пер. С. Ошерова). Эти стихи — прообраз всех будущих политических «концов истории» в европо-американской традиции с «неизбежным» самоутверждением той или иной страны как мировой державы — занимали Ш. и в дальнейшем, особенно в связи с казавшейся ему «назначенной» к «высшей цели» судьбой двух великих городов — Москвы и Рима, о чём см. неизданное стихотворение «Urbi» (1843; III.2.2).

II.67. Начало третьей песни Дантова «Ада»
[не публиковалось, ОР РНБ]

*Мною входят в град скорбей безутешных,
Мною входят в мученье без конца,
Мною входят в обитель паших грешных.*

*Правда подвигла моего Творца:
Властию Бога, высшей мощью Знанья
И первую Любовью Отца*

*Я создана до всякого созданья,
Кроме предвечного, и нет конца мне:
Входящие! сложите упованья».*

Сии слова на темноцветном камне
 Поверх ворот увидел я, смятенный,
 И рек: «Учитель! речь сия жестка мне», —

И отвечал вожатай искушенный:
 «Здесь отряхнешь прах твоих сомнений.
 Здесь умертвится всякой страх презренный.

Мы прибыли в места вечных селений,
 Где узришь горьких человеков муку,
 Утративших всё благо помышлений».

Потом свою в мою вложил он руку,
 Скрепив меня веселием лица,
 Ввёл в тайное, — да вскрыет их науку.

Здесь вздохи, плачи, крики без конца
 По тверди сей беззвездной так звучали,
 Что в первый миг взрыдал я трепеща.

Языки разные, слова печали,
 Рукобиенья, гнева восклицанья,
 Хрипенья голосов — шум составляли,

Вечно кружащийся без умолканья
 В сей тверди, коей цвет кладёт <время>,
 Как прах крутится от взрыва дыханья.

Я ж, на главе неведения бремя
 Неся, сказал: «Учитель! ум мой мрачен.
 Открой мне свет, сказав — что́ это племя?»

Он отвечал: «Сей жалкой быт назначен
 Для тёмных душ, путь коих на земле
 Ни славой, ни бесславьем не означен.

Причислены к той Ангелов толпе,
 Коих племя Отцу не показало
 Ни буйства, ни вражды, живя в себе.

Блюда красу, их небо не прияло;
 Их не приемлет ниже ад глубокой,
 Зане от них и грешным славы мало».

Я продолжал: «Какой недуг жестокой
 Так мучит их, что так они зывают?»
 «Кратко скажу, — сказал мне вождь высокой. —
 Сии на смерть уже не уповают...»

<После 15 июня 1832>

II.68. На заданные слова

Бурмистр — рыба — сходка — богоматерь — ковёр —
мир — хозяин — благословение

[не публиковалось, ОР и РК Гарвардского университета]

Бурмистр сердце её в *бурмистерши* избрал
И *дождик* стрел и сеть ей дал к проказам:
Кто в эту сеть как *рыба* ни попал?
Кто *сходки* всех красот ни находил в ней разом?
Тем именем она прекрасным названа,
Что *богоматери* подруга здесь носила,
Ей упрекают в том, что любит жить она,
Как та страдать и умирать любила.
Что же ей не жить, когда вся жизнь при ней
Ковром живым и гладким разостлалась,
И сердца *мир* не ведал тех страстей,
С которыми страдалица сражалась!
Когда весь мир для ней весёлый дом,
Где приготовил ей *хозяин* угощенье,
Снабдил его родными и добром
И всем послал любви *благословенье!*

17 июня 1832 в 4-м часу. Воскресенье. Боцен

Автограф экспромта за подписью «С. Ш.» в альбоме М. А. Власовой — ZAVP, MS Russian 46.8 IX. Вторым именем Марии Власовой было Магдалена.

См. также стихи «Русский соловей в Риме (в альбом А. М. Власовой)» (1830) и «Кружась с вами в вальсе шумном...» (1832) в наст. изд. и комментарий к ним.

II.69. Три молнии («Три молнии громодержавный Царь...», [Не позднее октября 1832])

«Комета Белы». 1833. С. 215–216 перед публикацией очерка Ш. «Болонская школа» (там же: 217–245), что предполагает, что местом и временем создания «Трёх молний» могла быть Италия 1829–1832 годов. Цензурное разрешение на выпуск альманаха получено 30 октября 1832.

III.1. Постскрипtum первый:
неизданное стихотворение 1833 года

Глаза

[не публиковалось, РГАЛИ]

Глаза Италии — вы уголь чернотой,
Вы солнце пламенем! — когда покинул вас,
И небо южное скатилось за мною:
Я думал — с ним и ваш прекрасный блеск угас.

Но на снегах родных вы снова загорелись;
В холодной родине вы душу мне зажгли:
Не солнцем вспыхнули, звездами вы зарделись,
И думы счастья на душу навели.

Вы засверкали мне не ревности кинжалом,
 Не страсти пламенем, как римские глаза,
 И вашей тьмы густой под чёрным покрывалом
 Не теплится любви полуденной слеза!

В вас пламя чистое, как огонь стыдливый Весты!
 Чудесно в нём слились улыбка и слеза:
 Вы, в вечер счастья, глаза молодой невесты;
 Над первенцем любви вы матери глаза.

1833. Октябрь

Автограф — РГАЛИ, ф. 563, оп. 1 ед. хр. 3, л. 1.

III.2. Постскрипtum второй:
 юношеское гётеанство, вечный город.
 Неизданные стихотворения 1837 и 1843 годов

1. <Кёнигу>
 [не публиковалось, ОР РНБ]

Давно уж Север наш угрюмой,
 Стряхнув незнанья тяжкий сон,
 Питается германской думой
 Её волшебством покорён.
 Во славу нас на русском свете,
 На льдах полунощной страны,
 Трофеи Шиллера и Гете
 Уже давно водружены.
 Отсель сочувствием священным,
 Приемля мысли чудеса,
 Мы за тевтоном дерзновенным
 Летаем гордо в небеса.

Но на прекрасные порывы
 Народа, юного душой,
 Германцы были молчаливы
 И чужд им Север молодой.
 Напрасно там, в лесах дубовых,
 Где льются Днепр, Нева и Дон,
 Неслися звуки песен новых:
 Им не хотел внимать тевтон.
 Ты первый здесь в германском свете,
 В священных мысли областях,
 Всемирным чувством, чувством Гете,
 Завещанным в его словах,
 Трудом ума, душой свободной
 В поэта русского проник,
 И пред тобой певец народный
 Раскрыл и душу, и язык.
 Хвала тебе — спасибо наше
 Читай в доступных уж словах.

Нам Муза наша будет краше
У Музы Гетевой в гостях.
Её пера живой наследник,
Её души всемирной полн,
Будь русской музыки проповедник
От Немана до Рейнских волн.

<1837>

Лексически, метрически и образно связано с приветственными стихами Ш. «Брюллову» (1836). Заглавие дано по содержанию. Черновой автограф без загл. и даты — черновики и беловики, лл. 44–45 на сложенном вдвое половинном листе бумаги с водяным знаком: «J. WHATMAN 1837» (знаменитая тонкая бумага с водяными знаками ручного производства фирмы Джеймса Ватмана). В рукописи есть следующие первоначальные варианты строк, впоследствии вычеркнутые:

Ст. 5: Во славу *мысли* в русском свете,

Ст. 18: *На Волге, Каме и Неве*

Ст. 21–23: *И то сочувствие святое*

Приемля хладною душой

Он пребы<вал> в своём покое

Адресат стихов — судя по всему, Генрих-Йозеф Кёниг, официальный автор книги «Literarische Bilder aus Russland» (1837), отчасти «надиктованной» Кёнигу товарищем Ш. Н. А. Мельгуновым, о чём много и подробно говорится в разделах I.1 и I.2. Так как Мельгунов поселился к этому времени в Германии и Ш. не был посвящён в детали его сотрудничества с Кёнигом, то стихи представляют собой первый, непосредственный и благодарный отклик на издание.

Дело в том, что в книге «Очерки русской литературы» Кёнига–Мельгунова Ш. была отведена отдельная глава (Очерки русской литературы. С. 188–195; ср. Literarische Bilder aus Russland. S. 256–265), в которой он охарактеризован как автор с «философическим умом» и «эрудициею в области философии, особенно немецкой» (Очерки русской литературы. С. 191). Всё это так, но скорее описывает Ш. до первой поездки в Италию (1829–1832). После 1832-го и общей переориентации с «гётеанства» на «дантеанство» эстетическая позиция Ш. стала куда сложнее, чем то, что о нём думал в своё время очень близко знавший его Мельгунов, впрочем, сам к этому времени поселившийся в Германии и непосредственно с Ш. не общавшийся.

Очевидно, что после того, как Ш. узнал о том, кто был вторым соавтором книги, он решил от публикации похвал немецкому сочинителю, который «трудом ума, душой свободной / В поэта русского проник», отказаться. Однако стихотворение, пусть и не до конца обработанное, сохраняет ценность как изложение собственных взглядов Ш. на место «наследников» Гёте в общемировом разговоре о будущем.

2. U R VI

[не публиковалось, НИОР РГБ]

Бездействием тебя безумно упрекая,
Не ведая судеб страны своей родной,
Смеётся над тобой толпа людей пустая...
Но жалкий смех её ничтожен пред тобой!

Лишь там, где вечный блеск и шум без смысла бродит,
 Где красок пестрота, сменяющихся вмиг, —
 Там жизни яркое присутствие находит,
 Кто жизни таинства душою не постиг.
 Но не понять толпе свободного творенья,
 Движенья тихого глубоко скрытых сил...
 Без шума восстаёт из семени растенье,
 И вот уж гордый дуб всё поле осенил!..
 Невидно, в тишине творится всё живое,
 Чтоб после в красоте могущества предстать;
 И взор лишь разума, иль сердце молодое
 Его до времени умеют угадать.
 Так! не понять толпе великого молчанья,
 Великого труда в себе живущих сил!
 Чудес условных блеск от простоты созданья
 Её безумный взор давно уж отвратил.
 Но ты молчишь теперь, затем что к высшей цели
 Тебя назначила всесильная Судьба;
 Затем, что времена, быть может, не созрели,
 И вокруг тебя ещё не решена борьба. —
 Твой час придёт: падут всё ломкие строенья,
 Громады страшные, незыблемый оплот,
 Все жизни будто бы роскошные явленья
 Ты обличишь во лжи — и призрак пропадёт!
 Но ты молчишь теперь, молчишь, пренебрегая
 Бесплодною молвой пустых, гремящих дел,
 И силы тихие в груди своей питаю —
 Грядущих, славных дней торжественный удел!
 Так иногда корабль, царь гордый океана,
 Толпы покорных волн выдавший под собой,
 В бездействии стоит, как остов великана,
 На мелком озере, заброшенный судьбой.
 Пускай, вокруг его, скользя мелькают чёлны,
 Подемя за собой чуть видные струи —
 Он будет недвижим, пока иные волны
 Не примут вновь его в объятия свои...
 Но небосклон над ним опять необозримый,
 Под ним опять темна пучины глубина,
 Вновь океан его объял неодолимый,
 И парусов его надулась ширина.
 Он двинулся, идёт... шумите, непогоды!
 Вдали за ним исчез оставленный им брег.
 Вослед за ним катят взволнованные воды
 И царственный его далёко виден бег!

1843

Автограф — НИОР РГБ, ф. 41, Булгаковы, к. 163, ед. хр. 8. Копия рукой
 неустановленного лица с опиской в заглавии «Urbis» (в действительности
 требуется либо дательный падеж Urbi — Граду, либо именительный Urbs —
 Град, но никак не родительный — Града, Urbis), с датой «1843 года» и за под-
 писью «Москвич» (достаточно обычная подпись Ш. под многими стихами

и заметками, появлявшимися в «Москвитянине»). При описи материалов идентифицировано как текст Ш. Интонация, метрическое (шестистопный ямб с цезурой) и образное построение, напоминающие о «Думе» Лермонтова (1838), известной Ш. как минимум по изд. 1840-го года¹, и тот факт, что Ш. в 1841–1843 упорно размышлял о месте Лермонтова в современной ему русской литературе и о судьбах написанного Лермонтовым [см. «Москвитянин». 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538 (рецензия на «Героя нашего времени»); «Москвитянин». 1841. Ч. 2. № 4. С. 525–540 (рецензия на «Стихотворения М. Лермонтова»); «Москвитянин». 1842. Ч. 2. № 3. С. 175–176 (характеристика Лермонтова в отношении к Пушкину); «Москвитянин». 1843. Ч. 2. № 3. С. 181–182 (о «Валерике» Лермонтова); а также стихотворение Ш. «На смерть Лермонтова» (1841) и мемориальную заметку «Кончина Лермонтова» («Москвитянин». 1841. Ч. 5. № 9. С. 320)], — всё это лишь подтверждает авторство Ш. и делает «Urbi» ответом на лермонтовские упреки собственному поколению, сорвавшемуся с древа жизни как «плод до времени созрелый» (Лермонтов 1840. С. 46; М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: В 4 т. СПб.: Изд. Пушкинского дома, 2014. Т. 1. С. 299). В противоположность неизбежной гибели, предначертанной Лермонтовым своему поколению, дремлющему до времени «Граду» Ш. (латинское *Urbs*) — в первую очередь страстно любимому им Риму, но также и Москве — ещё предстоит пробуждение и выход на вольный океанический простор истории. Эти стихи делают понятными позднейшую поддержку Ш. гарибальдийского движения и определение им радикальных форм славянофильства как «русского гарибальдизма» [см. письмо Ш. к М. А. Максимовичу из Флоренции в Киев от 13 апреля 1861: «Покойный Костя <Аксаков> был бы и у нас Гарибальди, если бы не сгубил его Гегель, и поняла бы Россия» («Русский архив». 1872. Т. VI. С. 1208)]. Одновременно очерчиваются и границы литературного дела Лермонтова — его заслуга была в критике отделённого от подлинности существования, «вечного блеска и шума без смысла», но будущее ему, увы, по мнению Ш., не раскрылось.

¹ Стихотворения М. Лермонтова. СПб.: в тип. Ильи Глазунова и К°, 1840. С. 45–48.

ПОСТИЖЕНИЕ ИТАЛИИ: НИКОЛАЙ УЛЬЯНОВ И ДРУГИЕ

Людмила Правоторова

Долгое время российские художники воспринимали посещение Италии как своего рода посвящение в профессию. Классицисты видели в ней живое воплощение идеального мира, где величественная природа бережно хранит память о славном прошлом. Романтики воспевали «Элизий земной»¹, где люди предаются «сладостному ничегонеделанию». Новый всплеск интереса русской интеллигенции к стране, где, как ей казалось, природа и бытовая традиция находятся в удивительной гармонии с творениями художественного гения, совпал с началом XX столетия. Тогда редкая выставка обходилась без этюдов, привезенных из поездок за границу. В литературе на смену суховатым эссе Дж. Рёскина, которые в XIX веке регулярно переводились на русский язык, пришли импрессионистические заметки отечественных поклонников «итальянской красоты»². Их авторы спешили поделиться чувствами, которые они испытали, когда перед ними «проплыли, растаяли, замерцали, коснулись... эти образцы, ощущения, намеки...»³ Изменились и маршруты паломничества. Если раньше внимание деятелей искусств привлекали преимущественно Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь и их живописные окрестности, то ныне они искали «свою Италию», не ограничиваясь осмотром самых известных достопримечательностей, на которые посещения многочисленных туристов успели нанести неприятный «глянец», так раздражавший А. А. Блока: «“Тайная вечеря” Леонардо, например, уже недоступна для зрителя; при входе в сырую конюшню, где помещена картина, наталкиваешься, прежде всего, на... спины англичанок, сидящих рядком на стульях, как куры на насесте. <...> Уединиться и сосредоточиться невозможно...»⁴

Немаловажным фактором, сказавшимся на увеличении числа россиян, жаждущих оказаться в Италии, стали события революции 1905 года, когда над страной «пронесся вихрь, взметнул пыль»⁵. Подобный «порыв духа» соотечественников Б. К. Зайцев описал в романе «Дальний край». Его персонажи, еще недавно с увлечением участвовали в молодежных акциях,

¹ Баратынский Е. А. Пироскаф // Баратынский Е. А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 126.

² Трубников А. А. Моя Италия. СПб., 1908. С. 96.

³ Там же. С. 3.

⁴ Блок А. А. Молнии искусства. Итальянские впечатления // Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. Л., 1982. С. 24.

⁵ Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 410.

но разочаровались в их итогах и в поисках утраченного душевного равновесия оказались во Флоренции, которая «приветствовала их новым светом, новым воздухом»⁶, и в порыве благодарности они поцеловали «священную землю Италии»⁷. Однако находились и скептики, считавшие, что «русских кошмаров нельзя утопить даже в итальянском солнце»⁸.

В 1907 году в Италию отправились Е. В. и П. П. Муратовы в компании с супружеской четой художников, Н. П. Ульяновым и А. С. Глаголевой⁹. В поездке Муратову предстояло удостовериться в обоснованности восторгов Б. К. и В. А. Зайцевых, так как сам он «Италии еще не знал и к тому азарту, с каким друзья восхищались Италией на всех перекрестках Москвы, относился довольно равнодушно»¹⁰. Для Ульянова поездка стала не просто осуществлением давней мечты, но и способом отвлечься от неурядиц года минувшего, когда аполитичный художник оказался под угрозой ареста, как выяснилось, из-за своей фамилии, и пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать властям его лояльность¹¹. Путешествию предшествовала основательная подготовка. Ульянов вспоминал, что, намечая маршрут, он воспользовался «чертежом, вроде географической карты»¹², которую набросал для него В. А. Серов. На нем «Флоренция и Рим были отмечены как центральные пункты с их главными улицами и музеями»¹³. Смогли дать не только «художественные», но и практические советы друзья, московские символисты: многие из них уже успели побывать в Италии¹⁴. Подспорьем послужила литература, в том числе переводная, пригодился и путеводитель Бедекера.

Несколько дней, проведенных в Вене, посещение картинной галереи должны были стать прекрасной прелюдией к странствию. Здесь Ульяновы и Муратовы смогли увидеть полотна Питера Брейгеля-старшего, а также прославленные творения Диего Веласкеса, особенно привлекательные для художника-портретиста, к каковым в те годы причислял себя Ульянов¹⁵. Рассчитывали друзья уделить внимание и современному искусству Австрии. Однако их пребывание в Вене было неожиданно прервано. Странная тень, которая омрачала

⁶ Зайцев Б. К. Дальний край. М., [б.г.]. С. 208.

⁷ Там же. С. 211.

⁸ Блок А. А. Молнии искусства // Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. Л., 1982. Т. 5. С. 28.

⁹ Жена П. П. Муратова, Евгения Владимировна (урожд. Пагануцци) была ученицей Ульянова и Глаголевой. См.: Муратова Е. В. Мои ранние воспоминания о художнике Николае Павловиче Ульянове // Андреева И. Неуловимое создание: Встречи. Воспоминания. Письма. М., 2000. С. 129–133. В середине 1900-х Муратовы были частыми посетителями вечеров в мастерской Ульянова в Крестовоздвиженском переулке.

¹⁰ Зайцев Б. К. Муратов // Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М., 1999. С. 215 (далее — Зайцев).

¹¹ Ульянов Н. П. Как меня принимали за Ленина // Ульянов Н. П. Люди эпохи сумерек / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Л. Л. Правовой. М., 2004. С. 53–72 (далее — Ульянов).

¹² Ульянов Н. П. Воспоминания о Серове // Ульянов. С. 192.

¹³ Там же.

¹⁴ Неплохо ориентировался в итальянских реалиях Ю. К. Балтрушайтис. См.: Ю. К. Балтрушайтис — А. А. Дьяконову. 19 мая 1906. Галле // РГБ. Ф. 375. Ед. хр. 6. Л. 27. Ульянов подружился с Балтрушайтисом в начале 1900-х, так как в 1903 они вместе отдыхали в Меррекуле на берегу Финского залива.

¹⁵ Ульянов Н. П. Записки портретиста // Ульянов. С. 51–53.

жизнь художника в России, последовала за ним и в столицу Австро-Венгрии. Полученное предписание незамедлительно явиться в полицию не сулило ничего хорошего. У Муратова, склонного к разного рода эскападам, родилась мысль, что избежать угрозы высылки, ареста или каких-либо иных репрессий можно, лишь ускользнув от бдительного ока полиции. Вечером того же дня путешественники сидели в вагоне экспресса, увозившего их в Италию.

Неудивительно, что после всех злоключений Ульянов воспринял день приезда в Венецию как лучший день жизни. «После обыкновенного я попал в необычное, — вспоминал он спустя десятилетие. — Город, голубой мираж, только просыпался. Гондола уносила меня от моей прежней жизни куда-то между берегами той страны, о которой я всегда мечтал. Дважды вступая в Италию, я... вступал в нечто, что напоминало *живой* сон, несравнимый с действительными сновидениями»¹⁶.

Реальный маршрут паломничества отличался от рекомендованного Серовым. На пути от Венеции к Флоренции путешественники задержались в Падуе, затем в Ферраре, где их очаровали фрески Франческо Коссы во дворце Скифанойя, в то время остававшимися почти неизвестными не только русским любителям искусств, но даже старшему поколению живописцев. Так, Серов весьма скептически отнесся к восторгам Ульянова, заметив сухо: «Этого художника не знаю»¹⁷. В Равенне в мозаиках мавзолея Галлы Плацидии Ульянов увидел «совершенный прообраз того, что делает Сезанн, делает как нечто новое. Та же упрощенность формы, те же задачи колорита... но до чего этот никому не известный художник более мудр в своем простодушии и вместе с тем совершенен, по сравнению с позднейшим культурным экспериментом»¹⁸.

После посещения Прато Ульяновы и Муратовы добрались до Флоренции и здесь встретились с Зайцевыми. Вскоре к друзьям присоединился М. А. Осоргин, на десятилетие поселившийся в Италии, так как в России ему грозили арест и ссылка. Во Флоренции у Ульянова и Глаголевой закончились деньги, и им пришлось возвращаться в Москву, а Муратовы отправились в Рим, затем, посетив Неаполь, добрались до Сицилии. В 1908 году Муратовы и Зайцевы повторили поездку, и на сей раз они жили вместе во Флоренции и в Риме¹⁹. В конце 1911 года Муратов приехал в Рим для работы над завершающим томом своей книги²⁰. Весной 1912-го продолжил знакомство с Италией и Ульянов, получивший стипендию фонда Е. Д. Поленовой²¹. На правах старожилы Муратов посоветовал маршрут, на сей раз на юг до Неаполя с обязательным посещением

¹⁶ Ульянов Н. П. Автобиографическое и нечто теоретическое // Там же. С. 74.

¹⁷ Ульянов Н. П. Воспоминания о Серове // Там же. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 194.

¹⁹ См.: Зайцев Б. К. Муратов // Зайцев. С. 215. Подробный рассказ Зайцева именно об этой поездке привел к путанице. Многие исследователи творчества Муратова считают, что он впервые посетил Италию в 1908.

²⁰ П. П. Муратов — И. С. Остроухову. 1 января 1912, Рим // ОР ГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 4386. Л. 1. Новый 1912 год Муратов встречал с Зайцевыми. Возможно во время посещения Италии он встречался и с Осоргиным, однако не удалось обнаружить документальных подтверждений этому.

²¹ К. В. Кандауров — К. Ф. Богаевскому. 22 апреля 1912, Москва // ОР ГТГ. Ф. 5. Ед. хр. 121. Л. 2. В поездку Ульянов отправился вместе с Глаголевой.

Н. П. Ульянов. Портрет Е. В. Муратовой. 1906

А. С. Глаголева. Автопортрет с Н. П. Ульяновым. 1910

Помпей, а также организовал для Ульянова заказ на исполнение графического портрета Р. В. Хвощинской, «очень милой и красивой женщины»²², более известной в мире искусств как Ружена Заткова (1885–1923), чешская художница-футуристка, автор портрета Ф. Т. Маринетти (1920). Судя по отзыву Муратова, Ульянову портрет «совсем не удался»²³, и его дальнейшая судьба неизвестна, но в одной из «римских» записных книжек художника сохранился набросок, который позволил понять авторский замысел. Ульянов попытался найти для своей модели сложную контрапостную позу, возможно, отдавая дань стилистике ар нуво, к которой часто прибегал в заказных портретах. Когда началась летняя жара, Муратов помог Ульяновым перебраться в Олевано, которое охарактеризовал как «отличное место в горах»²⁴ и как «лучший пейзаж в Лациуме»²⁵. Ульяновы задумывали и третью поездку в Италию, но их планам помешала Первая мировая война.

Н. П. Ульянов.
Портрет Р. В. Хвощинской (Затковой). 1912

Такова вкратце история «постижения Италии» Ульяновым и его друзьями. Но существует еще один, очень важный его аспект. В 1907 году все участники встречи во Флоренции — и писатели, и художники — были молоды и находились в самом начале пути в искусстве. На последовавшее пятилетие пришлось формирование их взглядов и тематических предпочтений, и на этот процесс не могли не повлиять впечатления, полученные во время поездки, для Ульянова и Муратова оказавшейся первой и потому особенно запомнившейся.

Зайцев, писатель-импрессионист, начал работу над «итальянской темой» с глубоко личных очерков в журналах, в которых писал в основном о *старых* городах: Венеции, Флоренции, Равенне, Риме, где так легко дышится россиянам, особенно по контрасту с постреволюционной родиной. Это чувство внутреннего

²² П. П. Муратов — И. С. Остроухову. 15 июня 1912, Рим // ОР ГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 4391. Л. 2. Ружена Властимировна была женой Василия Богдановича Хвощинского (1880–?), атташе российского посольства, секретаря «Кружка поощрения молодых художников в Риме», основанного в 1908. В записной книжке Ульянова сохранился адрес Хвощинских.

²³ П. П. Муратов — Е. В. Муратовой. 2 июля 1912, Рим // РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 15.

²⁴ Там же.

²⁵ П. П. Муратов — И. С. Остроухову. 15 июня 1912, Рим // ОР ГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 4391. Л. 2.

освобождения он «подарил» вначале персонажу рассказа «Спокойствие», а затем и героям уже упоминавшегося романа «Дальний край».

Осоргин регулярно публиковал очерки в «Вестнике Европы» и «Русских ведомостях», где, напротив, рассказывал россиянам о *молодой стране*, лишь около полувека тому назад ставшей единым государством. Его документальные тексты окрашены тем же лирическим переживанием, которое отличало произведения российских литераторов, вошедшие в «итальянскую библиотеку»²⁶. Осоргин расценивал свои корреспонденции как «плод незаконной любви к стране одного из загостившихся поклонников. Любви незаконной, так как она не была любовью сыновней, — слишком славянин душой он не мог и не может забыть о другой, родной по крови матери, не такой прекрасной и не такой — ох! — далеко не такой ласковой и приветливой»²⁷.

Наиболее впечатляющими стали итоги осмысления увиденного Муратовым. Зайцев утверждал, что идея «Образов Италии» родилась у писателя как «воспоминание о счастливых днях», проведенных в Риме осенью 1908 года, и книгу можно считать «плодом этих дней. Их корни в итальянской земле — как все существенное, они рождены любовью»²⁸. В предисловии к книге Муратов подчеркнул, что главная ее тема — прошлое страны. «В нем больше жизни, настоящей вечной жизни, чем в итальянской современности. <...> Душа... народа полнее и вернее выражена в его старом искусстве, в судьбе его исторических героев и в его религиозной древней связи с картинами окружающей природы»²⁹. В таком восприятии истории культуры писатель не был одинок. Тогда многие, и в первую очередь символисты, были убеждены, что «новое только в старом, но не стареющем, в умершем, но бессмертном, в поруганном — прекрасном»³⁰. Н. А. Бердяев, анализируя «чувство Италии», которое испытывал почти каждый ее русский почитатель, заметил, что оно «всегда был[о] направл[ен]о на старую и вечную Италию, а не на Италию новую и временную»³¹, и тем самым косвенно подтвердил, что Муратов выразил отношение к стране «не одинокое, но разделяемое другими людьми [его] времени»³². «Образы Италии» снискали широкую известность у россиян. В переписке многих деятелей культуры можно встретить восторженные отзывы о книге или хотя бы рекомендации обратить внимание на модную новинку.

Начало повествования совпало с исходной точкой путешествия, Венецией. Погружаясь в ее призрачную жизнь, Муратов отметил, что для россиян, «северных людей, вступающих в Италию через [эти] золотые ворота... воды лагуны становятся... летейскими водами»³³. Пристального внимания автора удостоились

²⁶ Так Муратов озаглавил свой перечень произведений русских писателей, посвященных Италии. См.: Муратов. С. 5.

²⁷ Осоргин. С. 5.

²⁸ Зайцев. С. 215.

²⁹ Муратов. С. 5.

³⁰ Мережковский Д. С. Смерть богов (Юлиан Отступник). М., 1991. С. 162.

³¹ Бердяев Н. А. Чувство Италии // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 269.

³² Муратов. С. 5.

³³ Там же. С. 17.

Н. П. Ульянов.
Портрет П. П. Муратова
в магическом плаще. 1922

мастера эпохи Возрождения, но особую любовь он отдал XVIII столетию, веку масок, театра и зеркал, посвятив значительную часть текста знаменитым венецианцам: авантюристу Дж. Казанове, реформатору комедии дель арте К. Гоцци и живописцу П. Лонги, который был «не только бытописателем своего времени, он был настоящим поэтом. Он верно воспроизводил то, что видел, но видел он как раз то, в чем и были выражены самые остро прелестные черты эпохи»³⁴. Эти увлечения Ульянов позднее обыграл в портрете, который помещен на фронтиспис «Магических рассказов» Муратова³⁵: писатель закутан в черный маскарадный плащ, а за его спиной видна фигура человека в бауте, будто сошедшего с картин Лонги. После странствия «по берегам Леты», составившего содержание первого тома, Муратов прислушался к иным историческим «зовам». Рим позволил ему «углубиться в... тысячелетний мир, скрывающийся где-то в недрах современного [города]»³⁶.

Пассеизм Муратова оценили не все читатели. А. Белый назвал его «тихим, почтеннейшим и талантливым тружеником по истории итальянского ренессанса», который за своими пристрастиями «не видел действительности»³⁷. Осоргин признал произведение друга «лучшей русской книгой о старом итальянском искусстве», однако указал на некоторую ограниченность авторской концепции: «Ту Италию, в которую ведет нас его книга, можно мыслить только образами. Но ошибаются те, кто думает, что образы Италии — лишь образы прошлого»³⁸. Желая высказать собственный взгляд на страну, Осоргин вступил с Муратовым в своеобразную литературную дуэль, впрочем, для большинства

³⁴ Там же. С. 25–26.

³⁵ *Муратов П. П.* Магические рассказы. М., 1922. С. 4. Вариант портрета в ГМИИ им. А. С. Пушкина. В указанном сборнике писатель адресовал каждый рассказ одному из своих друзей, построив фабулу так, что в ней, как бы из-под маски, проступают наиболее характерные черты личности «модели». Самый причудливый рассказ «Imbroglio» Муратов посвятил Ульянову, создав образ фантазера, который творит собственную реальность, балансируя между жизнью и смертью. См.: *Муратов П. П.* Магические рассказы. С. 127–139.

³⁶ *Муратов.* С. 201.

³⁷ *Белый А.* Между двух революций. Воспоминания: в 3 кн. Кн. 3. М., 1990. С. 225.

³⁸ *Осоргин М. А.* Очерки современной Италии. М., 1913. С. 231 (далее — *Осоргин*). Форестьер — устар. иностранец-путешественник (в Италии).

оставшуюся незамеченной. Он объединил ряд газетных публикаций в книгу и в ней попытался обозначить грань между «Италией показной» и «Италией подлинной»: «Италия показная — это та живописная историческая страница, которую создал спрос богатого форестьера, обвел границами Бедекер и изобразил на всех видах фотографический аппарат»³⁹. Ей писатель противопоставил Италию, «недоступн[ую] взору форестьера, да и непонятн[ую] ему. Это Италия земледельцев, рабочих, мастеровых, торговцев...»⁴⁰.

Что касается корпуса произведений, выполненных Ульяновым⁴¹, то придется признать, что по своей значимости он вряд ли сопоставим с книгой Муратова, но все же составляет небезыңтересный и самобытный раздел «итальянской пинакотеки», созданной русскими живописцами в начале прошлого столетия. Вошедшие в него произведения насыщены размышлениями о природе искусства и о трансформациях, происходящих в общественной жизни России и Европы.

От первой поездки Ульянова до наших дней дошел ряд станковых акварелей, а в альбомах и записных книжках сохранились беглые зарисовки как прообразы большого произведения, которое так и не обрело реального воплощения. Художник сетовал, что из-за краткости пребывания в Италии «почти не успел схватить ее черты, слишком взволнованный и счастливый. То немного, что попало в альбом, очерчивает только счастливые видения, которые... пришлось остановить на своем торопливом пути»⁴². В больших и малых городах страны Ульянова интересовала не только и не столько традиция профессионального искусства, сколько неизменность жизненных процессов. Он стремился понять, как итальянцы смогли научиться жить в декорациях, созданных историей. И в этом его отличие от многих современников, в первую очередь мирискусников. Так, например, в работах А. П. Остроумовой-Лебедевой набережные венецианских каналов или виллы Флоренции часто предстают как обезлюдившие памятники былого — это скорее воспоминания об ускользающей красоте, чем картины реальной сферы обитания.

В мемуарах «Зовы античности»⁴³ Ульянов перечислил наиболее запомнившиеся ему города, подчеркнув, что в них его привлекал сохранившийся аромат минувших эпох: «Падуя с ее химерами у храма и кольцом статуй великих людей вокруг маленького сада... Флоренция, мирная Флоренция и безмолвная, тишая Равенна — весь путь, лежащий через эти города, можно назвать путем у берегов Леты»⁴⁴.

³⁹ *Осоргин*. С. 35.

⁴⁰ Там же. С. 37.

⁴¹ Местонахождение почти всех произведений, созданных А. С. Глаголевой в Италии, в настоящее время неизвестно, поэтому речь пойдет только о работах Н. П. Ульянова.

⁴² *Ульянов*. С. 74. Италия представилась художнику страной, где «почти все свойственное прежним, приемлется современной душой, находящейся в круге вневременных видений» (Там же. С. 91).

⁴³ Очерк «Зовы античности» впервые опубликован в монографии: *Муратов П. П. и Грифцов Б. А. Николай Павлович Ульянов*. М.; Л., 1925. С. 56–59 (далее — *Муратов, Грифцов*).

⁴⁴ *Ульянов*. С. 92.

Большинство работ художник создал раньше, чем появились в печати произведения писателей, а потому совпадения в интерпретации увиденного свидетельствуют не о заимствованиях, а о близости мировидения, во многом сформированного идеями отечественных и зарубежных символистов. Перед поездкой на настроения Николая Павловича серьезно повлияла философия М. Метерлинка⁴⁵. И в этом он не был одинок: русская интеллигенция зачитывалась книгами «Сокровище смиренных», «Мудрость и судьба» и во многом была согласна с мнением их автора: «То, что отличает одного из нас от другого, заключается в наших отношениях к бесконечному»⁴⁶. Метерлинковскими настроениями окрашена акварель «Падуя. Химера» (1907, ГТГ). Средневековый грифон, находящийся предположительно у западного фасада базилики Святой Иустины, возвышается над прильнувшей к его постаменту женской фигуркой как воплощение приговора судьбы⁴⁷. В построении образного ряда акварели проявилась особенность подхода Ульянова к изображению известных памятников. Он отказался от документально точного воссоздания архитектурного сооружения и даже несколько трансформировал его: акцентировал крутизну лестницы, постамент с грифоном поднял до уровня площадки перед входом в собор и тем самым добился нужного ему настроения смутной угрозы.

Значительную часть произведений Ульянов посвятил Венеции, однако прославленные дворцы и соборы, привлекавшие большинство туристов и любимые художниками, редко возникают в его работах. Он искал на улицах города и в его окрестностях подтверждение того, что здесь прошлое явственно присутствует в настоящем, заставляя почувствовать «уплотненность» временных «пластов». Даже мотивы, заимствованные из повседневной жизни, несли в себе память о былом. В этом Ульянов солидарен с Осоргиным, который считал, что «нет... лучшего образа Италии современной, как группа из живых, чумазных итальянских ребятишек, играющих струями средневекового фонтана на залитой солнцем площади Вечного Города»⁴⁸. Но олицетворение связи времен художник увидел не уличной ребятне, соединяющей настоящее и с прошлым, и с будущим страны, а в женщинах с брошенными на плечи традиционными черными шальями *zendaletto*⁴⁹, которые придают их фигурам величавую статуарность и подчеркивают «живописную общность с проплывающими мимо гондолами»⁵⁰. Знаменитый мост Риальто, точно воспроизведенный на натурной зарисовке, в композиционной разработке превращается в фантазмагорическое видение,

⁴⁵ См.: Ульянов Н. П. Как меня принимали за Ленина // Ульянов. С. 60.

⁴⁶ Метерлинк М. Сокровище смиренных. Погребенный храм. Жизнь пчел. Самара, 2000. С. 91.

⁴⁷ Думается, неслучайно из двух грифонов, фланкирующих лестницу, Ульянов выбрал того, что сжимает в когтях всадника.

⁴⁸ Осоргин. С. 11. Очерк, из которого взята цитата, датирован 22 февраля 1913.

⁴⁹ Такие шали носили еще героини картин Джованни Беллини («Священная аллегория», 1490, Уффици). Б. К. Зайцев вспоминал о «фигур[ах] в шальях, знаменитых *zendaletto*. Это девушки венецианские, династия такая ж древняя, как древен гондольер» (Зайцев Б. К. Венеция // Зайцев. С. 429).

⁵⁰ Ульянов. С. 92.

а из его стрельчатых арок, подобно призракам ушедших поколений, выглядывают все те же венецианки. Даже когда внимание художника привлек самый обычный магазинчик сувениров, то и в его интерьере появилась женщина в черной шали, а за окнами — силуэты проплывающих гондол («Венецианская лавочка», 1907, ГТГ).

Умозаключение Осоргина, что существуют две Венеции: город для туристов и город для коренного населения⁵¹, Ульянов предвосхитил в произведениях, посвященных острову Лидо, где так любили отдыхать европейцы: их привлекало «сочетание благоустроенной жизни у южного моря с близостью, с постоянной доступностью таинственно-чудесного города»⁵². На одном из рисунков мастер изобразил обитательниц дорогого отеля. Расположившись на скамейке спиной к лагуне, они заняты болтовней, и им нет дела до окружающей природы («Лагуна», 1907, РГАЛИ). Но не этот аспект темы вдохновил Ульянова на создание композиции, для нее он выбрал мотив, где смог визуализировать свое отношение к увиденному на Лидо. На акварели «Венецианки» (1907, ГТГ) курортниц сменили три женщины в zendaletto, застывшие у балюстрады. На дальнем плане воды лагуны бороздят гондолы и bragozzo, рыбацьи лодки под «рыжими парусами <...> маленькие первоначальные Венеции, пахнущие рыбой, овощами, смолой и солью»⁵³, а по пляжу суетливо спешит куда-то «вечно движущаяся масса»⁵⁴ туристов. Художник столкнул лицом к лицу непрерывность бытовой традиции и преходящий характер современной культуры, как бы давая понять: «тем и прекрасна Италия, что вечного в ней больше, чем временного, — вечного не только в предметах, но и в духе народа»⁵⁵.

Второй пункт путешествия, который привлёк пристальное внимание Ульянова, — Равенна и ее окрестности. На нескольких акварелях он изобразил предположительно одну из прославленных базилик, но выбрал такую точку зрения, которая позволила ему скрыть особенности архитектуры раннехристианского памятника, сделала его почти неузнаваемым. Строение тонет в разросшейся зелени, а ведущая к нему дорога напоминает путь к замку Спящей красавицы. Зачарованному царству художник уподобляет и знаменитую сосновую рощу («Равенна. Пинетта». 1907, ГТГ). Прорезающий ее канал вызывает у художника ассоциации с Летой, а сама роща «знаменует

⁵¹ В очерках Осоргина Венеция часто предстает как «международный клуб прожигающих жизнь... <...> город, где половину населения составляют иностранцы, а другая половина живет на счет иностранцев...» (Осоргин. С. 28). Впрочем, автор счел нужным указать, что «вся Италия такова. Она делится на сегодняшнее и вечное; то, что есть сегодня, не было и пройдет; вечное будет жить вечно». (Там же. С. 255).

⁵² Манн Т. Смерть в Венеции // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1960. С. 451. Осоргин отмечал, что правительство Италии и городские управы наиболее посещаемых центров стремятся обустроить их так, чтобы «форестер за свои деньги чувствовал себя как дома... И вот малопомалу живописный уголок Ривьеры... обращается в какую-то международную гостиницу» (Осоргин. С. 36).

⁵³ Муратов. С. 435.

⁵⁴ Осоргин. С. 37.

⁵⁵ Там же. С. 255.

и завершает путь [по его берегам] чем-то чудесным. Купы... пиний чудовищны по форме. Это уже не деревья, а поднявшиеся к небу и застывшие там гигантские черно-зеленые дельфины»⁵⁶. Позднее Ульянов будет вновь и вновь возвращаться к изображениям Пинетты, помещая среди деревьев то античную колесницу, а то и вполне узнаваемую фигуру Данте, чью тень среди сосен угадывал Муратов⁵⁷, и чей «орлиный профиль» привиделся Блоку⁵⁸ («Равенна. Пинетта», частное собрание).

Пережитое во время поездки заставило художника по-новому взглянуть на Россию. Ему открылось, что в ее природе есть «много общего с итальянской “тишиной”»⁵⁹, и эту особенность отечественных ландшафтов он попытался выразить в картине «Русская Равенна» (1908, ГТГ). Своей композицией она отдаленно перекликается с акварелями, посвященными итальянской «тезке», но в ней нет замкнутости пространства, и обсаженная деревьями дорога не уводит к зачарованному храму. Возможно, здесь «зовы» Италии соединились с памятью о родном городе Ульянова, Ельце, где в детстве он видел из окна «зеленеющ[ую] даль с уходящей в неизвестность белой дорогой. Куда идет эта дорога? Неужели... на край света, туда, куда скатываются звезды?»⁶⁰

Художник нашел общее не только в природе, но и в быту обеих стран. Он понял, что «чисто итальянская бедность живет в наших городах, где также стоят на мосту чего-то ожидающие люди»⁶¹. Женщины, встречающие мужей в подмосковном Щёлкове, стали олицетворением рабочих окраин и дальними родственницами «венцианок»: в архиве К. А. Киселёвой, наследницы Н. П. Ульянова, был рисунок, напрямую сопоставлявший их⁶². Ранний вариант «Фабричных матерей» (1908, местонахождение неизвестно) еще реалистичен⁶³. В небольшой одноименной картине (1910, ГТГ) нарастает тяготение к экспрессивной трактовке природы, присущее искусству Ульянова на рубеже 1900–1910-х годов. На ней «три работницы стоят с ребятами на руках, болезненные и страшные в этом контрасте обескровленных проклятым трудом лиц

⁵⁶ Ульянов. С. 92.

⁵⁷ Муратов писал, что «Пинетта — место видений, и как место видений она внушает бессознательный ужас. <...> Быть может неуспокоенная тень его [Данте] не совсем покинула это место на земле, которое он любил» (Муратов. С. 133). В мемуарах Ульянова «Зовы античности» есть и прямое совпадение с текстом «Образов Италии»: «Появление человеческой фигуры в этом мало посещаемом лесу могло настроить на видение того, чье присутствие так магически живо в этом зловещем молчании... которое вблизи тени Данте могло бы ответить на голос человека лишь inferнальным эхом» (Ульянов. С. 92).

⁵⁸ Блок А. А. Равенна // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. М.; Л., 1960. С. 98.

⁵⁹ Ульянов. С. 93.

Осоргин также отмечал, что «между Италией и Россией, двумя земледельческими странами, есть много точек соприкосновения» (Осоргин. С. 27).

⁶⁰ Ульянов Н. П. Автобиографические заметки // Ульянов. С. 31. Дорога вела в Задонск, куда направлялись многочисленные паломники на поклонение мощам святого Тихона.

⁶¹ Там же. С. 93.

⁶² Местонахождение листа неизвестно.

⁶³ Работа воспроизводится в монографии: Муратов, Грифцов. С. 51.

Н. П. Ульянов. Фабричные матери. 1908

и дикой яркости их одевающих ситцев»⁶⁴, всем своим видом свидетельствуя не о сохранении, а о разрушении бытовой традиции. Фабрики, возникавшие одна за другой в небольших городах вокруг Москвы, меняли устоявшийся жизненный уклад, и возможно, «дикая яркость» фабричных ситцев, вытесняющих народный костюм, для Ульянова стала признаком того, что в быту россиян начали доминировать процессы, противоположные тем, о которых свидетельствовал облик венецианок.

Годы между двумя поездками стали для Ульянова временем осмысления новых впечатлений и влияний. В России все увереннее заявлял о себе авангард. Мастер и сам не был чужд формальных поисков, но, как показывает поэтिका «Фабричных матерей», избегал крайностей. На его выбор средств выразительности существенно влияла особенность дарования, подмеченная Б. А. Грифцовым: «чувство театра в высокой мере дано Ульянову. Он мог бы стать и действительно бывал больше, чем декоратором, — живописным руководителем спектакля»⁶⁵. Неслучайно одним из самых острых итальянских впечатлений стал для художника спектакль уличного театра марионеток. Художник поспешил поделиться пережитым восторгом с В. Э. Мейерхольдом,

⁶⁴ Муратов П. П. Николай Павлович Ульянов // Муратов, Грифцов. С. 32.

⁶⁵ Грифцов Б. А. Творчество Н. П. Ульянова // Там же. С. 68.

с которым работал в Театре-студии на Поварской и надеялся на продолжение сотрудничества. «В Болонье видел нечто неожиданное: старый марионеточный театр — “Burratini”. Зрелище неслыханно потрясающее. Это единственный остаток древности, сохранившийся только в одном городе»⁶⁶. Однако идеи, подсказанные условной эстетикой спектакля, Ульянов смог воплотить не в театре, так как долгое время оставался невостребованным режиссерами, а в живописи. Именно в картинах реализовалась его «способность... ощущать себя как бы управителем некоего театра марионеток. Он особенно склонен видеть мир кукол в мире людей»⁶⁷. В произведениях цикла, носящего условное название «Город», Ульянов убеждал и себя, и зрителей в справедливости максимы: «мир есть театр», но в них люди и сфера их обитания поменялись местами. Город взял на себя роль актера и, гримасничая, передразнивал своих обитателей, а то и вовсе уподоблял их теням («Парижские витрины», 1909–1911, ГТГ).

Народные увеселения, которые художник мог наблюдать на рабочих окраинах и в фабричных поселках, на его картинах превращались в «жуткий кукольный театр жизни»⁶⁸. Ярмарочные карусели, впервые возникшие на сцене МХТ в постановке «Драмы жизни» К. Гамсуна и расцененные зрителями как символ бессмысленности бытия, преобразились в рисунок пером с многозначительным названием «Карусель химеры»⁶⁹. Работая над темой «Качели», Ульянов неоднократно повторял композицию (1909, ГРМ; 1920, ГТГ), но в ее вариантах он лишь менял «декорации», оставляя неизменными участников действия, «наивных деревенских воздухоплателей»⁷⁰, безуспешно пытающихся преодолеть земное тяготение.

В 1911 году картина экспонировалась в русском разделе Всемирной выставки в Риме. Его устроители уверяли, что в нем «будут представлены все существующие... художественные общества — за исключением крайне правого... и крайне левого (Бубновый Валет)»⁷¹, но на деле доминировали работы мастеров, близких «Миру искусства», в которых Яков Тугендхольд увидел «странный цветок народа бунтующего и в жизни, и в религии, и в литературе»⁷². На фоне произведений «тихих поэтов» картина Ульянова выделалась ярким экспрессивным изображением традиционной русской забавы и привлекла внимание Ф. Т. Маринетти⁷³,

⁶⁶ Ульянов. С. 426. Главу, посвященную Болонье, Муратов закончил описанием спектакля театра марионеток, «эпизодом, в котором нет ровно ничего общего с холодным жаром и придуманностью ее эклектической живописи» (Муратов. С. 68).

⁶⁷ Муратов, Грифцов. С. 28.

⁶⁸ Там же. С. 32.

⁶⁹ Местонахождение неизвестно. Воспроизведен в журнале «Золотое руно» (1908. № 10. С. 26–27). Эскизы композиции находятся в ГТГ (1908) и в РГАЛИ.

⁷⁰ Муратов, Грифцов. С. 32. Муратов усмотрел в них сходство с фантошами, марионетками.

⁷¹ Тугендхольд Я. Международная выставка в Риме // Аполлон. 1911. № 5. С. 47. Отдельные залы устроители отвели для работ Ильи Репина, Валентина Серова.

⁷² Тугендхольд Я. Международная выставка в Риме // Аполлон. 1911. № 5. С. 48.

⁷³ Муратов писал: «Динамизм “Качелей” понравился итальянцу, — быть может, прельстила его здесь формальная задача живописания земли, видимой с этого своего рода российского аэроплана» (Муратов, Грифцов. С. 31–32).

который направил ее автору подборку манифестов, очевидно, без каких-либо объяснений мотивов такого поступка, так как Ульянов задался вопросом: «руководилась ли группа футуристов каким-нибудь выводом, рассылая свои манифесты иностранцам, и попал ли [он] случайно или по каким-либо заслугам в число этих последних»⁷⁴. Он подготовил несколько вариантов ответа, точнее, небольшой статьи, где с прямотой «варвара-славянина» заявил, что в своем стремлении к обновлению языка искусства исходит из иных мотивов, нежели авторы манифестов. Признав, что «на долю футуристов выпадает... завидная роль: пробудить в своих соотечественниках потребность к обновлению не только искусства, но самой жизни»⁷⁵, он возразил против формы борьбы с прошлым, которую они предложили. Ему «становится страшно... не потому, что разрушаются хорошие и плохие города, а потому, что не видишь, какое новое руно везут аргонавты в ту Европу, камни которой они прокляли и разбросали»⁷⁶.

Знакомство Ульянова с идеями футуристов совпало по времени с известием о возможном получении субсидии фонда Поленовых⁷⁷ и могло повлиять на выбор маршрута его будущего путешествия. Помечтав о Персии, он посчитал «наиболее для себя необходимой и важной поездку в Италию (выделено Ульяновым. — Л. П.)»⁷⁸. Этот выбор художник объяснял тем, что почти не знает европейского искусства и что «хотел бы видеть и понимать нечто классическое, которое [его] волнует и очаровывает»⁷⁹.

Определившись с системой приоритетов, Ульянов отправился во вторую поездку в Италию и совместил ее с посещением городов Германии. Тем самым он получал возможность оценить, «будет ли лучше, если на месте блудливой Венеции появится современный *parvenu* Берлин, с его новой архитектурой, монументами, автомобилями, громадным цеппелином и чудовищным — безвкусием? <...> Можно понять дифирамбы о будущем и нужно стремиться указать старому его подлинное место, не возводя его в культ...»⁸⁰ И если «шатание по Германии не принесло ничего поучительного»⁸¹, то Италию художник «полюбил еще больше»⁸². На сей раз объектами его внимания стали Рим и Неаполь, где он не обнаружил агрессивности жизненной среды, которую наблюдал на улицах Парижа, Берлина и даже Москвы. Посвященные

⁷⁴ Ульянов Н. П. Ответ футуристам Италии. Рукопись, вариант. Л. 1. Частное собрание, Москва. О том, какими мотивами которыми руководствовались футуристы, рассылая манифесты, подробнее см. наст. изд. С. 122.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Ульянов. С. 388–389.

⁷⁷ В память об умершей в 1898 году Е. Д. Поленовой ее братья А. Д., В. Д. и Д. Д. Поленовы учредили стипендию, выдаваемую молодым художникам на художественно образовательные путешествия.

⁷⁸ Н. П. Ульянов — К. В. Кандаурову. До 20 июня 1911 г., Щелково // Ульянов. С. 440.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Ульянов Н. П. Ответ футуристам Италии. Рукопись, вариант. Л. 2об. Частное собрание, Москва.

⁸¹ Н. П. Ульянов — К. В. Кандаурову. 21 мая (8 июня) 1912 года, Рим // Ульянов. С. 446.

⁸² Н. П. Ульянов — М. А. Волошину. 30 июня 1912, Рим // Ульянов. С. 448. По городам Германии Н. П. Ульянов и А. С. Глаголева путешествовали вместе с Е. И. Рабенек, известной танцовщицей-босоножкой.

им произведения свидетельствуют, что он сумел, хотя бы отчасти, выйти из категории форестьеров, брезгливо обходящих узкие неаполитанские улочки и тесные дворы. Людской «муравейник» в Неаполе заорожил художника своей живописностью, он любовался пестрой толпой, над которой развеваются белье, подобно флагам во славу повседневности, («Неаполь». 1912, ГТГ).

Поняв, что «Рим почти не поддается определению»⁸³, Ульянов все же попытался выявить наиболее важные его приметы. Античные древности, объект поклонения туристов, занимали его «лишь постольку, поскольку они способны дать толчок к проявлению нового искусства. Итак, это только божественный *bric-a-brac*⁸⁴, пригодный для археологов, историков и, пожалуй, поэтов»⁸⁵. Художник и сам превращался в поэта, когда восхищался тем, как на площадях «мощные фонтаны, преодолевая шум экипажей и голосов... празднуют мировым звоном свое античное прошлое»⁸⁶. Его не пугала, а восхищала неистребимая витальная энергия, которой обладают произведения древних художников. В окрестностях Вечного Города, «в уединенной Кампанье, усеянной фрагментами скульптуры», взгляд Ульянова задержался на фантастической картине: «у Аппиевой дороги оставлена лежащая мужская статуя, обращенная лицом к небу; при закате солнца ее мрамор, поросший легким мхом, все еще хранит тепло лучей, как живое тело»⁸⁷ («Аппиева дорога». 1912; варианты — ГМИИ, РГАЛИ). Иной знак обрела и городская гофманиана: Рим открылся Ульянову как «театр веков: гигантская, вечно длящаяся пьеса, великолепная и внушительная для глаз, где Время важно шествует и важно течет»⁸⁸. В акварели «Рим. Мост Святого Ангела» (1912) художник превращает балюстраду моста в подобие сцены, где представление разыгрывают «оживающие»

Н. П. Ульянов. Аппиева дорога. 1912

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Bric-a-brac* (франц.) — старинные безделушки, антикварные вещицы; хлам.

⁸⁵ Н. П. Ульянов — К. В. Кандаурову. 21 мая (8 июня) 1912 года, Рим // *Ульянов*. С. 446.

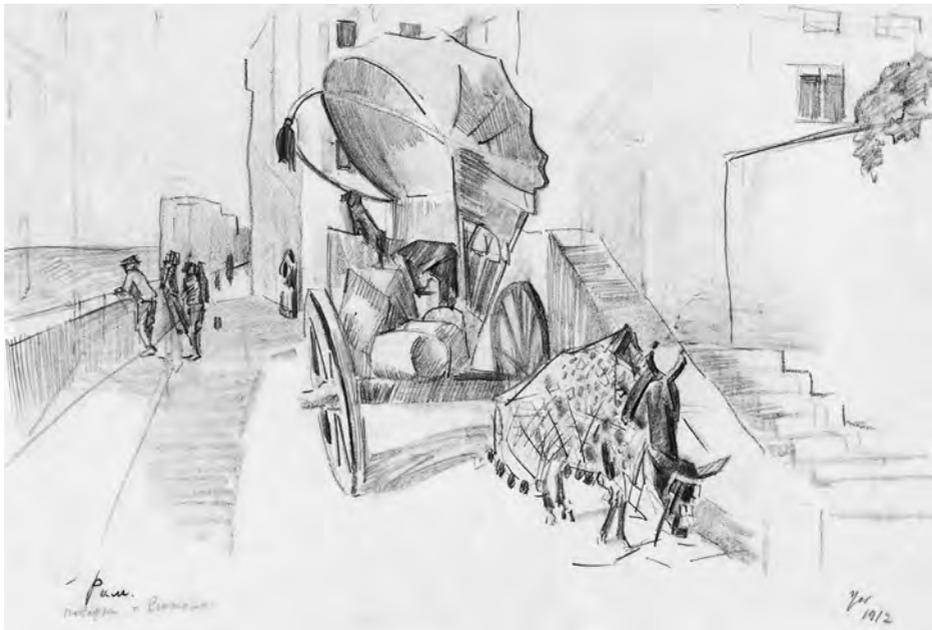
⁸⁶ Там же. С. 93.

⁸⁷ Там же. Примечательно, что лист с авторской надписью «На дороге Аппия» получил условное название «Лежащая женщина» (РГАЛИ. Ф. 2022. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1).

⁸⁸ *Вернон Ли*. Италия. *Genius Loci* / пер. Е. С. Урениус; под ред. и предисл. П. П. Муратова. Т. [1]. М., 1914. С. 156.

скульптурные изображения, а декорациями становится реальный пейзаж, соединивший постройки разных эпох⁸⁹.

В 1907 году Ульянов был убежденным единомышленником Муратова и в основном путешествовал по «Италии показной», хотя и пытался проникнуть за «рамки, очерченные Бедкером». Во второй поездке он получает возможность лучше понять современную жизнь страны и видит, что «вне пределов форестьерской тяги и независимо от ее тлетворного влияния итальянец живет своей собственной, трудовой, сложной... жизнью»⁹⁰. В Риме он не смог пройти мимо вполне прозаической сценки и сделал главным действующим лицом композиции ослика, который уныло тянет повозку по набережной Тибра («Рим. Повозка с вином». 1912, ГТГ). Но самым убедительным примером «Италии подлинной» становится для Ульянова Олевано, где он протяжении нескольких недель наблюдает за жизнью ничем не примечательного городка, обойденного историческими катаклизмами. Здесь художник не чувствует угрозы двойничества, которая довлела над ним много лет: оно не властно ни над людьми, способными «слиться в одно целое с природой»⁹¹, ни над естественной средой их обитания. «Как бы выдолбленный на вершине горы из ее камня, [Олевано] кажется пчелиным сотом. У входа в каждое жилище толпятся... женщины, их дети и мулы»⁹². И вновь,

Н. П. Ульянов. Рим. Повозка с вином. 1912

⁸⁹ Местонахождение неизвестно. Музею личных коллекций ГМИИ принадлежит живописный вариант композиции, однако в нем утрачена острота образа, присущая акварели.

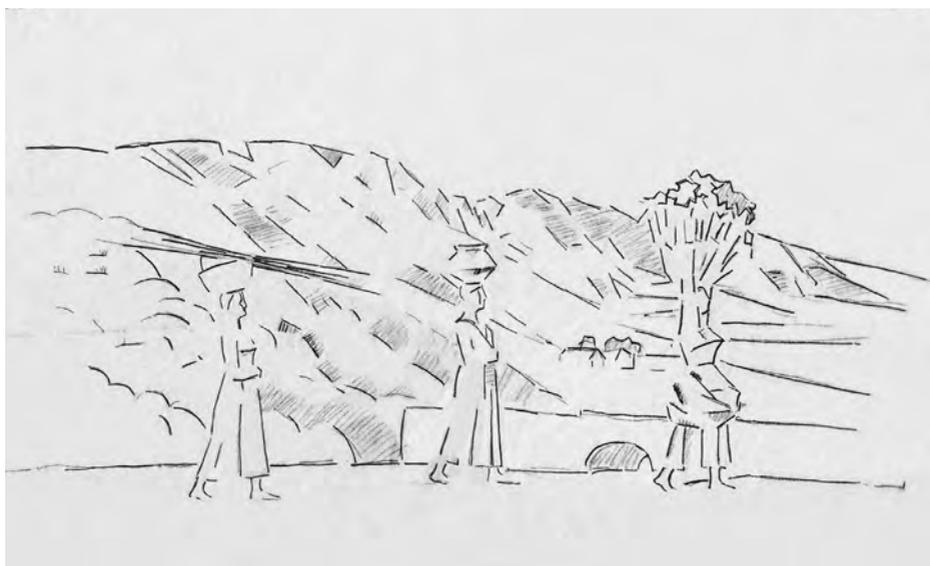
⁹⁰ Осоргин. С. 37.

⁹¹ Ульянов. С. 91.

⁹² Там же.

Н. П. Ульянов. Олевано. 1912

Н. П. Ульянов. На Сабинских горах. 1912

как в Венеции, олицетворением души Лациума и шире, Италии, становятся женщины, на сей раз крестьянки.

В Олевано Ульянов «видел поутру и вечером идущих все тою же походкой женщин, величавых в своей бедности. Эти живые кариатиды-труженицы несли на своих головах валежник, медные сосуды и корзины, полные плодов и ветвей, — “даяния Геи”»⁹³. В графическом эскизе композиции «На Сабинских горах» (РГАЛИ) мастер акцентировал сходство женщин с античными корами-дароносцами. В одноименной картине (1912, Вологодская областная картинная галерея) он трактовал реальный пейзаж как воплощение Универсума, так что «вневременные» фигурки женщин становятся олицетворением вечного круговорота жизни. В то время как европейский город превращал человека в марионетку, а его жизнь — в зазеркалье, в Олевано бытовое преображалось в бытийное, и чтобы визуализировать эту идею, художник качественно изменил смысловое наполнение пластического решения картины. Если в ранних ита-

Н. П. Ульянов. Несет траву. 1912

льянских работах, а также в некоторых римских акварелях в качестве основного формообразующего принципа можно назвать стилизм, восходящий к «Миру искусства», то упрощенность линейных характеристик, барельефность композиции, звучность колористического решения ставит картину «На Сабинских горах» в один ряд с «Фабричными матерями», «Качелями», «Парижской витриной» и другими образцами ульяновского экспрессионизма. Но в данном случае художник придал живописной манере, характерной для этих работ, иное звучание, возможно, подсказанное искусством кватроченто, в любви к которому он признавался: «как бы старое искусство и не было вредно и даже пагубно для нового, все же в нем есть нечто подлинно-прекрасное, в особенности в эпохе раннего ренессанса»⁹⁴. Такое обогащение уже сложившейся поэтики помогло Ульянову в сравнительно небольшом по формату произведении выявить «слиянность[ь] начал и концов, единств[о] истории и современности, неразрывность[ь] личного и всемирного, правду вечного круговорота вещей, более древнюю правду, чем скудная идея прогресса...»⁹⁵ Перебросив мост от современности к прошлому,

⁹³ Там же.

⁹⁴ Ульянов Н. П. Ответ футуристам Италии. Рукопись, вариант. Л. 2 об. Частное собрание, Москва.

⁹⁵ Муратов. С. 440.

которое на каждом историческом витке возрождается в бытовой традиции, художник, по сути, наделил жителей Олевано «избирательным бытием», когда «повторение приносит спасение»⁹⁶.

После поездки Ульянов еще некоторое время подводил ее итоги, завершал работу над задуманными произведениями, но вскоре тема, казалось бы, ушла из его творчества. Однако, подобно Зайцеву, он мог бы признаться, что Италия «на всю жизнь вошла... в [него]: природой, искусством, обликом народа, голубым своим ликом. [Он] принял ее как чистое откровение красоты»⁹⁷. Все, увиденное и пережитое во время поездок, продолжало незримо присутствовать в его работах, и, что не менее важно, в мироощущении, превратившись в своего рода критерий при оценке происходящего в окружающей реальности. Художник продолжил работать над циклом «Город», не отказываясь окончательно от экспрессионистской эстетики, но все чаще обращался к сюжетам, которые вернулись в русское искусство с неоклассицизмом, возродившим интерес к античной и ренессансной традициям, а также к древнегреческой мифологии. Муратов сомневался в том, что именно последнее путешествие сказалось на изменении сюжетики произведений художника: «Когда загрезил [об античности] Ульянов? Сыграла ли роль здесь Италия? — Возможно, но не непосредственную во всяком случае, потому что первые альбомные мысли на эти темы относятся к 1910–1911 годам...»⁹⁸ Позднее «укреплению античной мечты художника» способствовало близкое знакомство с В. И. Ивановым⁹⁹. И все же можно предположить, что «первые мысли» обратиться к мифологическим мотивам пришли к художнику еще раньше, чем это отметил Муратов. Так, на переднем плане «Воображаемого пейзажа» (1907, ГТГ) в волнах плещется тритон, трубящий в рог, а сбегающий к воде косогор одновременно напоминает ландшафты России и Италии. В середине 1910-х стилизованные итальянские ландшафты становятся сценой, где метаморфозы, о которых поведал миру Овидий, свершаются так же естественно, как течет жизнь в городке на Сабинских горах («Метаморфозы»). И даже на картинах, созданных позднее, в 1920-е годы, статные фигуры российских женщин, поднимающихся по косогорам с мешками, набитыми травой или идущих с коромыслами за водой, напоминают о крестьянках, трудом которых художник любовался в Олевано.

Для Муратова пребывание в Италии в 1912 году также совпало с изменениями творческих приоритетов. Незадолго до поездки он увидел собрание древнерусских икон И. С. Остроухова и, по словам коллекционера, «переживший так интенсивно итальянские впечатления... [он] был прямо ошарашен...

⁹⁶ Ж. Делёз указал, что Ф. Ницше различал «возвращение Того Же Самого» и Вечное Возвращение: если первое звучит как «банальная и страшная гипотеза», то второе равно «избирательному бытию». См.: *Делёз Ж. Ницше*. СПб., 2001. С. 52.

⁹⁷ *Зайцев Б. К. О себе // Зайцев*. С. 26.

⁹⁸ *Муратов, Грифцов*. С. 30. Первый вариант композиции «Метаморфозы» датируется 1909 (ГТГ).

⁹⁹ Об истории знакомства художника с В. И. Ивановым см.: *Правоверова Л. Л. Николай Ульянов и Андрей Белый // Миры Андрея Белого / сост. К. Ичин и М. Спивак*. Белград–Москва. 2011. С. 846.

и признался, что... это первое, что его глубоко трогает»¹⁰⁰. С этого момента интересы писателя начали отчетливо смещаться в сторону отечественного искусства¹⁰¹. В Риме его огорчало, что «в Ватиканской пинакотеке на почетнейшем месте и под именем Scuola Byzantina Sec. XV красуется плохой московский образ XVII, а то и XVIII века!»¹⁰² Посетовав на то, что «никто не знает здесь о прекрасном нашем искусстве», он отметил, что русская иконопись для него «все равно что новая кровь в жилах — итальянская тема стала уже немного стареть. Трудно будет писать 3-й том»¹⁰³. По возвращении Муратов надолго переключился на древнерусское искусство¹⁰⁴.

В послереволюционные годы общение писателей с Ульяновым прервалось. В 1922-м Муратов выехал в командировку в Берлин, где принял решение не возвращаться в Москву. В Европе оказались и Зайцев, и Осоргин. Именно в это время Муратов приступил к завершению своего главного труда. Третий, финальный том «Образов Италии» увидел свет в 1924 году в Берлине и стал для автора прощанием не только с темой, но и с оставшимися в России друзьями. Муратов закольцевал повествование: начатое в Венеции, оно там же и завершилось. Ведь для русских этот город «остаётся... первым и последним этапом итальянского путешествия. Нигде не ощущаешь с такой силой тоску о неповторимости своих прежних странствий вместе с жаждою новых и неизведанных»¹⁰⁵. Возможно, грустные слова эпилога адресованы Ульяновым и Е. В. Муратовой, для которых выезд за границу стал всего лишь прекрасной грезой: «Увидеть снова Италию — для скольких не сбылось и не сбудется это желание! Для скольких, однако, запечатлелись в образах Италии все образы божества, природы и человека. Итальянское путешествие должно быть одним из решительных душевных опытов. <...> Частицу Италии [путешественник] уносит с собой в свои эпически нищие или буднично-благополучные земли и там, под небом суровым или опустошенным, иначе радуется, иначе грустит и иначе любит»¹⁰⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Николай Ульянов и итальянские футуристы

Выступления итальянских футуристов начинались с ярких и, по преимуществу, скандальных акций, которые они устраивали в театрах, в кафе, на людных площадях, неизменно привлекая внимание публики и журналистов, в том числе и российских, стремившихся поскорее поведать о разрушителях

¹⁰⁰ И. С. Остроухов — А. П. Боткиной. 28 января 1911, Москва // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 643. Л. 2.

¹⁰¹ Ульянов писал, что «после искусства Италии наш просветленный взгляд может остановиться только на древних наших иконах». См.: *Ульянов*. С. 94.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ П. П. Муратов — И. С. Остроухову. 15/2 июня 1912, Рим // ОР ГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 4391. Л. 3.

¹⁰⁴ С 1913 начали выходить написанные Муратовым выпуски «Истории русского искусства», которую издавал И. Э. Грабарь.

¹⁰⁵ *Муратов*. С. 439.

¹⁰⁶ Там же.

спокойствия и о содержании их воззваний. Так, в России статья с цитатами из «Первого манифеста футуристов» вышла всего через месяц после его появления в Париже в газете «Фигаро»¹. В 1910 году Паоло Буцци, итальянский корреспондент журнала «Аполлон», сообщил, что и живописцы «поспешили провозгласить свое Слово в двух манифестах, которые должны перевернуть все искусство кисти и красок»². Он счел интересным познакомить читателей с их содержанием и включил в текст переводы больших фрагментов одного из этих манифестов³.

В том же 1910 году Михаил Осоргин довольно подробно рассказал о новом художественном движении в литературе, процитировав положения манифеста, которые, по его мнению, наиболее ярко отражали «проповедь футуризма»⁴, а также поведал о том, что параллельно с публичными акциями футуристы ведут и менее эффектную работу по «вербовке» сторонников среди европейских деятелей культуры. «Время от времени [они] обращаются ко всем своим и иностранным литературным критикам, писателям, артистам, художникам с просьбой высказать их авторитетные мнения»⁵, а полученные ответы регулярно публикуют, предположительно, в специальных бюллетенях.

В числе получателей посланий оказывались люди, чьи имена были на слуху, а также те, кого Ф. Т. Маринетти причислил к «великим предшественникам футуризма»⁶. Один из них, П. Адан, ответил, что «он лишь в одном расходится с футуристами как проповедниками уничтожения прошлого: “Il ne faut rien détruire! Il faut toujours créer!” [Ничего не разрушать! Всегда нужно созидать]»⁷. Среди ответов были и весьма резкие. Так, П. Лоти заявил: «Я — страстный поклонник прошлого; я питаю ужас и отвращение к модернизму. <...> Впрочем, по вашим словам, людей старше 40 лет следует вышвыривать на панель. Но тогда на что же я могу быть вам годным?...»⁸

¹ Наброски современности // Вечер. 1909. 8 марта (21 марта по новому стилю). «Первый манифест футуристов» (Manifeste du futurisme) был опубликован в Париже в газете Figaro 20 февраля 1909 г.

² Buzzi P. Письма из Италии: Поэзия. Живопись // Аполлон. 1910. № 9. С. [16]. В этом же номере опубликована статья М. А. Кузмина «Футуристы» (С. [20–21]).

³ В настоящее время он фигурирует в литературе как «Технический манифест футуристических живописцев» (опубликован 11 апреля 1911). Полный текст в переводе В. Г. Шершеневича опубликован в книге: *Маринетти Ф. Т. Футуризм*. (М., 1914) как «Манифест футуристических живописцев» с ошибочной датой, относящейся к более раннему тексту (11 февраля 1911).

⁴ *Осоргин М. Футуристы и их поэзия. Письмо из Италии // Русские ведомости*. 1910. 27 авг. № 197. Позднее несколько переработанный текст автор включил в «Очерки современной Италии». М., 1913. С. 221–225 (далее — *Осоргин*). О публикациях 1912 года см.: *Бобринская Е. А. Футуризм*. М., 2000. С. 145.

⁵ *Осоргин*. С. 223.

⁶ Ф. Т. Маринетти включил в список П. Адана, Э. Золя, Г. Кона, О. Мирбо, Ж.-А. Рони-старшего, У. Уитмена. См.: *Маринетти Ф. Т. Футуризм*. Тамбов, 2017. С. 79 (далее — *Маринетти*).

⁷ *Осоргин*. С. 223.

⁸ В «Первом манифесте футуристов» есть такие слова: «Когда нам исполнится сорок лет, пусть те, кто моложе и бодрее нас, побросают нас в корзину, как ненужные рукописи!..» // *Маринетти*. С. 109. П. Лоти родился в 1850, и на момент получения манифестов ему было около 60 лет.

В России в число корреспондентов футуристов одним из первых попал Н. П. Ульянов⁹. Точную дату получения художником футуристических манифестов¹⁰ установить сложно, так как не сохранились ни сопроводительное письмо (если оно, конечно, было), ни конверт. Однако Ульянов указал в своем ответе адрес, по которому проживал с 1910 до середины 1911 года¹¹, что позволяет предположить, что Ф. Т. Маринетти выслал манифесты во второй четверти 1911-го, а Ульянов незамедлительно приступил к работе над ответом, завершив его не позднее августа того же года. В частном архиве сохранились несколько рукописных вариантов текста, как черновые, так и завершённый, краткий набросок благодарственного письма на французском языке, а также выполненный Ульяновым перевод манифеста живописцев¹². Там же находятся и два машинописных экземпляра ответа футуристам, представляющих собой несколько сокращённый вариант окончательного рукописного текста: один чистовой, другой — с корректорской правкой, выполненной неизвестным лицом. Можно предположить, что они были перепечатаны для сборника «Мои встречи», который М. П. Сокольников готовил к печати уже после смерти художника¹³, чем объясняется и ошибка в датировке — примерно 1912–1913 годы.

Трудно судить, отправил ли Ульянов свое послание, или оно так осталось одним из его многочисленных литературных опытов, однако этот эпизод заставил его более четко определить свою позицию в искусстве и понять, чью сторону ему следует принять в противоборстве традиционалистов и новаторов. Можно напомнить, что обращение итальянских собратьев по искусству Ульянов получил в тот момент, когда в России одно за другим возникали общества с все более радикальными программами, и сама жизнь заставляла осмыслить суть происходящего в культуре и дать ему оценку. Еще 1908-м, в пору сотрудничества с редакцией журнала «Золотое руно», Ульянов задумал написать эссе, точнее цикл статей, связанных общей идеей, который назвал «Современность и живопись»¹⁴, но на первых порах ограничился краткими афоризмами, лишь отчасти намечающими будущее направление работы. В частности, он сформулировал отношение к публичным акциям современников, тогда еще довольно скромным: «Дерзновенность часто сродняется с озорством, что в некоторые моменты для большинства является великим

⁹ В этом контексте интересно наблюдение А. В. Крусанова, что даже в январе 1912 «художественные принципы итальянского футуризма еще не попали в сферу... внимания российского авангарда». См.: Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1. М., 2010. С. 398.

¹⁰ В архиве художника в частном собрании в Москве хранятся три типографских отиска манифестов на французском языке (Manifeste du futurisme; Discours futuriste aux Vénitiens; Manifeste des auteurs dramatiques futuristes). Четвертый, Manifeste des peintres futuristes, находится в РГАЛИ (Ф. 2022. Оп. 1. Ед. хр. 1). Ульянов также упоминает о получении романа Маринетти «Футурист Мафарка», однако его местонахождение в настоящее время неизвестно.

¹¹ Ульянов Н. П. Люди эпохи сумерек. С. 437, 443 (далее — Ульянов).

¹² Для перевода Ульянов выбрал Manifeste des peintres futuristes (см.: прим. 116).

¹³ Ульянов Н. П. Мои встречи. Воспоминания / ред., вступит. ст., прим. М. П. Сокольникова. М., 1952. В сборник «Ответ футуристам Италии» не вошел.

¹⁴ Тексты статей хранятся в частном собрании в Москве.

соблазном»¹⁵. Годом позже художник побывал в Париже, и в очерке, написанном по впечатлениям от поездки, отметил, что с наступлением «технического века» «эстетизм подогревается электричеством»¹⁶.

Комментируя в ответе основные положения манифестов футуристов, Ульянов выразил сомнения: так ли уж нужны беспелляционные суждения о настоящем и будущем, высказанные его корреспондентами. В статьях, завершённых к 1914-му году, он развил идеи, намеченные в «Ответе футуристам...»¹⁷. К этому времени Ульянов стал свидетелем событий, происходивших в русском авангарде в эпоху «бури и натиска». Рассуждая о пристрастии новых поколений художников к публикации разного рода манифестов, он заметил, что редко кто из современников «согласился бы... посвятить все свое творчество только себе, совершенно не претендуя быть действующим лицом в современной светной обстановке. Более чем когда-либо это становится необходимо именно теперь, когда все пишут манифесты, периодически отрекаются от них, а также и от себя»¹⁸. Более резко Ульянов высказался в статьях и о практике отстаивать свою правоту в рукопашных схватках с противниками. В 1911 году он беззлобно иронизировал над футуристами и заявил, что готов присоединиться ко всем, «ищущим Эльдorado», если «в делах искусства [будут] найдены наиболее интимные способы воздействия на толпу»¹⁹. В эссе он уже констатировал, что ныне «пиетет искусства... утрачен. Осталась словесная или, по примеру Маринетти, кулачная расправа, привлекающая публику, как всякое обычное скандальное зрелище. Новый вид популяризации искусства может еще долго занимать многих, но само положение художника от этого не становится почтеннее и прочнее»²⁰. Корректировал Ульянов и отношение к академизму, против которого протестовали футуристы. Если в ответе он лишь высказывал предположение, что перед новаторами стоит реальная угроза породить новый его вариант, то в статьях он выразил уверенность, что все «теории искусства не менее консервативны, чем академизм. Ни одна теория не создала художника. Тогда как произведения часто создают теорию»²¹. Что же касается футуристического прославления техники, настораживавшего художника в 1911 году, то в статьях он вынужден признать его победу: «Незаметно для себя мы меняемся сами. <...> Мы свыкаемся с торжеством машины и готовы признать ее жизненные блага, признав, что она тоже порождение духа»²².

В целом же из сопоставления разновременных литературных произведений Ульянова становится ясно, что за годы, прошедшие между написанием «Ответа

¹⁵ Ульянов Н. П. Современность и живопись. 1908. Рукопись. Частное собрание, Москва.

¹⁶ Ульянов. С. 90.

¹⁷ Такова авторская датировка рукописного варианта текстов, которые находятся в частном собрании в Москве. Позднее, в конце 1910 — начале 1920-х Ульянов отредактировал и перепечатал статьи, машинописные экземпляры находятся в том же собрании. Отдельные фрагменты были включены в текст монографии: Муратов, Грифцов. С. 87–93.

¹⁸ Ульянов Н. П. Искусство с манифестом и искусство без манифеста // Ульянов. С. 369–374. С. 369.

¹⁹ См.: наст. изд. С. 128.

²⁰ Ульянов. С. 371.

²¹ Там же. С. 385.

²² Ульянов Н. П. Содержание в искусстве и новая идеология // Там же. С. 363.

футуристам Италии» и эссе «Современность и живопись», он укрепился в своем мнении об относительности многих истин, декларируемых современниками. Его позиция в деле обновления искусства — это скорее позиция философа, не без скепсиса наблюдающего за сменой вех в культуре, хотя и не чуждого новаций в своем творчестве.

Машинописный вариант «Ответа футуристам Италии» с указанной там датировкой был включен в сборник «Люди эпохи сумерек»²³. В данном издании публикуется текст рукописного оригинала, идентичного машинописному, но с восстановленными купюрами и с уточненной датой.

Н. П. Ульянов. Ответ футуристам Италии

Я не знаю, чем и за что я обязан Вашему вниманию. Тот факт, что на мое имя были присланы Вами манифесты, заставляет меня оценить эту любезность. Прочтя Ваши материалы, я был, с одной стороны, заинтересован и даже чем-то обрадован, а с другой искренне опечален. Обрадован я был потому, что из Италии, любимой мною страны, дошел отзвук какой-то жизни. Опечален же я был тем, что многое в этом отзвуке мне показалось не совсем понятным.

Мы, русские, не любим помпы и почти не верим красивым словам, а тем более таким, которые нужно защищать кулаками²⁴. Нас считают отсталыми варварами — быть может, это и справедливо. Но в делах искусства мы едва ли согласимся с Вами в необходимости насилия.

То, что у Вас имеются на всякий случай хорошие боксеры и атлеты, этому я готов верить. Но кого Вы хотите запугать ими? Если они представляют угрозу для итальянцев, то для нас они давно потеряли всякий смысл и необходимость²⁵. Стоило ли Вам, при Вашей миссии, которую Вы считаете серьезной, выдвигать их на первый план, а тем более в манифестах, посылаемых иностранцам? Если бы даже эти любители кулаков и могли запугать кого-нибудь, то едва ли сумели бы в чем-нибудь убедить.

В отличие от нас, северян, Вы, представители латинской расы, любите зрелища, эффекты и пышность внешних проявлений. Не лучше ли было бы в таком случае устраивать Ваши поединки по примеру рыцарских времен? Это было бы куда интереснее и ярче, чем воскрешенный Вами пережиток древности —

²³ Там же. С. 387–389.

²⁴ В манифесте футуристических живописцев, опубликованном 11 апреля 1910, есть строки, посвященные «битве в Турине», состоявшейся 8 марта 1910: «Мы объяснялись... почти столькими же ударами кулака, как и идеями, чтобы защитить от роковой гибели гений итальянского искусства» (Манифест футуристов. — Пер. Н. П. Ульянова. Рукопись // Частное собрание, Москва).

²⁵ Это утверждение Ульянова вскоре опровергли события художественной жизни России, где выступления представителей авангарда носили скандальный характер. Так, в феврале 1913 в Москве в Политехническом музее М. Ф. Ларионов организовал диспут на тему «Восток, национальность и Запад», на котором выступил с докладом о лучизме. Диспут закончился дракой и вызовом полиции, которая возбудила против Ларионова уголовное дело за нарушение общественного порядка.

кулачная расправа. Ваш призыв к венецианцам²⁶ — Ваше частное семейное дело. Кроме итальянцев, вероятно, никто не может рассудить по-настоящему, что нужно сделать с этой блудливой гробницей прошлого. Но когда Ваш автомобиль, которому Вы посвящаете столько пламенно-влюбленных слов, устремляется вперед по всей Европе, а может быть, и по всему миру, то становится страшно. Становится страшно не потому, что разрушатся хорошие и плохие города, а потому, что не видишь, какое новое руно везут аргонавты в ту Европу, камни которой они прокляли и разбросали.

Ваша убежденность в необходимости переворота в художественном мире достойна, конечно, глубочайшего внимания, равно как и тезисы, отмеченные артистическим чувством и талантом. Но не забывайте, что Вы делаете это уже после Сезанна, Гогена и ряда других художников, которых Вы можете не признавать, но которые в своих работах уже провели главнейшую сущность Ваших мыслей. Таким образом, новизна поднятых вами тезисов становится относительной и не последним словом откровения. Впрочем, это не так важно. Наше время, действительно, нуждается в большом и решительном обновлении. Но что предлагаете Вы сверх того, что уже успело войти в художественную жизнь Западной Европы и нашего Севера? Вы боретесь против асфальтовых оттенков²⁷ и «материальности» тела. С этой стороны победа уже выиграна, но кого благодарить за нее?

Вы говорите, что адюльтер должен умереть в искусстве и что изображение окороков своих любовниц и скучно, и ненужно: Вы правы, но разве это так ново? И разве будет не то же самое, если выставки наполнятся вдруг телами автомобилей и других огнедышащих машин? А это наверно будет! Отвергая всю ветошь искусства, и асфальт, и адюльтер, и голых женщин на десять лет²⁸, укажите нам что-нибудь подлинное и живое, вне машины и механики? Неужели человек сделался так бесконечно беден, что у него уже ничего не осталось кроме них?

Вы подолгу останавливаетесь перед любимым автомобилем и готовы, по видимому, даже взять его в символы своей веры. Но разве не делают того же, но разве меньше Вас восторгаются и пользуются им и Ваши враги — та самая буржуазная толпа, аплодисменты которой, как Вы справедливо заметили, знаменуют чаще всего только убожество и упадок искусства?

Вы заметили вихревое движение жизни и полюбили стальную устремленность мечты — и виной всему — автомобиль! Вы слишком щедро приписываете все дары откровения машине и ради нее готовы забыть решительно все. Если

²⁶ В «Футуристической речи венецианцам» (*Discours futuriste aux Vénitien*) Ф. Т. Маринетти называет обитателей города «верными рабами прошлого» и в весьма резких выражениях высказывается о тех элементах традиционной культуры, которые еще сохранялись в жизни города. Текст завершается уверениями, что лишь футуристы способны возродить «великую и сильную Венецию, промышленную и военную» (*Маринетти*. С. 41).

²⁷ «Мы боремся против смолистых тонов, посредством которых пытаются получить налет времени на современных картинах» (*Маринетти*. С. 128).

Асфальт, битум (греч. *ásphaltos* — горная смола) — темно-коричневая прозрачная краска, которую широко применяли художники XVII–XIX веков. Ее неосторожное использование стало причиной потемнения многих картин.

²⁸ «Мы требуем, на 10 лет, полного устранения наготы из живописи» (Там же. С. 129).

Вы так любите движение и вихри — вспомните самум и смерть. Быть может, природа и покажется Вам не такой уж бедной. Когда умирает старый бог, то на смену ему должен родиться новый. Укажите миру нового бога, хотя бы еще не вполне рожденного, какого хотите бога, только не из гаража.

Вы совершенно справедливо возмущаетесь тиранией слов — «хороший вкус», «гармония» — правда, слова эти и пусты, и растяжимы. Но, разрушая все хранилища искусства и все музеи, Вы, однако, почему-то считаете нужным поставить в пример Гойю, Рембрандта и Родена²⁹, — по меньшей мере, с Вашей стороны это тактическая ошибка. Не щадя своей отчизны и иронически допуская ежегодное подношение цветов Моне Лизе³⁰, Вы оказались почему-то особенно внимательны к этим двум умершим и одному живому: трем художникам разных стран, едва ли внутренне близких и едва ли исчерпывающих международный гений. Не лучше ли забыть всех мертвых, которые Вам чужды, и заняться только живыми. В этом, казалось бы, и есть прямая задача футуризма! Долой все старое во имя нового! Под этот воинственный клич, конечно, стекутся не только соотечественники Ваши, но и чужестранцы. Одна беда: в чем же собственно это новое? К сожалению, Ваша программа не раскрывает всех тайн грядущего творчества, а ограничивается, как все манифесты, только хорошими королевскими словами. А все дело оказывается только в тайнах искусства, которые, как мы все знаем, нельзя ни рассказать, ни даже приблизительно наметить.

Если я говорю об автомобиле, то только потому, что Вы заставили о нем говорить. Дело конечно не в нем, не в этом новом автомобиле, и не в старом Пегасе, который по всей вероятности никуда не годен, а в чем-то другом. Я вовсе не намерен защищать мертвецов, хотя бы они и были бесконечно велики. Что нужно делать с ними — я, право, не знаю. То, что после них остался и живет академизм, язва жизни, это мне известно. Но академизм, неизлечимая болезнь всех веков, которая насаждается не только одними мертвыми: трупным ядом искусство могут отравить и живые, существующие даже под самыми смелыми вечными девизами. От этого яда едва ли может спасти аэроплан, мотоцикл и все другие виды машин. Нужно бороться еще более с новым нарождающимся видом академизма, который входит в нашу жизнь часто под видом новаторства, и не только под видом сецессионизма, независимых и прочих иных, которые давно кончились и умерли, хотя они сами и не сознают этого. Академизм же существовал до них, существует вместе с ними и будет жить после них. Как спастись от него? Вы, по-видимому, склонны утверждать что в человеческое тело необходимо теперь влить кровь автомобиля. Но не будет ли это просто бензин?

Вы хотите, чтобы каждый художник был непременно оригинальным? Конечно, вне оригинальности нет искусства — это известный закон жизни. Но «оригинальность»!.. Не чувствуете ли Вы, что и это слово по-своему тоже растяжимо и несет свою тиранию.

²⁹ Там же. С. 128.

³⁰ В *Manifeste du futurisme*, опубликованном 20 февраля 1909 в Париже в газете *Figaro*, авторы заявляют, что могли бы понять, если кто-нибудь будет единожды в год подносить цветы к ногам «Джоконды», но частые посещения музеев огорчают и тревожат их (*Маринетти*. С. 107–108).

Недостаток всякой, даже самой идеальной программы и самых гениальных тезисов, как оказывается, состоит всегда в относительной и чисто временной истине, которую в горячую минуту мы выдаем за непреложную и вечную.

Неизвестный Вам наш северный поэт сказал:

Мысль высказанная есть ложь³¹ — оттого, быть может, никакая программа в целом не достигает своей цели и нуждается в длинном ряде каких-то иных соображений, привходящих в определение худо[жественной] истины. В делах искусства почтенно и приятно создавать и разрушать, но не так, как создают и разрушают за обеденным столом, где едят, говорят спичи, пьют шампанское и кончают дракой.

Я не знаю, возможны ли в наши утонченные дни безапелляционные суждения о чем-либо, а тем более в такой области, как искусство. Что касается живописи, то я сказал бы, что из всех видов творчества она менее всего нуждается в словах, так как по своей природе она только искусство молчания, т. е. созерцательного внушения зрительных откровений. Конечно, как продукт души, она также нуждается в умозрении и своей особой мудрой философии. Но укажите мне эту философию, которая не была бы проявлением личного вкуса одного или нескольких лиц, одержимых болезнью своего века³².

Если хотите, я вполне присоединяюсь ко всем ищущим Эльдorado, Обетованную страну и Царство Живых в искусстве. То, что я славянин, не мешает мне понять восторг более пылких и темпераментных собратьев. Хотелось бы одного: чтобы в делах искусства были найдены наиболее интимные способы воздействия на толпу. Но об этом надо говорить особо. Теперь же я ограничился бы просьбой: если любезность итальянских собратьев дает мне право рассчитывать на дальнейшее внимание, то я желал бы ознакомиться хотя бы путем репродукции с произведениями живописи футуристов. За каждую присылку таких снимков я буду так же обязан, как и за полученные мною манифесты³³.

Мой адрес: Москва, Чистые пруды, Лобковский пер., д. Ясюнинск[ого]³⁴, Николаю Павловичу Ульянову.

*Н. Ульянов
(N. Oulianoff)*

³¹ Правильно: «Мысль изреченная есть ложь». См.: *Тютчев Ф. И. Silentium! // Тютчев Ф. И. Соч.: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 63.*

³² Вычеркнуто Н. П. Ульяновым.

³³ В черновом рукописном варианте Ульянов благодарит и «за полученную... книгу синьора Маринетти».

³⁴ Адрес квартиры Е. И. и А. Л. Рабенек, где Н. П. Ульянов и А. С. Глаголева жили до августа 1911. Ныне: ул. Макаренко, д. 2.

«МОЙ ГРУСТНЫЙ ВЗГЛЯД ЛАСКАЮТ ТЕНИ...»

(Об Н. С. Ашукине — писателе)

Ирина Едошина

В название предварительных замечаний вынесена строка из триолет Николая Сергеевича Ашукина (1890–1972) под названием «Снежинки» (1914). «Грустный взгляд» был дан в удел Ашукину с самого раннего детства: рожден вне брака, рано потерял мать, воспитывался в купеческой семье отца, правда, довольно просвещенной. Образование получал в Мещанском училище для сирот, долгое время отрабатывал полученные знания в Конторе винного завода, часто стоя за прилавком. Ничто не предвещало перемен, к которым он чувствовал внутреннее тяготение, неясно понимая их смысл. Однажды, ради куска хлеба, юный Ашукин пишет рассказ «Егорка»¹, за который получает первый гонорар.

Работая в конторе винного завода, Ашукин параллельно записывается вольнослушателем Московского археологического института и посещает занятия в 1910–1913 гг. Здесь его художественное дарование получает дополнительные импульсы к развитию.

В литературу он вступает как детский поэт, печатая первые стихи в журнале «Тропинка», который в 1906–1912 гг. издавали Поликсена Соловьева и Наталья Манасеина, а потом и в других журналах. Позднее он соберет стихи в отдельную книгу «Золотые былинки. Стихи для детей» (1919). Но, конечно, только детскими стихами его раннее творчество не ограничивается. Он — автор двух поэтических сборников «Осенний цветник» (1914) и «Скитания. Вторая книга стихов (1913–1915 г.)» (1916). Общая тональность его склонной к символистской эстетике лирики полна грусти, которой созвучны неясные тени былого и какие-то несбывшиеся надежды. В прозе Ашукин публикует сказку «Царевна Крупеничка» (1911), написанную им на основе народной мифологии.

Помимо собственного творчества, он занимается издательской деятельностью, работая у К. Ф. Некрасова, где, в частности, знакомится с В. Я. Брюсовым. Их отношения продолжатся и позднее, вплоть до смерти Брюсова в 1924 г., для вдовы которого Ашукин станет абсолютным авторитетом в издании произведений писателя. Сам Ашукин на протяжении всей жизни будет заниматься сбором и публикацией материалов, посвященных жизни и творчеству Брюсова. Наиболее полная версия (при участии Р. Щербакова) выйдет уже после смерти Ашукина (М., 2006).

¹ Правда Божия / Под ред. свящ. Гр. Петрова. Изд-во И. Д. Сытина. 1 января 1906 (под псевдонимом Николай Никин).

События 1917 г. поначалу наполнили жизнь Ашукина мощным творческим импульсом: одна за другой выходят написанные и подготовленные им книги, он непреременный участник всех московских литературских собраний, где выступает не только со стихами, но и как литературный критик, историк литературы. В этом же ряду стоит приглашение его Брюсовым в свой журнал «Художественное Слово» на должность ответственного секретаря. Журнал выходил в Москве в 1920 г. в издательстве «Книга» как Временник Литературного отдела Наркомпроса (ЛИТО, которым заведовал также Брюсов). Первый номер открывался редакторской статьей, где излагались задачи журнала: главным приоритетом называлась «художественность» публикаций, а уже потом идеологические установки. В этом журнале во 2-м и последнем номере (Брюсов снят с должности, вместо него назначен Серафимович — и журнал приказал долго жить) Ашукин напечатал свою новеллу «Венеция».

У этой новеллы есть несколько явных и скрытых источников. К явным относится указание главным героем на «гофманиану», которая словно окутывала его сознание. Как минимум, с творчеством Гофмана Ашукин столкнулся, еще работая в издательстве К. Ф. Некрасова, когда готовилась к печати книга Э. Т. А. Гофмана «Принцесса Брамбилла (каприччио во вкусе Калло)» (М., 1915). В этом издании Ашукину принадлежат переводы стихов. В новелле «Венеция», если исходить из ее содержания, можно понять, что здесь «гофманиана» — это не называемая новелла Гофмана «Дождь и догаресса» («Doge und Dogaresse», 1816–1817). Сюжет новеллы Гофмана нескрываясь перекликается с приведенным в новелле Ашукина отрывком из А. С. Пушкина, поскольку и был написан поэтом под впечатлением Гофмана. Сюжет новеллы Гофмана можно назвать имплицитной драматической рамкой новеллы Ашукина, определившей неизбежность сначала всех мистификаций, а затем гибели главного героя.

Другой не названный напрямую источник — книга П. П. Перцова «Венеция», на которой густо замешено начало третьей части новеллы, а также — появление в финале этой части образа Покровского храма на Красной площади. Кроме того, близко Ашукину оказалось умение Перцова открывать в знакомом то, *чего раньше не видел*.

Наконец, есть еще один, как мне кажется, источник в обрисовке уже возлюбленной Глебова, главного героя, — Marie. Это «Venezia la Bella» (1858) Аполлона Григорьева. С его творчеством Ашукин сначала столкнулся, когда его близкий друг, секретарь журнала «София» (гл. ред. П. П. Муратов), издававшегося К. Ф. Некрасовым в 1914 г., Павел Сухотин готовил к публикации книгу А. А. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» (М., 1915). В этом же (а возможно, в следующем) году в издательстве К. Ф. Некрасова вышла книга стихов Аполлона Григорьева, подготовленная А. А. Блоком. В издательстве с ней работал Ашукин, он же состоял в переписке с Блоком. Среди текстов, помещенных Блоком в книгу, была поэма Аполлона Григорьева, полное название которой — «Venezia la Bella. Дневник странствующего романтика (Отрывок из книги: Одиссея о последнем романтике)». Подобно героине поэмы Аполлона Григорьева, Marie могла бы сказать о себе в жизни Глебова: «Твоя звезда в далекой вышине, / Твой страж крылатый и твоё творенье, / Твой вздох в толпе, твой вопль наедине, / Твоя молитва и твоё сомненье: / Я та же, та же —

мне, единой мне, / Принадлежит и новое волнение, / Вглядись, взглядишь!.. Не я ли в глубине, / Стою, светла, за этой бледной тенью...»². Образ Marie сопровождает Глебова, воспоминание об их свиданье незримо хранят кончики его пальцев, он видит и слышит ее, а вместе с ней является сквозь улицы и здания Москвы никогда не виданная им Венеция.

Сугубо практическими надобностями определяются две цитаты из книги И. Е. Забелина по истории Москвы: Глебов пишет историю Венеции, в том числе — о ее связях с Московией. А поскольку его книга носит популярный характер, то источник цитирования не указывается, скорее, вспоминается, подобно наплывам в кино.

Топография в новелле абсолютно точна, в ней сохраняется облик старой (еще не разрушенной захватившими власть большевиками) Москвы, с укорененными в ее истории названиями улиц, переулков и площадей. Потому старинная Москва так легко «пропускает» сквозь себя старинные облики Венеции.

В 1922 г. Ашукин опубликует рассказ «Восточная сказка»³, построенный на восточных мотивах, связанных со словом «базар» и его воплощением в одном московском сюжете. В этом же году ему будет отказано в получении академического пайка в виду бездарности и бесполезности. Так, собственно, завершится деятельность Н. С. Ашукина как писателя. Дальше он займется (и довольно успешно) составлением антологий, подготовкой к изданию произведений литературы, будет писать вступительные статьи, погрузится в библиографические изыскания, словарную работу. Проживет Ашукин довольно долгую жизнь, но никогда больше не напишет ни стихов, ни прозы.

Текст новеллы печатается по первой (и единственной) публикации в журнале: Художественное Слово. Временник Литературного отдела НКП (Народного Комиссариата по Просвещению). Книга первая. М.: НКП, 1920. С. 31–34. Подготовка текста и комментарии И. А. Едошиной.

ВЕНЕЦИЯ

*Николай Ашукин**

I.

Глебов не был в Москве целых пять лет. В древний, любимый свой город он вернулся осенью, золотым сентябрьским днем, когда так изумительно прозрачен бывает воздух и четко, но не резко звучат в нем и цоканье копыт, и быстрые звонки трамваев, и тяжелые гудки автомобилей. В бледном, как

² Григорьев А. Стихотворения. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. Репринт. Изд. 1915 г. (на титуле 1916) / Послел. и прим. Б. Ф. Егорова. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. С. 438.

³ Ашукин Н. Восточная сказка // Рупор. Литература. — Театр. — Искусство. — Культура. — Экономика. М., 1922. № 5. С. 12–14.

* Текст воспроизводится нами по первой публикации — по нормам современной пунктуации и орфографии, за исключением специально оговоренных случаев.

выцветавший шолк¹, солнечном свете, в такие осенние московские дни прелестна в своей умирающей красоте облетающая листва бульваров, а меланхолическая музыка шарманки, как всегда повторяющая грустную «Разлуку»², звучит элегически печально и наполняет душу туманными и далекими воспоминаниями...

Был 1917 год. Стены домов и заборов, густо заклеенные плакатами, говорили о новом: о митингах, о свободе, о республике. Но Глебов скользил по ним равнодушным взглядом. Он радовался встрече с Москвой, старой, дряхлеющей в своей славе, такой, какой была она связана с его воспоминаниями юности.

Легко и бодро шел Глебов по улицам. Даже довольно увесистый серый потертый чемодан не тяжелил и не оттягивал ему руку: осенний воздух родного города словно делал тело его невесомым и нечувствительным к земной тяжести чемодана, многолетнего спутника его провинциальных скитаний. В черном, развеваемом на ветре плаще был похож Глебов на большую птицу, низко летящую над асфальтовым тротуаром. Дойти от Курского вокзала до Мясницких ворот³, где жил его старый приятель, у которого он намерен был остановиться, было для него делом не долгим. Но и за этот короткий путь успел Глебов вспомнить о многом.

По этой же улице, по Мясницкой, пять лет назад, шел он с той, которая навсегда вошла в его жизнь, наполнив ее нежностью и страстью любви, горечью и мукой разлуки... Ему отчетливо вспомнился поздний зимний вечер, порывистый гул вьюги за окном его маленькой студенческой комнатки (он жил тогда в этих же краях, в Харитоньевском переулке⁴), рубиновый жар отгоревших дров в низенькой лежанке и жаркая истома милых, единственных в мире рук, в первый раз тогда обнявших его. Всем своим трепетом эти, теплые вздрагивавшие, руки повторяли то «люблю», которое прошептали приблизившиеся к нему губы, слегка полуоткрытые, прижавшиеся к его губам, сухим и жадным, явственно ощущавшим жемчужный холодок зубов, стиснутых от страсти и блаженно-сладкого стыда, томившего ее в то мгновение, магическую полноту которого бессильно выразить человеческое слово.

— Marie, Marie! — с нежностью, тоскою и страстью безмолвно прошептал Глебов.

И звук этого имени, молчаливо прозвучавший в сердце, заставил его невольно вздрогнуть, как ветер, коснувшийся мягким крылом своим, заставляет дрожать медный сон колокола, извлекая из него воздушные волны музыки. В глубоком тайнике памяти Глебова, ревниво хранимом не только от других, но и от самого себя, ибо слишком горестна была разлука с той, которая

¹ Сохранено написание слова того времени как его словесная краска.

² Популярная с конца XIX века песня неизвестного автора, часто исполнялась шарманщиками.

³ Мясницкие ворота — крепостная башня Белгородской стены с воротами, XVI в.; к середине XVIII в. стена обветшала и утратила свое назначение, поэтому была разобрана, освободившаяся площадь на месте Мясницких ворот получила их наименование, просуществовавшее до 1934 г. и возвращенное в начале 1990-х гг.

⁴ Харитоньевский переулок (находится южнее ул. Мясницкая) — их было два: Большой и Малый — название по церкви Харитония Исповедника «что в Огородниках», известной с 1654 г. (сносена в 1935 г.)

забыла его, в этом тайнике навсегда запечатлелась и та любовь, и юность, и поздний вечер в зимней, снежной Москве... Глебов всегда боязливо гасил жар этих воспоминаний; он знал, что под пеплом разлуки таится пламень, и если он вспыхнет, то сожжет всю его жизнь. И, обманывая себя, Глебов старался поверить в то, что все его клятвы в любви и верности были обычной романтикой юности.

Разве не страницей из романтической повести был тот вечер в его студенческой комнатке, когда Marie, побледневшая от любви и счастья, подарила ему, суеверно как талисман, маленький стеклянный квадратик, золотисто-зеленый кусочек мозаики из фрески венецианского собора святого Марка⁵. Marie тогда недавно вернулась из Венеции, и ее рассказы были полны воспоминаниями об этом удивительном городе, с его улицами-каналами, по которым безмолвно скользят темные гондолы, а теплый влажный ветер раздувает плащи гондольеров, и красавицы, закутанные в черные кружева, звонко стучат каблучками по мраморным плитам, спеша на свидания, вдоль старых стен дворцов, дремлющих в своей ветхой роскоши...

— Мне нравилось, — говорила Marie, — облокотиться на перила узкого мостика над темным каналом и долго смотреть в очаровывающую воду.

И Глебову казалось, что в глазах ее мерцают зеленовато-голубые отливы венецианских вод, как в том стеклянном осколке мозаики, что она подарила ему на память.

— Смотри, береги, — сказала она, — я взяла его на счастье, о котором тогда мечтала около своего старого дожа⁶.

Дожем называла Marie своего мужа.

Камешек из мозаики Глебов берег и постоянно носил с собой с той зимы, когда метели напевали ему нежнейшие канцоны, и на снежных улицах Москвы он мечтал о Венеции, неразрывно связанной для него с Marie. И еще с той поры какое-то неизъяснимое волнение испытывал он, повторяя отрывок Пушкина о старом доже и догарессе, строки которого были особенно пленительны ему своей незаконченностью.

В голубом эфира поле
Блещет месяц золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.
Догаресса молодая...⁷

— Где ты, моя догаресса, моя Marie? — беззвучно прошептал Глебов и нажал кнопку звонка у дверей приятеля.

⁵ Размышляя над спецификой «разностилья» собора, П. П. Перцов замечает: «Я знаю только одну такую церковь — безобразную в своей красоте и красивую в уродстве, невозможную и действительную, — архитектурный парадокс. Это наш Василий Блаженный». *Перцов П. П.* Венеция. (СПб., 1905; М., 1912). М.: Б. С. Г. – ПРЕСС, 2007. С. 34.

⁶ Дожд (итал. *doge*) в переводе «вождь».

⁷ *Пушкин А. С.* Ночь светла; в небесном поле... (Отрывки: 1824–1836), этот фрагмент известен в нескольких авторских вариантах. Догаресса (итал. *dogaressa*) — супруга дожа.

II.

Приятель встретил Глебова шумно и тотчас же, по привычке, свойственной всем коллекционерам, горделиво раскрыл перед ним шкафчик со своим новым увлечением — коллекцией венецианского стекла.

— Ты посмотри только, — торопливо говорил он, — какое мастерство, какие отливы!

— Венеция входит в мою жизнь, — как-то странно подумал Глебов и невольно побледнел, но сделал усилие улыбнуться и сказал:

— Прекрасное стекло, но давно ли ты сал таким восторженным антикваром?

— Э, батенька мой, — рассмеялся приятель, — коллекционерство это — последняя московская мода; теперь каждый, у кого есть хоть какие-нибудь деньги, что-нибудь собирает; не забывай, мы живем в революцию: из дворянских гнезд, из дворцов попадают на рынок изумительные вещи, вот хотя бы это. Не прелесть ли?

И приятель, сняв со стены, протянул Глебову изящную миниатюру, портрет молодой дамы в венецианском платье.

Глебов взглянул на портрет и едва не вскрикнул от изумления: это была Marie. Это были ее глаза, цвета морской воды, лукаво прищуренные и прикрытые тенью длинных ресниц, ее белокурые локоны, непокорные завитки которых живо оттеняли розоватую мраморность лица. Сходство было поразительным.

Глебов перевернул портрет и на обратной стороне его под стеклом увидел искусно сплетенные волосы той, которую так живо изобразил художник. Под ними, на кусочке пожелтевшего пергамента мелким, вероятно, женским почерком было написано по-французски: «Помни Венецию».

— Странно, очень странно, — проговорил Глебов.

— Не странно, мой друг, а изумительно, — не поняв его, возразил приятель. — Жаль только, что портрет без подписи художника, и теряет поэтому в своей ценности.

— А мне, — овладев собой, улыбнулся Глебов, — он и дорог своей загадочностью и тем, что странно напоминает мне одну знакомую...

— Э, вот оно что! — расхохотался приятель. — Ты все такой же неисправимый романтик, переселение душ и тому подобное. Пойдем лучше закусим и, кстати, разопьем бутылочку красного винца. Это хотя теперь и запрещено⁸, но по знакомству один армяшка мне доставляет...

— Все-таки странно, — опять подумал за столом Глебов, — почему так настойчиво я думаю сегодня о Marie, о Венеции? А этот загадочный портрет?

⁸ 19 декабря 1919 г. СНК РСФСР за подписью Ленина принял постановление «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»; за нарушение этого постановления предусматривалось 5 лет тюремного заключения с конфискацией имущества.

Приятель продолжал болтать о производстве стекла в старой Венеции⁹, но Глебов, чувствуя, что он попадает в какой-то водоворот гофмановской фантастики¹⁰, круто переменял разговор и спросил:

— Послушай, ведь теперь — революция, исторический рубеж, величайшие в мире события, а ты увлекаешься фарфором, стеклом, безделушками. Ты даже не пытаешься отойти от своего старого мира, ты, напротив, собираешь его осколки...

— Но ведь осколки — искусство, — смакуя вино, сказал приятель.

— Не искусство движет тобой, — возразил Глебов, — а именно боязнь потерять свое старое, боязнь ветра, который налетел на нас¹¹.

— Ага, на нас, — обрадовался приятель, — значит, ветер-то налетел и на тебя.

— Разумеется, и на меня, но я ощущаю его и пока не прячусь ни за какие переворотки.

— А ваша партийность? — насмешливо спросил приятель.

— Что партийность? Я только слушаю ветер, а это можно делать и не состоя в партии.

— Но, — уже серьезно подхватил приятель, — так или иначе, участвуя в революции. Я об этом уже думал немало и знаю твердо: я — лишний человек. Живу, куда живется, собираю стекло, фарфор, а что потом... Может быть, скоро придет сюда какой-нибудь пьяный солдат и все эти антикварные кусочки выбросит за окно, растопчет сапогами. Вот что, мой милый. Ну, а что собираешься делать в Москве ты?

— То же, что и делал: читать, смотреть и думать, а для поддержания своего телесного существа поступить куда-нибудь на службу или заняться, как в студенческие годы, черной литературной работой, переводами. Здесь вот основано новое «Общество друзей просвещения», там издают разные книжонки, напишу что-нибудь для них¹².

— А что именно?

Глебовым овладела какая-то чужая воля и, чувствуя, что он бесповоротно проваливается в бездну фантастического наваждения, он твердо, как будто уже давно решил это, произнес:

— Напишу книгу о Венеции.

— Так, — сказал приятель, — но ведь, насколько мне известно, ты в Венеции никогда не был.

⁹ Речь идет о производстве знаменитого венецианского/мурановского стекла, известного со времен его первых создателей — монахов-бенедиктинцев с конца X — начала XI в. Во второй половине XIII в. появляется оригинальная венецианская тонкостенная посуда и стеклянная бижутерия, позднее — зеркальное стекло.

¹⁰ См. вступительную статью.

¹¹ Возможно, аллюзия на статью А. А. Блока «Интеллигенция и революция» (1918). Н. С. Ашукин был первым биографом Блока.

¹² В условиях советской действительности после октября 1917 г. требование лояльности к власти привело к возникновению целого ряда обществ, создание которых было инициировано «сверху». Призванные «содействовать власти», как указывалось в их уставах, они обладали более высоким правовым статусом, пользовались материальной поддержкой со стороны государства, а их методы работы должны были служить ориентиром для других общественных организаций этого времени.

— Ну что же, — с деланной равнодушностью возразил Глебов, — для популярной брошюры я и сделаю компиляцию, а Венецию я переживаю уже давно. Ты читал книгу Вернон Ли об Италии?¹³ Помнишь, она говорит, что можно путешествовать и не покидая своего дома¹⁴. Точно я не помню. Мне важна не брошюра, важна тема, важно изжить в ней себя.

— Ну вот, — звонко расхохотался приятель, — стало быть, и ты в моей партии, венецианский мечтатель! Не сердись, но и ты — лишний человек...

III.

В записках одного путешественника Глебов вычитал, что каждый из нас, не бывая в Венеции, знает Венецию¹⁵. Сближая это категорическое утверждение с учением Платона о врожденных идеях¹⁶, он уверовал в свое, неизвестное его физическому телу знание Венеции — в то, что когда-то, в ином существовании, он плывал в черных гондолах по задумчивым каналам, слушал майские серенады, мечтал в прохладном сумраке мраморных венецианских храмов. Он уже не противился более непобедимому влечению к Венеции, которое вновь разжигало в душе сладко-мучительный пламень воспоминаний. Он вдруг перестал бороться с собой, позволил себе вспоминать о Marie и мечтать о Венеции, что было для него одно и то же. И, незаметно, все реальное, — Москва, революция, новая жизнь, — стало уплывать от Глебова: он жил словно во сне в прозрачном городе лагун.

Глебов поселился в скромной комнатке в тихом переулке на Никитской¹⁷, где поставил на столе портрет молодой венецианки, полученный в подарок от приятеля-антиквара. Целыми днями он просиживал над книгами в светлом прохладном зале Румянцевской библиотеки¹⁸, вникая в венецианские хроники или разглядывая гравюры, где с изящной четкостью были изображены сумрачные дожди, юные патрицианки, кавалеры в плащах и масках, любовные

¹³ Вернон Ли (Vernon Lee, настоящее имя Violet Paget, 1856–1935) — английская писательница, переводчица, часть жизни проведшая и умершая в Италии. Речь идет о книге: *Вернон Ли*. Италия. Избранные страницы / Пер. Е. Урениус (Е. С. Муратова), под ред. и с предисл. П. П. Муратова. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1914.

¹⁴ «Нам не надо предпринимать путешествия или делать открытия, чтобы найти Genius Loci. Душа ореады есть в каждом почтенном хорошо растущем дереве, возвышающемся над лесом или уединенно стоящем на распаханной вершине; наяда живет в каждом роднике между осокой и мшистыми камнями, нет, даже в каждом водоеме из благородного камня, с чистой берилловой водой открытой небу, где по вечерам женщины наполняют свои кувшины» // *Вернон Ли*. Италия. С. 72.

¹⁵ «И каждый из нас, не побывав в Венеции, знает Венецию». — *Перцов П. П.* Венеция. С. 17.

¹⁶ Точнее, знание как припоминание: см. диалог Платона «Федр» (Phd, 243e-257b).

¹⁷ Возможно, речь идет о Малой Никитской улице (как бы дублирует Большую Никитскую на отрезке от Никитских ворот до Садового кольца), тишина которой во второй половине XIX и в начале XX века влекла к себе интеллигенцию.

¹⁸ Императорский Румянцевский музей был основан в Москве в 1861 г. и стал крупнейшим государственным рукописным и книжным собранием, а также включал отделения: изящных искусств, этнографическое, нумизматическое, археологическое, минералогическое. В 1917 г. получил название Государственный Румянцевский музей.

интриги, вся та неугомно-праздная жизнь былой Венеции, равной которой теперь нет нигде.

Камушек из венецейской мозаики Глебов по-прежнему бережно носил с собой. И когда глаза его уставали от чтения, он, как в магический кристалл, смотрел в зеленовато-золотой квадратик, и сомнамбулические грезы овладевали им. Спускаясь по широкой мраморной лестнице библиотеки, он прислушивался к шороху своих шагов, и ему казалось, что он идет по мраморным плитам венецианского дворца. Блуждая по улицам и слыша разговор немецких пленных, которых во множестве в те дни можно было встретить в Москве, он думал, что слышит разноязычный говор туристов... Заходил ли он в кафе, шумное и ярко освещенное электричеством, он грезил, что сидит под арками кафе Флориана¹⁹, о котором упоминается в записках всех путешественников по Венеции. Газета выскальзывала из рук Глебова, и он не неволил себя читать о политических новостях, волновавших в то время всю Россию. Дни его были праздными и легкими. Он чувствовал себя туристом, и, как турист под аркадами дворца дождей, сидел где-нибудь на бульваре, бездумно наблюдая толпу и вглядываясь в вечернее небо, горевшее красками старинных мозаик. Жизни, шумевшей вокруг него, он старался не видеть и с усмешкой вспомнил свой разговор с приятелем.

— Если я лишний человек, — думал он, — то лишний для газет, партий, для политических событий. Какую-то лишнюю правду своей мечты ношу я в сердце.

Но иногда, в редкие мгновения, Глебова охватывал страх от сознания, что он делается безвольным персонажем гофмановского вымысла²⁰. Тогда ему казалось, что странная мечта о Магье, о Венеции — яд, что лучше читать газетные фельетоны или проглотить хорошую порцию брома. Но вечером снова он до поздней ночи сидел в своей комнатке над книгами о Венеции.

Разумеется, не для популярной брошюры, заказанной ему «друзьями просвещения», он отыскивал нити, связующие Москву с Венецией. Ведь сказал же он, что в теме своей он изживает себя. Магье, воспоминание о его юношеской страсти и начертанный на портрете прелестной незнакомки девиз: «Помни Венецию» — все это сплетало в его мозгу какие-то неуловимо зыбкие образы и мысли. Его записная книжка пестрила заметками, которые, как ему думалось, ставят ему какие-то путеводные знаки в лабиринте венецианской мечты.

— «Иван Калита²¹ послал за мастером в Венецию, так как с Дюком Венецейским²² в то время происходили оживленные сношения»...

¹⁹ Кафе Флориан — кафе, расположенное на площади Сан Марко являющееся одним из символов Венеции.

²⁰ См. вступ. статью.

²¹ Иван I Данилович Калита (ок. 1283–1340) — князь Московский. Однако мастер был найден и привезен в Москву в эпоху правления Ивана III Васильевича (1440–1505).

²² Дюк (лат. dux) или дож в переводе «вождь», «правитель». Во времена правления Ивана Калиты это могли быть Джованни Соранцо (итал. Giovanni Soranzo; 1240–1328) — 51-й венецианский дож (1312–1328), или Франческо Дандоло (итал. Francesco Dandolo; ок. 1258–1339), — 52-й венецианский дож (1329–1339).

— «Некий Семен Толбузин²³ был отправлен послом с поручением пытаться и отыскивать мастера церковного... Толбузин, вернувшись, рассказывал, что много там мастеров, но ехать согласился только один. Звали его Аристотелем²⁴ ради хитрости его художества. Церковь в Венеции святого Марка вельми чудна и хороша, да ворота венецкие, сказывают, его же дела, вельми хитры и хороши»...²⁵

Ночные размышления ускользали от Глебова в трезвом свете дня, но, блуждая около древних кремлевских стен и вспоминая Антона Фрязина²⁶, Марко Фрязина²⁷, имена их итальянских строителей, он снова нащупывал какие-то вехи.

Он часто подолгу стоял на Красной площади, около собора Василия Блаженного²⁸. Древний русский кирпичный храм восточную пестротой окраски и замысловатостью всей архитектуры чем-то напоминал ему, никогда не виданный и в действительности, мраморный храм святого Марка с его витыми колоннами из Соломонова храма. Пленительную иллюзию его мечтам придавали голуби, слетавшиеся огромной стаей к древней старушке с мешком проса, которое она за копейки, кидаемыми праздными прохожими, бросала птицам, словно исполняя какой-то старый благочестивый обряд²⁹. Глебов платил старушке дань и сам сбрасывал с совочка разлетавшееся по ветру просо. Слушая шумный шелковый шелест голубиных крыл, он переживал тогда изумительные мгновения счастья. И, следя за полетом голубей, вскидывая голову к небу, с которого уже падала мелкая снежная крупа, ему хотелось крикнуть:

— Marie, я твой! Я помню Венецию!..

²³ Семен Иванович Толбузин — боярин. 24 июля 1474 г. был послан в Венецию к дожу, вести переговоры о розыске и приглашении на Русь знаменитого архитектора Альберта (позднее — Аристотеля Фиораванти). За баснословно высокое жалованье, назначенное архитектору, его удалось заинтересовать поездкой на Русь.

²⁴ Ридольфо Аристотель Фиораванти (итал. Ridolfo Aristotele Fioravanti, ок. 1415 — не ранее 1486) — итальянский архитектор. В 1475 г. после встречи с русским послом Семеном Толбузиным и подписания контракта Аристотель Фиораванти отправился в Москву. Приглашение было связано со строительством нового Успенского собора в Московском Кремле.

²⁵ *Забелин И. Е.* История города Москвы. От Юрия Долгорукого до Петра I // [Электронный ресурс:] https://aldebaran.ru/author/e_zabelin_i/kniga_istoriya_goroda_moskvyi_ot_yuriya_dolgor/read/pagenum-9/ (дата обращения 3 мая 2019).

²⁶ Антон Фрязин (итал. Antonio Gislardi) — архитектор и дипломат итальянского происхождения, живший и трудившийся в Московии (1469–1488 гг.)

²⁷ Марко Руффо (Марк Фрязин) — итальянский архитектор XV в., известный своими работами в Москве.

²⁸ Собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (XVI в., арх. Иван Барма и Постник Яковлев) был поставлен по обету царя Иоанна Грозного и по благословению митрополита Московского и всея Руси Макария в честь взятия Казани и присоединения Казанского ханства к России. Позднее, но в XVI в. был сооружен придел в честь Василия Блаженного, чье именование станет вторым именем всего собора. В конце 1919 г. в Покровском соборе службы были прекращены, однако в церкви Василия Блаженного они продолжались до 1929 г., когда храм был закрыт окончательно. В исследовании современного автора, Покровский собор ставится в один ряд с творениями Фиораванти, Алевиза и других итальянцев, работавших при Иване III и Василии III // *Баталов А. Л.* Собор Покрова Богородицы на Рву: история и иконография архитектуры. М.: Линга-Ф, 2016. С. 420.

²⁹ См. аналогичный эпизод: *Перцов П. П.* С. 24.

IV.

Случайно Глебов зашел в столовую у Никитских ворот, в конце Тверского бульвара, и с того раза стал там обедать постоянно. Ему нравились тесные душные комнатки столовой, вечно переполненные посетителями, проворные служанки в белых чепчиках и теплый чад кушаний, туманом нависнувший над столиками. Вся обстановка, не прерывая его грез, заставляла думать о каком-то венецианском кабачке. Особенно же приятно было Глебову то, что на стенах столовой висели большие фотографии — виды Венеции.

Он всегда неизменно садился у окна, и со стены напротив, грациозно обернувшись к нему, на него смотрел высокий худой гондольер, стоя в своей темной гондоле и задумчиво облокотясь на одинокое весло.

В свою столовую Глебов пошел и в тот серый октябрьский день, когда в Москве уже с утра не ходили трамваи, а на улицах, прячась в воротах и за углами, толпились кучки любопытных, прислушиваясь к гулким раскатам пушечных выстрелов, резко заглушаемых громкой трескотней пулеметов.

Столовая была открыта, но посетителей в ней было мало. Проворные служанки жались в задней комнатке и боязливо косились на окна. Волнение коснулось и Глебова. Он сел на свое привычное место у окна, против гондольера, но обедать стал торопливо.

Выстрелы за окном участились. Пуля со звоном пронизала стекло. Посетители поспешно уходили. Заторопился и Глебов. Он подозвал испуганную служанку, чтобы расплатиться, но взглянул в кошелек и покраснел: деньги он забыл дома; кроме кусочка мозаики и медного грошика, там ничего не было. Он смущенно извинился. Служанка успокоила его, сказав, что его здесь знают, и он уже взялся за шляпу. В эту минуту он услышал гулкий удар грома, от которого задрожали стены столовой.

— Снаряд попал, снаряд! — как испуганные птицы закричали служанки.

И тотчас же, совсем близко услышал Глебов второй удар и следом за ним быстрый треск пулемета.

Чад в столовой стал гуще, и, падая, Глебов увидел, как хлынули на него с глухим шумом синие волны, и огромная темная гондола подплыла к нему мягко и тихо. Задумчивый гондольер протянул Глебову свою холодную руку, и он, вступая на гондолу, уронил свой грошик, словно платя дань Харону, который через летейские волны³⁰ поплыл с душой лишнего человека к берегам счастливой Венеции.

³⁰ Харон (перевозчик мертвых) летейские воды (Леты, реки забвения) — приметы царства Аида в древнегреческой мифологии.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО МАКСИМА ГОРЬКОГО
К ЗИНОВИЮ ПЕШКОВУ (1913)

Джузеппина Джулиано

13 июля 1927 г. в журнале «Сегодня» (№ 152) под названием «Не брат своих братьев» Александр Амфитеатров опубликовал свои воспоминания о Зиновии Пешкове (урожд. Ешуа Золомон Мовшев Свердлов, 1884–1955), крестнике и фактически приемном сыне Максима Горького¹. Амфитеатров рассказал о том, как Зиновий жил на Капри у Горького с 1907 г. и позже у него самого на вилле Буриасси (villa Buriassi) в городке Феццано (Fezzano, около Ла Специя) на Лигурийском побережье, куда Амфитеатров перебрался из Кави ди Лаванья (Cavi di Lavagna) 15 сентября 1910 г.

Здесь Зиновий и познакомился с Лидией Петровной Бураго (1889–1966)², работавшей машинисткой в доме Амфитеатрова, и женился на ней в октябре 1910 г. в Неаполе³. Как рассказывает Амфитеатров, брак отпраздновали на Капри, где новобрачные и стали жить. Но, когда между молодой супругой и Марией Андреевой «возникли неприятности», Лидия и Зиновий решили вернуться к Амфитеатрову в Феццано⁴, где в 1911 г. у них родилась дочь Елизавета⁵.

¹ О Зиновии Пешкове см. биографии на русском и французском языках: *Пархомовский М.* Сын России, генерал Франции. М.: Московский рабочий, 1989; *Huré F.* Portraits de Pechkoff. Paris: De Fallois, 2006; *д'Амелия А.* Зиновий Алексеевич Пешков // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019.

² См. о ней: *д'Амелия А.* Лидия Петровна Бураго // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019.

³ См.: Переписка М. Горького с А. В. Амфитеатровым // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Том 95. М.: Наука, 1988. С. 224. О жизни и деятельности Горького и Амфитеатрова в Италии, об их семейном окружении и о русских колониях в Лигурии и на Капри см.: *Чони П.* Горький Максим // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019.

⁴ *Амфитеатров А.* Не брат своих братьев // Сегодня. 13.7.1927. № 152. С. 2. О русской колонии в Лигурии см.: *Tamborra A.* Sulla riviera ligure // *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Bari: Laterza, 1977. С. 44–62.

⁵ Елизавета Зиновьевна Пешкова (1911–1990), переводчица, преподавательница иностранных языков (итальянского и французского), вышла замуж за Ивана Александровича Маркова (1903–1938), который в 30-е гг. работал в Риме в советско-итальянской компании «Петролеа», а также был сотрудником НКВД. Об Е. З. Пешковой см.: *Вершинин Л.* 1) Елизавета Пешкова — Любовь и ГУЛАГ // Новый журнал. 1997. № 209. С. 288–297; 2) Не прячь лица в ладони. М., 2002. С. 23–38; *Пархомовский М.* Елизавета Пешкова. Судьба единственной дочери Зиновия Пешкова // Журнал-

Года полтора затем, — вспоминает Амфитеатров, — молодые Пешковы неудачно искали труда в Америке. А потом привились в нашей семье⁶, и до самой войны мы жили вместе, за исключением коротких промежутков, когда Зиновий отлучался на поиски какого-нибудь солидного заработка. Между делом был моим личным секретарем и секретарем литературного сборника «Энергия» и заведовал моею огромною в те времена библиотекою⁷.

И Зиновий и Лидия общались и сотрудничали с филантропом и археологом Умберто Дзанотти Бьянко (Umberto Zanotti Bianco, 1889–1963): муж выступал на конференциях⁸, а жена помогала Дзанотти Бьянко собирать материалы для докладов об аграрной ситуации в России в 1909–1910 гг.⁹

После того как Зиновий уехал во Францию и вступил в Иностраннный легион, они с Лидией расстались (1915 г.), и она поселилась на Капри с дочерью¹⁰.

Именно к предвоенному периоду жизни Зиновия на Капри и Феццано относится короткое письмо Горького к нему¹¹, хранящееся в римском Музее Наполеона (Museo Napoleonico) в коллекции графа Джузеппе Примоли (Giuseppe Primoli, 1851–1927)¹².

В Архиве Горького в ИМЛИ хранятся 42 письма писателя¹³ и 84 письма Зиновия¹⁴, часть которых была опубликована в разных выпусках издания «Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах»¹⁵, и в сборнике «Горький и его корреспонденты»¹⁶. Из переписки того периода были опубликованы только письма Горького от 3 (или 4) и 5 мая 1913 г., тоже написанные на Капри¹⁷.

газета «Мастерская». 18.02.2014. [Электронный ресурс:] <http://club.berkovich-zametki.com/?p=9906>; *д'Амелия А.* Елизавета Зиновьевна Пешкова // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019. Об И. А. Маркове см.: *Аккатоли А.* Иван Александрович Марков // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019.

⁶ Зиновий и Лидия снова поселились у Амфитеатрова весной 1913 г.

⁷ *Амфитеатров А.* Не брат своих братьев. С. 2.

⁸ См. письмо Дзанотти Бьянко к Уго Ойетти от 23.01.1915 г. из Неаполя: *Zanotti Bianco U.* Carteggio 1906–1918 / A cura di V. Carinci. Bari: Laterza, 1987. P. 406. Дзанотти Бьянко переписывался с Зиновием (См.: там же. P. 485–486) и стал автором небольшой статьи о нем: *Zanotti Bianco U.* Il figlio di Gor'kij // *L'Unità*. VI. № 30 (26 luglio 1917). P. 215.

⁹ См. там же письмо Дзанотти Бьянко к Лидии, написанное в августе 1912 г. P. 185–186.

¹⁰ В 1919 г. Лидия вышла замуж второй раз за итальянца.

¹¹ В архивном фонде Джорджо Чини в Венеции также хранятся два письма Зиновия к врачу Ольге Синьорелли. См.: Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени / Под ред. Э. Гаретто и Д. Рицци. Salerno: Europa Orientalis, 2010. С. 58.

¹² <http://www.museonapoleonico.it>

¹³ ИМЛИ РАН. Архив Горького. ПГ-рл-30–46.

¹⁴ ИМЛИ РАН. Архив Горького. КГ-рзн-7–1.

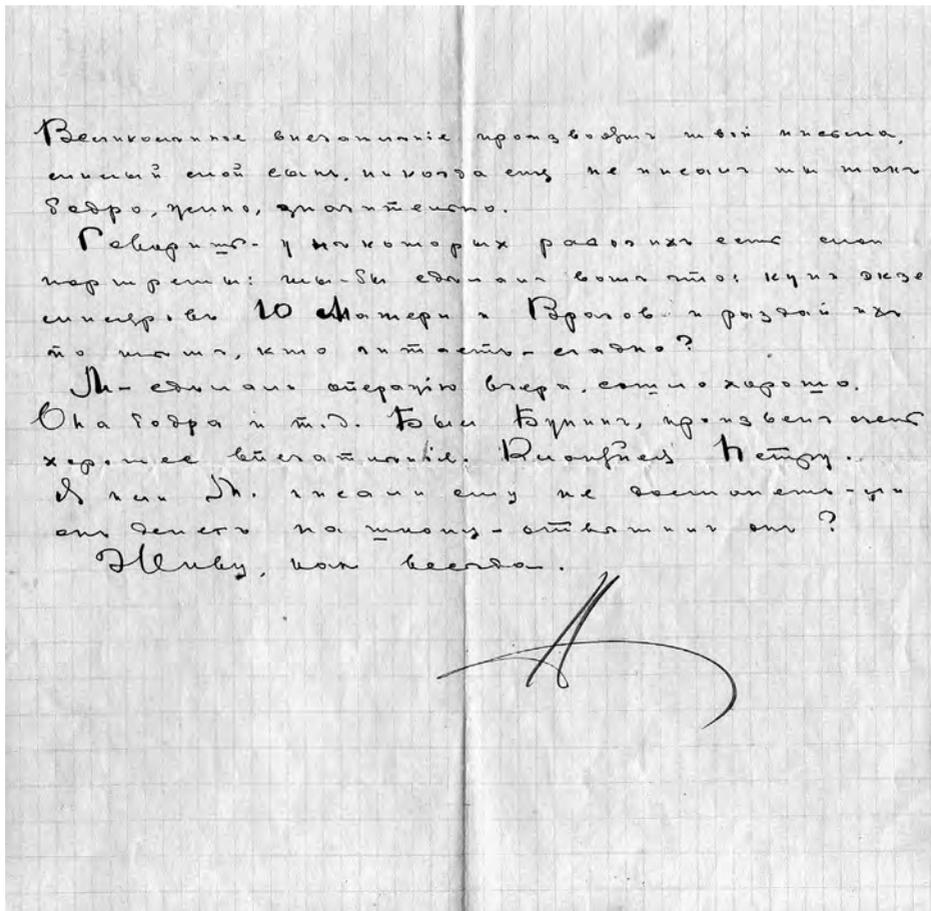
¹⁵ См.: *М. Горький.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. М.: Наука, 1997–. Тт. 5 (1999), 7 (2001), 9 (2002), 10 (2003), 11 (2004), 13 (2007), 14 (2009), 15 (2012), 16 (2013), 17 (2014), 18 (2016), 19 (2017).

¹⁶ *Евдокимов А. В.* «Какой-то кусок моего сердца крепко сросся с тобой» (из переписки А. М. Горького и З. А. Пешкова 1922–1925 гг.) // *М. Горький. Материалы и исследования. Том 7. Горький и его корреспонденты.* М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 285–320.

¹⁷ *М. Горький.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. Том 10. Письма. Апрель 1912 — май 1913. М.: Наука, 2003. С. 316–317, 318–319.

Трудно определить, как это письмо попало в руки Примоли. Он был интеллектуалом, коллекционером, библиофилом, фотографом и жил между Римом и Парижем. Будучи потомком Наполеона по материнской линии, он унаследовал от родственников уникальную коллекцию мебели и рукописей, к которой добавил свою личную коллекцию. После смерти все имущество графа перешло римскому городскому правительству и на его основе создали Музей Наполеона, расположенный во дворце самого Примоли на берегу Тибра недалеко от площади Навона.

Ранее биографы графа считали, что он лично познакомился с Горьким в 1899 г. (sic!) в Неаполе через посредничество писательницы Матильды Серао (Matilde Serao, 1856–1927), и в качестве доказательства приводили текст записки Серао к Марии Андреевой с просьбой принять у себя Примоли¹⁸. Однако

М. Горький. Письмо к Зиновии Пешкову. 1913. Автограф

¹⁸ См.: Spaziani M. Con Gege Primoli nella Roma bizantina. Lettere inedite di Nencioni, Serao, Scarfoglio, Giacosa, Verga, D'Annunzio, Pascarella, Bracco, Deledda, Pirandello. Roma: Collana "Quaderni di cultura francese", 1962. P. 156, nota 1.

очевидно, что это произошло только в 1906 г., когда писатель впервые приехал в Неаполь и стал общаться со многими итальянскими интеллектуалами (в т. ч. и с Матильдой Серао)¹⁹. Неизвестно был ли граф Примоли лично знаком с Горьким; видимо, он знал о славе писателя и, скорее всего, купил публикуемое здесь письмо на каком-то аукционе²⁰.

Максим Горький к Зиновию Пешкову¹
12 мая 1913 г.²

Великолепное впечатление производят твои письма³, милый мой сын, никогда еще не писал ты так бодро, умно, значительно.

Говоришь — у некоторых рабочих есть мои портреты: ты бы сделал вот что: купи экземпляров 10 «Матери» и «Врагов»⁴ и раздай их по тем, кто читает — ладно?

М[арий] сделали операцию вчера. Сошло хорошо.

Она бодра и т. д. Был Бунин, произвел очень хорошее впечатление⁵. Кланяйся Петру⁶.

Я или М[ария] писали ему, не достанет-ли он денег на школу, ответил он? Живу, как всегда.

А

¹⁹ См.: Gorki e Matilde Serao // Il Giornale d'Italia. 2.11.1906 (№ 305). P. 2; также: Летопись и жизнь А. М. Горького. Вып. 1. 1868–1907. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 632.

²⁰ На конверте рукой Примоли карандашом написано: «Lettre di Max. Gorki à son fils» (Museo Napoleonico (MN). Fondo Primoli (FP). Faldone 12. Fascicolo 20. MN-6023/1).

¹ Печатается по рукописному оригиналу: MN-6023.

² Датируется по почтовому штемпелю. На конверте письма написано: «Al S. or Zienovi Pechkov / Spezia / Fezzano / Villa Buriassi (MN-6023/1)». Как свидетельствуют марки на конверте, письмо было отправлено с Капри 2 мая 1913 г. и дошло до Феццано 4 мая.

³ Письма Зиновия не были опубликованы, и мы не можем сказать, сохранились ли они в архиве Горького в ИМЛИ.

⁴ Скорее всего, имеются в виду итальянские переводы произведений Горького: *Gor'kij M. La madre: romanzo / Unica traduzione autorizzata di C. Castelli e N. Psiol. Roma: Enrico Voghera, 1908; Gor'kij M. I nemici: scene in tre atti / Unica traduzione autorizzata di C. Castelli e N. Psiol. Roma: L. Mongini, 1907.*

⁵ Горький жил тогда на вилле Серафина (Serafina), где и навещал его Иван Бунин с женой, часто бывавшие на Капри, начиная с 1909 г. С ноября 1912 г. до 6 апреля 1913 г. Бунин жил на Капри; последние встречи с Горьким на Капри и в Неаполе имели место в первых числах апреля 1913 г. // Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2: 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 432.

⁶ Лицо неотождествленное.

ВОСПОМИНАНИЯ НИКОЛАЯ АДРИАНОВИЧА ПРАХОВА
О ЖИЗНИ НА КАПРИ

Татьяна Красовицкая и Юлия Филина

Российские партийные сообщества продолжают привлекать исследователей. Редки (и тем более ценны) свидетельства, как установление партийной диктатуры влияло на уровень откровенности свидетелей тех или иных событий. Предлагаемый вниманию исследователей документ — очередной фрагмент мемуаров Николая Адриановича Прахова, также не был издан¹.

Мемуары написаны очень живо, образы рабочих и местных обывателей переданы ярко, фотографически отчетливо, но... в тексте отсутствует что-то крайне существенное. Что-то, чего автор старается не касаться, хотя именно ради этого прибывают на Капри рабочие, и не только они. Всего одним предложением Прахов перечисляет тех, кто, помимо Горького и Луначарского, живет на острове, а ведь они — ярчайшие русские интеллектуалы рубежа XIX–XX веков. Это крупнейшие издатели — К. П. Пятницкий, И. Д. Сытин, Е. А. Ляцкой, известные писатели — Л. Андреев, И. Бунин, М. Коцюбинский, публицисты — А. В. Амфитеатров, С. Я. Елпатьевский, С. И. Гусев-Оренбургский, В. С. Миролубов, театральные деятели — В. И. Немирович-Данченко, А. Л. Волынский. Список далеко не полон: Прахов даже не упоминает А. Богданова, В. Базарова — соратников Луначарского по «философской» полемике, надолго определившей не только судьбу русской философии, но и судьбу России в XX в. Богданов — один из инициаторов организации каприйской школы. Многие внесли определенную сумму на устройство школы (взносы делали также Ф. И. Шаляпин, А. В. Амфитеатров, сам Горький, М. Ф. Андреева). Многие были лекторами каприйской школы. Но не назван В. Ленин, к деятельности этой школы относившийся резко отрицательно. Не из-за его ли отношения к каприйской школе эти воспоминания остались не опубликованными? Проект каприйской школы основывался на философских теориях А. Богданова, который отстаивал необходимость создания пролетарской культуры, существующей без посредничества интеллектуалов из буржуазии. Его взгляды разделяли многие партийные интеллектуалы, включая Горького

¹ Единственная книга воспоминаний Прахова, которая вышла в свет: *Прахов Н. А.* Страницы прошлого. Очерки-воспоминания о художниках / Общая ред. В. М. Лобанова. Киев, 1958. Книга содержит воспоминания о И. Е. Репине, В. М. Васнецове, М. А. Врубеле, М. В. Нестерове, В. Д. Поленове, М. М. Антокольском, о братьях А. и П. Сведомских, А. А. Мурашко и В. А. Котарбинском.

и Луначарского, но против них решительно выступал Ленин. Но почему их проекты вызвали такое резкое неприятие Ленина? Богданов считал, что у пролетариата должна быть своя интеллигенция, способная к самоопределению и независимая от интеллектуалов буржуазного происхождения. По мнению Богданова, интеллектуалы должны приложить все усилия, чтобы помочь пролетариату осознать свое угнетенное положение и вступить на путь реального освобождения.

Ленину удалось расколоть участников проекта. В октябре 1909 г. лидер большевиков, используя примерно те же аргументы, которые он приводил, выступая против Богданова в «Материализме и эмпириокритицизме», выдвигал обвинения против организаторов. Пятеро рабочих направили в редакцию «Пролетария» письмо, в котором заявили о несогласии с платформой Богданова. После этого выступления они были исключены и перешли на сторону Ленина. Т. Алексинская² в своих воспоминаниях высказывает серьезные сомнения в искренности побуждений рабочих. Революционерка утверждает, что выбор пятерых учащихся вызван корыстными интересами, а не глубокими политическими убеждениями.

Текст мемуаров, в которых об этом расколе и речи-то не было, не вошел в книгу. Он отторгнут кем-то (вряд ли самим Праховым, издателем ли, рецензентом)? Это мы установить не сможем. Сведений о чьем-то давлении на автора нет. Но предположить редакторский нажим на автора нетрудно. Художник взялся вспоминать об одном из аспектов истории партии (о непростой отрезке истории ее организации, особенно о столь же непростой истории ее финансирования, в котором активное участие принимала М. Андреева). Ряд других известных деятелей представал в неприглядном свете. Текст, короче, исключен из публикации. Опубликованный текст можно увидеть в Альманахе, издаваемом фондом «Демократия» А. Н. Яковлева под названием: «Приходилось ... делать вид, что ничего не знаю»³.

Но автор, Н. А. Прахов, как видим, сопротивлялся. После Новогодней ночи, 1940 года, Прахов вновь берет в руки перо и вновь возвращается к каприйской теме.

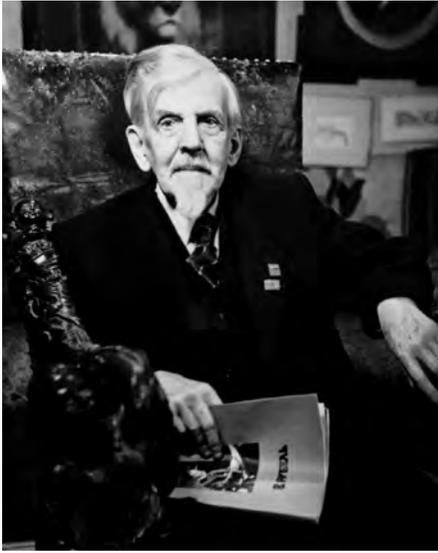
Читателю будет любопытно сравнить *новый текст* мемуаров, в котором история с каприйской школой уже вообще не волнует автора, он и здесь ни словом не обмолвился о роли, которую сыграл В. Ленин в ее деятельности. Эту историю подробно восстановила и исследовала Паола Чони⁴.

Многие из приезжавших на Капри считали, что в приготовлении разыгравшейся в России великой драмы Горький, несомненно, сыграл одну из главных ролей. На Капри доходило до прямых призывов к борьбе с Лениным. «Атмосфера взаимной нетерпимости» — так проговорился об отношениях

² Алексинская (урожд. Евтихиева) Татьяна Ивановна (1886, Москва — 1968, Париж).

³ См.: Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С. «Приходилось... делать вид, что ничего не знаю»: Воспоминания Н. А. Прахова о партийной школе на Капри // alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-...

⁴ Чони П. Максим Горький и Каприйская школа: Пролетарская культура между утопией и реальностью // <http://nrgumis.ru/articles/294/>

Н. П. Прахов в Киеве. 1956

между школой и Большевицким центром Луначарский⁵. В 1917 г., когда он примет пост наркома просвещения в правительстве В. Ленина, А. Богданов будет предостерегать его: «Мне грустно, пишет он 19 ноября 1917 г., — что в это дело ввязался ты, ... потому что для тебя разочарование будет много хуже»⁶.

Вся каприйская история пока же удручающе действовала на Горького. В ноябре 1909 г. М. Ф. Андреева писала Н. Е. Буренину: «...здоровье Алеши очень плохо: изнервничался так, что неделями не спит, почти не ест, худ и бледен, как я не знаю что. Он тоже страшно огорчен и удивлен, так как такого разочарования и он не ждал»⁷. Вот этой стороне событий и посвящает новый текст Прахов.

То, что Прахов неоднократно переписывает мемуары, «нечаянно» оказавшись в сердцевине российского партийного «строительства», там, где свершался выбор будущего пути самой России, свидетельствуют и выдержки из его писем родственникам, посылаемых на родину с Капри. В них, скорее всего, он наиболее откровенен и точен. Важно, что они сохранились как *специально им переписанные письма для того, чтобы точнее отразить события на Капри*.

Взаимоотношения русских на Капри усугубляли дразги; в партийные вмешался Ленин и победа осталась за ним. Об этом журналист М. К. Первухин в 1907 г. опубликовал очерк «У Горького на Капри» в газете «Одесские новости». Свободу для изложения событий ему оставила эмиграция. Каприйские воспоминания послужили основой для книги «Большевики» («I bolsceviki») ⁸, содержащей нелюбимые портреты Л. Д. Троцкого, В. И. Ленина, А. В. Луначарского. Первухин считал, что создание Горьким каприйской школы стало важнейшей вехой на пути к Октябрьской революции 1917 года. Итальянский исследователь С. Гардзонио сообщает, что в наследии Первухина остались неизданными «очень живые записки о “гнусной роли” Горького в русской каприйской колонии, находящиеся в архиве “Русского слова”»⁹. У Прахова осталось иное мнение.

Публикуемые воспоминания свидетельствуют о том, как нелегко раскрывались в СССР подлинны исторические факты.

⁵ Луначарский А. В. Великий переворот. Пг., 1919. С. 47.

⁶ Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. М., 1992.

⁷ Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. М., 1961. С. 172–173.

⁸ *Perwoukhine M. I bolsceviki / Con pref. di E. Schmurlo. Bologna, 1918.*

⁹ Гардзонио С. Михаил Первухин — летописец русской революции и итальянского фашизма // Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006. С. 183–194.

1
Отъезд домой¹

10 января 1940 г., Киев

Осенью 1912 года мы окончательно решили вернуться в Россию. Анночка, моя жена, сильно затосковала по Родине, хотя и родители ее, и сестры навещали нас и проводили часть лета на Капри. Все время хотелось ей и мне поскорее «стать на свои ноги», и начать зарабатывать для семьи, чтобы не зависеть и не быть в тягость родителям. В Италии случайно получила два заказа на портреты в русских семьях, — заработала чистых 600 франков, которые отложила на «событие» — рождение третьего сына². Случайно, благодаря красивой собаке, познакомилась с молодой, симпатичной девушкой — немкой, пожелавшей учиться рисовать и, в течение одного или полутора месяцев, приходившей через день, платившей 2½ франка за урок. Тем ее заработки и кончились.

Пробовали мы оба заработать живописью. Написали каждый по маленькой картинке — «тарантелла» — совсем во вкусе «форестьеров», т. е. чисто и прилизано, насколько позволяла художественная совесть. Попросили хозяина магазина, у которого покупали холст и краски, приятеля Don Carlo Trama, принять на комиссию, оценив каждый свой «шедевр» в тридцать франков. Весной, по возвращении из Неаполя узнали, что продал он обе «Тарантеллы» за тридцать франков и остались очень довольны. Все лучше, чем видеть свои грехи в окне магазина, мимо которого ходили каждый день на Piazza. Попытка заработать участием в конкурсе на коробки для сигар, объявленном какой-то немецкой фирмой, не увенчалась успехом. Мечтали о тысячах марок и получили свои рисунки обратно. Любезные немцы писали, что «к сожалению, рисунки эти не могли быть премированы». Мы, наверно, жалели больше их.

Мое здоровье достаточно окрепло. В литейной мастерской при «Museo Artistico Industriale» я проработал три зимы и довольно основательно изучил неаполитанский способ отливки из бронзы статуй и бюстов «на воск» — значит и тут не могло быть задержки.

¹ Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 25. Л. 1–45. Подлинник. Рукопись. Заголовок Н. Прахова.

² В «Краткой автобиографии художника Прахова Николая Адриановича», написанной в Киеве 29 ноября 1939 года, он указывает: «Семья моя состоит из следующих лиц: жена — Анна Августовна Крюгер-Прахова — художница, анималистка, портретистка и жанристка. Окончила Академию художеств в 1906-м году. Ученица профессора П. О. Ковалевского. Дети: 1) Владимир — главный инженер Управления Гражданского воздушного флота Узбеко-Таджикской Республики. 2) Адриан — звукооператор Киевской кинофабрики. 3) Николай — геоботаник. Ассистент кафедры ботаники Сельскохозяйственного института. Женат (доцент). 4) Елена — жена инженера, до 1939 года работала инструктором по электротрансам на заводе «Большевик». 5) Наннина (Анна) — молодая актриса, работала в 1938–1939 году в театре Тихоокеанской флотилии и Красной армии. 6) Юрий — учится на курсах звукокинемехаников. Работал в ОСВОДе, на спасательной станции. Работает в театрах как художник. Комсомолец. Женат». *Прахов Н. А.* Краткая автобиография // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. 2015. Вип. 11. С. 329. См.: [электронный ресурс:] <http://calendar.interesniy.kiev.ua/Articles/Autobiografiagia-xudozhnika-Nikolaya-Praxova.pdf>

Оба родителя посылали нам аккуратно по сто и полтора рубля в месяц и выручали, когда мы по неопытности делали долги, но такое существование, конечно, не могло быть ни моим, ни Анничкиным идеалом, тем более, что семья наша росла. Приехали на Капри с двумя сыновьями — двух с половиной и одного года, а после шести лет, проведенных вместо 3–4-х месяцев в Италии — семья наша увеличилась еще сыном и двумя дочерьми.

Из Киева получили письмо с известием о том, что «Совет преподавателей Киевского Художественного училища единогласно постановил — пригласить Анну Августовну Крюгер-Прахову принять участие в школьной жизни и взять на себя руководство одним из классов». Предложение подняло начавшее слегка угасать настроение жены, и мы окончательно начали собираться домой, написав письма к родителям с просьбой прислать денег для возвращения на Родину.

Первый перевод получили от тестя — А. Ф. Крюгер[а]³ и, боясь прожить деньги пока придет перевод от моего отца, решили возвращаться врозь. Анночка поедет с двумя дочерьми налегке, а я закончу упаковку и отправку вещей и выеду с тремя сыновьями, как только получу перевод от своего отца.

Первый раз в жизни приходилось разлучаться, но делать было нечего — отец мог быть в отъезде и не получить наши письма, могло быть и то, что в данную минуту не имел свободных денег.

Проводил своих в Неаполь, усадил на поезд и вернулся на Капри. Там у нас было много друзей — и русских, и итальянцев, и Анночка могла не беспокоиться ни за меня, ни за детей.

Весь день проводил в нашей мастерской в городе за упаковкой накопившихся за шесть лет довольно большого количества работ и мелкого художественного имущества.

В пять часов возвращался вниз на «Palazzo a mare», чтобы пообедать с детьми и уложить их спать. Дети радовались моему приходу, показывали свои этюды. Все трое выносили на «Piazza d'Armi» табуретки, мольберты, акварельные краски и, не смущаясь присутствием каприйских мальчишек и критикой, писали, кто во что горазд, кто Везувий — дымящийся вдали, кто пароход с итальянским трехцветным флагом, кто каприйские горы. Было Владимиру 8 лет, Адриану 7, а Николаю 4 года.

В восемь часов, уложив всех троих спать и оставив на попечении Грациэллы, — милой каприйской девушки, вполне оправдывавшей такое имя, сам отправлялся пешком в город. Иногда заходил в кафе Моргано — почитать итальянские газеты, просмотреть немецкие иллюстрированные журналы, выпить рюмку «вермута» или чашку черного кофе с «Бенедектином».

Встречался с соотечественниками, иногда с кем-нибудь, а чаще один ходил на «Mahler Platt» или «Punta Trogara», чтобы напоследок еще раз полюбоваться

³ Крюгер Александр Фердинандович (Федорович) (1861–?). Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), в 1890 г. получил звание неклассного художника-архитектора. Работал помощником рязанского губернского архитектора, смотрителем здания Московско-Рязанской железной дороги. В 1893–95 гг. работал на строительстве Мещерской больницы Московского губернского земства. Строил земские школы и больницы в Московской губернии, церковь в с. Сосновке Зарайского уезда (ок. 1895), перестраивал трапезную и колокольню церкви с. Любучаны Подольского уезда (ок. 1895) (ЦГА города Москвы. Ф. 549. Оп. 3. Д. 1852).

красотой острова Капри, покидать который было жаль и очень не хотелось. Только сознание паразитарного существования и чувство долга заставляли возвращаться в Россию.

То, что учился, накапливал художественный опыт и знания — для посторонних — в счет не шло. В своем живописном таланте я не был уверен и все надежды на будущее возлагал на изученное в Неаполе литейное дело.

Почти ежедневно заходил на Villa Monetella, где жили Вера Вадимовна Кузьмина⁴ с детьми — Леночкой и Сережей, и гостившая у нее подруга — Ася Семенова⁵ с мальчиком Алешей лет четырех или пяти.

С ними пил чай и долго сидел на террасе, коротая время в дружеской беседе. У Аси был приятный низкий голос, и мы с удовольствием слушали новые для нас цыганские песни и романсы, появившиеся за время нашего долгого отсутствия в России.

С Верой Вадимовной познакомились однажды летом, когда она ненадолго приезжала на Капри одна, без детей и без мужа, нам обоим она понравилась, и, видимо, бывать у нас ей было приятно. Зимой, неожиданно получили письмо, в котором она сообщала, что «заболела в Неаполе острым суставным ревматизмом, что доктора — из-за сердца — находят ее положение серьезным и требующим больничного лечения, но она сама может на него решиться только в том случае, если Анна Августовна согласится взять к себе ее маленькую, семимесячную Леночку — ровесницу нашей Лели». Недолго думая, Анночка собралась и на следующий день, рано утром, уехала в Неаполь одна, а вечером вернулась с маленькой, толстенькой, очаровательной девочкой, к которой мы оба скоро привязались. «Вот, как синьора скоро управилась», — подсмеивались знакомые каприйские крестьянки, — «утром поехала в Неаполь, а вечером уже привезла семимесячную новую дочку».

Леночке и подысканной ей на Капри няне отвели отдельную комнату. Приехавшая на Капри через несколько месяцев лечения, еще слабая от болезни мать нашла Леночку полноправным членом нашей семьи.

К Анночке и ко мне она совершенно привыкла и ласково тянулась ручками и улыбалась счастливой детской улыбкой, когда Анночка брала ее на руки. Летом приехал муж Веры Вадимовны — тогда скромный учитель одной из петербургских гимназий, впоследствии командарм XII Армии и член Реввоенсовета — Николай Николаевич Кузьмин⁶. С ним, конечно, познакомились и дружески встречались, и оба мы не подозревали, что встретимся в 1920 году в Ровно в совершенно иной обстановке.

Кузьмин приезжал на Капри несколько раз. Вместе, обеими семьями, со всеми детьми ходили купаться на Piccola Marina или гуляли по острову. Иногда, по вечерам, встречались в кафе Моргано, куда ходили согреться за рюмкой вина или чашкой горячего и крепкого американского пушша от холодного Tramontano. Кузьмин был хороший шахматист и подолгу сражался с кем-нибудь на шахматной

⁴ Речь идет о Вере Вадимовне Суворовой, по первому мужу Кузьминой (?–1966).

⁵ Личность не удалось установить.

⁶ Николай Николаевич Кузьмин (1883–1938) — партийный деятель. Окончил Петербургский университет, с 1903 г. в РСДРП, большевик. В течение 1917–1937 занимал ряд государственных постов. В 1937 арестован, в 1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1956 реабилитирован.

доске, не думая, конечно, о том, что будет когда-нибудь сражаться по-настоящему. Это было знакомство, приятельские отношения, дружба с Верой Вадимовной — началась и окрепла позднее.

Как-то раз, вечером, когда я был один на Villa Monetella, и собирался возвращаться домой, вышедшая проводить меня в город Вера Вадимовна спросила — бывал ли я на северном склоне острова, куда ведет тропинка, идущая мимо их дачи. Это место было мне совершенно не знакомо, и тем охотнее согласился пройти посмотреть ее любимый уголок. Он был в самом конце, где тропинка терялась между высокими кустами молочайника и дрока, скромными «цветами святого Констанцо» — покровителя острова Капри.

Мы сели на скалы, почти на самом краю обрыва, и любовались медленно погружавшимся в море, раскаленным докрасна солнечным диском. Огненные блики сверкали на гребнях сиреневых волн. Небо постепенно темнело, одна за другой загорались звезды, а мы сидели одни, и я слушал не рассказ, а исповедь наболевшей женской души.

Раннее детство, проведенное в Гатчине в либеральной семье, гимназические, студенческие годы, работа в кружках для самообразования, потом в революционных кружках, знакомство с увлекшим своей наружностью и речами мужем, недовольство отца. Конспиративная работа, провал организации, вынужденная эмиграция, заочный суд, тоска по Родине, политические и личные расхождения с мужем, приведшие к неизбежному разрыву, незаметно для посторонних происшедшему на Капри этим летом.

Как «фонтан слез» звучала тихая речь молодой и уже так много испытавшей женщины. Я слушал — она говорила, и оба совершенно забыли о времени. Тихая, теплая ночь сменилась рассветом. Предутренний холодок потянул с Monte Tiberio, и золотой сноп солнечных лучей вырвался неожиданно из-за Соррентийского полуострова, вспыхнув фейерверком на порозовевшем небе, покрытом легкими, сиреневыми облачками, как стая испуганных чаек, раскинувшихся по всему небосклону. Мы возвращались домой, взявшись за руки, улыбаясь, как люди, за одну ночь ставшие очень близкими друг другу.

Встречные крестьяне и крестьянки, выгонявшие на пастбище коз и спешившие на работу в свои виноградники, приветливо раскланивались и долго смотрели в след удивленным взглядом. Обоих нас знали, встречали иной раз вместе на прогулке, но на рассвете ни разу. «Они, наверно, принимают нас за счастливых влюбленных. Ведь итальянцы не могут себе представить, что женщина и мужчина провели, как мы с вами, всю ночь в разговорах и не целовались» — сказала, смеясь, моя спутница. «Пойдет теперь сплетня по острову, будут жалеть бедную синьору, у которой много детей, и называть вас змеей-разлучницей» — добавил я, и мы оба рассмеялись. С этой, так неожиданно хорошо проведенной ночи, началась наша новая, для многих на Капри непонятная, дружба.

Однажды большой и довольно шумной компанией мы приняли участие в каком-то каприйском вечернем празднике. Крошечная «оперная площадь», как называл каприйскую «Piazza» Горький, была ярко освещена протянутыми через нее гирляндами электрических лампочек, между которыми развевались пестрые флаги всех стран. Над каменной лестницей, ведущей к церкви, возвышалась легкая триумфальная арка, увитая бумажными цветами вперемешку с разноцветными лампочками. Музыка — «Banda Musicale» — не невысоком помосте, построенном

для праздника посреди площади, неистово гремели увертюры, вальсы, польки и, модный в то время, патриотический вальс — «La Bandiera» — Знамя.

Война в Триполи была в полном разгаре, патриотизм итальянцев подогревали всеми способами, и музыка помогала «*maledetto governo*» — проклятому правительству — посылать на бойню людей.

Публика: итальянцы и форестьеры толкались на одном месте, обмениваясь приветствиями и любезностями. Каприйские сапожники и парикмахеры — они же и музыканты, участники музыкальной банды, по нашему, оркестра, не щадили ни свои легкие, ни уши слушателей — гремели и порой фальшивили во всю, «Играют, как сапожники», — острили соотечественники, одаренные музыкальным слухом. Под грохот музыки говорили кругом все громко, и от мелькания лиц, шума и гама, бессмысленного топтания на одном месте становилось скучно. «Давайте пройдем с Вами на Mahler-Platt» — предложила Вера Вадимовна. Согласился охотно, сказав Анночке, оставшейся с детьми, чтобы не беспокоилась, и мы пошли по слабо освещенной, сводчатой, как катакомбы, Via Santa Teresa на уединенную площадку под Castiglione — старым, совсем развалившемся замком. Музыка звучала все тише и тише по мере того, как мы подымались в гору по извилистой тропинке между прозрачных, как кружево, серебрившихся под лунным светом, оливковых деревьев.

Сели на удобную каменную скамью и первое время молчали. «Приятно, когда можно сидеть, молчать и не занимать разговором соседа», — сказала, наконец, моя спутница. «Здесь так хорошо. Знаете, я последнее время стала какая-то особенно нервная — все меня раздражает. С Николаем Николаевичем мы окончательно разошлись — он уезжает в Россию, а я — если бы я могла вернуться! Мне пишут из дому отец и мать, что я всегда могу вернуться — надо только “подать прошение на высочайшее имя” — но ведь это значит “измена” — всему тому делу, для которого работала. После этого никто из товарищей не захочет со мной встречаться. Я буду в России такая же одинокая, как здесь, на Капри».

Музыка, заглушенная расстоянием, долетала к нам вместе с дуновением легкого, теплого ветерка — то громче, то тише. Луна — быстрая в своем движении — уже обогнула полнеба, а мы сидели, не замечая времени, и говорили о Родине, грядущей, неизбежной революции и моих планах на художественные триумфы. «Мне нужно всего десять лет для полного признания», — говорил [я] своей соседке. «Первые пять лет — рыбьей славы, во время которых буду учиться рисовать человека с натуры, потом еще пять лет — человеческой славы. Тогда напишу большую картину на тему: “на земле мир, в человеках благоволение”⁷. Я давно о ней думаю, и ясно себе представляю украинский пейзаж, холмистые дали в окрестностях омелы — на горизонте голубая полоса тьяменских болот. Вечер. Заходящее солнце. Легким сиреневым силуэтом выделяются на первом плане фигуры молодых крестьянина и крестьянки. Они сидят, крепко взявшись за руки, не глядя друг на друга. Она опустила глаза на свой, начавший слегка полнеть, стан и думает о той жизни, которую понесла под сердцем. Он прямо смотрит на нас, спокойный, уверенный, в своем будущем: у него семья».

⁷ Лк, 2: 14. Прахов, видимо, рассказывает о планах написать картину на библейский сюжет о приходе волхвов, принесших богатые дары родившемуся Младенцу как Господу и царю.

«Ah, che bella bandiera...», — доносилось к нам из города, то громче, то тише; навязчивая музыка, от которой мы искали уединение, казалось, решила преследовать нас повсюду.

— Ну, пойдёмте к своим.

Шли тем же путем, сначала по извилистым тропинкам, потом под гулками сводами Via Teresa и с изумлением увидели, что площадь — совершенно пуста. Часы на старинной башне показывали третий час. Издали — совсем глухо — доносились звуки вальса — «Ah, che bella bandiera». Это каприйские сапожники — они же и музыканты, что помоложе — решили повеселиться сами. Выпили в трактирии дешевое «Cargi rosso» и пошли по всему острову пробуждать патриотизм в давно мирно спящих каприйцах.

Вечером, однажды после отъезда Анночки в Россию на Villa Monetella мы сидели с Асей и Верой Вадимовной за чаем, говорили о моем предстоящем отъезде. Вера Вадимовна собиралась переселиться на зиму в Рим, уезжала раньше меня и звала остановиться у нее с детьми, для передышки, по дороге в Россию.

— Пойдете ли вы прощаться с Горьким и Марьей Федоровной?⁸ — неожиданно спросила Вера Вадимовна.

— Не знаю еще сам — давно там не был. Вначале мешала как-то школа пропагандистов — не хотелось попасть в неловкое положение незваного гостя, что, как известно, хуже татарина. Мешала история с корреспонденцией в Тифлисском листке, переведенной на итальянский язык Марьей Федоровной, вредные последствия ее, вы знаете, мне удалось ликвидировать с помощью Г. И. Шрейдера⁹ и А. В. Луначарского¹⁰, да и постоянное присутствие по-

⁸ Мария Федоровна Андреева (урожд. Юрковская, 1868–1953), в 1904–1921 гг. гражданская жена Максима Горького.

⁹ Григорий Ильич Шрейдер (1860–1940) — российский экономист, публицист. См. о нем: Новиков А. П. «Работа Римского представителя должна быть усилена...». Письма Г. И. Шрейдера из Италии. 1920–1922 годы // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: Сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 4. С. 111–125.

¹⁰ Андреева вмешивалась в борьбу с организаторами — группой «Вперед», состоявшей из отзовистов, ультиматистов, богостроителей и эмпириомонистов — по оценке В. Ленина — сторонников реакционно-идеалистической философии Маха и Авенариуса. По его же характеристике, это была компания «обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей» (*Ленин В. И.* Соч. Т. 34. С. 351). Ленин отказался преподавать в новой партийной школе и учредил собственную школу, в Лонжюмо, около Парижа, перетянув к себе нескольких учеников из рабочего центра на Капри. Комитет каприйской партийной школы упрекал Ленина в отсутствии лояльности, тогда как Ленин обвинял их в желании создать новую партию, отнюдь не марксистскую. Позиция Андреевой сыграла немаловажную роль в ускорении отхода Горького от группы «Вперед», но способствовала и конфликту ее с Горьким.

Из воспоминаний В. Муромцевой-Буниной о пребывании на Капри: «Сама вилла была прелестная: одна стена в кабинете была скалой. Дом старинный с высокими просторными комнатами, их было семь или восемь, со старинной мебелью. Широкое низкое окно кабинета, за которым стояли цветы: “И качались, качались цветы за стеклом...”. С балкона открывался вид на Неаполь. Думать, работать в таком кабинете было приятно. В этот приезд мы редко в нем сидели. Раз как-то вечером я расспрашивала Алексея Максимовича о Луначарских, он сказал, что *брат жены Луначарского, экономист Богданов, по его мнению, гениален*» (*Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007.) См. также: Паола Чони. Максим Горький и Каприйская школа: Пролетарская культура между утопией и реальностью // [Электронный ресурс:] <http://nrgumis.ru/articles/294/>

сторонних людей как-то стесняет, мешает сближению. Не нравится мне та «китайская стена», которой искусственно огородила Марья Федоровна Алексея Максимовича от сближения с нежелательными ей русскими¹¹. Ведь Вы знаете — с Горьким двух слов не скажешь наедине «по душам» — всегда присутствует кто-то свой. А хотелось бы хоть напоследок выложить «начистоту» все, что, мне кажется, вредит Алексею Максимовичу, а как это сделать? И не простившись, не хочется уезжать¹².

Вероятно, так бы и уехал, не попрощавшись, если бы не случай. Вера Вадимовна получила из Парижа, от своих партийных друзей, письмо, в котором ее просили побывать у Горького и передать прилагаемое письмо товарища . . . , имя которого и партийную кличку забыл. Он долгое время жил в Париже, был заподозрен в провокации, требовал над собой товарищеского суда, ничего не добился и нелегально вернулся в Россию, чтобы самому себя реабилитировать каким-нибудь «актом». Схваченный царской охранкой, больной чахоткой, перед смертью написал из тюрьмы письмо к Горькому, которого умолял добиться, хотя бы посмертного, товарищеского суда над собой, чтобы сына его, когда вырастет, никто не мог упрекнуть тем, что отец его был провокатор. Товарища этого Вера Вадимовна знала хорошо, в его порядочности не сомневалась и считала, что подозрение в провокации — одна из многих, ни на чем не основанных эмигрантских историй. Идти к Горькому сама не хотела — лично знакома с ним не была, почте не доверяла, зная, наверно, что все письма сначала попадают в руки Марии Федоровны и не все доходят до Горького по назначению. Рабочего, умершего от чахотки в тюрьме она жалела и попросила меня пойти к Горькому, рассказать ему все, что слышал от нее по этому делу и передать письмо — только в собственные руки и без посторонних лиц.

Я согласился. На следующий день отправился к Горькому, твердо решив на прощание сказать «начистоту» все то, что казалось мне отрицательным в его капризной жизни и что не соответствовало моему представлению о ведущей роли пролетарского писателя и идеальному облику М. Горького. На просторной террасе Villa [М. . .] встретили Мария Федоровна, Константин

¹¹ В 1909 г. Андреева писала И. П. Ладыжникову: «За последнее время мне пришлось пережить такие ужасные, такие совершенно невероятные разочарования, пришлось убедиться в мелочности и нечестности таких людей, которые для меня были Человеками с самой большой буквы. . . Предупреждаю Вас — я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и К°, — “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить — не хочу играть с Вами в прятки. Думаю, что Вы меня довольно знаете, чтобы верить, что верую я в дело крепче и горячее, чем когда-либо, а вся беда в том, что я верная собака при Алексее Максимовиче и его “слопать” для мелочного самолюбьишка, насколько только силы мне хватило, не допускала, то есть не позволяла надувать его, когда видела всякие подходы и штуки» (*Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1961. С. 137).

¹² Вариант данной части рукописи, зачеркнутый Н. А. Праховым: «Не знаю еще сам, давно там не был — после той провокации Марии Федоровны, что грозила выселением многим русским, которую случайно, как вы знаете, открыл и вместе с Г. И. Шрейдером и А. В. Луначарским ликвидировал, я ведь почти перестал бывать у Горького. Не хотелось попасть в неловкое положение, и любезная фальшь хозяйки отталкивала. Ведь, вы сами знаете, — она окружила Горького таким “средостением”, что и двух слов не скажешь с глазу на глаз. Теперь — если идти прощаться — надо поговорить “по душам”, а разве “владычица” это позволит?»

Петрович Пятницкий¹³ и «Юрочка», как звали на Капри сына Марии Федоровны Андреевой от ее первого мужа Желябужского.

— Ах, вы уезжаете в Россию, мне так жалко, что я не видала вашу жену и прелестных детишек перед их отъездом, — это была любезная фраза, на которую просто ответил:

— Да, я уезжаю и пришел проститься с Вами и Алексеем Максимовичем. Мне надо поговорить с ним на прощание по одному делу.

— Юрочка — проведи, пожалуйста, Николая Адриановича, посмотри — можно ли пройти.

Мы вошли в очень большую, светлую комнату, по стенам которой шли полки с множеством книг, в хороших переплетах. Одно окно выходило на террасу, другое, в глубине длинной комнаты, почти во всю стену, открывало великолепный вид на «Castiglione» и вьющуюся, как змея дорогу, ведущую на Marina Piccola.

Перед окном стоял простой и большой письменный стол, покрытый темно-оливковой суконной скатертью, на столе книги, бумаги, чернильница. Тут же, в левом углу стояло большое кожаное кресло. Несколько плетенных легких тростниковых кресел и стульев дополняли обстановку, вместе с большим, неизбежным в Италии камином. Полки с книгами играли доминирующую роль.

Пятницкий, как свой человек, вошел вместе со мной вслед за пригласившим нас Юрием Желябужским. Горький, в кожаной куртке, шел к нам на встречу, приветливо протягивая обе руки.

— А вот и хорошо сделали, что пришли. Все говорят, вы собираетесь скоро покинуть Капри. Я и то думал, придет или не придет проститься? — давно не видались.

— Правду сказать, я и сам колебался — идти или не идти прощаться. Действительно давно не видались, и так просто уехать, не попрощавшись, не хотелось, и не знал — удастся ли поговорить с Вами «по душам», хоть напоследок. Мне многое хочется Вам сказать, Алексей Максимович, и дело есть, о котором надо поговорить. Если бы не это дело, я, может быть, и уехал, не попрощавшись, а тут вот дали мне одно поручение, которое должен передать Вам лично.

Горький посмотрел на «Юрочку» и вошедшего со мной Пятницкого. Оба поняли и вышли на террасу.

— Ну, пойдемте сюда — тут будет уютнее. Удобнее сядем и поговорим, как вы говорите «по душам». Тут нам никто не помешает¹⁴.

¹³ Константин Петрович Пятницкий (1864–1938) — основатель и руководитель издательского товарищества «Знание».

¹⁴ См.: письмо Н. А. Прахова к А. А. Праховой 8 октября 1912 г. «Милая Анночка! Посылаю тебе [Володайкино] письмо, оно написано вполне самостоятельно, но компрометирует родителя! Кузьминишна смеялась от души. Сегодня утром опять убирал вещи в мастерской, ..., а днем был у Горького. Пришел около трех, а просидел до половины седьмого. Сначала ... пили чай, а потом А. М. предложил пойти в ..., где и разговаривали с глазу на глаз. Разговор был хороший, серьезный ..., с болью, с которой смотрит на меня хорошими, ласковыми глазами. Говорили об одиночестве людей, России ..., и радовало меня то, что А. М. говорит ... совершенно так, как это думалось и мне. Просил А. М. непременно писать ему из России. Марья Фед. упрекала за то, что я не пригласил ее посмотреть этюды. Было [бы]... объяснить это обидой ... Она ... слышала, что А. М. и Горбатов много говорили о моих работах...» (Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 380. Л. 1–2. Отточия в документе).

Горький провел меня в глубину комнаты, указал на плетеное кресло. Сам напротив сел в другое, спиной к свету, глубоко откинувшись и положив обе руки на колени, приготовился слушать. Я рассказал все, что знал, что просила передать на словах Вера Вадимовна, со всеми подробностями о деле и смерти в России заподозренного в провокации рабочего и передал, внимательно и напряженно слушавшему Горькому письмо, полученное из Парижа. Он медленно прочел, отвернулся, и как-то по-детски, огромным, волосатым, в рыжих веснушках кулаком, смахнул наворачивающуюся на добрых глазах крупную слезу. Помолчал. Конфузливо улыбнулся.

— Вот всегда почему-то, когда у них там что-нибудь такое случается, чуть что неладное произойдет — сейчас же ко мне идут, точно нарочно хотят мне вилку воткнуть в самое сердце, чтобы сделать как можно больнее, да еще и повернут... вот так, как сегодня. — Голос звучал глухо, слова медленно, обдуманно нанизывались одно за другим. Точно говорил сам с собою.

— Ну — не знаю, как «всегда», но на этот раз Вы ошибаетесь. Поручение я получил от очень хорошего человека. Вера Вадимовна не из таких людей, чтобы нарочно делать Вам больно. К Вам она относится хорошо. Товарища этого знала, верит безусловно в его правоту и не могла не исполнить предсмертную просьбу. Ведь Вы — единственный человек, который может помочь в этом деле. Вы ее не знаете, да Вы вообще никого на Капри хорошенько не знаете. Вы ни к кому близко не подошли, никем не интересовались по-настоящему. Ведь Вы никуда не ходите один, всегда Вас сопровождает целая «свита», как говорят каприйцы, которая следит за каждым Вашим шагом и допускает к Вам только «избранных», как к царю.

Этого больше не будет, — неожиданно прервал меня Горький.

Вот и у нас, Вы были несколько раз, а разве Вы нас знаете? Разве Вас интересовало, чем мы живем, какими интересами, какие люди тут нас с Вами окружают? А есть между ними хорошие, интересные люди, так — об этиюдах наших поговорите, похвалите или дельно покритикуете, а то с детишками пошутите. Детей Вы любите, и они Вас тоже. Ну, а нам, правду сказать, не так хотелось познакомиться, иной раз хотелось бы поговорить с Вами «по душам» и у Вас поучиться, но как тут начнешь разговор при посторонних людях? Они, сами по себе, и не плохие, а откровенному разговору мешают. Каждый в их присутствии невольно «застегнется на все пуговицы» и начнется обыкновенный разговор обо всем и ни о чем.

Знаете, Алексей Максимович, кого Вы мне напоминаете? Вот мне случилось с художниками — Костенькой Коровиным и Николаем Васильевичем Досекиным¹⁵ попасть в Архангельск. Дело было перед коронацией¹⁶, мой крестный — Савва Иванович Мамонтов — поручил нам собрать экспонаты для Нижегородской выставки¹⁷, где Ярославско-Архангельская железная дорога

¹⁵ Николай Васильевич Досекин (1863, Харьков — 1935, Москва) — русский живописец-импрессионист, скульптор, сценограф, член Товарищества передвижных художественных выставок, участник выставочного объединения «36 художников», учредитель «Союза русских художников».

¹⁶ Имеется в виду коронация Николая II 14 мая 1896 г. в Успенском соборе Московского Кремля.

¹⁷ Имеется в виду XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г.

строила свой павильон — «Крайний север»¹⁸. Бродили мы по Архангельску, все было ново, все хотели видеть и вдруг в Соломбале — знаете такое там есть торговое предместье на острове, набрели на толпу народа.

Наши поморы, английские и шведские моряки, шкипера и матросы с трубочками-носогрейками во рту, зыряне-охотники, приказчики, мальчишки — «Зуйки» — не по-детски степенные, толкались молча около довольно высокого забора, наскоро сколоченного квадратом из горизонтально расположенных, серых от времени и дождей, не струганных старых досок. На заборе углем и мелом неумелой рукой выведена крупная надпись: «здесь показывают вирблюда».

А «вирблюд» этот стоит за забором, грустный, одинокий. Шея у него длинная-предлинная, а у хозяина вероятно денег мало — на высокий забор не хватило. Вот и стоит «вирблюд» под мелким, как бисер, дождем, положил голову на забор и смотрит такими грустными, грустными глазами на нас, на всех этих шведов англичан и поморов.

Вот и Вы этот самый «вирблюд», и Вас также за забором показывают.

— Как? Как? Как это вы сказали? — подскочил даже в кресле и замахал руками. «Здесь показывают вирблюда?» — а ведь здорово, право! Ведь «вирблюд» этот самый действительно я! И в самом деле так, и как это вы правильно подметили. — Ну, этого уже больше не будет!

Горький вскочил, обнял меня, и мы впервые крепко поцеловались.

— Вот здорово! И как это вы чудесно подметили! Ну, расскажите еще что-нибудь про север, про вашу поездку, про себя — вы так это интересно, образно рассказываете. А север меня всегда интересовал — и природа там и люди какие-то совсем особенные. Я все собирался поехать, понаблюдать, да не вышло как-то.

Я начал рассказывать подробно про свободолюбивых, честных поморов, — незаметных героев и пьяниц, про тюленей с солдатскими усами и глазами заколдованных принцев, о северном сиянии, рефракции, рыбной ловле ярусами и на «на поддев», шторме, что трепал нас от Териберки до Архангельска двое с половиной суток, о Нижегородской выставке, упомянул о своих и Анночкиных работах и наших планах на будущее, говорил с увлечением и большим подъемом нервов. Иногда казалось — вот-вот — не выдержу и расплачусь. Горький смотрел на меня, изредка подавая реплики. В понимающих добрых глазах светилась улыбка, изредка весело смеялся.

— А знаете что, Алексей Максимович, — пришло мне в голову, — вот Вы только что сказали, хотели бы ко мне прийти как-нибудь, посмотреть наши работы и еще поговорить «по душам». Я теперь укладываюсь в дорогу, то вниз, то в городе, может случится, что разминемся и жаль будет. А отчего бы Вам не прийти на Villa Monetella к Вере Вадимовне как-нибудь под вечер, когда Вы свободны? Кстати, и об этом печальном письме, которым, сам того не желая, сделал Вам так больно, поговорите, ведь я только передавал поручение, мог упустить что-нибудь, мог и не знать. Вера Вадимовна и подруга ее Ася Семенова — умные женщины, я там бываю каждый вечер, значит, наверно встретимся. Вот при-

¹⁸ См. об этом *Атрощенко О.* Русские художники: путь на север // Третьяковская галерея. Специальный выпуск. Норвегия — Россия: на перекрестках культур. 2013. Июнь. С. 102–115.

дете Вы — все вместе чайку поьем, поговорим, и никто Вам в рот смотреть не будет, и никто не будет ждать от Вас глубокомысленных изречений, и будете Вы не «великий писатель Максим Горький», а просто обыкновенный, хороший человек — Алексей Максимович Пешков, что живет одиноко на острове Капри.

— Вот, давно куда-нибудь хотелось так пойти, — с тоской в голосе, точно вслух подумал, тихо ответил Горький, с подавленным вздохом.

— Ну и приходите — я Вам ручаюсь, что компания Вам понравится и приемом останетесь довольны.

На этом и порешили, крепко пожав друг другу руки.

Горький проводил меня на террасу — живой и веселый, ласково улыбающийся. Мы вышли, крепко обнявшись. Марья Федоровна с нескрываемым изумлением посмотрела на нас обоих. Я подошел проститься.

— Ну, прощайте, Николай Адрианович, счастливой вам дороги!

— Нет, не прощайте, а до свидания, Марья Федоровна, ответил ей весело, я еще до отъезда зайду к Вам проститься, мы еще с Вами увидимся.

Пожелал всего лучшего, и на прощание, как при первой встрече, поцеловал ей руку.

На другой день К. П. Пятницкий мне сказал, что пока мы беседовали Мария Федоровна буквально «сидела, как на иголках» — все металась, как пантера в клетке и все у Пятницкого спрашивала: «О чем они там так долго могут говорить?»; «Какое у него такое дело к Алешеньке, что надо так долго разговаривать?»; «Пойдите, как бы невзначай, за книгой, Константин Петрович — послушайте». Просила об этом и Юрочку. Юрочка — сунулся было, но Пятницкий его удержал: «Алексей Максимович не любит, когда ему в разговоре мешают».

— Ведь вы разговаривали больше двух часов с Алексеем Максимовичем, — сказал мне Пятницкий. — Понятно, что она так волновалась. Она окружила Горького китайской стеной, а тут пришел человек с воли и говорит, и так долго с глазу на глаз, и Горький его слушает.

На Villa Monetella меня ждали с нетерпением и тоже удивлялись, что проходит час, другой, а меня все нет. Стали думать — не спустился ли я прямо к детям на «Palazzo a mare». Мое появление встретили с восторгом.

Подробно рассказал все детали нашей встречи, со всеми мельчайшими оттенками — теперь, за 30 лет, частично ускользнувшими из памяти. Помню, что пока говорил с Горьким, чувствовал большой подъем и напряжение нервов. Вероятно, нечто похожее переживает отчаянный игрок, поставивший ва-банк свою последнюю ставку. Решил — хоть раз, хоть напоследок поговорить «начистоту» — высказать все, что наболело на сердце, что не решались сказать другие и что, как я уже объяснил в начале этого рассказа, по моему пониманию, сильно вредило Горькому, как писателю и человеку. Что отрывало его от окружающей жизни и людей.

Слова находились сами собой, и было как-то особенно легко от сознания, что они доходят до сердца слушателя. В тот вечер Горький проводил меня до Strada Nuova в первый раз один и обещал прийти к нам через день. В этот день под вечер застал Веру Вадимовну и ее подругу Асю в большом волнении: обе хозяйки спорили — надо ли накрыть на стол чистой скатертью или оставить ту, на которой мы ужинали обыкновенно? Детишки залили ее супом и вином во многих местах.

— Ни в коем случае не кладите чистую скатерть, ведь для меня вы ее не положите. Пусть будет так, как у нас всегда, пусть Горький увидит, что для него

никакого парада не делали, это ему доставит гораздо больше удовольствия, чем чистая скатерть.

Так и порешили. Горький пришел вскоре после меня, как обещал вечером. Как-то бочком, словно слегка конфузясь, протянул руку хозяйкам, приветливо улыбнувшись, поздоровался со мной. С Верой Вадимовной сейчас же заговорил о полученном через меня письме, а мы с Асей, чтобы не мешать, занялись хозяйством.

Не торопясь накрыли на стол, поставили самовар и, когда он вскипел, пригласили ужинать, решив, что поговорили они довольно. Помню, как Горький оглянул острым, внимательным взглядом большую, плохо меблированную, сводчатую комнату, окрашенную в розовый цвет; сел за стол, скользнул глазами по запятнанной скатерти и улыбнулся своей приятной, тихой улыбкой, посмотрев в мою сторону. Было видно, что новые люди, обстановка приема и даже эта грязная скатерть — сразу понравились.

За чаем разговор как-то сам собой перешел на Россию. Заговорили о Нижнем.

— Вот он замечательно рассказывает, — улыбаясь, сказал, показывая на меня, Горький, — расскажите еще что-нибудь про Нижний.

Мне вспомнились мои студенческие годы, когда я еще очень молодой и неопытный, не искушенный жизнью, попал в этот тихий город. Весь день был занят работой на выставке, а вечером ходил на откос, любоваться рекой или бродил без цели по спящим улицам, сам не зная куда они ведут. Забрел на большую площадь, с трех сторон обставленную казарменного вида, одинаковыми, высокими домами. Булыжная мостовая густо заросла душистой мелкой ромашкой. Окно первого этажа одного из домов было открыто, и слышны были звуки рояля. Я подошел ближе к окну и стал слушать. В уютной гостиной, на овальном столе горела керосиновая лампа под темно-красным абажуром, за роялем, освещенным неверным, мерцающим светом старинных свечей, сидела молодая женщина, в темном домашнем платье и хорошо, с пониманием играла длинную сонату Бетховена, которую так любила и замечательно исполняла моя мать. Мне стало тоскливо, вспомнились близкие, родные, сильнее почувствовалось одиночество в чужом городе, захотелось дожидаться, когда женщина кончит играть и спросить: «Можно мне зайти к Вам послушать? Вы так хорошо играете!»

— Проходи, нечего тебе в чужие квартиры заглядывать. Много здесь вашего брата шляется, — услышал почти над самым ухом. Солдат-часовой в серой шинели, с винтовкой в руках подходил ко мне с угрожающим видом.

Мигом слетели все чары теплой летней ночи! Я забрел, не зная города, на площадь, где расположены казармы и заглядывал в окно офицерской квартиры с очевидным намерением ее обворовать.

Разговор перешел на нижегородскую выставку. Заговорили о замечательных панно М. А. Врубеля — «Микула Селянович» и «Принцесса Греза», об их скандальном снятии со стен художественного отдела, по требованию специально приехавшего «Ареопага» из академических профессоров-художников.

Горький знал об этой истории, возмущался отсталостью и варварством, тех, кто осудил на изгнание Врубеля. Вспомнился мне Н. Н. Карамзин¹⁹, кото-

¹⁹ Описка Прахова, речь идет о художнике Николае Николаевиче Каразине (1842–1908).

рый сам над собой посмеивался: «Художники про меня говорят: ну какой же он художник? — Но он, знаете ли, писатель, в самой “Ниве” рассказы и даже повести печатает. А писатели говорят: ну какой же он писатель? В какой-то “Ниве” повести и рассказы печатает — только и всего, но зато он художник! Вы понимаете, так и подписывает: рисовал художник Карамзин». Горький долго и заразительно смеялся.

Мы решили не приставать к нему с расспросами, чтобы действительно дать возможность почувствовать себя не великим, а обыкновенным, хорошим человеком, попавшим в компанию людей к нему сердечно расположенных. Вот почему роль «занимательного рассказчика» выпала в этот памятный вечер на мою долю. Приходу Горького все были рады. Настроение у всех нас было радужное, и говорилось легко. По-видимому, Алексею Максимовичу нравилось не играть «первую скрипку», и он все время подзадоривал: «Ну, расскажите нам еще что-нибудь».

Рассказал, как мой крестный — Савва Иванович Мамонтов — человек талантливый и увлекающийся, затеял выставить перед царским павильоном на Нижегородской выставке почетный караул из сыновей московского именитого купечества, как В. М. Васнецов рисовал для них русские костюмы «Рынд». Как соревновались между собой в великолепии фамильных бриллиантов, нашитых на высокие белые шапки и в молодцеватости военной выправки эти Рынды — или, вернее, — «Дурынды» — так окрестил их всех не одобрявший патриотическую затею В. А. Серов.

Потом — по чужим рассказам — как царь, заранее предупрежденный министром финансов С. Ю. Витте о том, что «его священную особу будут охранять сыновья именитого московского купечества», выйдя из павильона, подошел к первому охранителю и спросил: «Как ваша фамилия?» — «Шульц, Ваше Императорское Величество», — рявкнул по-солдатски первый москвич, — «А ваша?», — спросил он следующего, — «Шмидт, Ваше Императорское Величество!», — «А ваше?», — «Штротт, Ваше Императорское Величество». Дальше стояли Абрикосовы, Сапожниковы, Рукавишниковы, Мамонтовы, но спрашивать их фамилии царь уже не решился.

Горький долго, весело смеялся, живо представив себе комическое положение «обожаемого монарха» и устроителя этого патриотического маскарада. Савву Ивановича Мамонтова он знал хорошо и высоко ценил за его крупные заслуги перед русским искусством, за Серова, Васнецова, Коровина, Врубеля, за «открытие» Шаляпина и частную оперу, благодаря которой увидели свет «Снегурочка», «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Хованщина» Мусоргского, «Cavalleria Rusticana» и «Amico Fritz» Масканьи, «Паяцы» Леонкавалло, «Орфей» Глюка и многие другие русские и иностранные оперы.

Горький, враждебно-критически относившийся к капиталистическому миру, как художников ценил за их размах, как он говорил в тот же вечер, широту и талантливость русской природы таких людей, как Мамонтов, Морозов и братья Бугровы²⁰ — «волжские цари», как он их называл. «До них не то, что

²⁰ Бугровы — династия купцов-старообрядцев; одни из самых знаменитых среди дореволюционных купцов Нижнего Новгорода.

исправнику — и самому губернатору рукой не достать, такая силища». В этих людях он видел «огромную, не по тому только пути, по какому следовало, направленную, созидательную силу».

Заговорили о литературе, последнем сборнике «Знание». Мне вспомнился один из ранних рассказов Горького, напечатанный в «Нижегородском листке» вместо фельетона. Тема — ревность тромбониста к «барышне» — швейке, за которой ухаживает и полковой писарь. В момент исполнения садовым оркестром какой-то пьесы, где тромбонист играет ответное «Solo» — вдруг видит «даму своего сердца» гуляющей под ручку с ненавистным соперником. В припадке дикой ревности и гнева, забыв все на свете, он вдруг начинает отчаянно трубить, выдувая изо всей силы, всеми своими легкими, одну, самую высокую, самую пронзительную ноту.

— Вот удивительно, как вы это все запомнили, а ведь я совершенно забыл про этот рассказ! Если бы помнил, может быть и включил с небольшой переделкой в свой сборник. Право забыл, вот вы теперь только напомнили. Это я с натуры писал, такой скандал действительно был в нашем городе, только не в Нижнем, а в Саратове. Я и писаря этого знал, и музыканта, и «даму его сердца», за которой оба они ухаживали — все вместе по откосу гуляли — там тоже «откос» есть, и сад городской, где музыка по вечерам играет. Какой переполох был, когда он вдруг так задудел одну ноту. Дирижер даже палочку уронил, музыканты все со своих мест повскакивали, публика побежала из сада, решили, что он с ума сошел! Городовой засвистел, тут только он опомнился! Потом поволокли его, раба божьего, в участок, там протокол составили «за нарушение общественной тишины и порядка. Я и в участок потом ходил выручать, приятели мы были с этим музыкантом. Вот теперь, когда напомнили, как живые стоят перед глазами эти люди».

Горький смеялся, я чувствовал себя «триумфатором»: шутка ли — от самого Горького услышать, что здорово рассказываю, да еще напомнил ему позабытый рассказ.

У меня тогда много было задумано комических рассказов в этом роде, да потом другая полоса пошла, другая сторона жизни заинтересовала.

Горький заговорил о нижегородском откосе, купечестве, пароходах, грузчиках-силачах в одиночку на спине переносивших на паром по зыбким, прогибающимся от тяжести сходням, ящики с пианино. Говорил о красоте Волги и Камы. Невольно разговор перешел на Капри, красоту которого Алексей Максимович очень ценил.

— Вот на днях пойду опять на «Тибегю» (так он, по каприйски, говорил вместо Тибегю) — тогда обязательно к вам опять зайду. Уж больно у вас хорошо — попросту как-то, — говорил Горький, прощаясь.

В город мы опускались вдвоем. Шли молча — обоим как-то не хотелось говорить. На перекрестке, где наши дороги расходились в разные стороны, распрощались, крепко пожав друг другу руки.

— Ну, спасибо, большое вам спасибо! Давно так хорошо не было.

Память не сохранила, к сожалению, всех подробностей наших разговоров в этот вечер, должно быть потому, что разговор был общий, непринужденный, когда слово, подхваченное «налету», вызывает само собой ответную реплику собеседника. Помню только, что у всех нас получилось новое представление

о Горьком, как о человеке тяготящимся окружающей его обстановкой и очень одиноким в толпе. Самое страшное одиночество.

— Они недолго теперь проживут с Марьей Федоровной вместе, — решила Вера Вадимовна.

— Почему вы так думаете?

— Мне кажется, у него очень наболело на сердце, и ваш разговор попал в самую точку. Это хорошо вышло, что вы пошли и сумели сказать все, что хотели. Он очень ласково посматривал на вас, пока рассказывали, мы с Асей смотрели и обе радовались.

Увидав на стене мой этюд — акварель, красные цветущие кактусы — и абажур, расписанный рыбами — Горький выразил в тот вечер желание посмотреть мои и Анночкины работы. Я предложил ему зайти днем в мастерскую, где укладывали вещи.

— А можно мне привести с собой Горбатова?²¹ Он как-то видел вас на этюде и очень заинтересовался.

— Конечно, приведите — вот хотя бы завтра. Скажите, в каком часу, — я Вас встречу на Strada Nuova и провожу, к нам мало кто знает дорогу. Сговорились о времени. Показал все наши еще не упакованные работы, устроил импровизированную выставку и очень жалел, что жены моей не было с нами. Горький смотрел хорошо, внимательно. Одно хвалил, про другое говорил: «вот это мне менее нравится, а это совсем не нравится» и объяснял почему, метко указывая на недостаток работы.

Горбатов смотрел с видимым интересом — работы Анночки он знал по мастерской Ковалевского и Петроградской выставки, а мои — художника-самоучки — были для него новы, особенно подводная жизнь моря: рыбы, моллюски и раки, которых писал в неаполитанском аквариуме.

Вот, что я писал жене в Киев:

«Capri. 8 octobre 1912. Завтракал у Costantina, а днем был у Горького. Пришел около трех, а просидел до половины седьмого. Сначала все вместе пили чай, а затем Алексей Максимович предложил пойти в кабинет — где и разговаривали с глазу на глаз. Разговор был хороший, серьезный, и мне было чрезвычайно приятно сидеть на том же месте, с тем же человеком, которому я недавно сделал больно, и который смотрел на меня такими хорошими, ласковыми глазами. Говорили об одиночестве людей, о России, о литературе, роли женщины и особенно русской, и радовало меня то, что Алексей Максимович говорил многое так, как это думалось мне.

Просил Алексей Максимович непременно писать ему из России. Марья Федоровна упрекала за то, что я не пригласил ее смотреть этюды. Было в ее тоне желание объяснить это, своего рода, «Sfreggio» и, кажется мне, что не удалось ее разубедить. От Осколкова²² слышал, что Алексей Максимович и Горбатов

²¹ Константин Иванович Горбатов (1876, Ставрополь — 1945, Берлин) — художник, профессор Петербургской Академии художеств. В 1912 г. Горбатов поехал в Рим как пансионер Академии художеств. Сначала работал в Риме, а потом по приглашению Горького переехал к нему на остров Капри. Имел при жизни персональные выставки в Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Кёльне (1929), Дрездене, Риме, Копенгагене, Гааге, Лондоне. В настоящее время его картины хранятся в Московском областном художественном музее в Новом Иерусалиме.

²² Не удалось установить.

много говорили о моих работах. Горбатов говорил, что для него это было ново, что я по-новому подхожу к природе, и что в России встретят меня хорошо, и все это будет иметь успех. Теперь только работать и работать».

Горький опять заходил на Villa Monetella два раза, без приглашения и один. Пили чай, а потом все вместе ходили гулять в ближайшие места, куда Горький еще не заходил, и которые особенно любила за их уединение Вера Вадимовна.

Последний раз мы шли с Горьким ночью опять вдвоем и на Strada Nuova опять расстались. Обнялись, крепко расцеловались и простились, чтобы не встретиться больше никогда.

Маленький Капри волновался. Весть о том, что я провел два часа с «глазу на глаз» в какой-то беседе с Горьким, и что после этого он зачастил на Villa Monetella, где раньше не бывал, облетела быстро всю русскую колонию. Скучали от вынужденного безделья и сплетничали от скуки. Передавали, что «Владычица» — так называли на Капри Марию Федоровну — «рвет и мечет», что будто бы под влиянием моего разговора Горький с ней расходится... Конечно, это было не так — почва была подготовлена заранее домовою тиранией самой Марии Федоровны. Горького тяготила окружающая его «шумиха», постоянное выставление «на показ», как какого-нибудь «вирблюда». Мягкий по натуре человек — Горький, очевидно, уступал, уступал, пока не случилось то, что случается обыкновенно с мягкими натурами — пока не стал на дыбы и не начал брыкаться.

Помню однажды на площадке фуникулера стояли Горький, Марья Федоровна, Амфитеатров²³, кажется, Богданов, Луначарский и Иван Алексеевич Бунин с женой, которым, как приедем, Алексей Максимович показывал «свой» остров. Мы все любовались красотой соррентийского побережья и дымящегося вдали Везувия.

— Вот, посмотрите сюда, — сказал Горький, — какая великолепная вилла — указал он на Villa Behring, на которой в это время жил. — Замечательная вилла, и в красный цвет нарочно для меня немцем покрашена, чтобы пугать форестьеров: пусть знают и видят сразу, кто в ней живет. И терраса на ней белая, замечательная, над самой пропастью. Тут вот еще бы с террасы красный флаг спустить до самого моря... а на флаге вышить: перо, кулак и туфлю, — закончил с веселой, лукавой улыбкой.

— Почему же еще и туфлю, что ты под этим подразумеваешь? — с изумлением спросил Амфитеатров, и мы вопросительно смотрели в ожидании ответа.

— Ну, перо — это понятно, потому, что я писатель, всегда держащий его в своей руке. Кулак — это значит, что я грожу отсюда царскому правительству и буржуям — вот он, какой у меня здоровенный! — Горький показал нам со смехом свой действительно увесистый кулак.

— А туфля? Причем тут туфля? — добивался своего Амфитеатров.

— Ну, это само собой понятно, если не понимаешь — я тебе потом, дома объясню.

Теперь эта «туфля» стала понятна. Марья Федоровна посмеивалась наигранным женским смехом. Уже в России узнал из письма Варвары Кузьминишны

²³ Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938), писатель.

Риола²⁴, что Горький и Марья Федоровна расходятся. Об этом «событии» с радостью передавали сплетни друг другу русские каприйцы, по мне «событие» произошло несколько позднее.

«Последние дни необычайных пертурбаций. Я писала вам о Г., но кажется в чересчур приподнятом тоне. Приходится взять октавой ниже. Оказывается, что портреты М. Ф. висят на старых местах, и что происходит ежедневная переписка между Г. и М. Ф., и говорят, что она хочет прислать сюда Катю²⁵... и что будто бы опять вернется. Значит никакого нового счастья нет, а есть и останется то, что было». Так писала «Кузьминишна», В. К. Риола Монтанаро.

Упаковка вещей закончена, день отъезда окончательно назначен. В Киев и Петербург посланы телеграммы. Дети возбуждены и обрадованы предстоящей поездкой на пароходе и железной дороге.

Я обошел всех знакомых добрых каприйцев — всех художников, лавочников, кредитовавших нас, когда почему либо запаздывал денежный перевод, всех знакомых рыбаков и крестьян. Всем сказал сердечное спасибо за шесть лет, проведенных на самом мирном острове Капри, и ото всех услышал добрые пожелания счастливого пути, просьбу передать их поклоны жене и выражение надежды видеть всех нас снова на Капри с уже взрослыми детьми.

Обошел все свои любимые места, чтобы увезти неизгладимые воспоминания о них в своем сердце. Посетил тех немногих русских друзей, что еще оставались на Капри, распрощался с остальными соотечественниками вечером в кафе Моргано, а утром, с первым пароходом поехал с детьми в Неаполь.

Провожали крестьяне, хозяева нашей виллы и соседи, каприйские мальчишки Cirro и Salvatore, с которыми дружили мои дети. Провожали русские соседки — сестры Энгель, навсегда поселившиеся на Капри, глубокий старик Pavlillo с такой же старой, как он, женой, вышли на Piazza d'Armi пожелать нам счастливого пути.

На набережной Marina Grande знакомые рыбаки, продавщицы кораллов, женщины-носильщицы, переносящие большие тяжести на головах, sarabinieri, guarda daziaria, старик brigabiere — пожимали крепко руку, желая «buon viaggio». Дети махали платками двум сестрам Энгель, которые учили их читать и писать по-русски и своим сверстникам — друзьям Salvatore и Cirro. Я тоже стоял в лодке, подвозившей нас к пароходу и тоже махал платком.

Дети были заняты с провожавшими нас в Неаполь Кузьминишной и Грациэллой, а я стоял один и смотрел на уменьшающийся в размерах, залитый утренним солнцем райский остров, на котором протекли незаметно целых шесть лет счастливой жизни.

Сердце сжимала тоска, точно злой рок разлучал меня навсегда с горячо любимой женщиной, имя которой — Италия.

Николай Прахов
Киев

²⁴ Риола/Riola, урожд. Бочарникова, Варвара Косьминична (1865, Москва — 1937, Капри). См. о ней: М. Талалай. «Русский Капри» после Горького // Проблемы истории Русского зарубежья. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 255.

²⁵ Екатерина Андреевна Желябужская (1894–?), дочь Андреевой от первого брака, падчерица Горького.

2

Из писем Н. А. Прахова сестрам Елене и Ольге²⁶

5 сентября 1909 г.

Не знаю, как-то удастся переехать в Неаполь, а переехать надо — народа на Капри видимо-невидимо²⁷, и каждый день приносит какой-нибудь скандал. То «татарин» побил кого-то, заподозрившего его в шпионстве, то кто-то уехал, не заплатив хозяйке, и все в таком же роде. Шпикив наехала тьма-тьмущая — все благодаря социал-демократам, догадавшимся устроить на Капри школу пропагандистов для русских рабочих!! Само собой разумеется, рабочие уедут отсюда не одни — за ними двинутся в Россию и шпики, и станут на них ловить как на удочку других сознательных «товарищей». Пробовали организовать русскую беспартийную колонию, но пока еще не было ни одного подготовительного собрания, а уже публика между собой поругалась. Новость дня — третейские суды. Судили татарина, устроившего Мамаево побоище, причем подсудимый заявил по адресу судьи (Луначарского), что «если бы знал, то такого дурака в судьи не пригласил бы». Судья обиделся — назначен новый суд. Судили одного типа за то, что он обозвал «шпикиами» одного поляка и барышню, при этом на суде разыгралась такая сцена: подсудимый увидал обвиненную им девицу и в ужасе воскликнул — «Да ведь я вас знаю!» — «Знаете». «Да вы ведь студентка!» — «студентка». «Да мы ведь знакомы» — «Знакомы» и т. д. По счастью живем мы на хуторе, и до нас все это долетает, как газетная хроника.

Вчера не успел окончить письмо.

7 сентября.

Попал в «общественные деятели» и, благодаря этому не имел свободной минуты, чтобы окончить письмо. Теперь накопилось так много событий и впечатлений, что придется вам, милые мои Мума и Леля²⁸, вооружиться терпением. Начну по порядку. Уже давно Grande Margin`цы подумывали о том, что хорошо бы «устроить» общество русских на беспартийной почве, чтобы не сидеть по углам, а иметь возможность видаться друг с другом,

²⁶ Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 733. Л. 50–59.

²⁷ Один из учеников школы на Капри был служивший в Охранном отделении Андрей Сергеевич Романов (охранная кличка «Пелагея»), в агентурной записке от 8 марта 1910 г. рассказавший историю этой школы: «Задачей устроителей школы, что было и одобрено резолюциями поместных партийных организаций, являлось желание дать партии необходимое количество опытных работников, не вводя последних в период обучения в дебри фракционных, идейных и иных течений... словом, предполагалась школа строго партийная без каких-либо фракционных оттенков и направлений». (См.: Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Моск. Охранного Отд-ния. М., 1990).

²⁸ Имеются в виду сестры Н. А. Прахова: Елена Адриановна Прахова (Лёля) (1871–1948), дочь Адриана Прахова и Эмилии Праховой, несостоявшаяся невеста Михаила Нестерова и модель его работ, вышивальщица; Ольга Адриановна Прахова (Мума), в браке Алябьева.

чтобы устроить правильно организованную библиотеку и даже нечто вроде неофициального представительства для прямого сношения с местным населением и администрацией, которые, к слову сказать, стали косо смотреть на русских.

Составили список желающих работать (над созданием организации) из тех лиц, что живут на «*Marina Grande*» и не подходят под определение «хулиганы», список этот я и Воронеж передали Горькому, который сразу очень сочувственно отнесся к этой идее и обещал пригласить принять участие Богданова, Луначарского, Алексинского²⁹ и других генералов от социал-демократии. Устроили общее собрание, долго говорили о том, возможно ли организовать «беспартийное» общество, попутно вынесли резолюцию послать в итальянские газеты письмо, в котором объяснить, что «слухи об экспроприациях», готовящихся на Капри, о хулиганских выходках — все это распространяют «шпики с очевидной целью испортить добрые отношения между нами и итальянцами». Были возражения против необходимости вообще объединения, причем Горький сказал буквально следующее: «Надо, господа, говорить начистоту: жили мы себе два года мирно и никакой, можно сказать, потребности в объединении не ощущали, а тут — на-ко! Явились какие-то хулиганы, грозят экспроприацией, и приходится объединяться». Само собой разумеется, что публика вытаращила глаза, услышав такое характерное заявление, однако не возражала, а я был лишен этой возможности, так как был избран председателем собрания. Разошлись, порешив, что надо выработать проект устава, причем в комиссию по этому вопросу попал и я. На другой день был на этюде и встретил Слаг'ка — нашего соседа по *Villa Certosa*. Начали с красоты пейзажа и тотчас же перешли на русских. «А вы читали, — говорит — корреспонденцию против Горького и каприйцев? Прочтите непременно, ее показывал мне [Gogico] Morgano. Очень недовольны каприйцы русскими — живут, делают долги и еще их же ругают; думают высылать русских с острова. Вы не беспокойтесь — вас не тронут, но есть такие, которые живут коммунами, купаются без костюмов, в пьяном виде дерутся и кричат...». Словом — гроза висит над русскими. Сообщил об этом Г[ригорий] Ил[ьич] и решили в тот же вечер пойти к Горькому, чтобы предложить ему собрать экстренное собрание русских для выработки тех мер, какие надо принять в защиту тех, кто случайно может попасть в проскрипционные списки. Рассказ мой выслушали, но предложение собрать экстренно публику было встречено не сочувственно, особенно Марией Федоровной, которая буквально почернела от скрытой злости, когда я сказал, что «необходимо узнать *чьими* указаниями будут пользоваться власти при оценке той или иной личности», а когда Гр[игорий] Ил[ьич] добавил, что «может быть, в этом деле замешаны шпики» — она переменилась в лице, как пульпа, а Горький посмотрел с укоризной, точно подумал: «Вот, Марусенька, допрыгалась». Кончилось тем, что мы вышли с ясным сознанием, что корреспонденция пущена в оборот, с комментарием, враждебным русским самой «владычицей». Пошли к Morgano, сели пить вермут и все узнали благодаря Энрико. Он показал нам перевод, и когда мы стали сомневаться в знании языка

²⁹ Григорий Алексеевич Алексинский (1879–1967).

переводчиком, сообщил, что переводчик никто иной как «*moglie di signor Gorki*». Представляете ли вы себе картину: жена великого писателя переводит статью, написанную против ее мужа, дает для распространения Энрико (известному своей болтливостью) и, таким образом, провоцирует каприйцев, подстрекает их против русских вообще и против автора корреспонденции в частности! Надо добавить, что подписана корреспонденция «[Веди]-Он», а М. Ф. вместо того, чтобы точно написать латинскими буквами, поставила инициалы V. O. Само собой разумеется, что нас обоих это открытие поразило, как громом. Посоветовались и решили созвать общее собрание, чтобы решить, какие меры принять против распространения этого перевода. Задача была трудная, так как мы не хотели называть ни М. Ф., ни Morgano, а просто хотели указать на то, что каприйцы недовольны русскими не от того, что их настраивают шпики, а от того, что распространяют такую обидную для них корреспонденцию. Мне пришлось быть докладчиком. Собрание требовало прочтения корреспонденции, на что мы не соглашались, заявив, что в ней упоминается имя присутствующего всеми уважаемого лица. Кончилось тем, что выбрали комиссию из трех лиц, не читавших корреспонденцию. Комиссия прочла ее и сообщила собранию, что: 1) необходимо было немедленно собраться для решения вопроса, какие меры принять против распространения этого документа; 2) что прочесть корреспонденцию можно (не называя по имени затронутое ею лицо; и 3) что желательно выбрать трех лиц для составления такого заявления в *Municipio, Società pro Carri e Raggochia*. В эту комиссию выбрали Луначарского, Шрейдера и меня. Заявление мы написали, подали и имели беседу с заменяющим Синдака аптекарем. Дали ему наговориться вдоволь, но когда он начал утверждать, что все русские *imporali*, что русские студентки живут в коммунах с предосудительными целями. Я обозлился и заявил, что нам были жалобы на приставание каприйцев к русским женщинам, что они не турецкие, и живут в коммунах по материальным соображениям, что «*moralita*» — вещь условная, что такое устройство коммуны с русской точки зрения не кажется предосудительным, и что сами итальянцы среди бела дня расстегивают штанишки и гадят посреди дороги. Синдак так и сел, сразу переменял тон, стал уверять в своей дружбе к русским и к нам и т. д. Кончили разговор мирно, и было обещано, что принимать административных мер не станут, а за нарушение закона станут судить. Энрике я частным образом намылил голову, объяснил, что его поступок есть провокация — «возбуждение одной части населения против другой», за что не хвалит итальянский закон. Заволновались С. Д.³⁰ Алексинский, хотел даже писать против «беспартийного общества», но случайно встретился со мной и, узнав из моего рассказа историю этой идеи и наши цели, решительно заявил, что будет нам помогать. Требовали С. Д.³¹ от нас с Гр. Ил., чтобы мы назвали имя переводчика, но мы с Г. И. молчали, как рыбы, предоставив им самим разбираться в этом грязном деле. Алексинский не нашел ничего лучшего, как пойти к Горькому и в присутствии М. Ф. говорить, что надо заставить их — т. е. меня и Г. И. — сказать, кто автор перевода. Кончилось тем, что Горький

³⁰ Социал-демократы.

³¹ См. выше.

сказал: «Да мы только Morgano сказали об этой корреспонденции, вот Маруся с ним говорила». Для характеристики последней надо добавить, что у Горького *пропала* из его бумаг *вырезка* этой статьи! Говорили о желании Горького отказать от общества, но Алексинский сдержал свое обещание и, видимо, объяснил всю неловкость такого отказа. Заседание для заслушания проекта устава было у Горького (экстренное у меня, и ни Горький, ни М. Ф. не явились). Заседание было вялое, у М. Ф. был вид высеченной собачки, но здороваясь с нами, она не кусалась. Устав был принят, и Луначарский неожиданно предложил сейчас же выбрать правление. Это было не вполне законно, но мы поняли, что делается для того, чтобы *закрепить* дело и не дать возможности Горькому и другим отвиться от участия. Выбирать надо было пять человек, производили выборы записками, причем оказалось, что наибольшее число из голосов — 18 из 21 — получил я, 17 — Г. И., затем Лядов, Антонов, Луначарский и Дорман. Горький получил 8 и все наши голоса (*grande margin`цев*), так как С. Д. против него (конечно из-за М. Ф.). Воронец получил 4. Кандидатом считается Дорман, так как Горький и Воронцов отказались. По уставу правление само выбирает председателя, казначея и секретаря. Меня выбрали председателем, Г. И. — казначеем и Антонова — секретарем. Теперь лежит более мирная задача — перевести устав, пригласить нескольких итальянцев в члены учредители и хлопотать о легализации общества».

ЛИДИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ИВАНОВА
В ПИСЬМАХ К ОТЦУ (1927 г.)

Андрей Шишкин

«Любовь не знает страха, / И Бог наш — Бог живых. / Бетховена и Баха / В гармониях родных // Залетные отзвучья / Иных миров лови / И в снах благополучья / Другого не зови»¹, — с таким поэтическим напутствием обратился в апреле 1914 г. Вячеслав Иванов к своей дочери в день ее восемнадцатилетия. Это было не просто признание ценности музыкальных занятий Лидии и предвидение ее музыкального будущего²; в этих сильных строках говорилось о постижении высших реальностей через культуру, в данном случае через вершинное музыкальное творчество.

Созданные на склоне лет мемуары «Лидия Иванова. Воспоминания: книга об отце» (1990, 1992), ставшие достоянием самой широкой публики, оказались основным достоверным источником сведений о жизни Вяч. И. Иванова и его окружения. Книга написана просто и живо и создает единый и непротиворечивый образ отца-поэта. Хотя, по оценке исследователя, эти мемуары «превосходят по полноте и по степени освещения наиболее интимных сторон личности Иванова все, что когда-либо появлялось»³, однако, в силу особенности жанра и удаленности во времени от описанных событий, они не могут соревноваться с письмами в передаче непосредственных противоречивых и неоднозначных впечатлений.

Переписка Вяч. Иванова с дочерью — замечательный памятник эпистолярной культуры XX века. Оригиналы писем Л. И., написанных до 1917 г., хранятся в Российской государственной библиотеке в Москве, после 1925 г. — в Римском архиве Вяч. Иванова. В 2008 г. в журнале «Символ» была представлена часть этой переписки — письма Вяч. Иванова к сыну и дочери за 1925–1941 гг.⁴ Сейчас мы приступаем к публикации избранной двусторонней переписки Л. И. с отцом, поместив в центр внимания письма дочери (они, за исключением нескольких фрагментов узко семейного содержания, печатаются без сокращений) и приводя только те фрагменты писем отца, которые обращены к ней⁵.

¹ Иванов В. И. Собр. соч. Т. III. Bruxelles, 1979. С. 544.

² Признание Л. И. как композитора будет ознаменовано исполнением весной 1930 г. ее симфонического сочинения «*Roqate Coeli desuper*» в главном римском музыкальном зале «Augusteo».

³ Малмстад Дж. Предисловие // Иванов Лидия. Воспоминания: книга об отце. Париж, 1990. С. 6 (далее — *Восп.*).

⁴ Публ. А. Кондюриной, С. Кулюс, О. Фетисенко, А. Шишкина // Символ. № 53–54. Париж–М., 2008. С. 472–630 (далее — Символ. № 53–54).

⁵ Последние, как правило, исключались в публикации 2008 г.

Удостоверение Л. В. Ивановой для входа на репетиции в театр «Аугустео». 1925–1926

Здесь помещена переписка за 1927 г., особенный, даже переломный в жизни Л. И. Она только что закончила Римскую консерваторию, где брала уроки композиции у Отторино Респиги. Осенью 1926 г. Вяч. Иванов получил скромное место преподавателя языков в колледже Борромео в Павии, и финансовое положение семьи, особенно по сравнению с безденежным 1925 г., немного упростилось. При этом немаловажным элементом семейного бюджета оставалось академическое обеспечение, выплачиваемое из Москвы ЦЕКУБУ (Центральной комиссией по улучшению быта учёных) — до осени 1929 г. официально поэт числился в научной командировке в Италии.

В начале лета Л. И. приезжает из Рима в Париж с целью войти во французский музыкальный мир. Л. И. встречается с С. Прокофьевым, Б. Шлёцером, посещает театр Сары Бернар, Théâtre de la Ville и Théâtre des Champs Elisées, слушает музыку И. Стравинского, В. Дукельского, А. Бородина, Э. Сати, оказывается в ложе С. Прокофьева, знакомится с творчеством французских композиторов Альбера Руссель и Венсана Д'Энди. Свои музыкальные сочинения она приносит и играет С. Кусевицкому, дирижеру, музыкальному общественному деятелю и главному вершителю русских музыкальных проектов в Париже: публикация в «Российском музыкальном издательстве», во главе которого он стоял долгие годы, определяла известность и судьбу молодых композиторов⁶. Реакция

⁶ См. Юзефович В. Сергей Кусевицкий. Годы в Париже. Между Россией и Америкой. М.—СПб., 2014. С. 181–200.

Кусевицкого была дружественной, однако в деловом отношении ровно ничего не принесла. Встречается Л. И. и с немзыкальной парижской эмиграцией: о. Сергием Булгаковым, Н. Бахтиным, Бердяевыми, Зайцевыми. Но особую роль в жизни Л. И. 1927 г. сыграла встреча с женой Бердяева Лидией Юдифовной Рапп: именно она помогла Л. И. в преодолении духовного кризиса (об этом будет сказано ниже).

Вяч. Иванов в одном из писем 1927 г. к Л. И. отмечал ценность «маленьких достопримечательностей» в переписке, а также то обстоятельство, что она имела «характер дневника»⁷. В подробнейшей — в иных случаях почти ежедневной — хронике жизни Л. И. в Италии и Франции мы находим свидетельства о порой конфликтном соприкосновении русских изгнанников с бытом, об их надеждах и разочарованиях, об их непрухом вхождении в европейскую жизнь.

Л. И. была тонким стилистом и умело играла различными языковыми регистрами, чтобы рассказать о самых неблагоприятных обстоятельствах как о чем-то, что не затрагивает истинных глубин жизни. (Быть может, ей помогло профессиональное занятие органом). Переходы с русского на итальянский и французский, излюбленные в семье макаронизмы⁸ («смешной способ писания с иностранными выражениями», как объяснял словарь 1911 г.), давали простор иронии и автоиронии. Так, в безденежный 1925 г. Л. И. отчитывалась перед отцом:

Без сливок, апельсинов, извозчиков и необычного жизнь не мила и ты можешь исхудать ... или повеситься от умеренности, или сделать что-нибудь в *реакцию*, то есть учинить карточный долг в миллион или броситься в объятия какого-нибудь богача-кутилы, или поджечь Рим, или в *маникомию* <психиатрическую лечебницу — *ит.*> засесть» (8 марта 1925)⁹.

Отстранение от не всегда позитивной реальности осуществлялось с помощью «невзрослой» мифопоэтической игры: сама Л. И. именовалась «К. И.», то есть «Кошкой Ивановой», «Коткой» или «Кот-афиной», ее брат Дмитрий — котенком, а сам поэт — Пуффи или Chief-cat¹⁰. Поэтому описание тягостей безденежного пребывания на море в Анцио, в 50 км. от Рима, дезавуировалось откровенно комической фигурой («коты ... как собаки»):

Наша *мизерия* <бедность — *ит.*> дошла до того, что я краду с кухни *карбонэ* <уголь — *ит.*>, который не на что купить ... Нет ни сыра, ни масла, ни кофе, ни кино, кончился чай, предстоит визит виноградной тётки, которая ждёт *великих наград* (обыгрывается итальянское «grande ricompensa» или «lauto compenso» — значитель-

⁷ В. И. к детям от 9 апреля 1927. Римский архив В. И. Иванова. Оп. 4. Карт. 12. [Электронный ресурс:] <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-4/karton-12/p01/op4-k12-p01-f38.jpg>. Далее письма приводятся без дополнительных отсылок к этому ресурсу.

⁸ Примечательно, что в письмах Л. И. того же периода к Н. Миллиор макаронизмов нет.

⁹ Цитируется по копии Н. С. Востоковой, хранящейся в РАИ.

¹⁰ «Кошачье мифотворчество» семьи В. И. стало предметом интерпретации уже в докладе С. С. Аверинцева «Кошки Вяч. Иванова» на блоковской конференции в Тарту 1975 г. В этом докладе (он не издан) главное внимание уделялось стихотворению «Кот-ворожей» (7 января 1927, Павия): мурлыкающий кот, в генетической памяти сохраняющий воспоминание о древнем Египте, на деле оказывается самим поэтом, задремавшим перед горячей печью. О «котологии» Л. И. начала 1910-х гг. см. ценное исследование А. Соболева. «Вяч. Иванов: Неизданное и несобранное» // [Электронный ресурс:] <https://lucas-v-leiden.livejournal.com/136453.html>

ное денежное возмещение), не уплачены счёты за вино, не покупается *истёртое мыло* <sapone a scaglie — *ит.*>, походы в Анцио совершаются взад и назад пешком, одним словом коты голодны, как собаки (28 сентября 1925)¹¹.

Замечательно вообще, что во *всей* переписке с отцом 1927 г. Л. И. пишет о себе только в третьем, «кошачьем», лице, никогда не именуя себя Лидией.

Советское дипломатическое представительство в Италии (равно как и сам СССР) именовалось «хаткой». Это слово оказывается нужным, чтобы поставить последнюю точку в тонко ироническом описании аристократического вечера в «Русском собрании» в Риме на Via delle Colonnate¹², где Л. И., жившей за границей с «красным» паспортом, пришлось неуютно (из письма от 6 мая 1927 г., не вошедшего в нашу публикацию):

К. И. едва ли не учинила глупость. По просьбе Забеллы и еще двух русских певцов, поющих трио из «Пиковой дамы», я с ними его сретировала и вчера проаккомпанировала его в клубе на Via <delle> Colonnate. Правда, дело было обставлено Кошкой страшно формально, и она сразу после концертной части ушла, но все же ее уши были видны в заднем ряду залы рядом с какой-то прямой и величественной вице-герцогиней российской и внедалеке от «бывших офицеров», по случаю вечера одевшихся в мундиры. Spegiamo <будем уповать — *ит.*>, что коты не заметили особенно. Он сидел один, набравши воды в рот и чувствовал себя еще менее в тарелке, или равно, что ли не в своей тарелке, как и на хатских церемониях.

Словесная игра, ирония и особенно автоирония как защита самого сокровенного и важного играли большую роль в культуре Серебряного века, начиная уже с Вл. С. Соловьева; в истории Башни ей следовало бы посвятить особую главу¹³. В одном из публикуемых ниже писем Л. И. (от 13 июля 1927) мы находим очень важное автобиографическое признание: смех — это «броня», и сама Л. И., по ее словам, «с детства» взяла себе «манеру закрывать все смехом».

Свойство Л. И., не проявившееся в ее книге воспоминаний, но заметное в письмах, — стремление защитить свою духовную и интеллектуальную независимость даже иногда через противостояние отцу, знаменитому «ловцу человеков», как его называли иные недоброжелатели. Вот примеры отстаивания своих позиций:

Котка не такой уже дурак и вообще ни к каким подразделениям никогда в жизни не склонялся. Мечтал всегда учиться в школе, а не дома. И в консерватории, а не частно. Никакие теософии ее никогда не пленяли. Не пленит и модернизм¹⁴ (8 июня 1927; полностью цит. в публикации).

Вот о прежних пореволюционных московских приятельницах:

Если ты К. И. любишь, ты должен любить друзей К. И., которые ей дали столько сил и жизни и утешения в такое время, когда вокруг все было только голод, бестиальность, туберкулез и сумасшествие. <...> Зачем такое надмение и презрение? Ты даже

¹¹ Цитируется по копии Н. С. Востоковой, хранящейся в РАИ.

¹² О «Русском собрании» см.: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия. М., 2019. С. 112.

¹³ Равно как и трагикомедии В. И. «Любовь — мираж?», запрещенной впоследствии как советской цензурой, так и авторитетом М. Горького.

¹⁴ Здесь имеется в виду католический модернизм; см. о нем ниже, прим. к письму от 8 июня 1927.

не хочешь различать по именам людей, которых я люблю <...>. Это остаток твоего «башенного» аристократизма, которого ты сам же не любишь (15–16 февраля 1927; полностью цит. в публикации).

Л. И. увидела 1927 год как период преодоления многолетнего экзистенциального кризиса, начало которому положила преждевременная смерть В. Эрн (Л. И. оказалась единственным из семьи Ивановых свидетелем его последних дней¹⁵), и событий русской революции. Ощущение глубокого кризиса (но другого рода) сопровождало в эти годы и Вяч. Иванова¹⁶.

О преодолении душевной подавленности и о последующем религиозном обращении рассказывается во второй части публикуемой ниже переписки. Важной в этих обстоятельствах стала встреча в Париже летом 1927 г. с женой Н. Бердяева Лидией Юдифовной. Внимательная и душевно щедрая, она занялась внутренним состоянием Л. И. и нашла для нее католического духовника. Душевной и духовной драме и ее преодолению посвящено неожиданно подробное исповедальное письмо отцу от 13 июля 1927 (думается, в переписке дочери с отцом вообще единственное в своем роде):

<...> Период болезни 17–27 г. моей — период сплошного, тягостного разочарования. В человеке как оплоте на нем самом в себе — смерть Эрн. В себе — когда за революцию рухнула религия моя, «идеаль» и уважение к себе, «я» животное. Рухнула любовь к жизни, то есть вера в ценность жизни. Жизнь мне представлялась (в Москве да и в Баку) *гниением* медленным или ускоренным. Душа — nihil. Начало и конец червь. Цветы — рост из гниющего тела любимых¹⁷. Солнце померкнет и истина *надстройка*. Эту «надстройку» только здесь объяснила себе, а также поняла, почему я коммунизму не могла *нет* окончательно сказать. Христианство исторично, как и прочее, то есть тоже сгниет. <...>

¹⁵ После похорон Эрн Л. И. приехала к отцу в Сочи, стихотворение В. И. ноября 1917 передает ее «скорбный рассказ» об этом событии // Вяч. И. Иванов. Собр. соч. Т. III. С. 524, 833. Удивительная деталь: только с Эрном Л. И. открыто делилась своими религиозными вопросами и сомнениями (ср. ниже в письме от 9 июня 1927 г.: «...ни с кем до конца без облачения пушистой шкуркой кроме как с Эрном не говорила»).

¹⁶ См. признания поэта из его писем этого времени: «Не знаю, зачем еще торчу под солнцем, к тому же римским. <...> На другой день после *dies irae* <дня гнева — *лат.*> революции ощущаешь себя “ушибленным копытом Демона”, как говорит Эсхил. Не закрепленным более родной почве, существенно расширившимся до сознания сына земли. Пробужденным семью громами. Отрекающимся (ср. “*die Entsagenden*” Гете). По туловище погруженным во всемирный и все растущий поток греха. <...> Что же до России <...> думаю я, что и от нее должно отречься, если она окончательно самоопределится (это шире и дальше, чем большевизм и его политика) как авангард Азии, идущей на Запад разрушить Запад» (В. И. к Ф. Степуну от 22 марта 1925 / О Прозе для «Современных записок» обещаю серьезно подумать... // «Современные записки» (1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. М., 2013. С. 949–951); «О себе не могу порадовать Вас никакою доброю вестью. Чувство глубокой душевной синтетической усталости и немощности перед ужасающей трагикой свершающейся жизни не прекращается, а чуть ли не возрастает» (В. И. к О. А. Шор от 2 марта 1925 // Русско-итальянский архив. III. Salerno, 2001. С. 178); «Уплывают из души прежние умственные навыки и пристрастия... охлаждаюсь к искусству, к игре и экстазам воображения... осыпает во мне пафос гуманизма» (В. И. к В. Меркурьевой от 27 января 1926 // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск-М., 2003. С. 260).

¹⁷ Здесь имеется в виду также и смерть сестры В. К. Шварсалон (1920) и ближайшего друга и многолетней домоправительницы ивановской семьи М. М. Замятниной (1920).

Кто хочет Бога, должен *все* отдать и сделать<ся> философским большевиком в описанном смысле. Он один *есть Аз есмь*¹⁸, и из него можно все получить, что нужно (полностью цит. в публикации).

Уже другого тона и содержания следующее письмо от 25 июля, целиком посвященное жизни в бенедиктинском Солемском аббатстве, куда Л. И. переехала из Парижа:

Где К. И. оказалась! Совершенно не опишешь даже. А в церкви, как в раю. <...>. Все необычайно! — сами монахи, худые аскеты, точно с запыленной картины, и при этом необыкновенно ласковые, — если к ним обратиться, ученые, бескорыстные. Нет лучшего ордена сейчас. <...>

Жизнь моя возвратилась к рождению. Все ново, необыкновенно, самостоятельное, то есть Божье, не моя перцепция, *реальное*, а не дымка сна (полностью цит. в публикации).

Уже через несколько месяцев семье Л. И. предстояли новые тяжелые испытания, в первую очередь очень серьезная, угрожавшая смертью болезнь брата Димитрия. Подводя итог драматическим событиям 1927 г., Вяч. Иванов писал дочери 1 декабря:

И мне кажется, что мы идем по тонким жердинкам над пропастью; но рядом идут с нами, поддерживая и ведя нас, Сильные и Светлые... Прости, что я на тебя навожу, быть может, унылые мысли. Но мысли у нас, вероятно, те-же, только ты сильнее и светлее, и ты над ними лучше господствуешь действием Благодати, — а я опираюсь на тебя, вместо того чтобы служить тебе нравственной опорой; ты же вся *человечески* истощилась!.. Не знаю, как благодарить Бога за твое душевное воскресение: вовремя случилось то, что с тобой случилось, — иначе мы погибли бы; или уже погибали...¹⁹

* * *

В данной публикации печатается основная часть писем Л. И. к отцу за 1927 г., исключены письма незначительного семейного содержания. Соблюдаются особенности авторской орфографии и пунктуации; описки исправлены без огорок. Автографы писем В. И. к детям доступны на электронном ресурсе Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме [www.v-ivanov.it], ссылки на который далее не приводятся. Переводы с французского и итальянского принадлежат комментатору. Их редактированием мы обязаны просвещенной любезности А. Г. Воронцовой-Вельяминовой (Париж-Флоренция), которой редакторы Русско-итальянского архива приносят свою благодарность. Неоценимую помощь в подготовке данной публикации оказали также Г. В. Обатнин и П. В. Дмитриев.

¹⁸ Одна из центральных формул В. И., подробно эксплицированная в поэме «Человек» (1915–1919) и авторских примечаниях к ней: «В абсолютном, божественном сознании “Аз-Есмь” есть суждение тождественное: “Аз есмь Бытие”, “Бытие есть Аз”. <...> “Аз есмь” должно значить: “Аз” есть “Есмь”; мое отдельное бытие (“аз”) есть Единый Сушый (“Есмь”) во мне, сыне; Сын и Отец одно. Логическая связка “есть” знаменует связь любви; без любви нет творчества, и сама любовь уже творчество» // Иванов В. И. Собр. соч. Т. III. С. 742.

¹⁹ Символ. № 53–54. С. 565.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛИДИИ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ ИВАНОВОЙ
С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ (1927)

*Подготовка текста Татьяны Мисникевич,
комментарии Андрея Шишкина**

1. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
13 января 1927

Фр... р...

Очень счастлива, что ты умные стихи пишешь¹. О них подробнее после, а пока мурчу, так как они солнечные и вкусные, несмотря на снег, тебе *poверetto*² доставшийся на лицезрение. О лекциях неясно. Это *incagico*? Откликнулось министерство что ли?³ А К. И. не пишет ни «Огненосцев»⁴, ни поганых мокрых сирен⁵ *vieux jeu*⁶, а веселые миниатюры <из> сказок Пушкина «Три девицы» Салтана. Подробности после. Ррр...

Открытка с репродукцией картины Сандро Боттичелли «Весна» («La Primavera»), галерея Уффици, Флоренция.

Адрес: Prof. Venceslao Ivanov. Collegio Borgomeo. Pavia. Почтовый штемпель: 14.I.1927.

<Под текстом письма крупными печатными буквами вписано:> Пиши.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18-012-00286 «Электронный архив Вячеслава Иванова: интеграция материалов собраний Рукописного отдела Пушкинского Дома в международную информационную среду».

¹ В приложении к письму от 7 января 1927 г. Иванов послал следующие стихотворения: «Встречаю новолетие в постели...», «Свиданья юного ужель опять тревога...», «Ропот воли в сумраке полей...», «Кот-ворожей», «Каменный дуб», в следующем письме — «Собаки».

² Бедняжке (*um.*).

³ Осенью 1927 г. поднимался вопрос о месте преподавателя (*incagico*) в Павийском университете; дело ограничилось чтением в университете пяти лекций под названием «Религиозная мысль в современной России» в конце января 1927 г. См.: Вяч. Иванов. Конспект лекций «Русская церковь и религиозная душа народа» // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 2016. С. 399–423.

⁴ Как вспоминала Л. И., «Огненосцы» — это неоконченная оратория для большого оркестра, хора и двух солистов на слова стихотворения Вячеслава Иванова из кн. «*Cor Ardens*» // *Восп.* С. 200. Черновой вариант партитуры хранится в архиве московского Российского национального музея музыки (далее — РНММ). Ф. 503. № 86 КП-14487/132.

⁵ Сирены — имеется в виду одна из тем симфонической композиции «Одиссей», над которой Л. И. работала с 1926 г. В РНММ клавир «Корабль Одиссея» для хора и оркестра. Эскизы. 14 лл. (ф-503-676 КП-14487/876).

⁶ Старомодных (*фр.*).

2. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой
16 января 1927

<...> Замысел миниатюр для трех женских голосов нравится. «Три Девы» из Салтана прелесть, как тема. <...> Прилагаю еще три пушкинских маленьких текста, которых ты, кажется, не знаешь. «Цыганка»⁷, быть может, подойдет. Мне нравятся сказки (хоть они не русские собственно, и кем-то на Западе были, но не по Пушкину, использованы⁸). Я протестую против обозвания Сирен «мокрыми, противными и vieux jeu», — Сирены тема, достойная... скажем, «самого» Вагнера, — (я надеюсь, однако, они будут не вагнерианскими, то есть не Бёклиновскими⁹) — но приветствую весело-веселое вдохновение, которое, мне кажется, обещает много добра. Не знаю только, хорошо ли делать, буквально, *salade russe*, т. е. мешать вместе русскую «звучкопись» с нерусской (как в «Выставке»¹⁰ Мусоргского), — не приятнее ли и не понятнее ли, особенно на Западе, исключительно русское? У нас своего добра не мало, по рубрикам удали и живописной *blague*¹¹. Все-же, делай, что захочется самой, о целом не думая, — это всего лучше, всего свежее и вернее. <...>

3. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
3 февраля 1927

Душке Пуфе вне абонемент
две пароли¹²!

Вчера написала письмо, а сегодня только так. Вчера было плохо. Перо не бежало новое, чернила жидкие. Сегодня перо обломалось об переложение для органа Corelli и сделалось мягким, а перед носом стоит тушь черная и густая. И понеслось перышко по лазурке¹³. Только что ушел Пята¹⁴ милый. Кланяется. Напишет тебе. Думает быть в конце месяца в Милане и захватить навестить тебя на денек. Читал стихи твои. Сказал — «это плохая строчка» — «Эллада — но духом обнищав...

⁷ Стихотворение «Колокольчики звенят, Барабанчики гремят...» (1833).

⁸ В. И. мог иметь в виду сказки из сборника братьев Grimm. В частности, «Сказка о рыбаке и его жене» из этого сб. является основным источником «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина. У Пушкина «сюжет очищен от подробностей... сказке приданы черты философской притчи» / *Сурат И. З. Пушкин Александр Сергеевич // Русские фольклористы: библиографический словарь. Пробный выпуск.* Отв. ред. Иванова Т. Г. и Топорков А. Л. М., 2010. С. 226.

⁹ Кажется, В. И. имеет в виду, прежде всего, картину А. Бёклина «Сирены» (1874), где слишком натуралистично выписанные куриные лапы сирен, завлекающих мореходов, производят несколько комический эффект. Однако, его замечание относительно Вагнера вызывает в памяти еще и другую, наиболее известную картину Бёклина — «Остров мертвых» (1885–1886), — которая имела огромную популярность в конце XIX — начале XX вв. и ассоциировалась у современников с Вагнером.

¹⁰ Имеются в виду фортепьянный цикл «Картинки с выставки» (1874).

¹¹ Шутка, анекдот (*фр.*).

¹² Два слова (*ит.*).

¹³ Здесь — голубоватая бумага для писем.

¹⁴ Семейное прозвище П. П. Муратова (1881–1950), который в 1923–1927 гг. жил в Риме и часто встречался с В. И. и его семьей.

ласки и маски»¹⁵, а акриды-де очень хороши¹⁶. «Психея»¹⁷ прекрасна, и рекомендованные ему мной «Собаки» тоже очень понравились. Нужно-де печататься. Пусть шлет в «Современные» записки». Это сочтут un péché véniel¹⁸. Пора, пора. Затем побежал домой делать математику Диме, его ожидающего в его квартире. Зашел же, чтобы сообщить, что получил письмо от Пайчадзе¹⁹, управляющего делами концертов и издательства Кузевицкого, в ответ на его, Патино, письмо, где он, Патя, ему писал про меня и про умершего недавно Кастальского²⁰. Насчет последнего он пишет, что они с радостью издадут все его вещи, если им пришлют рукописи. Патя советовался, как ему теперь быть. Не подведет ли его дочь и вдову, если он им передаст предложение Кузевицкого. Я сказала, что предполагаю, что их не съедят за это. А ты что думаешь? (Они в Москве.)

<Слева на полях вписано:> где тут точка должна быть: в скобке или за ней? Логически и там и там? Да?

Обо мне же написал, что он для дочки Вячеслава Иванова сделает все, что сможет и по части ходатайства (ой, трудное слово) об исполнении вещей и о печатании. Издательство у них очень широкое и имеет представительства и по Германии и по другим странам. Сам (Патя говорит) деловой очень, все время в разъездах, сейчас пишет из Лейпцига, и обещание его имеет очень важное и конкретное значение. Далее советует К. И. прибыть к 10-му июню в Париж, когда Кузевицкий кончает свои концерты и освобождается, и тогда можно вести свободные с ним переговоры о будущем сезоне. (Патя говорит раньше К. И.: «Поезжай 15 или 20-го мая». К. И. рада, что таким образом ей больше сроку поработать, а также орган сможет покончить по части *saggio*²¹, а может и экзамена). Потом советует Пайчадзе захватить не только крупное, но и мелочь (печатание) и предупреждает, что по части хоровых вещей совсем туго и печать, и исполнение (это про «Огненосцев»), и советует на них мало рассчитывать.

Патя большой друг и душка. Катя²², слава Богу, хорошо все выдержала. Сейчас дома и сегодня немного гуляла впервые. Делает мышьяковые вспрыски от малокровия. Таня²³ родила девочку. Вета²⁴ сидит почему-то в тюрьме.

¹⁵ Далее приписка карандашом рукой Д. В. Иванова на английском языке.

¹⁶ Имеется в виду стихотворение «Палинодия» (1927).

¹⁷ Как можно думать, имеются в виду стихотворения «Психея-скиталица» (1916) или «Психея-мстительница» (1916).

¹⁸ «Простительный грех» (*фр.*).

¹⁹ Гавриил Григорьевич Пайчадзе (1883–1976), с 1925 г. директор Российского музыкального издательства в Париже. См. о нем: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. Т. 2. М., 2010; Юзефович В. Сергей Кузевицкий, по указателю.

²⁰ Композитор Александр Дмитриевич Кастальский (1856–1926).

²¹ Показательное выступление в консерватории.

²² Екатерина Сергеевна Муратова, урожденная Урениус, в первом браке Грифцова (1887?–1964). В начале 1927 г. у нее прошла операция аппендицита.

²³ Предположительно, имеется в виду Татьяна Перфильева (1898 — после 1940), скульптор, живописец, дочь Е. В. Аничкова, жила некоторое время в Риме. См. о ней: *Восп.* С. 153–154; Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. М., 2019.

²⁴ Неотождественное лицо. О ней же В. И. пояснял в письме от 23 февраля 1927 г.: «За что сидит Вета в тюрьме? — За глупость отца. Новый случай Ифигении. Отцу Ифигении> нужно было воевать с Троей в поле; отец Веты с большевиками в парижских газетах».

Синьорелли²⁵ очень дружественны. «Звезду»²⁶ вчера конфирмовали с большими приключениями. Principessa Scelupenkoff²⁷ довольно хороша с husband'ами и финансами. Керосин подорожал на 75 сант<имов> за жбан. Материи подешевели <I нрзб.>. Мюзр²⁸ в постели с насморком. Гренадер²⁹ изредка встречается на Corso и тогда провожает К.И. до дому или до S-ta Cecilia, смотря по дирексион³⁰. Погода снова одождилась. Тетка Catena³¹ взяла сапоги К.И., кот<орые> ей жали. Читали вслух Sylvestre Bonard A. France'a³². Дивно написано, но грусть безысходную оставляет. Забелла³³ хрипит и не может петь. Сегодня San Biagio — исцелитель³⁴.

Л. В. Иванова. Рисунок черного кота в письме от 3 февраля 1927 г.

Портрет черного бархатного кота-календаря. Стоит у К.И. на туалете. Глаза золотые и блестят. Подарен нам Мюзрами. Выражение <I нрзб.> и смешное не вышло. Когда ты ходишь, он вращает смешными топазами своими за тобой. Высота — ладонь К.И. от кисти до мизинца.

К.И. нечаянно написала на сложенных двух листах письмо. И образовались четыре страницы лишние. Сейчас идем к Мюзрам и там дополним пробелы. (Опять слеза получилась. Вот всегда так в жизни.)

Ваша дочь К.И.

К.И. пришлет тебе Giornale d'Italia от 1/II, где была статья L. Valli об Bonaiuto — об его книге о лютеранстве и его несостоятельности перед современной наукой³⁵.

²⁵ Ольга Ресневич-Синьорелли (1883–1973, Signorelli) и ее гражданский муж Анжело (1876–1952) были близкими друзьями В.И. и его семьи. См.: *Кумпан К.* Тройная переписка: Вяч. Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли // Русско-итальянский архив. IX. Часть 1. Salerno, 2012. С. 251–268.

²⁶ Имеется в виду английская приятельница Л.И.

²⁷ Княгиня Шелупенкофф (*ит.*), возможно, выдуманный Л.В. шуточный персонаж.

²⁸ Майкель Мюзр (Muir), друг семьи Ивановых.

²⁹ Имеется в виду офицер Густаво Доменичи (Domenici). В письме к Н. Миллиор от 18 декабря 1926 г. Л.И. сообщила: «Ему предложила больше совсем не видеться и порвать все сношения, т.к. не хочу им играть и не люблю его» / Письма Л.В. Ивановой Е.А. Миллиор из Рима (1924–1972). Подготовка текста О.Н. Негановой и Д.И. Черашней // Вестник Удмуртского университета. Филология. № 10. 2000. С. 22.

³⁰ Направлению (*фр.*).

³¹ Римская приятельница семьи В.И.

³² Роман «Преступление Сильвестра Боннара» (1881).

³³ Видимо, имеется в виду Надежда Георгиевна Забелло (1891–1966).

³⁴ В русской транскрипции — св. Власий Севастийский (ум. в 316).

³⁵ «Lutero e la riforma in Germania» (Bologna, 1926) модернистского богослова Ernesto Buonaiuti (1881–1946).

К. И. никогда не приходило в голову. А ведь совершенно верно и как странно. Они основывали всю реформу на науке и отрицали преданье, основываясь исключительно на писании. При свободном истолковании писания, сами же расшатали его научно, и Библия сделалась несостоятельной, и Евангелъе сомнительным. Не имея преданья, живущего и развивающегося вместе с общим историч<еским> течением, остались при одних развалинах расшатанного писания. Эта мысль по своей точности очень К. И. понравилась. Хороша техника в этой мысли. Что это Buonaiuto сам ее выдумал или же это каждому дураку, кроме К. И., уже известно?

Ваша дочь К. И. <...>

<Поперек текста письма крупными буквами карандашом вписано:> Скобка автономия же! Как бы Азербайджан со своим собственным управлением. А за скобкой Совхатка <нрзб.> ставит.

<На л. 4 письма крупными буквами карандашом вписано:> Хроника.

Адрес: Prof. Venceslao Ivanov. Collegio Borgomeo. Pavia. Sped. Sig-na Lidia Ivanov. 60, Bocca di Leone. Roma (8). Почтовый штемпель: 4.II.1927.

4. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
6 февраля 1927

6-го февр<аля>
Sunday
Львиная Пасть³⁶

Золотые!

А теперь К. И., вернувшись из Ватикана, где присутствовала на messa privata папочки <?> в 7½ утра (котов везде пускают), а затем, выпивши кофе и вкусности у уезжающей в Венгрию madame la baronesse (не знаю далее) в 9½ ч<асов> и пошедши к кардиналу Фр<ювирт>³⁷, немецкому старому (86 <лет>), ученому и ласковому в палатце S^{to} Ufficio, где он обитает, и там с его помощью конфирмировавши молодую венгерочку Edith Alexaу при условном <I нрзб.> получившей имя Моники, и вернувшись (пригласивши обоих венгерок на следующее воскресенье обедать с нами) домой и доделавши посреди писания новиковского «Базара»³⁸ <и> начатую вчера «Косу» (вами присланную)³⁹, крошечную и очень sweet little thing⁴⁰ («Сапоги» же поет Шаляпин⁴¹, чья музыка, не знаю, но навряд ли хороша тремя женскими голоса<ми>, разве только, если одна

³⁶ Дословный перевод на русский язык названия улицы в Риме, где жила Л. И., — via Bocca di Leone.

³⁷ Andrea Frühwirth (1845–1933). В оригинале письма только первые три буквы, затем многоточие и два знака вопроса.

³⁸ Стихотворение «На базаре» («Оглобли, колеса...») // Новиков И. А. Полный ковш. М., 1924. Эта книга была подарена автором Д. В. Иванову в Москве 8 августа 1924 г. (посвящение на экз. книги в РАИ).

³⁹ «Ходит во поле коса...» из «Сцен из Рыцарских времен» А. Пушкина.

⁴⁰ Славную небольшую вещицу (англ.).

⁴¹ Имеется в виду песня «Мельник» А. Даргомыжского на стихи А. Пушкина.

будет рассказывать, как сплетню, а другие две делать трельный и дождевой фон смеха) — села Вам написать приветствие, о Пуфи, и этим показать, сколь неразумны Ваши обвинения в нашем малом писании, сколь устарели советы о «профессоре», которого, как уже писала на открытке, плоховато изображающей «Рождество» Пинтуриккио из S-ta Maria del Popolo, и получила железную противумалокровную бутылку, кую К. И. глотает и значительно от которой повеселела и поздоровела, и вообще сколь пуфляйный в доме кошачьем уважается и за лекции свои с мохнатостью поздравляется и котами каждый вечер обмурлыкивается — (при полном уважении к человечеству, поклону милой Вирджинии⁴² и св. отцу Рибольди и аугурии⁴³ радиомужу в его санитарной борьбе⁴⁴ и проф<ессору> Петтацони⁴⁵, кот<орого> К. И. еще не видела, т.к. К. И. медлительна в поручениях очень).

S ----- nicht

К. И.

Адрес: Prof. Venceslao Ivanov. Collegio Borromeo. Pavia. Sp. Sig-na Lidia Ivanov. 60, Bocca di Leone. Roma (8). Почтовые штемпели: 7.II.1927, Roma; 8.II.1927, Pavia.

Л. В. Иванова. Рисунок «кошачьего семейства» в конце письма от 3 февраля 1927 г.

⁴² Вирджиния — домработница в Колледжо Борромео. «Прекрасная, как черноглазая Мадонна, Вирджиния, которая убирает мои комнаты...» // Письмо В. И. к детям от 7 ноября 1926.

⁴³ Поздравления (*um.*).

⁴⁴ Имеется в виду священник Leopoldo Riboldi (1880–1966), в 1920–1927 гг. ректор Колледжо Борромео, и его выступления религиозного содержания по радио. См.: *Избр.* С. 542.

⁴⁵ Raffaele Pettazzoni (1883–1959), профессор кафедры истории религии Римского университета, исследователь идеи монотеизма в древности.

С. П. Иванов. Портрет кота. 1930-е

если его там и напечатают. Но под «Поцелуем» расписаться... во всяком случае <нрзб.> у тебя, и, если хочешь, пошли его К. И., К. И. напишет старику и деньги возьмет, и, быть может, можно поставить условие, чтобы никогда не печатали, но все же страшновато. К. И. сейчас напишет мачехе⁵⁶ в том смысле, что вот-де вам фотография и мелодекламация «Розы» и tanti complimenti⁵⁷, а на счет «Поцелуя» не находится инспира<ции:> che vuole, siamo grandi artisti⁵⁸: не можем-де командовать «вдохновению», а вы-де иные стихи бы еще прислали с менее космическими темами, может быть, более по плечу пришлось бы...

Л. В. Иванова. Письмо от 15 февраля 1927 г. Автограф. Листы 1 и 1 об.

⁵⁶ Не исключено, что имеется в виду Дарья Михайловна Дмитриевская (1864–1933), первая жена В. И.

⁵⁷ Вяческие поздравления (ит.).

⁵⁸ Что хотите, мы великие артисты (ит.).

3

Приехал Е. В. Аничков⁵⁹. Был у нас весь вечер третьего дня, а вчера мы его повели к Татьяне Павловой⁶⁰, где в ложе сидели и видали Gerome Gerom'овскую «Miss Hops» забавную⁶¹. Аничков *si è divertito*⁶². Накануне я не заснувши провела с ним до 1 часу ночи умную беседу об византийских императорах и т. п. и пришла к импрессиону⁶³, что он жив и поэтому интересен — но все же отнюдь не ума палата и по своим специальностям и везде судит «простовато» до опасных пределов,, не будем ставить точек,, , , Татьяна же Павлова была мила, хотя Патька ее и ругает <конец фразы отсутствует>.

<Сверху и на полях вписан текст.> Почему ты так решительно рекомендовал — «послать гулять»⁶⁴ гренадера после всех адвокатств и даже провокаций моих сентиментов к нему? К. И. долго смеялась над сей решительной припиской⁶⁵. Но встречающийся *ogni tanto*⁶⁶ на концертах гренадер делается совершенно несносным теперь. Чем более он страдает, злится и жалуется, тем в К. И. развивается сильней брутальное каменное отталкивание. Прав Michael, с которым К. И. советовалась о гренадере — «If you will be kind to him today (дело шло об умолянии гренадера провести с ним файвоклёк в кафе и побеседовать “по душам”) you will be after quite brutal. Better for him if you will *not* be kind»⁶⁷. К. И. не была «kind» и не пошла к нему, а все же ощущает брутальность в ответ на жалобы и упреки в сухости. «Voi avete più di compassione per un cane o per una bestia qualunque, che per me, che vi offro tutto me stesso, e non richiedo nessuna condizione di voi. Non lasciatemi a me solo, Lidia. Io vi offro tutto mi intero. Non respingermi»⁶⁸. А совершенно произвольно при таких речах,

⁵⁹ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937), соратник, единомышленник и друг В. И. еще по петербургской Башне. См.: *Иванов Вяч.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Кн. II. СПб., 2018, по указателю; Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голиничева-Кутузова // *Europa Orientalis*. VIII (1989). С. 490–491. Прим. 4.

⁶⁰ Татьяна Павловна Павлова (1890–1975), театральная режиссер и актриса. См. о ней: Русское присутствие в Италии. Здесь имеется в виду один из римских театров, где выступала ее труппа.

⁶¹ Пьеса Джерома К. Джерома «Мисс Гоббс» (1902), прежде популярная на русской сцене.

⁶² Развлекся (*ит.*).

⁶³ Впечатлению (*франц.*).

⁶⁴ «Послать гулять» — галлицизм, по-французски — *envoyer promener*.

⁶⁵ Л. И. отвечает на реплику В. И. в письме от 23 февраля 1927 г.: «Опять о гренадере... — ? Пошли его гулять! *Pas de compassion, au nom de Dieu!* Compassion — ложь вообще (аксиома и закон). Никаких половинчатостей. Да и не заслуживает он в частности никакого сожаления. Напротив — неумолимости. “*Vi offro tutto me stesso*”... — уже он *лжет!*.. Мне самому понравилась было нежность его воспоминаний, влюбленность несомненная; но все же он *calcolatore*, это также очевидно<> И твоя реакция на это Вертерство с незаряженным пистолетом, — т. е. *gérugnanse* <отвращение — *фр.*>, — правильная, здоровая, спасительная реакция».

⁶⁶ Время от времени (*ит.*).

⁶⁷ Если сегодня Вы будете к нему добры, то завтра — вполне жестоки. Лучше, если Вы *не* будете добры (*англ.*).

⁶⁸ В Вас больше сочувствия к псу или любому животному, чем ко мне. А я готов отдать Вам всего себя, и не требую ничего от Вас. Лидия, не оставляйте меня одного. Я готов отдать Вам всего себя целиком. Не отвергайте меня (*ит.*).

и бесповоротно окаменевающая К. И. не знает, что делать с этой *offerta di tutto se stesso* и не находит сил открыть рот ни для одной паролы *du бонта*⁶⁹.

<Вписано между строк в разных направлениях:>

Да, о карезиме⁷⁰. Почему ты решил, что ее десять раз конфирмовали? Маленькая венгерка Эдит была лютеранка и перешла в католичество. Ее условно крестили как полагается при переходе лютеран в католичество 1-го февраля. 2-го фев<аля> она брала первое причастие утром у себя в *convito*⁷¹, на котором я присутствовала и фотографию шлю, там снятую⁷². Не потеряй, мне дороги надписи. Я их очень люблю. И полюбуйся красотой моей любимой Маргариты, большая сбоку в шелковом платье. Ее я сравниваю с Верой Державиной⁷³.

Кстати, мои друзья, благодаря коим только я смогла пережить время революции, суть Надя Боголюбова, дочь священника и пламенно православная, Надя в 19 году в *советской* школе с Верой Державиной и мною учила детей на уроках музыки молитвам в чуть прикрытом «слушанием музыки» виде. В том и заключался наш «триумвират» — Веры, Нади и меня — введение религиозного в «облатке» музыки. Мы же вели «показательные уроки» в сов<етской> школе, образованной из бывшего Мариинского института, соединенного с твоей

Л. В. Иванова и ее венгерские друзья в Риме — Эдит и Маргарита.
2 февраля 1927 г.

⁶⁹ Доброго слова (*фр., ит.*).

⁷⁰ Миропомазание (*ит.*).

⁷¹ Монастыре (*ит.*).

⁷² См. наст. стр.

⁷³ Поэтесса, 19 марта 1919 посылала В. И. свои стихи (РО ИРЛИ, ф. 607, № 251). 4 февраля 1927 г. В. И. писал к Л. И.: «Как ты можешь предполагать, что я забыл *свою* приятельницу, Веру Державину, и рекомендовать мне ее? Я косился только на твоих большевизированных подруг».

1-й гимназией и, конечно, наш кружок, к которому примыкали также Галина и Кайранская⁷⁴, был совершенной оппозицией Брюсовой⁷⁵ и ее приспешникам вроде Румер⁷⁶, <нрзб.> и друг<их> нас недолголюбивших и называющих консерваторской группой⁷⁷. Галина Ванькович⁷⁸, потерявшая весной 24 г. жениха в море и живущая совершенно в мире математических абстракций. Дивная польская духовная девушка, совсем иррациональная и, увы, медленно сгорающая от чахотки, с *гениальными* способностями к математике, контрапункту и теории (высшей) музыки и философии. Наконец, третья, Кайранская, живущая совершенно замкнутая в себе, имеющая собственную духовную жизнь и собственную религиозную жизнь и в последнее время совсем завернувшись в себя так, что мало с кем и общается и уже не работающая ни с какими Брюсовыми. Где ты нашел каких-то «большевизированных подруг»⁷⁹. Если ты К. И. любишь, ты должен любить друзей К. И., которые ей дали столько сил и жизни и утешения в такое время, когда вокруг все было только голод, бесптиальность, туберкулез и сумасшествие. Зачем такое надмение и презрение? Ты даже не хочешь различать по именам людей, которых я люблю, и валишь нас в какую-то общую кучу каких-то большевистских подруг. Я убеждена, что ты даже их не отличаешь от Брюсовой, которая с ними порвала совершенно уже в 21 году, кстати, и которую ты тоже называешь моей «подругой». Это остаток твоего «башенного» аристократизма, которого ты сам же не любишь.

Да, о венгерках. Итак, 1-го ф<еврала> ее условно крестили не как у нас вместе с миропомазанием, а только одним крещением и дали условно, если-де неправильно еретики ее крестили, имя Моники. 2-го она имела первое причастие. 6-го февр<аля> 2-е причастие от самого папы на приватной папской мессе (очень хорошая, тихая, интересная и простая служба с сотней искренно молящихся, очень трогательная служба, но такая простая, что и описывать нечего, месса как месса, но очень хорошая и тихая). 6-го же февраля после этой мессы К. И. при помощи кардинала Фрювиртуса, доминиканца, конфирмовала Эдит. Это была первая и единственная конфирмация. Почему ты думаешь, что их было несколько? Не путай это. Эдит не Маргарита высокая, которая отроду католичка, та, которая в белом платке с вуалью первой комуньоны⁸⁰.

<Между строк вписан текст.>

Да. Кстати о песнях. Думаю посмотреть гоголевскую «Тройку», знаменитый период о России для «поглядения», подойдет ли к моим песням, если обмузичировать. Петь только Гоголя. А вот в *participe passé*⁸¹ оно все же мило. Но, конечно,

⁷⁴ М. М. Койранская.

⁷⁵ Имеется в виду Надежда Яковлевна Брюсова (1881–1951), сестра В. Я. Брюсова, в 1918–1921 заведующая Подотделом общего музыкального образования музыкального отдела Наркомпроса.

⁷⁶ Мария Александровна Румер (1888–1981).

⁷⁷ Несколько иначе этот эпизод излагается в *Восп.* С. 79–80.

⁷⁸ Неотождествленное лицо.

⁷⁹ На эти строки В. И. отвечал в письме от 23 февраля 1927 г.: «Кто же из твоих московских подруг “большевизирована”? — Все же, Койранская. Она одна. Надю Боголюбову я люблю, и Галине симпатизирую. А Койранская, как хочешь себе, не то, что я люблю. Сердиться тут не за что».

⁸⁰ Причастия (*фр.*), по-французски слово женского рода, поэтому у Л. И. «первой».

⁸¹ В причастии прошлого времени (*фр.*).

можно и заменить «очевидностями» вроде собрания «Не пейте сырой воды», «Муха — распространитель заразы», «Что ты сделал для воздушного флота?», «Кто не работает, тот не ест», «Русские необычайно способны к языкам»⁸² и т. д. Или декрет какой-нибудь. Или из словаря Даля, что ли. Понимаешь, что хочет К. И. Такую крайнюю прозу, но с большой торжественностью. Что ты думаешь о Гоголе и о торжественной прозаичности⁸³? Может быть, для «очевидности» можно изложить вообще характеристику «русских». Русские имеют под видимой душой сеть хитросплетений, психологий и *in fondo cosachi*⁸⁴. Русские женщины интересней мужчин. Оба всегда в душе рабовладельцы. Русские женщины *fascino* и *aleano*⁸⁵. Они лингвисты <?> и делятся на принцесс и большевиков и т. д. Тебе это не нравится?

6. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
21 февраля 1927

Пуфи умный, давно не писал, и коты скучают. Вчера пошли в гости к Синьорелли с Димой. Было славно. Она очень тронута твоим письмом⁸⁶ и говорит — отвэ...эчу. Я никогда...а не отвэча...аю⁸⁷. Списала «Тройку» Гоголя и, кажется, разочаровалась. Это не один период, как я думала, а ряд фраз, размышляющих об удивлении народов, которых растолкала несущаяся опрометью Русь. Чушь, кажется. Мне понравилась идея промчания в смысле симфонических картин. Но не нравится, что он там кисло бахвалится с какой-то кривой улыбкой. Еще рассмотрю. Приехал Боровский⁸⁸. Обозвала в минуту раздражения Забеллу подлой дурой и идиоткой. Что было хотя и смешно, но невежливо и осложняет положение. Пиши. <нрзб.> pp. К. И.

<Открытка с репродукцией картины Доменичино «Охота Дианы» («Cassia di Diana»); под репродукцией комментарий Лидии Ивановой (карандашом):> Вот смешная Диана! А посмотри на семью рядом! Немочки.

Адрес: Prof. Venceslao Ivanov. Collegio Borgomeo. Pavia. Почтовый штемпель: 21.II.1927, Roma.

⁸² В. И. отвечал на это 23 февраля 1927 г.: «Мысль о торжественной прозе в роде “Муха распространитель заразы”, “Религия опиум для народа”, “Кто не работает, да не ест” очень хороша <?>. Да откуда добыть изречений? И нельзя большевиков дразнить».

⁸³ Ответная реплика В. И. в том же письме: «“Тройку” не пиши. Ее уже довольно высмеяли. Бахвальство одно. А в качестве советской “Тройки” она уже прямо противна».

⁸⁴ И в глубине казаки (*ит.*).

⁸⁵ Шикарные и склонные к риску, «фартовые» (*ит.*). Слова *fascino* и *aleano* у Л. И. употреблены в качестве глаголов.

⁸⁶ Письмо В. И. от 14 февраля 1927 г. // Русско-итальянский архив. IX. Часть 1. С. 271–273.

⁸⁷ Воспроизводится латышский акцент, с которым говорила Синьорелли.

⁸⁸ Александр Кириллович Боровский (1889–1968). См. о нем: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. Т. 1. М., 2008; Юзефович В. Сергей Кушевицкий, по указателю.

7. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
23-го февраля 1927

Отчего Пуф не пишешь?

Вот Гоголь —

Ее ли не любить (быструю езду), когда в ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит. Летят версты, летят навстречу купцы в облучках (?)⁸⁹ своих кибиток, летит с обеих сторон лес, с темными строями елей и сосен *с топорным стуком и вороньим криком* (какой прекрасный футуризм). Летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль; и что-то страшное заключается в сем быстром мелькании, где не успевает означиться пропадающий предмет. Только небо над головой, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижимыми.

Ну и хватит. Можно так, а можно отвлечься от купцов и елей определенного пейзажа и просто проехаться по свету, где-то в воздухе неопределенно и быстро. Это очень музыкально. Еще хорошо прерывать езду размышлением-речитативами. Без голоса понятно симфонически только. Прокатится звуками по пространству. Красива мысль — но в голове-то пока пусто. Потом что делать с песнями для трех? Их кончено (без оркестр<овки>, но окончательно) три — «Castelli in aria»⁹⁰, «Коса» (присланная тобою) и «Базар», сегодня дописанный. Все три длятся шесть минут. Требуется еще три или две.

2

Далее у Гоголя несуразно и языком прескверным и детским писано: не так ли и ты, Русь, что бойкая и необгонимая тройка несешься? (скверно и неумело написано). Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отлетает и остается позади (ослабление поэтич<еской> мысли из-за воли, т. е. желания выразить что-то умственное, риторика). Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель. Не молния ли это, наводящее ужас (повтор<ение>) движение... и т. д. кончается после вопроса, куда-де ты несешься, ... «и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Это продолжение линии «Фелицы»⁹¹. И, «может, собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля»⁹² рождает, но несколько неприятней, так как более казенно, менее непосредственно. Как-никак устарело. Но вот что ты думаешь о первой части? Пиши, а то котам и оскорбительно и беспокойно.

Играла Боровскому свои вещи в течение 20 мин<ут> у Пати, по хлопотам милого Собакевического сего друга нашего верного. Боровский, конечно, ничего,

⁸⁹ На облучке — то есть передке повозки — сидит кучер или слуга, поэтому Л. И. ставит здесь вопросительный знак, подчеркивая неточность Гоголя.

⁹⁰ «Воздушные замки» (*ит.*).

⁹¹ Ода Г. Р. Державина.

⁹² Строка из «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М. В. Ломоносова.

как честный пианист, в музыке не понимает, но вышла в контакт. Промелькнет обратно из Неаполя через Рим в пятницу — и в Париж. Тоже быстрая езда Гоголя. Да и по роялю пронесся блестяще и прекрасно топорным стуком и вороньим криком. Целуем. Рр-рр — К. И. Пиши.

Адрес: Prof. Venceslao Ivanov. Collegio Borromeo. Pavia. Sped. Sig-na Lidia Ivanov. 60, Bocca di Leone. Roma, 8. Почтовые штемпели: 24.II.1927, Roma; 25.II.1927, Pavia.

8. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой
27 февраля 1927

<...> Что такое *тройка*, почтеннейшая Катафинакока, — не чистейший ли анахронизм, в отношении историческом («задавленная...»⁹³), политическом (кто же в санях-то? — товарищи?) и техническом (какая тройка обгонит автомобиль?). Истинно-актуальна другая тема: интернационал в вихревом темпе на фоне китайских колокольчиков (советское завладение Китаем) и при свирепом кашле британского гимна из преисподней. Все же как бы не доплясаться нашим до разрыва с Англией и, следовательно, Италией, — до железного кольца («*cerchio di ferro*», по выражению Рибольди) вокруг хатки, по каковому «случаю» и нас, «увалившихся» в итальянские «парники», могут взять за шиворот и выкинуть *fuori*⁹⁴. Но «да не будет!» И все написанное глупости. Во всяком случае «тройка» мыслится мною, как, по-видимому, и тобою, симфонически, и посему неясно, какое отношение имеет эта тема к твоему бабьему трио. Куда лучше «Цыганочка» Пушкина! Тут и колокольчики звенят, и барабанчики гремят, и о цыганочке, как она пляшет, рассказывает трио, а потом, когда она сама в конце говорит, что мастерица плясать, мы слышим выделившееся из трио соло⁹⁵. Чтобы покончить с неудачным текстом Гоголя, замечу еще, что ты читаешь неправильно (или в книге напечатано ошибочно) «вороньим криком» вместо «вороньим», так что «футуризма» никакого нет. — Можно сделать еще русалочье трио, из пушкинской «Русалки», хотя оно будет натурально «мокрое». <...>

9. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой
17 мая 1927

<...> Счастливо, с Богом, в Париж, *mon petit* «Chat de luxe»⁹⁶!... <...> Правда, нужно было бы иметь кое-что поосновательнее в «багаже». Ну, «*mauvaise figure*»⁹⁷, авось не сделаешь. С Богом!.. Только, жаль,

⁹³ На семейном языке В. И. обозначение СССР.

⁹⁴ Вон (*ит.*).

⁹⁵ Музыка на «Цыганочку» была написана, клавира для трех голосов и камерного оркестра в РНММ (ф-503-№ 106 КП-14487/16), без даты.

⁹⁶ Мой маленький «шикарный кот» (*фр.*).

⁹⁷ «Скверной фигуры» (*фр.*).

Прокофьева⁹⁸, кажется, там нет. Ну, да как случится. Желательно войти в сношения с *французами* (кроме дела с Кусевицким), также с музык<альным> критиком, братом Татьяны Федоровны⁹⁹, *Шлёцером*¹⁰⁰, который должен отнестись к тебе с нежностью <...> Ремизовых навести, Бердяевых, Шестова, — как хочешь, Булгакова, — даже очень, — он с католиками воюет, à la bonne heure!¹⁰¹ <...>

10. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
8 июня 1927

Ты маленький пушистый Пуф, и тебя любят. Об отношениях моих с Тираном¹⁰² ты не должен, если умный, беспокоиться. Котка не такой уже дурак и вообще ни к каким подразделениям никогда в жизни не склонялся. Мечтал всегда учиться в школе, а не дома. И в консерватории, а не частно. Никакие теософии ее никогда не пленяли. Не пленит и модернизм¹⁰³. Она просто Тирана очень сильно полюбила и очень его уважает. Он внутри страстный, а в проявлениях строгий сам с собой. Ты его слишком смело под этикетку ставишь, и я вовсе не уверена, что окончательно перед Богом он модернист в плохом смысле. Я сильно надеюсь, что нет. Но он, конечно, бродит внутри, а ты видишь пену. Не всякая пена к плесени, а то и в *spumante* перебродит. Мне же лично он страшно нужен в данный период моей жизни. Он умный и, если захочет, может очень мне помочь. Мне сейчас именно такой нужен. А ты не препятствуй

⁹⁸ В. И. присутствовал на римском концерте С. Прокофьева 7 апреля 1926 г.; на следующий день композитор навестил семью поэта, о чем оставил запись в дневнике от 8 апреля: «Она <Л. И.> играла мне свои сочинения, и он, видимо, волновался. У дочки есть способности, прелюд и fuga мне прямо понравились, но я боюсь, что влияние Вячеслава Иванова на нее вредно: он вносит литературщину в музыку, она хватается за большие планы, хочет изображать стихию, но попадает в пустые или просто плохие места» // Прокофьев С. Дневник. 1907–1933 (часть вторая). Париж. 2002. С. 389. Л. И. вспоминала, что около 1930 г. в Риме Прокофьев прослушивал ее фортепьянный концерт (*Восп.* С. 200), однако записи об этом в его опубликованном дневнике нет.

⁹⁹ Т. Ф. Шлёцер (1883–1923), гражданская жена А. Скрябина.

¹⁰⁰ Борис Федорович Шлёцер (1881–1969). См. о нем: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. Т. 3. М., 2010.

¹⁰¹ В добрый час (*фр.*).

¹⁰² Тиран — прозвище Дона Рибольди. «Его благородный облик и властолюбивый нрав, соединенный с окружающей аристократической красотой Колледжио, навел меня на образ утонченного древнего Тирана. Позже, когда мы с ним ближе сдружились, я его иногда в шутку называла: Тиран» // *Восп.* С. 166. В августе 1927 В. И. сообщал Л. И.: «Дон Рибольди пишет, что твои письма к нему составляют una ammirabile storia della tua conversione <достойная восхищения история твоего обращения — *ит.*>. Я рад что это так» // Символ. № 53–54. С. 559.

¹⁰³ Имеется в виду католический модернизм, попытка подчинить богословие светским гуманитарным наукам. См. одну из последних книг по этому вопросу: *Vian Giovanni. Il modernismo. La Chiesa cattolica in conflitto con la modernità.* Roma, Carocci, 2012. К католическому модернизму В. И. относился крайне негативно, см. критику модернизма Рибольди в письме В. И. от 13 и 28 марта 1927 // Символ. № 53–54. С. 542, 545.

Л. Рибольди и Вяч. Иванов. Павия, 1932

внутренней жизни К. И. — это будет неправильно. Если ты просто ревнуешь, то это нужно преобороть. Нельзя же думать, что К. И. не должна никого совсем любить на свете, кроме тебя. Ты бы и сам такую паршивую кошку не стал бы любить. А если твое беспокойство, действительно, о модернизме и неправильных влияниях, то ты можешь смело его оставить. Одно из двух. Или он хороший, и тогда его руководство — счастье для К. И., или же он заблуждается, и тогда кто знает: быть может, Бог поможет и мне как-нибудь на него повлиять. Поэтому-то я и не хочу, чтобы он передавал Мурчиславу кому другому. Пускай сам справляется. Или это будет ему радостно, или же, наоборот, мучительно. Но думаю, что все равно полезно.

Поэтому прошу тебя, не тереби ты, ради Бога, Тирана против шерсти, он и без того ерепенится. Это такой зверь, которому полезнее, чтобы его ласкали и приглаживали. Он ужасно сердечный зверь, и ты его просто люби, и все будет складно.

Столько о Тиране.

<Над текстом письма в начале перевернутая приписка.> Напиши, когда думаешь ехать.

Что же до Парижа, то не хочется мне тебе писать плохо, а потому подробности завтра, так как нужно скорее письма опустить. У меня сегодня болит голова, и мне не хорошо перетруживаться писанием. Пусть она к вечеру пройдет, так как я пойду вечером на балет Дягилева. Вчера была премьера этого же балета Прокофьева¹⁰⁴. Изображены будут танцующие комсомолы и графини с абажурами на головах, распродающие что-то. Четвертый послед<ий> концерт Кусев<ицкого>. В субботу и после можно его будет видеть. Я приехала не только вовремя, но и заранее. Вечинника¹⁰⁵, кажется, нет — в Ницце, а с Прокофьевым войду в контакт. Почему-то никто его Прохвостовым не называет, а он из хатки только что и упоенный. И там и здесь его кормят. Советские фильмы тоже

¹⁰⁴ 7 июня в Théâtre de la Ville в рамках Русских балетов Дягилева состоялась премьера балета «Стальной скок» // Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т. 1. Париж-М., 1995. С. 343.

¹⁰⁵ Возможно, имеется в виду Григорий Владимирович О कोरोков (1887–1956), виолончелист, профессор Русской консерватории в Париже. См. о нем: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Т. 2. М., 2010.

Панорама Парижа с видом на мост Александра III. Открытое письмо без даты

идут. Видала Бердяевых, Коссовских¹⁰⁶. Ну, прощайте. Про сверхъестественный Париж после. Не думай, что Котка его не заметила. Комната хороша, но дорога. Может быть, и перееду, но не сразу — сад и горячая вода. Адрес — 13, Rue Penthievre. Hôtel de la Présidence. Paris VIII. Здесь отлично говорят по-французски и поют, говоря.

Рр — К. И.

11. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
9 июня 1927

Пуфику!

Сначала дополнение ко вчерашнему излиянию о Тиране. Теперь ты видишь, о Пуфи, что тебе не следует больше обижаться: — «A me non mi parla mai in questo modo. È un aspetto tutto nuovo per me»¹⁰⁷. Во-первых, не *нуово*. Правда говорится не часто, но зато вместе живем мы не географически же только. А чего не говоришь, со-кот угадывает по изумрудным глазам, даже по одной цапке. Сам же ты ответил подробно, как только К. И. прислала лаконические

¹⁰⁶ Имеются в виду Клавдия Яковлевна, Вера Максимовна и Наталья Максимовна Коссовские. 1 октября 1926 г. В. И. писал к детям: «Наталья Максимовна <Коссовская>, очень хорошенькая и милая и живая, чрезвычайно и искренне огорчена твоим отсутствием; ей *очень* хотелось увидеться. Она с матерью едут скоро в Париж на несколько месяцев; мечтает там с тобой встретиться. Заинтересовала тобой молодого композитора Дукельского, из круга Дягилева, и в Париже думала бы тебя познакомиться с Дягилевым» // Символ. № 53–54. С. 484.

¹⁰⁷ «Не говори со мной в этом стиле. Это нечто новое для меня» (*ит.*).

Дворец Трокадеро. Париж. Открытое письмо от 16 июля 1927 г.

заявления. А болтать К. И. об этих вещах не считает для себя полезным и достаточно целомудренным. Поэтому ни с кем до конца без облачения пушистой шкуркой кроме как с Эрном не говорила. А частично — да, так как скрывать-то слишком не полезно. *Però ci vuole un tatto*¹⁰⁸.

Тебе же сейчас К. И. больше проговорила, чем самому Тирану, так что ревности и обиды должны отпасть.

Ты спросишь — отчего же с Тираном так ты открыта, К. И.? Во-первых, оттого, что он мне нужен сейчас. Всякий кот знает, какие травы ему есть. Во-вторых, если ты и прав по отношению к Тирану (а я этого не думаю в корне), то мне бы страстно хотелось, чтобы и ему сделать полезное. А каким путем безграмотной Котке можно быть многоначитанному Тирану полезной? Только если его любить и открыть ему, что из наиболее жизненного в тебе. Пусть переживет сам. А ты, конечно, не так должен делать. Потому что ты ученый. А раз ты ученый и кото-лик <так!>, то Котка тебе предлагает не ревновать, а в союз с ней войти для котешизации¹⁰⁹ Тирана, но не в формальном смысле, а в самом православном. Так как ты страшный лентяй в церковь ходить, то кто тебя знает — может, ты и не знаешь, что даже в «Simple Prayer book» указывается обязанность каждому кото-лику стараться и внутренне и внешне других к Христу приводить. И при том предупреждается, что для этого все обязаны быть очень *тактичными*. Из чего два вывода: 1) К. И. более иезуит, чем, может быть, ты ожидаешь. 2) Боже сохрани хотя бы намеком открыть

¹⁰⁸ Однако нужен такт (*um.*).

¹⁰⁹ Игра слов: здесь — укрепление в вере.

кошачьи карты Тирану — это было бы смертельным оскорблением кошачьему к тебе доверью, а также и иезуитской тактичности. Третий вывод, быть может, будет — К. И. наивен, горд и глуп.

)——*——(

Теперь другая опять краткая часть. К. И. дел еще не делает до 11-го. Ходила вчера на Дягилева с некоей милой Есюнинской¹¹⁰ душкой. Но попасть не смогли и зайцем, хотя час старались. Однако получим 25-франк<овые> контрамарки на последний в субботу. Всего их 10. Дается Прокофьева «Le pas d'asièr»¹¹¹ — прославление труда, танцуют комсомольцы. «L'oiseau de feu»¹¹² Стравинского, что-то молодого Дукельского¹¹³, прославленный юноша, кот<орого> увижу у Бердяевых завтра вечером, и француза какого-то балет. Все в один вечер. Никогда не длинные. Лидия Юдифовна есть самая чудная женщина на всем свете и Котка ее страшно любит¹¹⁴. Не попавши на Дягилева, пошли на Montparnasse, где около места, где живал Бальмонт, как мне сказали, кабачок-dancing. Весело и очаровательно вкусно. Невероятная свобода, иди хоть одна до трех ночи: не хочешь — никто не пристанет, а хочешь — выбирай. К. И. пока не выбрала. Marie Gracia танцевала испанские танцы. Весь кабачок был величиной в твой сальтико <?>, если не меньше, и набит. Негр же и знаменитая Кики¹¹⁵ оказались надувательством. Не явились. Хороший город. Никто мне прежде не остановил вниманье, что он так красив. И К. И. наслаждается со всей прелестью первого знакомства. И у К. И. и у ее родителей был прелестный вкус в 96 году¹¹⁶.

Pp-p.

К. И.

12. Л. В. Иванова — В. И. и Д. В. Ивановым

15 июня 1927

Бедные Коты!

Ведь вас теперь два кота вместе? Давно не присылались вам К. И. <нрзб.> послания. А все была в том причина, что К. И. обалдела от сильнейших переживаний религиозного порядка, которые совершенно выбили К. И. из всех

¹¹⁰ Неотождественное лицо.

¹¹¹ «Стальной скак» (фр.).

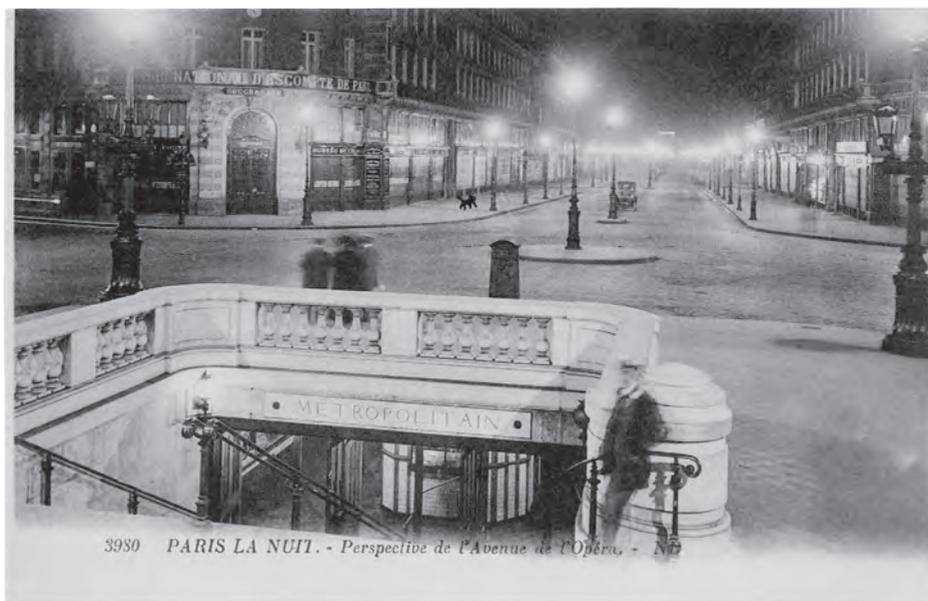
¹¹² «Жар-птица» (фр.).

¹¹³ Ср.: Юзефович В. Сергей Кусевицкий. С. 87–88.

¹¹⁴ См. позднюю запись в дневнике Л. Ю. Бердяевой от 29 декабря 1934 г.: «Приглашение от Maritain на обед в день Нового Года. Поздравление от [моей] Лидии (дочь Вяч. Иванова) из Рима. Я так давно не имела от нее вести и рада, что она наконец отозвалась. Внизу приписка от Вяч. Ив<анова>, кот<орая> меня удивила: “С любовью. Вяч. Ив.”. Удивила, потому что все эти годы он никогда не писал» // Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. М., 2002. С. 63.

¹¹⁵ Kiki de Montparnasse (настоящее имя Alice E. Prin, 1901–1953), танцовщица, натурщица, художница, актриса, душа монпарнасской богемы в период между двумя мировыми войнами.

¹¹⁶ В 1896 г. Л. И. родилась в Париже.

Перспектива авеню дель Опера ночью. Париж. Открытое письмо без даты

жизненных колея, колеей (как род<ительный> падеж множ<ественного> ч<исла> от колея?). Она очень извиняется, но ей было абсолютно не по силам думать одновременно о чем-либо другом — вот только три раза ходила в публичное заведение по роялю ходить <так!>. Надеюсь сегодня или завтра написать фугу в поправленном виде (но прелюдия еще *tale quale*¹¹⁷, а нужно ее почистить). Это важно, так как на днях будут смотреть, что же К. И. принесла предлагать печатать.

В нечати принципе ф<орте>п<ьянные> вещи охотно возьмут. А в практике посмотрит комиссия. А еще более в практике дело зависит от Кусевичкого, с коим мне обещано устроить свиданье на завтра или послезавтра. Прокофьева видала и он меня повез в ложу к себе на Дягилева. Слышала «*Ras d'acier*» и видала. И еще «Жар-птицу» Стравинского, «Половецк<ие> пляски» Бородина¹¹⁸ и бездарного француза в постановке Пикассо — Боже, забыла название и о чем трактовалось¹¹⁹! Ходили трехэтажные кровати дыбом и танцевали и еще классические греки в очень красивых нарядах и еще большие клопы на стене и закорючки тоже. А музыку как

¹¹⁷ Здесь: не готова (*ит.*).

¹¹⁸ «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» Бородина исполнялись в парижских сезонах как отдельное произведение // *Парфенова И., Пешкова И.* Дягилев и музыка. [б.м.], 2017. С. 62, 364.

¹¹⁹ Видимо, имеется в виду одноактный балет «Меркúрий» («*Mercur*») — «пластические позы в 3-х картинах», в постановке Л. Ф. Мясина на музыку Э. Сати, сценография П. Пикассо, либретто Мясина. Представлен 2 июня 1927 г. труппой Русского балета Дягилева в Театре Сары Бернар // *Русское зарубежье. Хроника.* Т. 1. С. 341.

будто Ниночка Гуляева¹²⁰ сочинила, только научно, без сантиментов. *Era divertente*¹²¹. Ах, кажется, «Орфей», а может быть, совсем не Орфей. Бородин хорошо очень сочинил и прекрасно был отшелкан танцорами — *bellissimo* худ<ожник> Якулов¹²², кажется. <Далее внизу листа, с переходом на следующую страницу приписано карандашом:> О. А. кланяется, очень благодарит и про Lafayette¹²³ не говорит.

«Жар-птица» — скучища старомоднейшая. *Mais il a été terriblement ennuyeux se Stravinsky, avant son formalisme*¹²⁴. Спала тоже на «Весне священной» у Кусевицкого. Двадцатичетырехлетн<ий> Дукельский, всходящая звезда, protégé Прокофьева, то есть враг Стравинского и ихних — сочинил премило сонату для оркестра и ф<орте>п<ьяно> (тоже конц<ерт> Кусев<ицкого>). Способный молокосос... К. И. зноб <так!>¹²⁵.

Все же, если уж выбирать с горя, то лучше всех отмашинил Прокофьев и 2-я часть — *завод* — была поставлена великолепно. Дягилев дружит с коммунистами, и сие коммерческое предприятие (тоже Маяковского любит¹²⁶) его, кажется, попадает мимо.

Паршивая хатка абсолютно взбесилась и мой совпаспорт мне с каждым часом сильнее, сильнее претит. Сейчас протелефонирую, как было условлено, Прокофьеву о свидании. Он очень ласков и кланяется. Буду ему шесть песен показывать, ну и другое возьму. Шлецера увижу завтра в 11 ч. А еще выражается во влюбленности господин Лурье¹²⁷, бывший комиссар музыки во все-российском масштабе и теперь раскаявшийся эмигрант и католик — *Il est très bien vie*¹²⁸ — сказали Пате Зайцевы. Еще влюбленный действительно в тебя

¹²⁰ Нина Александровна Гуляева (1898–1980), студентка Бакинского университета, член основанного Вяч. Ивановым сообщества «Чаша». См. о ней: [Электронный ресурс:] <https://www.ourbaku.com/index.php>

¹²¹ Было забавно (*ut*).

¹²² Ошибка Л. И.: Георгий Богданович Якулов (1884–1928) был автором декораций к балету «Стальной скак».

¹²³ Большой универсальный магазин в Париже.

¹²⁴ Он был ужасно скучный этот Стравинский до его формализма (*фр.*). Имеется в виду творчество Стравинского до его классического периода.

¹²⁵ Речь идет о концерте С. Кусевицкого в Théâtre des Champs Élysées (av. Montaigne 15), в программе которого были произведения А. Русселя, В. Дукельского, И. Стравинского. См.: Русское зарубежье. Хроника. Т. 1. С. 346.

¹²⁶ Ср. описание встречи Маяковского, Дягилева и Прокофьева в 1922 г. в Берлине: «Маяковский... очень благоволил к Дягилеву, и они каждый вечер проводили вместе, яростно споря, главным образом о современных художниках» // Дневник Прокофьева. Т. 2. С. 205.

¹²⁷ Лурье Артур (1892–1966), композитор, писатель, поэт, в 1914 г. написал музыку на переводы Вяч. Иванова из Сафо. См. о нем: *Восп.* С. 78; Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. Т. 2. М. 2010. 2 сентября 1949 г. А. Лурье писал Л. И.: «Благодарю Вас за память и за добрые слова о “Пире”, которые передал мне А. Т. Гречанинов; и за Ваш превосходный перевод песни Мэри, который помог исполнению “Пира” в Риме. Со своей стороны рад случаю сказать Вам, что мне очень понравились Ваши *Шекспировские песни* <...>» (*Востокова Н. С.* Лидия Вячеславовна Иванова: по материалам Римского архива // Россия и Италия. Вып. 5. М., 2003. С. 216–217).

¹²⁸ У него хорошая репутация (*фр.*).

философ Бахтин¹²⁹. Продолжение завтра. Некогда. Лидия Юдиф<овна> душка. А что сказал архимандрит, не дописали.

Дима, как называется монашкина круглая площадь и сама монашка? *Se non è difficile, La prego*¹³⁰. <Сверху вписано карандашом: Адрес Эдит и <нрзб.> — последнее не спешно.> Необходим билет вежливости. Париж все объяснит. Много бы слишком писать пришлось, если бы все описывать. Ладно уж второй лист берем. Хороша бумага-то?! В Париже все хорошо. И флакон *fougère Royale Houbigant*¹³¹ и сашэ¹³² для парфюмирования бумаги письменной и пудринная сак-воаяж — ридиюльная коробочка с пудрой и Ах! французские повара! *Mais c'est vraiment bien comme on mange ici*¹³³ — можно совсем погибнуть. И вкусно и весело. И аппетит откуда-то является к 1 ч. и к 7 и к 9 и к другим 9 и к фэйвоклёку. Совсем котка разорит семью на пироги. Дешево-то очень, но все же отель и еда больше чем на фр<анков> 35. Да-с, а не 25. Комната и *petit déjeuner с burro*¹³⁴ много, много — 14 фр<анков>. 10% *servizio*¹³⁵ (а в комнате умывальник с горячей водой! Так и течет! Душка комната и отельчик). Сегодня, взяв из починки часы очутилась сидящей за завтраком в ресторанчике на Кэ¹³⁶ против Нотр-Дам де Пари среди отъявленных лопщев <?> ужасно симпатичных и ела (на улице): 1) *viande froide maounaise*, 2) *pommes à l'huile* 3) *fromage camembert* 4) *café-nature* и еще огромная бутылка пива. Вместе с *servizio* и *mancia* 8 франков. Зашел ко мне проходивший мимо инкогнито И. Т. В.¹³⁷ и саморазделил иные части трапезы. Чайку еще не попили — самоизвестят. А еще сладкие вещи: *mendiant, religieuse, fraise chantilly, plum*¹³⁸ и проч<ее> и проч<ее>. А пирожки и патэ в кондит<ерских> и гастрономич<еских> магазинах! А еще куплена за 25 франков и создана К. И. шляпа и за 395 пальто

¹²⁹ Николай Михайлович Бахтин (1894–1950) в июне 1927 г. был в Париже, в частности, 4 июня он присутствовал на собрании «Зеленой Лампы», где совместно с З. Гиппиус, Д. Мережковским и В. Вейдле участвовал в дискуссии о поэзии // Русское зарубежье. Хроника. Т. 1. С. 342. В 1946 г. В. И. передал в Бирмингем Н. М. Бахтину стихотворение «Виноградник Диониса» с дружеской припиской. В статье Н. Бахтина «The Symbolist Movement in Russia» находим следующие строки: «Вяч. Иванов был не только великим поэтом, крупным философом и значительным ученым-классиком, но прежде всего очень значительной личностью. Каждый в его обществе не мог не чувствовать некоего сверхчеловеческого и даже почти божественного присутствия. <...> Он соединял в себе главные духовные течения Запада и Востока. Его поэтическое творчество как кристалл соединяет воедино рассеянные лучи всей нашей цивилизации. Он веровал, что Россия полностью унаследовала эллинскую традицию через посредство Православной церкви, ведь единственно в православном богослужении жизненно сохранилась греческая Трагедия. Лишь русские среди современных народов не утратили архаической силы слагать мифы; подобно этому среди современных языков лишь русский язык способен стать инструментом вселенской поэзии, ибо он сохранил всю гибкость и архаическую прямоту первозданного ведийского языка ариев <то есть древнеиндийского>, подобно древнегреческому» (оригинал по англ.) // *Bachtin N. Lectures and Essays*. Birmingham, 1963. С. 41.

¹³⁰ Пожалуйста, если это не трудно (*ит.*).

¹³¹ Одеколон «Королевский фужер Убиган», символ французской высокой моды с 1882 г.

¹³² Подушечка с ароматизаторами (фр.).

¹³³ Здесь действительно замечательная кухня (*фр.*).

¹³⁴ Завтрак с маслом (*фр., ит.*).

¹³⁵ Чаевые (*ит.*).

¹³⁶ Набережной (*фр.*).

¹³⁷ Лицо неотожествленное

¹³⁸ *Mendiant, religieuse* — французские пирожные, *fraise chantilly* — клубника с кремом шантिलьи.

непромокашка розовый шантан суа¹³⁹ — дивное! И уже упомянутое черное платье чудное! А какие летние духи на куклах выставлены. Что ни кукла — красота-с. Но лета нет: туманы, мгла, сажа и дождь — фреско¹⁴⁰ даже.

К. И. читает апологетическую литературу. Она, кажется нашла себе directeur de conscience¹⁴¹. Была у него вчера в первый раз, а накануне была у ней *большая* внутренняя трагедия.

Теперь ужасайтесь, пожалуйста! Священник, кот<орый> начал кошачье руководство... поляк. C'est affreux, mais c'est comme ça. Voila¹⁴². Его мне дала Лид<ия> Юдиф<овна>, он три года уже ее духовник. Некий Abbe Augustin Jakubisiak¹⁴³. Docteur en philosophie. Aumônier des prisons¹⁴⁴, 50-летний, очень ученый, пишет философск<ий> трактат, но главным образом живет исповедью и Евхаристией. Видал несчетное множество людей, очень тонкий и старается руководить всех *разными* путями (не как Альбилокки¹⁴⁵, кот<орого> Лид<ия> Юдиф<овна>, хотя и его дух<овная> дочь, но не рекомендовала).

Он сказал К. И. вернуться в Рим через Лурд и мног<ие> друг<ие> авиньонские города¹⁴⁶ — список составит и был очень умен и проникателен. И задали К. И. две книги слопать до пятницы, то есть в три дня. Это тебе не О'Коннор милый¹⁴⁷ — посложнее. Понимает и очень плохо говорит по-русски, но это сильно облегчает сношения, хотя он все время переходит на франц<узский>. 15 лет жил в Париже. Ну, еще раз извиняюсь, что поляк. Ничего тут не сделаешь. А Тирану еще письмо родила. «Au Printemps» и «Von Marché» католич<еские> магазины, и там велено покупать, а «Lafayette» еврейский, и там не велено! Да-с, и магазины имеют разные вероисповедания.

К Булгакову зашла второй раз, сказал, чтобы пока К. И. не ждал. Inutile¹⁴⁸. К. И. почтительно кланяется. Рр-р... Шар мохнатости! Юда Лидия.

<В начале письма, над текстом, с продолжением на полях слева:> Спасибо Пуфе за деньги и духке маленькой за письма. Одно все же пропало, очень досадно! Ты самый милый и умный и географическо-возрадываемый кот, и тебя любят заочно еще сильнее, как оказывается. Пиши. Ваш К. И. Как же, Пуфи, тебе у Цепей? <так!> И как дела в Павии о будущ<его> года. Нельзя ли хатку к черту послать? Ведь нет конца террору! Палачи! Шлю три номера монархистов поганых на поучение. К. И.

Адрес: Italie. Rome. III-mi Signori Venceslao e Demetrio Ivanov. 50, Bocca di Leone p. IV Roma (8). Exp. Lydia Ivanov Hôtel de la Présidence 13 Rue Penthièvre Paris. Почтовый штемпель: 15.VI.1927, Paris.

¹³⁹ Шелк «шантунг».

¹⁴⁰ Свежо (*ит.*).

¹⁴¹ Духовный руководитель (*фр.*).

¹⁴² Это ужасно, но это так. Вот. (*фр.*).

¹⁴³ Jakubisiak Augustyn (1884–1945).

¹⁴⁴ Доктор философии. Тюремный капеллан (*фр.*).

¹⁴⁵ Неотожествленное лицо.

¹⁴⁶ То есть по святым местам.

¹⁴⁷ О'Коннор, ирландский настоятель церкви Сан Сильвестро (San Silvestro) в Риме.

¹⁴⁸ Бесплезно (*ит.*).

13. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой
18–20 июня 1927

<...> Возлюбленная дочь моя, Кот-афина! Узнаю в тебе многие черты твоей матери — ярко вспыхивают они! — и, с некоторым сожалением, порою и свои... Чтó нимало не уменьшает, разумеется, твоей неприкосновенности и неоспоримой самобытности. И Дионис был весь в отца, и Афина также; а оба совсем различны все же... Начинаю с рассуждений, чтобы расписаться, потому что от писем за последнее время отвык. У обоих нас, по видимому, жизнь стала столь *haletante*¹⁴⁹, что тут не до писем, — по крайней мере связанных, полных, обстоятельных и изобразительных. Сообщения твои о Париже отрывочны и почти загадочны. Твое красноречие течет полной рекой только, когда ты говоришь о Тирани. И вот в этом твоём энтузиастическом отношении к Тирану и светится через тебя мама... Но не буду развивать этого тезиса. <...> Ну, довольна ли ты? Видишь, что не царапаемся больше, а словно как помирились. <...>. Кстати, к Гречанинову не спеши, а *Метнера* разыщи и с ним сдружись непременно, он тебя поймет в твоём главном, и если «Шесть песен» ему не понравятся, зато в «Клавдии»¹⁵⁰ или «*Dies Irae*», не говоря о Прел<юдии>-Фуге, он найдет много хорошего. <...>

14. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
24 июня 1927

Дорогой Пуфи и дорогой непишущий котенок!

Мне, действительно, писать эпически нельзя, т. к. живу не эпично. Внутренняя религиозная жизнь так же занимает многое во мне, как «Клавдий» в момент его спешной оркестровки, а может быть, и больше. И здесь пиши все или ничего. Не могу все, поэтому ничего. Впрочем, не совсем. О. Августин, с кот<орым> уже видалась четыре раза, круто изменил мнение и сказал, что советует не откладывать формальный акт присоединения. *Formel, parce que vous êtes déjà dans l'église catholique. Mais il vous tant beaucoup d'avoir la possibilité de communier souvent même chaque jour. N'éloignez pas cette acte*¹⁵¹.

Была в итальянском консульате. Составили прошение. Никак-де без Рима нельзя. 1 ½ месяца жди ответа, Кошка. Если хотите Кота раньше, придется хлопотать в Риме об ускорении. Бумаги, нужно предполагать, были отправлены в среду. Услышав об этом, ужасный иезуит *Jakubisiak* (францисканец-терциарий) страшно обрадовался *du délai*¹⁵², но не сказал, что рад, только видно

¹⁴⁹ Запыхавшаяся (*фр.*).

¹⁵⁰ Имеется в виду музыкальное сочинение на стихи Шелли “The Cloud” Л. И.

¹⁵¹ Формальное, потому что Вы уже находитесь внутри католической церкви. Но у Вас есть возможность причащаться каждый день. Не откладывайте этого акта (*фр.*).

¹⁵² Отсрочке (*фр.*).

было. К. И. сам рад немногому запозданию, но 1 ½ месяца *c'est trop et donc*¹⁵³... хлопочите. Легко сказать? Уж К. И. не знает как, а хвост гол.

Теперь К. И. сообщает, что *очень* скоро делается кото-ликом. Еще сообщит, когда точно будет установлен день. А о Диме не знаю, как сказать. Каково его желание? И каково желание его «либерального» отца. Знаем мы ваш либерализм. Негодяи. А о Тиране ты не сообразил еще одной его тонкости: что он пустил тебя одного прочь под предлогами извинения за Милан. Он все рассчитывает и предполагает, что ты улизнешь в третьем классе¹⁵⁴.

Я ни к какому ревнителю классич<еских> языков не пойду¹⁵⁵. Это абсолютно превышает мою моральную гибкость в сношениях с людьми, и Бердяевы будут для меня (не для них) недопустимы. Il faut choisir. Je le fait¹⁵⁶. А продлеваться попробую завтра, *ma ho rochissima sreganza*¹⁵⁷ не только на бесплатность, но и на бесштрафность за просрочку.

О Кусевицком написала кратко, но все главное. Воскресение, которое вы провели на Monte Sacro в нашей с Димой трагатории и затем у премерзкого вашего иезуита¹⁵⁸, — было для меня днем *огромной* важности — хотя опять не эпической. Впрочем начало был Кусьска, т. е. эпика. «Клавдий» при глазном просмотре¹⁵⁹: «*interresno*»; шесть песен при прослушивании: «милы, мелодия есть, но непрактичны, переделать бы на один голос что-ли» (это, кажется, ложь); «Огненосцы» на «непрочны и новы Олимп<ийские> троны»¹⁶⁰: «*stop* — голубушка, так нельзя теперь писать, это романтизм. Я бы так рад, да помочь ничем не могу. Мы печатаем только зрелое. Вы так молоды, жизнь впереди, найдите себя (нежное гладенье по волосам и похлопыванье по плечам), вы под влияниями...

С. Кусевицкий. 1910-е

¹⁵³ Это слишком и потому... (*фр.*)

¹⁵⁴ То есть, из экономии поедет в поезде не первым, а третьим классом.

¹⁵⁵ Не исключено, что имеется в виду К. Ф. Дараган, см. о ней ниже прим. к письму 16.

¹⁵⁶ Нужно делать выбор. Я это сделала (*фр.*)

¹⁵⁷ Но мало надеюсь (*ит.*)

¹⁵⁸ Имеется в виду Michel d'Herbigny (1880–1957), в 1922–1932 ректор Папского Восточного института, будучи в эти годы главным создателем Восточной политики Ватикана, своими авантюристическими действиями во многом ее дискредитировал. Monte Sacro — один из районов Рима.

¹⁵⁹ При просмотре партитуры.

¹⁶⁰ Строка 13 из стихотворения В. И. «Огненосцы», на текст которой Л. И. написала музыку.

(недосказано). Смотрите ж (*che logica*¹⁶¹), как пишут Прокофьев, Стравинский. Это мрамор, а Скрябин и романтики кирпич. Сие линия Баха (!?!...!). Ах, изучайте Баха (лекция, взад-назад хождение по комнате). Боже! Вы не знаете, какой я поклонник Вансесласа¹⁶². Он сам не подразумевает из-под себя. Я его считаю (пониженный конфиденциальный) голос и глаза к потолку) величайшей и крупнейшей личностью всей, всей нашей эпохи. Ах, *quanti saluti*¹⁶³. Мне так болезненно, что ничем не могу помочь. Да некогда. Это не буль-дог. Фугу уж не могу слышать. Вы бы в будущем году пораньше приезжали, вот концерты бы мои услышали. Ах! показать вещи в будущем году? Конечно, пожалуйста. Даже пришлите в Бостон их мне. Но *перемениите направление. Sic*».

Черепнин¹⁶⁴ мягкий, ласковый, бархатистнейший кот. Услышал (так как действительно был очень занят экзаменами) пять песен и каждую дальнейшую более предыдущей хвалил. Сзади паучил молчаливый критик Гунст¹⁶⁵. «Это страшно модно ж и практично. Я уверен, что Вы сможете их исполнить. Поузнайте у французов. Я помню, что даже были афиши о каком-то женском трио. Приходите на будущей неделе еще. Я люблю ваши композиции. Очень русское и искреннее, и мило и хорошо написано. Только против ф<орте>п<ьяно> в оркестре. А здесь бы так-де – и много подробностей для малого времени». Очень приятный господин и шлет на твои стихи тебе свои романсы¹⁶⁶ и свое искреннее почтение.

К Гречанинову не спешу, а Метнер сам не спешит. Уехал в Aix les Bains на шесть недель. Видала милого и очень дружественного Шлёцера. Он офранцузился. Тебе напишет. Мы очень мило говорили без рояля, кот<орого> у него нет, также как и дома, по-видимому, *il y a quelque mystère la dessous*¹⁶⁷. В понедельник буду ему играть в пустой зале *Revue Musicale*. Обещал познакомиться с *Roussel*¹⁶⁸ (а К. И. и фамилию-то впервые! Как быть в этих случаях?). Мил де, поколения Равеля и молодых любит. «Сезон, жаль, кончился. Вам бы осенью приехать еще раз, а то сейчас все только о виледжиатуре¹⁶⁹ помышляют. До-свиданье. Адрес как Вансесласа? Напишу. *D'Indy*¹⁷⁰? Ах, что вы? Это гнусно влияющая мертвечина, между прочим, проглотившая всю Чехию. *Che orgore!*¹⁷¹»

А К. И. иезуит. Так-де все же на поклон из любопытства собираюсь.

¹⁶¹ Какая логика (*um.*).

¹⁶² Французская транскрипция имени «Вячеслав».

¹⁶³ Здесь иронически: сколько приветов (*um.*).

¹⁶⁴ Николай Николаевич Черепнин (1873–1945), композитор.

¹⁶⁵ Евгений Оттович Гунст (1877–1938).

¹⁶⁶ Имеется в виду «Две мистические поэмы» на стихи В. И. «*Deux Légendes mystiques*». *Op. 50*. «*Trois Tombeaux*» [«Три гроба»], «*Mère solitude*» [«Сон матери-пустыни»]. Париж, Берлин: Изд-во М. П. Беляева, 1922.

¹⁶⁷ Тут какая-то тайна (*фр.*).

¹⁶⁸ Альберт Руссель (1869–1937).

¹⁶⁹ Отдых на море или в деревне (*um.*).

¹⁷⁰ *Vincent d'Indy* (1851–1931), композитор, органист, дирижер, писатель; один из основателей и директор парижской *Schola Cantorum*, знаток и пропагандист григорианских песнопений.

¹⁷¹ Какой ужас! (*um.*).

«Ку-ку, — говорит. Сами идите. А то, если от моего имени, то Вас и не примут. Со многими враг. Пишу книгу о Стравинском. Voilà le génie¹⁷². И все французы под ним, а он сам француз. <I нрзб.> играет в салонах, играет и на скачках, мил и легкомыслен».

Лидия Юд<ифовна> кланяется. Ник<олай> Алекс<андрович> в Пиренеи только что уехал. Очень мил и действительно дружелюбен. Подарил тебе книгу «Un nouveau moyen âge», тут шумевшую¹⁷³. К. И. понюхает, положит ее под тюфяк, две странички разрежет и тогда пришлет.

Спасибо за письмо душкино. Тебя Пуфу любят, хотя ты ужасный же негодяй самомнительный. А об экзиле¹⁷⁴ в Тирановом истолковании мне писал чуть ли не в первом же письме Тиран. Я не даром же говорила, что у него сердце хорошее и он тебя любит. А это то самое главное и есть. Это не плохо, что ты ему много рококоистых и барокистых комплиментов написал, но К. И., главное, просит внутри любить. А то комплименты могут всегда прорваться, и вдруг не найдется подкладки? Che indecenza!¹⁷⁵

Пишите, негодяи! Пр..р...

К. И. целует.

<Приписка:> О. Августин очень интересуется моей музыкой и посылает к D'Indy. Сам любит Скрябина и Баха. Но все время прорывается у него: — Ах! Как жаль, que vous n'avez pas étudié les mathématiques et les sciences naturelles par correspondance. Combien c'a vous aurait été bien! Et aussi pour gagner la vie. Et pour former votre mentalité. Promettez moi de lire ce que je vous dirai. Ce sera avant tout, une bonne histoire de philosophie (что-то вроде Хессель¹⁷⁶ или я вру) après les grecs — les auteurs même. Et après nous verrons. Seulement je veux un chose de vous. Une disposition d'esprit — «je ne sais rien» et puis vouloir savoir honnêtement sans peur des conséquences¹⁷⁷. Вы говорите, chi sa¹⁷⁸, может быть будет полезнее этим, чем музыкой, хотя, я знаю, что и музыкой можно быть полезным. Вот тебе и раз! Но этот человек — совершенно редкий дар — как <I нрзб.> в жизни. А кото-ликом будь как только захочешь.

Тебе Кусевичкий (здесь неприятные комплименты по его адресу, а также его национальности) сказал: «Vous n'êtes pas mûr. — Et moi je dis vous l'êtes. Vous pouvez faire votre art aujourd'hui même, si vous le voulez. Tout dépend maintenant

¹⁷² Вот гений! (фр.).

¹⁷³ Книга «N. Berdiaeff. Un nouveau Moyen Age. Paris, Plon, 1927» с посвящением «Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову на добрую память от автора» находится в РАИ.

¹⁷⁴ Изгнания (фр.).

¹⁷⁵ Как неприлично! (ит.).

¹⁷⁶ Неотождественное лицо.

¹⁷⁷ Что вы не изучали математику и заодно и естественные науки заочно. Как это было бы хорошо! Чтобы и преуспеть в жизни. И развить Ваш ум. Обещайте мне прочитать то, что я Вам укажу. Прежде всего, стоящую книгу по истории философии после греков ... и самих авторов. А после увидим... От Вас хочу одного. Вы исходите из положения: «я ничего не знаю», а затем, со всей честностью, не опасаясь последствий, разыскуете знания (фр.).

¹⁷⁸ Кто знает (ит.).

seulement de votre volonté. Et votre instruction et lecture c'est une autre chose, indépendante»¹⁷⁹. К. И.

С ужасом священным увидела газету «La liberté» — organo antifascista¹⁸⁰. И они, эмигранты, и лают.

Школы в Париже (государств<енные>) нехорошие для пребывания в оных и эдукасы и моралитета¹⁸¹. Книгу похлопочу и сильно надеюсь, что удастся устроить? (Шлецер о франц<узском> Дионисе¹⁸²).

<Приписка на визитной карточке:> Lidia Ivanov с совершенным почтением. Не придется ей при distribution¹⁸³, ни при рождении Кота быть! Эх-хе хе! Жаль-с...

Когда тебе действительно нужно и такова твоя воля, Бог посылает тебе людей, которые тебе необходимы.

15. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой

Между 20 и 23 июня 1927¹⁸⁴

<...> К. И. привет, и уверение в глубочайшем уважении поклонника ее таланта. Когда я прочел о твоих двух кило слез, то чуть не прибавил к ним двух граммов своих: бедный Котик, плачущий Кот — еще трогательнее плачущего льва в Швейцарии¹⁸⁵. Но мои condoléances¹⁸⁶ относятся только к самому факту пролития слез, а не к причинам, его вызвавшим. Если бы я сам был Кусевицкий, то, конечно, не издал бы, в виде дебюта нового светила, ни шести песен, ни «Клавдия», ни даже, вероятно, «Огненосцев» (за их несовременностью); но непременно издал бы Прелюдию и Фугу (в исправленном виде); на каковое мое мнение и ожидание и намекал не однажды, — только намекал, разумеется, чтобы не мешать самоопределению композитора. И перед его отъездом в Париж иногo ему не пророчил. Но почему о Прел<юдии> и Фуге даже намека нет — неужели не было показано самое нужное? Mais s'est fou!!???!¹⁸⁷

В

Уверяю тебя: он прав, что (каково бы все это ни было по качеству и потенциям) для издания это — незрело. Впрочем, Пр<елюдия> и Фуга не незрелы.

¹⁷⁹ «Вы незрелы. — А я Вам говорю, что вы зрелы. Вы можете заниматься искусством сегодня, если хотите. Все зависит только от Вашей воли. А Ваше образование и чтение — это другое» (фр.).

¹⁸⁰ Еженедельник «La Libertà» издавался во Франции союзом Concentrazione Antifascista.

¹⁸¹ Для образования и нравов (фр.).

¹⁸² В. И. предполагал издать книгу «Дионис и Прадионисийство» по-французски.

¹⁸³ Раздачей премий в лицее Шатобриана, где учился Димитрий (фр.).

¹⁸⁴ Приписка на письме Д. В. Иванова к Л. И.

¹⁸⁵ Имеется в виду статуя умирающего льва скульптора Б. Торвальдсена в Люцерне.

¹⁸⁶ Соболезнования (фр.).

¹⁸⁷ Это абсурд!!???! (фр.).

16. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой
23 июня 1927

Думал еще об échec¹⁸⁸ у Кусевицкого. Не сердись, если я остаюсь при своем мнении, что он прав. Партитура шести песен для такого изысканного и трудного ансамбля может иметь успех и распространение только при условии немалой известности автора; для дебютанта это дело неподходящее, и издание могло бы остаться à sec¹⁸⁹. Совет переделать для одного голоса, конечно, нелеп. Остается ждать, пока появятся в печати новый ор. 1, 2 и т. д., дойдет очередь и до «Песен», очень интересных и красивых, но немного капризных — или «барочных» — и неясных по направлению, отражающих эклектически разное, так что я не знаю, есть ли в них существенная новизна стиля, помимо новизны комбинации. La grande machine¹⁹⁰ «Огненосцы» не ко времени, столь же в отношении музыки, сколь и текста; а в них есть гениальные места; но такая партитура — siamo giusti e logici¹⁹¹ и станем на точку зрения издателя, — будучи подписана неизвестным еще автором, также не двинулась бы в продаже. В «Cloud» я многое очень люблю и высоко оцениваю; но на нем есть еще печать школьной работы: в самом деле, это не свободное создание, а нечто, искромсанное ножницами учителя, и т. д. Ведь в «Augusteo» консерваторских работ почему-нибудь да не принимают. «Шесть Песен» должны быть, очевидно, испробованы сначала в исполнении, и многое зависит от их успеха: Прок<офьев> здесь прав. Что касается тактики, теперь обнаружилось, что Кусевицкому нужно *раньше слышать чье-нибудь ему импонирующее восхищение* какой-нибудь *определенной* вещью, — здесь Прокофьев мог бы спасти положение, если бы чем-нибудь действительно восхитился. Сожалею, что Пр<елюдия> и Фуга как-то оставлены в тени: они вполне заслуживают быть в печати opus'ом, и удобны для издателя.

Здесь я не понимаю, как все это случилось. Теперь тебе нужно серьезно заниматься, не думать пока об опере и не позволять себе никаких капризов. Писать чистую музыку (без всякой програмности; исключение — дивный замысел «Одиссея», но это все-же не программа, а поэма). И почему не для фортепиано? Отлично, если это особенно удобно для издания. Писать и для оркестра — *для Молиари*¹⁹² — это же будет хорошо и для издания. Можно и квартет. Но, одним словом, нужно быть <прежним> музыкальным котом, и не отдавать музыки в непосредственное и неограниченное управление Курлыкова. У него много своих непосредственных забот. В приглашении Кус<евицкого> на будущий год я не могу усматривать ничего иного как encouragement¹⁹³: дескать, издам непременно, если напишете

¹⁸⁸ Неудаче (*фр.*).

¹⁸⁹ Здесь: неуспешным (*фр.*).

¹⁹⁰ Большое сочинение (*фр.*).

¹⁹¹ Будем справедливы и логичны (*ит.*).

¹⁹² Bernardino Molinari (1880–1952), с 1912 г. — дирижер оркестра театра «Augusteo» в Риме.

¹⁹³ Поощрение (*фр.*).

что-нибудь нормальное для дебютанта и вкуса времени и не эмоциональной в роман<тическом> вкусе, а <в> строгой музыке <так!>. Это благородно. Встреча с *Метнером* очень, очень желательна. Дараган¹⁹⁴, <имеющая> огромный успех, пишет, что будет исполнять <I нрзб.> твои вещи, если ты хочешь с ней познакомиться; познакомься же с ней *немедленно*. Она будет жить в Париже и тебе помогать во всем. По портрету и ее письмам о тебе, она чудная милая женщина. Твое игнорирование ее (я один знаю по каким серьезным причинам) непонятно... Сходи к ней, *умоляю* тебя, немедленно. На сегодня довольно. Завтра постараюсь еще написать. О самом большом отдельно.

Целую как люблю. Да.
В

О<льга> А<лександровна> уверена, что ты в Париже найдешь через знакомых непременно что хочешь для заработка — уроки, аккомпанемент, кинематограф и т. д.

17. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
13 июля 1927

Мой любимый и высокочтимый Пуфи золотой!
<Справа примечание:> Не читать вслух с 1-го раза.

Позволит себе Мурчислава Вячеславовна, дочь Ваша, с совершеннейшим почтением, на какое только способен представитель кошачьей расы, заметить: Вы отец, я какая-никакая, но испол-мать. Наше чадо, our lovely son¹⁹⁵, был мало-кровен, прыщеват и устал в момент моего отъезда. Последний месяц школы с compositions, distributions¹⁹⁶ и тропиками не могли его укрепить — по меньшей мере. Ваш предосудительный образ жизни, ложение спать в 2 часа, неправильный стол в отношении времени обеда, файвоклёка и богемных ужинов под аккомпанемент soloquis dulcis¹⁹⁷, Ваш изнурительный римский климат и нехороший для воздуха, в особенности летом, квартал, где Вы живете, и проч<ее> и проч<ее> и проч<ее>, заставляет меня думать *упорно и определенно*, что, несмотря на всю огромную радость, какую доставляет моей родительской амбиции полученные блестящие призы юного кандидата на пятнадцатилетие, а также несмотря на убеждение мое в *чрезвычайной* важности Ваших, профессора Пуфи, уроков как в равной мере для самого греческого языка, так и в назидательности сведений, брызгающих от педагогического гениального таланта Вашего *вокруг* преподаваемого предмета (преподаваемого, надеюсь,

¹⁹⁴ Видимо, имеется в виду певица и педагог Ксения Федоровна Дараган, ее письмо к В. И. не выявлено. См. о ней: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Т. 2. С. 54, 187.

¹⁹⁵ Имеется в виду Дим. Вяч. Иванов.

¹⁹⁶ Сочинениями, раздачей премий (*фр.*).

¹⁹⁷ Сладостные разговоры (*лат.*).

на русском языке, а потому несколько дающий почувствовать юному кандидату истинную русскую культуру, что ему более ни от кого не будет дано иметь), несмотря и невзирая на все вышесказанное,

УТВЕРЖДАЮ

Кота нужно пустить пасться на воздух и укрепить его здоровье для зимы путем *правильной* жизни и *умного* отдыха.

Мне видны две перспективы:

1) Пусть едет к Мюэрам на Эльбу до, скажем, 20, 25 августа — буде они его одного позовут или, если мне визу пришлют, могу и я присоединиться. Жить же втроем у Бутшеров¹⁹⁸ немисливо — приходится выбирать 2 + 1 из элементов a, b, c, т. е. (ab)+c или ac+b или bc+a, т. е. lovely на Эльбе, ты (если упорствуешь) в Риме, а К. И. на выбор между вами, или на равную дележку.

2) А не пришлешь ли ты мне сына нашего во Францию. Здесь можно на лето устроиться за 20 *франков* с носа на всем готовом (хорошо, а еще дешевле — плохо) в деревне или где-нибудь на океане (у рыбаков на острове есть адрес чуть ли не 10 фр<анков>). Возможностей масса. Я намереваюсь одна поехать на той неделе, на сколько дней удастся, в Solesmes. Адрес мне дал О. Августин, с которым сегодня простилась (уезжает на 1 ½ или более месяца). 3 часа от Парижа: едут до Sablé и оттуда on va en voiture¹⁹⁹, тишина, красота, женск<ие> и мужск<ие> знаменитейшие бенедиктинские монастыри, изумительные архитектурой, искусством и григорианским пением, за которое особенно прославлены. О. Августин советует мне остановиться в Hôtellerie²⁰⁰ мужского монастыря, т. к. там меня не лишат свободы дико бродить по диким местам, помахивая диким хвостом, где мне вздумается, in vue²⁰¹ при женском.

Это моя мечта, т. к. я устала и боюсь, что Эльба утомительна сразу — там надо стряпать, Мюэра сбежала к консулу, предоставив виллу нам.

Что, если это место Solesmes окажется хорошим, если бы мы провели с Димой там летние месяцы? Или там, или в деревнях близко, что здесь принято. К. И. carte d'identité²⁰² до 1 сент<ября>. К. И. здесь хорошо, и с ней вежливы, жизнь здесь равняется по *экономии* жизни в Риме со многими моими уроками (кот<орых> больше нет), К. И. окончательно офранцузится, а Дима? Дима получит *живое* знание Франции и ее языка, увидит массу красот и этим получит громадное обогащение своей кошачьей головки. И наконец я сильно подозреваю, что удастся его устроить заниматься с каким-нибудь бенедиктинцем тем же греческим и что еще там нужно, что он сам не может. Его viaggio²⁰³ окупится. Пришли его. Разве это глупо? В Италии же ужасно дорого, а юному <I нрзб.> нужно знать Францию жизненно, чтобы опять se distinguer parmi les étrangers pour la langue française²⁰⁴. К 1-му сент<ября>

¹⁹⁸ Фамилия римских домовладельцев.

¹⁹⁹ Едут на машине (*фр.*).

²⁰⁰ Гостиницу (*фр.*).

²⁰¹ В поле зрения (*фр.*).

²⁰² Удостоверение личности (*фр.*).

²⁰³ Путешествие (*ит.*).

²⁰⁴ Выделяться среди иностранцев знанием французского языка (*фр.*).

можно и вернуться. К. И. постарается поработать музыкой, композицией, думает, что можно будет это устроить. Кто его знает, быть может, осенью ей удастся и песни пристроить или D'Indy увидеть или другое что. Или что путевое написать новое теперь.

Я тебя уверяю, что только второй день, как могу смотреть на окружающий мир. У меня чувство, что в Париже я неспроста родилась, так как здесь же родилась вторично. Лидия Юд<ифовна> истолковывает по-своему.

За небольшой срок до своей смерти мама²⁰⁵ из Загорья прислала ей (Лид<ии> Юд<ифовне>) письмо, у нее сохранившееся. Она в нем жалуется, что не может больше вести прежнюю жизнь, должна уйти и кончает надеждой, что встретится с ней в *Риме*. Надежда ничем не обоснованная. Она считает, что мама меня прислала к ней, а Рим есть Церковь. Она о маме и всех наших других непрестанно молится.

Я же, приехав в Париж, пришла сразу к ней. Меня так тянуло, что я даже письмо из Италии хотела ей написать: «Вы меня в [19]20 году позвали к себе (она только что перешла тогда и меня хотела пропагандировать, но неумело и не во время, в самую пору кризиса, даже до кризиса-болезни). И я не пришла, хотя обещала. Не пришла сознательно. Не время было. Прихожу исполнить обещание теперь, спустя семь лет. Теперь время». Но я не писала ей, а так сказала в первый же парижский день, когда приехала.

О музыке не было никаких сил думать. Весь парижский период до 12-го был периодом какой-то острой мучительной и радостной болезни. Я никогда не знала, что можно быть так «занятой», ничего почти не делая. Некоторые острые дни, даже часы, казались совсем длинными большими событиями. Конечно, этот кризис образовался в результате последних десяти лет, когда жизнь была где-то затаена²⁰⁶ и шла болезнь. Дело не в «спасании Тиранов и себя».

Я ехала за музыкой, от музыки отказалась и получила Бога. Он мне, если захочет, даст и музыку. А не от Него я ничего не хочу брать. Нет ценности самой в себе. Даже идеи Платона сами в себе ложь. Я не знаю, близко ли тебе, что я говорю. Но период болезни 17–27 г. моей — период сплошного, тягостного разочарования. В человеке как оплоте на нем самом в себе — смерть Эрна. В себе — когда за революцию рухнула религия моя, «идеалы» и уважение к себе, «я» животное. Рухнула любовь к жизни, то есть вера в ценность жизни. Жизнь мне представлялась (в Москве да и в Баку) *гниением* медленным или ускоренным. Душа — nihil²⁰⁷. Начало <—> червь. Цветы — рост из гниющего тела любимых. Солнце померкнет и истина <—> *надстройка*. Эту «надстройку» только здесь объяснила себе, а также поняла, почему я коммунизму не могла *нет* окончательно сказать. Христианство исторично, как и прочее, то есть тоже сгниет. В Баку я не стала искать Бога. Идея *надстройки* мне запретила: нечестно. У меня еще был идеал — честность. Я старалась ей служить. Суета и честность в себе самой. В Баку же

²⁰⁵ Лидия Димитриевна Зиновьева-Аннибал (1866–1907).

²⁰⁶ «Немеет жизнь, затаена однажды» — цитата из стихотворения В. И. «Ожидание» (1908).

²⁰⁷ Ничто (*лат.*).

искала любви и перенесла на нее требования абсолюта. Ничего удивительного, что она окончилась разложением себя. А в Риме приумолкла до этого поста — устала.

Кто хочет Бога, должен *все* отдать и сделать<ся> философским большевиком в описанном смысле. Он один *есть* *Аз есмь*²⁰⁸, и из него можно все получить, что нужно. Не от земли нужно строить мост к Нему, а только духовным самоубийством, из Него *только* начиная, *от Него* получить, что нужно. Оттого и чушь доказательства бытия Божия. Ну, может быть, напрасно все написала — слова словами остаются, пока не сделаются жизнью. Всего не опишешь за десять лет, да еще и раньше. Так только намекнуть захотелось. А Диме этого не нужно. Каждый свою чашу должен пить, и маленьких грех смущает. Не читай ему. Хотела Диме секретное послание от тебя и вышло наоборот. Впрочем, Диме, может, еще и напишу. Так как у нас свои религиозн<ые> отношения с поста образовались, то ты не обижайся, что ему лично, секретно пошлю. Не от того, что тебе бы показать нельзя было, а оттого что хотелось бы, чтобы ему глубже в душу запало, без рассеянности, получающейся от людей, хотя бы самых дорогих. Все же один есть abcde, а другой cmdef, и в лучшем случае контакт, если будет полный будет на все, то есть только часть. При внесении же третьего составного тела контакт будет еще меньше. Хотелось бы найти большее для того азбучного немногого, что, может быть, ему напишу. А то он перенял от меня манеру закрывать все смехом, и иногда это броня. Впрочем, и броня не плоха. У меня она с детства. Все палки о двух концах.

Что же до финансов, то их у меня 275 франков осталось, из коих долг 110 в отеле. Получили Вы посылку? Истратила на нее и себе на одно платье и пальто и кое-что первой необходимости. Остальное на еду, так как никуда вечером не ходила пока.

Напиши мне сразу и практично: о паспорте, что делать: есть или нет документация, что мы живем лишь на Цекубу²⁰⁹ и продление нужно бесплатное, или я должна платить. 15-го конец его. Потом насчет Димы и лета. Потом насчет печенки К. И. Жду длинного и толкового письма, а не каких-то резолюций поперек Диминых каракуль.

Ха!

К. И.

Фр...р... Да.

<Над текстом письма под * слева приписка:> У О<тца> Авг<устина> на дворе белый пушистый подросток с двумя глазами темно-синими. Абсолютно <I нрзб.>! Принадлежит к античнейшим изданиям с платоновского белого <?> образца.

Адрес: Prof. Venceslao Ivanov nelle proprie mani 50, Bocca di Leone Roma-8. Italie.
Почтовый штампель: Paris, 15.VII.1927.

²⁰⁸ См. прим. 18 к вводной статье.

²⁰⁹ Денежное вспомоществование, которое до зимы 1929 г. высылали В. И. ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта учёных.

18. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
25 июля 1927

Solesmes, par Sablé (Sarthe)
Pension Ste Thérèse de l'Enfant Jésus.
Адрес постоянный для вакансий.

Ну и ну!

Где К. И. оказалась! Совершенно не опишешь даже. А в церкви, как в раю. Ты никогда не жил, Пуфи, у бенедиктинцев? Здесь, положим, вообще единственный центр, даже среди и других бенедиктинцев. Хотелось бы описать — да нет возможности. Все необычайно! — сами монахи, худые аскетяне, точно с запыленной картины, и при этом необыкновенно ласковые, — если к ним обратиться, ученые, бескорыстные. Нет лучшего ордена сейчас. Аббатство, Вам посланное, снято с реки Sarthe, снизу. Стоит на высоком берегу. Входят с другой стороны, чем речная, где самый Solesmes, и там нет стольких этажей. К. И. живет тут.

Только что переехала из «Гранд отеля», где шкуру содрали: 61 фр<анк>! за сутки! Здесь 25 в сутки. Это все говорят, что исключительно К. И. нашла. Уже познакомилась с ученым *directeur du plein chant*²¹⁰, не могущий с К. И. по случаю монашества (у них страшно строгий орден) заниматься постоянно,

Л. В. Иванова. Схема Солемского аббатства. Из письма от 25 июля 1927

²¹⁰ Регента григорианского пения (фр.).

в детстве — в Париже у «толстой мамы» — Гольштейн²¹⁵ меня водили к ним мокрым, срезать их ножницами.

Жизнь моя возвратилась к рождению. Все ново, необыкновенно, самостоятельное, то есть Божье, не моя перцепция, *реальное*, а не дымка сна. У К. И. комната на втором этаже. Полка обложена книгами по житиям святых и литургике — обещание при переходе было потребовано читать их от О. Августина. Пошлю ему письмо сегодня, завтра. Согласна и хочу теперь также философию — это только совет его, не требование. К. И. нестрашно теперь *indigestion mentale*²¹⁶ — все на месте будет — есть мерило. Но вряд ли успеть. Весь день, кажется, будет занят. В перспективе надежда устроиться с роялем — чуть что не снять его — к себе в комнату. Заниматься буду. Отпустите Негретти черного зверя²¹⁷. Расписки в ящике, да и Негретти спросите. Что-то вроде как до мая, что ли, заключено, или даже меньше. Последний раз, если не ошибаюсь, за три месяца было. К. И., если будет ей дано, здесь пробудет хоть до 15-го сентября. А там комнат парочку устроить *под* Парижем, чтобы воздух был приличный, и будет поджидать Димитрия. Было бы экономичней, если б он сумел справиться с тряпьем. Трудно ему будет, бедному. Ну тогда придется растратиться и приехать. Но выгоднее больше половины тряпья отдать *Sacra famiglia*²¹⁸. Цены в Париже на одежду куда ниже, чем транспорт старья. А там главн<ым> обра<зом> старье «на всякий случай». Важны <I нрзб.>, бархат, белье, столовое «серебро»... Ну увидим после. А если б была возможность, то Димку все же пораньше бы послать на Эльбу, а *лучше* сюда. Здесь расходы непредвиденностей уже много, увы! были сделаны. Ему же лишь дорога. От Парижа 91 фр<анк> 60 сент<имов>. Ай! Пришла за мной Melle.

Рр.....р. К. И.

19. Вяч. Иванов — Л. В. Ивановой
18 августа 1927

<...> На меня нашла тоска по тебе. Между нами мгла темная. Ты не пишешь. Редкие, редчайшие письма мало сообщают. Ты совсем, совсем ушла в свой мир. Но мне тревожно о тебе. Снятся тяжелые сны. Страшно это отдаление и эта закрытость, и эти скупые, хотящие казаться веселыми, но не веселые строки, что иногда приходят. <...>

²¹⁵ Имеется в виду Александра Васильевна Гольштейн (1850–1937), переводчица, писатель и журналист, чей парижский салон, по свидетельству А. Н. Бенуа, «мог претендовать на значение художественного и литературного центра» // *Бенуа А. Н. Мои воспоминания*. В 5 кн. В 2 т. 2-е изд., доп. М., 1990. Т. 2. С. 118. Об истории ее отношений с В. И. см. вступительную статью к публикации М. Вахтеля и О. А. Кузнецовой «Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн» // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 41. 1996. С. 335–342.

²¹⁶ Интеллектуальное несварение (*фр.*).

²¹⁷ То есть, верните рояль музыкальному магазину Негретти.

²¹⁸ Благотворительная организация в пользу бедных.

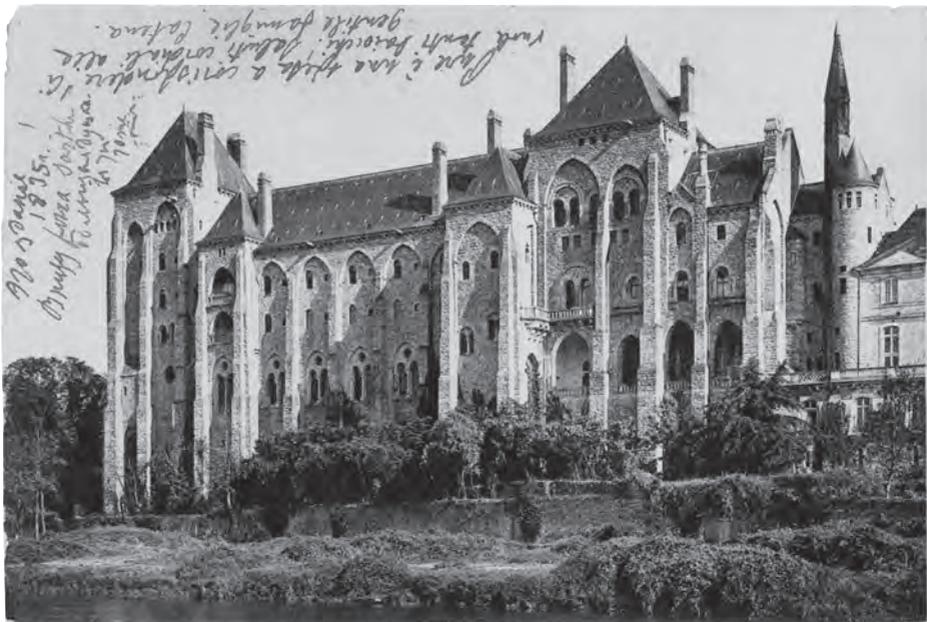
Не думай по тому, как я скучаю о тебе, что я не сочувствую твоей жизни в Solesmes. Это сделано тобою с мудростью и величайшим вкусом. Жаль однако что у тебя нет под рукой Huysmans, который описывает и plain-chant и бенедиктинскую литургику именно в Solesmes²¹⁹.

20. Л. В. Иванова — Вяч. Иванову
24 августа 1927

Pension Ste Thérèse de l'E. J.
Solesmes, par Sabli. Larthe <?>
с 28-VIII Hôtel de la Présidence
13, Rue de Penthièvre Paris-VIII

Душка Пушистый,

Кошка пишет «скупо», т. к. занята выше ушей. Одни кисточки торчат лишь. В честь Вашей тоски по Вашему chat de luxe, сей последний пропускает сегодня Grande Messe²²⁰ в честь апостола Варфоломея, кот<орый> сейчас божественно празднуется в Аббатстве, и Вам пишет. Почтенный! Если у тебя в день две мессы, одна в один ч<ас> длины или 50 м<инут>,

Солемское аббатство. Открытка. 22 августа 1927 г.

²¹⁹ В романе «L'Oblat» (1903) Ж.-К. Гюисманса (J.-K. Huysmans, 1848–1907).

²²⁰ Большая, то есть торжественная месса с пением (фр.).

другая в один ч<ас> и 15 м<инут>, иногда в 1 ½ часа, Vêpres²²¹ в 50 минут и Complies²²² в 40 минут — если к тому же иногда вместо одной Grande Messe их две, из кот<орых> одна Messe Basse²²³ в честь святого дня, а другая Cantata Requiem в честь всех мертвых, так что в день, вместо двух месс, у тебя их три! Если изредка, чтобы не окончательно обижать очень чувствительную на это Mère Hildegard²²⁴, ты до Vêpres в St. Pierre в 5 ч<асов> посещаешь Vêpres в Ste Cécile в 4 ч<аса>. Т. е., одним словом, если у тебя ежедневно от четырех до шести *бенедиктинских* служб и, кроме того, ежедневное посещение в течение одного часа Mère Hildegard для григор<ианского> пения — то, мой друг, достаточно одних путешествий на сии функции и участие на них душевное и телесное со всеми обязательными сидениями, вставаниями, коленопреклонениями — чтобы сильно утомить и занять время всякого кота.

К тому присоединили один час игры на рояле, писание «Гимнов», чтение, хотя и минимальное, но обязательное, les geras, una passeggiata²²⁵, несколько кратчайших chiaccherat²²⁶ с ближними твоими — и реши, много ли слов ты после этого будешь писать каждому из твоих корреспондентов: Пуффи, Диме, Тирану, О. Августину, Лид<ии> Юд<ифовне>, Евс<ею> Шору, Окороккову, Гите-Венгерочке, Мюзрам и иным случайным!!!!...!! Сегодня к тому же еще франц<узское> послание к Dom Mosquereau, где прошу о свидании, чтобы проститься и получить реком<ендательные> письма к Bonnet²²⁷, а также, чтобы он меня познакомил с Père Abbé Ferretti²²⁸, директором римского григор<ианского> института ami de Solesmes²²⁹, сюда прибывшим с Miss Уард²³⁰, миллионершей, американкой, создательницей америк<анского> института григор<ианского> пения для нескольких тысяч учеников, в New York, сотрудницей, ученицей Dom Mosquereau, обладательницей черного пони с красными попонами. Ferretti, быть может, поспособствует органной позицион К. И. в Риме. Chi lo sa²³¹. На всякий случай.

Мой Пуф! А что делаешь ты — что пишешь своей Кошке так мало? Сам поуди, сколько ты-то написал ей? Кто скупой? Писать о душевной жизни, правда,

²²¹ Вечерня (*фр.*).

²²² Всенощная (*фр.*).

²²³ Месса без пения (*фр.*).

²²⁴ «Mère Hildegard была очаровательным веселым существом с прозрачной детской душой. Она была сестрой одного из очень именитых исследователей григорианской музыки, автора многих трудов, Dom Mosquereau. Ее брат, виолончелист, по примеру своей сестры Hildegard, покинул мир в 25 лет и поступил в бенедиктинский орден. Брат и сестра прожили всю жизнь в соседних монастырях. Им было за семьдесят лет, когда я с ними познакомилась.» // *Восп.* С. 209.

²²⁵ Обеды (*фр.*), прогулка (*ит.*).

²²⁶ Болтовни (*ит.*).

²²⁷ Неотождественное лицо.

²²⁸ Paolo Maria Ferretti (1866–1938).

²²⁹ Другом Солема (*фр.*).

²³⁰ Justine Bayard Ward (1879–1975).

²³¹ Кто это знает (*ит.*).

не могу — нет сил столько писать, да и не к чему. Скоро увидимся. Говорить, что К. И. закрылась в «своем» мире, разумно ли? Я, наоборот, только и делаю, что открыться не в свой мир — или, если в свой, то тот свой, который наш общий. Когда ты причащаешься, ты в этом же самом «своем» мире. Это один мир, и быть в нем — быть открытым, а не закрытым. В этом вся и жизнь душевная. Об этом писать и не следует. Достаточно сообщения, что каждое утро хожу по зеленой аллее, кот<орая> так понравилась душешке котуку, в Abbaye Ste Cécile в 8 ч<асов>, где причащаюсь, и к 9 ч<асам> возвращаюсь домой: птицы поют, солнышко улыбается, благоухают цветы и зелень. Иногда теперь заменяю Ste Cécile утренней мессой в St. Pierre. Там очень хорошо. Иногда всего 1, 2, 3 человека. Служится во всех приделах одновременно, так что и звоночки не звонят, чтобы не мешать друг другу. Один служит лучше другого, т. к. монахи здесь настоящ<ие> монахи и необыкновенные. Table de communion²³² в маленьких часовнях нет. Служится перед скульптурами 13-го — 15-го веков на каменных алтарях маленьких, перед которыми ты и причащаешься без преград. Совершенные службы в катакомбах. Вот мир Кошки Ивановой. Из чего ты заключаешь, что Кот «стареется через силу быть веселой»? Какая чушь! Какая ерунда! Что за вздор! Отчего ты не пишешь о себе, о своем распределении времени. И об окружающих тебя. Едешь ли ты в Subiaco? Perché no? Sarebbe tanto bello?²³³ А то и в Olevano хорошо! Или денег нет на Olevano? Che s'entra Яворский²³⁴ и его прогулки по Европе? Он разве перевозчик денег теперь, вместо моего sweet heart Sweitzer'a²³⁵?

К. И. едет в Париж 28-го в воскрес<енье> опять в Hôtel de la Présidence, 13 Rue de Penthièvre, Paris-VIII. Там буду ждать денег на вояж и свидетельство Цекубу и вообще сообщений. Не могу скрыть своего глубокого кошачьего возмущения, что Вы мне не узнали точно дня органного экзамена или осенних экзаменов вообще! Почему? Зачем заставлять меня рассчитывать по воздуху, когда мне ехать? Via dei Greci так близка! Ну, рассчитала теперь так, что 28/VIII буду в Париже, где пробуду (как хотелось бы) дней 6, 8. Посмотрю Лувр и тех, кого застану, и поеду в Рим. Место органистки, по-видимому, возможно получить мне в Les Mans — mais c'est trois heures de Paris. Enfin nous verrons. Ecrivez moi chère Puffy. Et jugez par vous-même si ce n'est pas fin désagréable de rester seul sans lettres. Il est vrai, que “Dym” m'écrit toujours des petites bêtises amusantes et très gentils. Mais enfin Dym c'est une “personnalité” — Vous, vous êtes une autre? Et au lieu avoir des mauvais songes, ne serait il pas mieux de tenir un peu contact avec votre chat. Puisque il écrit volontiers a tous ceux, qui lui répondent et avec grande difficulté, quand on le laisse faire des monologues.

Donc j'attends une lettre à Paris. 1) Une lettre 2) l'information du jour (où temps) de l'examen 3) de l'argent pour le voyage et si s'était possible aussi un peu pour acheter quelque vêtement à Paris: un manteau demi-saison, une robe pour tous

²³² Престола (*фр.*).

²³³ В Субиако? Почему нет? Было бы так хорошо (*ит.*).

²³⁴ При чем тут... (*ит.*). Болеслав Леопольдович Яворский (1877–1942), музыкант, член ГАХН.

²³⁵ Любезного Швейцера (*англ.*).

les jours, un chapeau, quelques articles de parfumerie pour 400–500 francs. Du reste ce n'est pas obligatoire, seulement très désirable et pratique à Paris. Aussi du linge pour les messieurs de notre famille, si ils en désirent. 4) le certificat de Tsekoubou²³⁶.

На чем К. И. кланяется и благодарит (за печенку и за тоску).

Мр... р... р... Да.

Пиши.

Кошка Иванова.

P. S.

Такова марка на моей бумаге почтовой <выше — рисунок пером: лев около колонны>, несмотря на ее небесный цвет — Toile Marengo.

К. И.

Он (сей лев ретивый) шлет поклонны льву Bocca di Leone и тем двум, кот<орые> у нас в portone²³⁷. Их К. И. всегда по носу с решпектом гладит.

Нумпес — всего два пока. Но готовы для ф<орте>п<ьяно>. Потом сделаю транскрипцию. Третий что-то не вылупливается. Органу придаю значение. Думаю, что могу играть не плохо, если буду работать si carisce²³⁸.

Л. В. Иванова.

Рисунок в письме от 24 августа 1927 г.

Адрес: Italie. Prof. Venceslao Ivanov. 50, Bocca di Leone. Roma-8. Exp. K. I. Почтовые штемпели: 24.8.27, Sarthe; 27.VIII.1927, Roma.

²³⁶ В Ле-Ман, но это три часа от Парижа. Увидим. Пишите мне, дорогой Пуффи. Судите сами: не неприятно ли остаться одинокой и без писем. Это правда, что «Дим» пишет мне разную милую и забавную чепуху. Но «Дим» теперь уже «личность». Вы ведь другая личность? И вместо того, чтобы видеть дурные сны, не лучше ли поддерживать связь с Вашей кошкой? Потому что она легко пишет тем, кто ей отвечает и с большим трудом, когда ей остается монолог. Итак, жду в Париже: 1. Письма. 2. Сведений о времени (дне) экзамена. 3. Денег для путешествия, а также, если возможно, чтобы купить одежды в Париже: демисезонное пальто, повседневное платье, шляпу, какую-то парфюмерию на 400–500 франков. Это необязательно, только что хотелось бы, да и в Париже цены меньше. А также и постельное белье для господ из нашей семьи, если они таковое желают. 4. Сертификат из ЦЕКУБУ (*фр.*).

²³⁷ Входная дверь (*ит.*).

²³⁸ Ясное дело (*ит.*).

«И МНЕ НАДО ЗАРАБОТАТЬ ЛЮБОВЬ ИТАЛИИ»:
ПЕРЕПИСКА ИВАНА ШМЕЛЕВА С ЕЛЕНОЙ ГРИГОРОВИЧ

Эльда Гаретто, Андрей Шишкин

Переписка живущего во Франции писателя с его переводчицей в Италии дает представление о сложности путей, которыми творчество русского изгнанника приходило на Аппенинский полуостров. Эпистолярное общение И. Шмелева и Е. Григорович началось с обсуждения издательских условий по публикации повести «Неупиваемая чаша» и возможности каких-то перемен в ее тексте. Но уже в следующем письме от 12 ноября 1930 г. Шмелев говорил о своем творчестве, объясняя универсальный, внеациональный характер Ильи, главного героя повести:

Италия... оказалась для моего Ильи <...> как-бы, второй родиной: ведь она приготовила его, а душа его *повела* его в мир — на искус, на подвиг, никем на его родине не понятый. Я знаю, я чувствую, что Илья не только русский: он — всякий, ибо он носитель *общего* идеала, он — дающий другим идеал, он — ведущий. <...> Илья прошел через Италию, через «воздух искусства», чтобы — довершить жизнь-подвиг, чтобы найти и показать красоту-святое. «Ватикан» многое дал ему. И он заплатил и ему, Ватикану, и — Родине, за *все* заплатил — за муки и за счастье.

В том же письме автор давал переводчику подробные лексикографические пояснения, основанные на глубоком знании родного ему быта:

Жемки — единственное число — жемóк, от глагола жать: тут значит — прянички, скатанные в руках и расплюснутые нажимом между ладонями. Krokanten — нет, конечно... это «хрустящее» что-то, «сухарик» — крокинльоль... а надо, знаете, — круглые, чуть приплюснутые, всегда вязкие, но может быть и сухие прянички, лепешечки. У итальянцев должны быть — на ярмарках народное лакомство, прянички. Зипун — русский кафтан, без стоячего воротника, верхний кафтан от непогоды из дмотканного сукна, собственно полукафтанье, со сборами сзади, обычно цвета серого или смурого, что значит буровато-серого. Кумач — бумажная ткань, как бы ситец, но сплошного цвета, обычно, чаще всего — алого, красного, иногда — синего.

Извещая Шмелева о долгожданном выходе в свет авторизованного перевода повести, Елена Григорович рассказала о своем отношении к предпринятому ею делу: «Та сила, какой творился этот перевод, то, что переживалось мной, верю, будет невидимо творить благое — как молитва» (письмо 10). При желании, в этих словах можно увидеть отнюдь не только экзальтированность антропософской дамы — сама повесть, по мысли Григорович, принадлежала не развлекательной, а высокой «учительной» литературе: «Пусть книга, как икона Ильи, “ходит, ходит” по базарам и площадям Италии и очищает и целит» (там же). Подобные утопические упования были возможны

у просветителей XVIII века, но в конкретной ситуации Европы или Италии 1930-х годов были достаточно мало обоснованы.

Из всех своих книг Шмелеву представлялось особенно важным увидеть изданной в Италии свою «страшную книгу» (А. Амфитеатров) — «Солнце мертвых». «Апокалипсис русской истории» (Ю. Айхенвальд), «первое по времени настоящее свидетельство о большевизме» (А. Солженицын¹), эта книга в 1920-х годах была переведена на немецкий, чешский, английский, сербохорватский, французский языки. В 1930 г. ее задумал опубликовать на итальянском в серии «Русская библиотека» издательства Биэтти (Bietti) писатель и переводчик Ринальдо Кюфферле². У Шмелева были сведения, что перевод полностью завершен, однако не получая в течение ряда лет известий от Кюфферле, писатель, забыв всякую осторожность, послал из оккупированного нацистами Парижа Елене Григорович лихорадочный призыв (это едва ли не самый примечательный документ из печатаемой нами переписки: открытка с письмом подверглась вивисекции военной цензуры, у нее отрезана нижняя часть и выскоблена целая строка):

«Солнце мертвых» должно выйти на итальянском. Это — должно быть сделано. И мне надо заработать любовь Италии. Это является оправданием усилий, сделанных Великой ... <далее строка, выскобленная цензурой, — А. Ш.> Память о наших страданиях должна быть вечной для мира. Моя книга читается на семи языках. Она должна читаться на языке любви — на итальянском. Содействуйте, во имя Родины! (письмо 12).

После падения фашизма и окончания Второй мировой войны в 1947 г. Шмелев с горькой иронией вновь возвратился к жизненно важному для него вопросу: «Очень прошу: дознайте у Bietti: что же? “Солнце мертвых”? Лежит? Нельзя?... И — теперь?.. Что же с переводчиком — Р. Кюфферле?» (письмо 13). Кюфферле на этот раз прервал свое молчание и 17 октября 1947 г. сообщал Шмелеву: «С “Солнцем Мертвых” было плохо: при фашизме невозможно было думать о печати этой вещи, а теперь, при демократическом — но слишком уже “черно-красном” — строе, внешние условия еще меньше советуют печатать. Да и кризис ужасен: многие издательства больше книг не выпускают вообще»³.

Осужденный на небытие на своей родине, Шмелев писал все в том же письме 1947 г.:

Написано — много. А «толку» мало. Толк — потом. Но не ропщу. Иные мои книги стали — всенародными. Если бы *наша* Россия, в каждом доме были бы «Лето Господне» и «Богомолье». Бу-дут, когда меня не будет. Но это не важно: *есть*. «Богомолье» переводится на немецкий язык. Надо бы... латинский!

¹ Солженицын А. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых». Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 7. [Электронный ресурс:] http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1998_7/Content/Publication6_4769/Default.aspx

² См. о нем: Гаретто Э. Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — переводчик, издатель, критик и корреспондент И. А. Бунина (на материале личных и издательских архивов) // Литературный факт. 2019. № 1. С. 276–311; Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., РОССПЕН, 2019.

³ Фонд И. С. Шмелева (№ 41) // ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» (далее: Фонд Шмелева, ДРЗ).

И с мягкой самоиронией продолжал:

«Лето Господне», пополненное 25¹⁰ главами (все 40) — выходит у ИМКА-press осенью. Большой том, страниц 500. Все мои книги разошлись! Их *ищут*. А я ищу... на проезд. «Подайте мальчику на хлеб... Он Велизария питает». Но не ропщу. Медитирую.

С И. С. Шмелевым Елена Григорович⁴ познакомилась в один из своих приездов в Капбретон к семейству Бальмонта, с которым дружила с 1910-х гг.⁵ Именно мнение Бальмонта, как можно предполагать, послужило Шмелеву поручительством, что Е. Григорович на достойном уровне выполнит перевод его повести «Неупиваемая чаша».

Живопись была ее главным делом, но с 1910-х гг. Елена Юстиниановна занималась также переводческой деятельностью⁶. Как последовательницу антропософских теорий, ее, по всей вероятности, вдохновила особая духовность и итальянский подтекст «Неупиваемой чаши».

Публикуемая здесь переписка, где речь идет почти исключительно о переводе повести, целиком не сохранилась. Не выявлены письма Григорович за первые годы работы над переводом (1930–1932). Значимую информацию в этой связи содержит переписка И. Шмелева с А. В. Амфитеатовым.

И. С. Шмелев. Париж, 1934.
Фотографии Бориса Липницкого

⁴ Елена Юстиниановна Рыбачкова-Григорович (1872–1953) — художница, переводчица. См. о ней: *Гаретто Э.* Елена Григорович — художница, антропософка, бывшая террористка // Персонажи в поисках автора. Жизнь русских в Италии XX века. М., 2011. С. 59–71; Переписка М. А. Волошина и Е. Ю. Григорович // Русско-итальянский архив. VII. Salerno, 2011. С. 189–206; Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019.

⁵ Бальмонт в переписке с И. С. Шмелевым и в своих письмах к Григорович называл ее «Rondinella» (ласточка) // Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву: Письма и стихотворения. 1926–1936. Сост., подгот. текстов и коммент. К. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина. М.: «Собрание», 2005; *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. Москва, 1997. Письма Бальмонта к Е. Григорович хранятся в римском архиве Вяч. Иванова.

⁶ Ср. *Алеш Г.* Ренессанс в Италии. Пер.: Е. Ю. Григорович. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916.

Уже в 1926 г. Шмелев, отправляя своему корреспонденту новоизданную повесть, вспоминал драматичный период работы над ней и давал ей свою оценку:

Горькая и сладкая это была для меня работа! А как писалась! Ни единой книги, даже Евангелия, не было! Ни единой справки! В пустоте писалась. Сердцем. Господь помог. Страшно об Италии было писать. Я же не видал Италии. Но — как-то — перенесло. Тоской и светлотой писалась. Потом, когда настали ужасы и предсмертное, — когда мы с женой остались одни, в мал<еньком> домике на горах, за городом, — и протекли дни мертвые, — и я болел глазами и ждал одного — умереть, — это было зимой 21–22 гг., я просил жену прочитать мне «Н<еупиваемую> ч<ашу>», как прощанье. Она читала мне 4 вечера при огне печки, а я сидел в углу (воспал<ение> рад<ужной> обол<очки> глаз — нестерпим<ые> боли при един<ом> блеске света). И странно — я слушал «<Неупиваемую> чашу», как **не** мое, как **отпуст**, — и она меня успокаивала. Поднималось **в душе иное**, высшее, чем все **наше**. Свет не мучающий — в меня лился. Странная эта «чаша», особняком стоит среди моих писаний. Да, она оч<ень> многим нравится. Но — чистым людям. Она, ведь, чистая. С **той** поры, с ночей черных, я уже не раскрывал ее. Я, вообще, никогда не читаю своего, т.е. не перечитываю после просмотра печатного. Не могу раскрыть и читать, раны трогать⁷.

Тема переводов «Чаши» и многочисленных затруднений, связанных с ними, возникает в переписке Шмелева с Амфитеатровым в последующие годы. В августе 1928 г. Шмелев сообщал:

Да, одна дама взялась переводить на итал<ьянский> яз<ык> «чашу». Нашла слово для «неупиваемая» — как-то вроде «инконсомавле», что ли — ей ученый ит<альянский> монах сказал⁸! Нарочно ему писала в Рим, и переводит — как крестит<ся>! А уж найдет ли издателя — ????? А фамилия ей Григорович, век жила в Италии⁹,

и еще:

я ей разрешил за ее восторженность и «религиозность» — обожание «чаши»¹⁰.

Амфитеатров, с 1926 года состоявший в активной переписке с Ринальдо Кюфферле, с восхищением писал ему о повести:

Нежная, трогательная легенда о крепостном художнике-мистике, платонически влюбленном в свою госпожу и оставившем, по смерти своей, ее идеальный портрет — образ Богоматери, к<ото>рый впоследствии народ признал чудотворным («Неупиваемая Чаша»). Совершенство по тону и стилю. Глубокая народность в соединении с редким изяществом¹¹.

Становится понятно, почему несколько лет спустя, в 1931 году, именно Кюфферле, который к этому времени организовал в миланском издательстве

⁷ Письмо Шмелева к Амфитеатрову от 18 декабря 1926 г. // Amfiteatrov Mss., folder Shmelev, Lilly Library, Indiana University.

⁸ См. прим. 13 к письму № 2.

⁹ Письмо Шмелева к Амфитеатрову от 23 августа 1928 г. // Amfiteatrov Mss.

¹⁰ Письмо Шмелева к Амфитеатрову от 16 ноября 1928 г. // Amfiteatrov Mss.

¹¹ Письмо Амфитеатрова к Кюфферле от 10 декабря 1926 г. // Архив Ринальдо Кюфферле, Фонд Мондатори, Милан.

Биетти серию «Русская библиотека» и уже вел переговоры со Шмелевым по поводу перевода «Солнца мертвых», предложил издательству перевод Григорович и добился, чтобы с ней был заключен договор¹².

Узнав об этом, Шмелев поспешил поделиться радостью и выразить благодарность Амфитеатрову:

Теперь — «Чаша» в Италии. Я знаю, что благодаря Вам и хлопотам милого Rinald'ика Küfferle, — пошли Вам Господь здоровья, «Неупиваемая чаша» выйдет, а я получил все же 250 л<ир> и мог купить угля и вернуться с дачи¹³.

О плане издателя мы узнаем из письма Кюфферле к Амфитеатрову от 5 ноября 1931 г.: книга должна быть предназначена ограниченному кругу читателей, ее следует предварить кратким предисловием, где была бы обозначена художественная ценность книги и ее место в литературной продукции Шмелева¹⁴. Одновременно в том же издательстве готовилась к выпуску книга «Солнце мертвых». Подготовить предисловие к обоим изданиям было поручено Амфитеатрову. («Я счастлив, что Вы согласились дать предисловие к Чаше», — писал Шмелев)¹⁵.

2 января 1932 г. Кюфферле сообщал И. Шмелеву:

Извещаю Вас, что «Солнце Мертвых» и «Неупиваемая Чаша» уже поступили в типографию. <...> Ал. Вал. Амфитеатров написал два чудных предисловия к «Солнцу Мертвых» и «Неупиваемой Чаше». <...> Итальянский облик «Неупиваемой Чаши» также тих и светел, как и русский; дух автора схвачен Г-жой Григорович поразительно. Кое-где похрамывает орфография, но скудности языка я не заметил. Поэтому можете быть уверены, что и эта книга будет представлена здесь достойно¹⁶.

Однако по ряду неясных обстоятельств публикация «Неупиваемой чаши» была отложена на год, книга вышла в свет вне серии «Русская библиотека» в весьма скромном «экономическом» варианте, без предисловия.

Разочарование Григорович из-за столь скромного вида книги разделял и автор, который считал, что издательство повело себя недостаточно корректно:

Вкатили в «Чашу» — «Мэри» и «Мой “Марс”», нежданно и, понятно, не заплатили ни сантима. Что поделаешь!¹⁷

¹² «Г-же Григорович я написал сегодня, что, если “Неупиваемая Чаша” еще не пристроена, я сам сделаю в Милане кое-какие попытки в ее пользу» / Письмо Р. Кюфферле к И. Шмелеву от 15 марта 1931 г. // Фонд Шмелева, ДРЗ; «Ho fatto acquistare dalla Casa Bietti *L'inconsumabile Calice* tradotto da Grigogovic («Я настоял, чтобы издательство Биетти купило права на перевод Григорович “Неупиваемой чаши”» — ит.) / Письмо Кюфферле к Амфитеатрову от 28 октября 1931 г. // Amfiteatrov Manuscripts, folder “Küfferle”, Lilly Library, Indiana University.

¹³ Письмо Шмелева к Амфитеатрову от 9 ноября 1931 г. // Amfiteatrov Mss.

¹⁴ «Un'edizione ben curata, trattandosi di un libro destinato non al largo pubblico <...> una breve prefazione da premettere al *Calice* con lo scopo di rivelarne il valore artistico e di precisare il suo posto nella produzione letteraria di Scmeliov» // Amfiteatrov Mss., folder “Küfferle”.

¹⁵ Письмо Шмелева к Амфитеатрову от 16 декабря 1931 г. // Amfiteatrov Mss.

¹⁶ Письмо Кюфферле к Шмелеву от 2 января 1932 г. // Фонд Шмелева, ДРЗ.

¹⁷ Письмо Шмелева к Амфитеатрову от 12 февраля 1933 г. // Amfiteatrov Mss.

Многочисленные вопросы Шмелева Амфитеатрову относительно критических отзывов и восприятия итальянской публики также остались без ответа.

Итальянское издание «Солнца мертвых» не состоялось ни до ни после войны. По сохранившимся в архиве Кюфферле источникам мы знаем только, что перевод был выполнен не им, а другим переводчиком, что Кюфферле «тщательно проредактировал всю книгу»¹⁸, и что в 1951 г. он попытался издать «Солнце мертвых» у римского издателя Gherardo Casini, — тоже без результата. Вопрос о том, почему публикация «Солнца мертвых» была сочтена несвоевременной как в фашистское десятилетие, так и в освобожденной послевоенной Италии, мог бы послужить темой отдельного исследования.

1. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович*
Капбретон, 22 июля 1930 г.

22 VII 1930

Capbreton s/m
Villa «Riant-séjours»
Landes

Многоуважаемая Елена Юстиниановна,

Да Господь с Вами, — у меня и в мыслях не было помешать Вам завершить перевод и устройство «Чаша»! Это — Ваше духовное право, а мое *слово*¹. Верю, что Вам удастся благое дело. Будьте здоровы, полны сил — горячо желаю. Передайте мой привет собрату Mr Dodsworth², который принял сердечно мою «Чашу» и полюбил ее (в Вашем отображении) — признательность мою передайте. — Об условиях трудно мне говорить, плохо осведомлен. Предпочту en bloc. Ну, заплатят 1500–1200 франков — ладно³. А о % — где усчитать! Видите, я покладливый <?>? О себе сами уж решите с издательством. Адр<ес> чудесного Rinaldo Küfferle — он сын известного скульптора-итальянца и русской матери (умершей, увы!)⁴, родился в Петербурге, выехал из России в 1917 г. Отец его, между прочим, вылепил-создал орлов к памятнику Александру III в Москве

¹⁸ Из письма Кюфферле к Шмелеву от 2 января 1932 г.

* Публикация Эльды Гаретто и Андрея Шишкина. Публикуемая переписка состоит из 14 писем. Письма И. С. Шмелева хранятся в Римском архиве Вяч. Иванова, письма Е. Ю. Григорович в Фонде Шмелева, ДРЗ. Все письма публикуются по автографам.

¹ Разрядка передается жирным курсивом.

² Имеется в виду Edmondo M. Rubini Dodsworth (1877–1950), поэт, эссеист и переводчик английского происхождения; редактор Литературного приложения к периодическому изданию Il Mare; друг и переводчик Эзры Паунда, был близок к кругам эзотериков, в частности, к Ю. Эвола (J. Evola).

³ Кюфферле 10 февраля 1930 г. писал Шмелеву: «Издательство Биетти платит авторам от 1000 до 1200–1500 французских франков, смотря по размеру произведений» // Фонд Шмелева, ДРЗ.

⁴ Отец — Пьетро Кюфферле (1871–1942); мать — Анна Будайтис (1883–1919), из литовско-польской семьи.

и группу, наделавшую шума, — Христос и Толстой⁵). R. Küfferle — высокоталантливый (молодой) писатель и критик. Высшая школа — в Италии, но прекрасно говорит и пишет по-русски. У-ди-вительно. Он создает русский отдел у Bietti (Milano)⁶. Его адрес 46, via Ampère, Milano (132). Сошлитесь на меня, на мою к нему просьбу. «Чашу», кажется, он знает. Он переводит еще «Солнце мертвых», для Bietti⁷. В крайнем случае, что он скажет — то и возьму за «Чашу». Она уже *есть* на восьми языках. Только что появилась по-французски, в переводе Henri Mongault в № 109 recueil littéraire «Les Œuvres Libres» (известный сборник). У меня один экземпляр только. Edit. Arthème Fayard et Co 18–20, rue du Saint-Gothard Paris, 7 fres⁸. Может быть достанете? Итальянский язык — девятый, шведский <1 нрзб.> — десятый!

Ринальдо Кюфферле. 1905

Еще, дабы не оскорбились в Ватикане, Вы сочтете нужным выключить на стр. 36ой — слова Каплюги — «ту ногу не целуй, смотри!» (папы!)⁹. Это исключительно для Италии. И потом — я папу этого уважаю высоко за его помощь гонимым в Р<оссии>¹⁰. Дай ему Господь сил и славы христианской, святой славы во имя Христова! Этого — нельзя забыть.

⁵ На выставке Общества художников цензура не пропустила скульптурную группу «Лев Толстой и Спаситель». О Кюфферле-отце см.: Карпова Е. В. Пьетро Кюфферле, итальянский скульптор в Петербурге // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. X. СПб., 2012. С. 132–153; Mario Lupi. Pietro Kufferle scultore dello Zar. Pontedera, 2012.

⁶ Имеется в виду серия «Biblioteca Russa», в которой под редакцией Кюфферле были изданы сочинения И. Бунина, М. Алданова, Тэффи, Б. Зайцева и др.

⁷ В письме от 9-го июня 1930 Кюфферле писал Шмелеву: «Зашел к моему издателю и предложил ему приобрести у Вас исключительное право на итальянский перевод “Солнце мертвых”. <...> Мне бы хотелось включить ее в первую серию “Русской библиотеки” и я прошу Вас прислать мне на это Ваше согласие» (Фонд Шмелева, ДРЗ).

⁸ La coupe inépuisable, tr. H. Mongault, «Les Œuvres Libres», № 109, VII, 1930, pp. 85–154. Известны также два предшествующих издания в переводе Mongault, 1924 и 1925 г. // Bibliographie des oeuvres de Ivan Chmelev. Ét. par D. Schakhovskoy. Paris, 1980. P. 27.

⁹ Шмелев имеет в виду следующую реплику дьячка Каплюги: «Есть в городе всесветном именуемом Рым-город самый главный собор и сидит в том соборе папа римский за Христа почитаемый. Всем велит целовать ногу. Ту ногу не целуй смотри». Эти слова в итальянском переводе исключены.

¹⁰ Видимо, Шмелев имеет в виду письмо папы Пия XI (1857–1939) от 2 февраля 1930 с призывом начать «крестовый поход молитв» во искупление грехов преследующих религию, письмо осуждало антирелигиозную кампанию и аресты священников в СССР. См.: Е. Токарева. Пий XI // Католическая энциклопедия. Т. III. М., 2007. С. 1518.

Будьте здоровы, бодры. Да увидит свет «Чаша» через Ваш душевный подвиг и творчество Ваше и дорогого мистера Dodsworth'a!

О. А.¹¹, Ивик¹², я — все шлем приветы Вам!

Ваш Иван Шмелев.

<в верхнем левом углу первого листа:> Об исключении слов о «целовании папской ноги» и том, что «за Христа почитаемый» — на Ваше усмотрение. Можно конечно снять... Папа Римский. Я мечтаю послать будущую книгу итальянскую — Папе Пию XI. С почтительным поклоном. И. Ш.

2. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
Сэвр, 12 ноября 1930 г.

12 ноября 1930

Сэвр

Дорогая Елена Юстиниановна,

Обрадовало меня письмо Ваше, — дал бы Господь, устроилось! Что-то «ведущее» грезится мне во всем этом. Италия... оказалась для моего Ильи, для нашего, можно сказать, Ильи... как-бы, второй родиной: ведь она ~~выработала~~ приготовила его, а душа его *повела* его в мир — на искус, на подвиг, никем на его родине не понятый. Я знаю, я чувствую, что Илья не только русский: он — всякий, ибо он носитель общего *идеала*, он — дающий другим идеал, он — ведущий. И недаром *так* отнесся к «Чаше» мудрый padre¹³: он *все* понял, и может быть больше, чем все. И потому-то нашел время и силы «править». Илья прошел через Италию, через «воздух искусства», чтобы — довершить жизнь-подвиг, чтобы найти и показать красоту-святое. «Ватикан» многое дал ему. И он заплатил и ему, Ватикану, и — Родине, за *все* заплатил — за муки и за счастье. В великой душевной смуте, в великой скорби писалась «Чаша». И — выписалась. И Ваш художник почувствовал ее. Да, только художественные натуры *так* могут почувствовать, — избранные. Вы, чуткая художница, и ваш padre, — художественная душа! — и Вс. П. Никулин¹⁴. И — тысячи моих читателей, знаю. Но не для «читателя» — *все*-то в «Чаше», знаю.

Прилагаю короткое уполномочие. Сам я не хотел бы списываться и уговариваться с издателем. Сколько заплатит — столько и возьму. И все. Не могу я ценить

¹¹ Ольга Александровна Шмелева (урожд. Охтерлони, 1875–1936), жена И. Шмелева.

¹² Ивистион (Ив) Андреевич Жантийом-Кутырин (1920–2016), сын племянницы Шмелева Ю. А. Кутыриной и А.-Р. Жантийома, крестник и воспитанник И. Шмелева. Автор книги «Мой крестный: воспоминания об Иване Шмелеве». М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010.

¹³ Можно думать, что речь здесь идет о Дж. Тринкери (Giuseppe Trinchero, 1875–1936), члене ордена варнавитов и последователя польского мистика А. Towianski. О. Тринкери был временно запрещен в служении и Э. Монтале посвятил ему стихотворение «Odore di eresia» («Запах ереси»). Тринкери перевел кн. Rudolf Steiner, *Federico Nietzsche, lottatore contro il suo tempo*; traduzione di G. Trinchero, Lanciano, Carabba, 1935 и был близок среде итальянских антропософов.

¹⁴ В. П. Никулин (1890–1968), художник. См. о нем: *P. Vassena*. 1) L'archivio privato di Vsevolod Nikulin // Русско-итальянский архив. X. Salerno, 2015. С. 275–296; 2) В. П. Никулин // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019.

авторские права, в *этом* случае, когда друзья «Чаши» так жертвенны. Напишу Кюфферле Ваш точный адрес. Я уже писал ему дней 10 тому, что Вы не получили от него ответа. Он писал мне, что «Чаша» по объему мала для итальянской книги — ! — Я ему написал, что можно строчку короче, бумагу получше...

Да, только не «красный молот» Кorbаччо!¹⁵ И еще писал мне Кюфферле, что «Чаша» не защищена: грабят итальянские издатели многих¹⁶: и меня, и Бунина, и Ремизова... Да, пусть так, но художественное издание само себя защищает — ценой и *своей* публикой. Верю, что «Чаша», в Вашем переводе, выйдет в Италии! *Должна!*

О «барыне и госпоже» — как Вам лучше покажется. Мне-то нравится больше — «Греки», и для барина это подходит — «Греки», он, видимо, чувствует в сем слове о-чень важное. Но и «Древние» тоже хорошо¹⁷. Как лучше *звучит* по-итальянски, так и решите. *Жемки* — единственное число — жемок, от глагола *жасть*: тут значит — прянички, скатанные в руках и расплюснутые нажимом между ладонями. *Krokanten* — нет, конечно... это «хрустящее» что-то, «сухарик» — крокинль... а надо, знаете, — круглые, чуть приплюснутые, всегда вязкие, но может быть и сухие прянички, лепешечки. У итальянцев должны быть — на ярмарках народное лакомство, прянички. *Зипун* — русский кафтан, без стоячего воротника, верхний кафтан от непогоды из домотканного сукна, собственно полукафтанье, со сборами сзади, обычно цвета серого или смурого, что значит буровато-серого. *Кумач* — бумажная ткань, как бы ситец, но сплошного цвета, обычно, чаще всего — алого, красного, иногда — синего.

Не откажите — засвидетельствовать от меня глубочайшее почтение и низкий — русский — поклон Его Высокопреподобию — или как? — «падре», ученому, богослову. Не знаю я его, никогда не видел, но он вот — в сердце у меня. Почему он так близок мне? Я чту всех, в области Духа работающих, во имя Божие. Знаете... я снова *учусь* молиться. Я был бы счастлив принести мою итальянскую «Чашу» в почтительный дар Его Святейшеству. Что Господь даст.

Поблагодарите от меня и художника¹⁸. Что-то о нем было в печати, как о большом мастере... может быть Амфитеатров писал. Запрошу Амфитеатрова.

Горячо благодарю Вас. Скажите, если нужно — вышлю американское издание и испанское?¹⁹ О. А. шлет Вам свой душевный привет, страстно желает нам удачи. Ивик с нами, заболел — простудился, пока насморк. Вырос, молодцом. Марки с Ваших конвертов просит — даю, режу: марочник дотошный, все мои письма ограбляет, а отказать — больно. Будьте здоровы, славная вы, добрая, чуткая душа-художник!

Господь да будет над Вами! Душевно Ваш, преданный Ив. Шмелев.

Какая же Вы — *особенная!* Так чувствую, так и Б<альмон>т мой сказывал.

¹⁵ Миланское издательство, основанное в 1923 г. Enrico Dall'Oglio. «Русская серия» издательства выходила с изображением красного молота на титуле.

¹⁶ Авторское право соблюдалось издателями только в течение 10 лет.

¹⁷ У Григорович (главка 3, 4, 8) *греки* — *Greci*.

¹⁸ Как можно думать, итальянское издание «Чаши» предполагалось выпустить с иллюстрациями В. П. Никулина.

¹⁹ El caliz inagotable. Madrid, 1927, 1930; Inexhaustible cup. New York: E. P. Dutton & Co., 1928.

<В верхнем левом углу первого листа:> Посылаю Вам № «России и Славянства» со статьей профессора Кульмана²⁰, для лучшего со мной «знакомства».

<В верхнем правом углу первого листа:> Простите за мой дикий французский язык!

З. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
Севр, 16/29 декабря 1930 г.

16/29 декабря 1930

Sèvres (S. et O.)

Дорогая Елена Юстиниановна,

С Новым Годом Вас — и здоровьем, и — удачами! — и с наступающим, родным, Рождеством Христовым! — От всей тройки нашей, от всей кельи. Холодно, но уголь греет нас (и сжигает карман немилостиво).

Выставка Ваша²¹ да обрадует Вас и понимающих Вас! К. Д. Бальмонт высоко Вас ценит. Я — увьи! — не знаю, но чуткость, тонкость духовную Вашу, любовь к высокому искусству — чувствую — чую. Да наградит Вас Господь, от Него же — подлинное искусство!

И. С. Шмелев и К. Д. Бальмонт. Париж, начало 1930-х.
Фотография Бориса Липницкого

²⁰ Н. К. Кульман (1871–1940), по словам К. Бальмонта, «новгородский русак с немецкой фамилией» (Звезда. 1997. № 8. С. 163), — профессор русской словесности в Сорбонне. Статья *Иван Шмелев. К 35-летию литературной деятельности* вышла в газете «Россия и Славянство», № 99, 18 октября 1930.

²¹ Документировано известны только выставки во Флоренции в 1935 г. и в 1937 г. в Милане в галерее Pesaro.

Написал Rinaldo (Петровичу) Küfferle. Дал Ваш адрес и просил отозваться. Кое-что пояснил ему, просил о возможном содействии, без ревности. Уверен, что написал уже.

Посылаю книги заказной бандеролью: испанское и американское издание «Чаша». Это — единственные у меня, из моей библиотеки «уников» (их 26^{ть}, «иностранцев»).

Посылаю Вам предисловие к «Чаше». <Добавлено в верхней части письма: А. Ш.>

(Не мог найти русский текст! И не посылаю).

Оно вышло и при голландском, и испанском, и американском издании. Ваше право — сами сочтете полезным — переделайте в предисловии строки из письма моего к Вам: я не помню. Если сочтете нужным из моего предисловия устранить строки о «злобе дня сего» — Ваше право.

Вышла в немецком издании Универсальной Библиотеки (80 пф., в переплете 1 м. 20) Philipp Reclam's, Майнц, моя книжечка “Liebe in der Krim”. Вероятно, найдете в Италии. Там «Nachwort» переводчицы M^{ме} Dr. R. Candreia, с подробной (сколько возможно <I нрзб.>) моей писательской биографией²². Дед-Мороз...? Принесет счастье? «Чаша» должна быть по-итальянски. Иначе — как же?!

За марочки Ивик целует Вас — плясал!

Если бы Brocchi²³ рискнул издать! Если он имеет искру Божию — не откажется.

Господь с Вами! Живите в Нерви²⁴, берегите нервы, дышите фиалками. Дни подрастают, тепло пойдет. Было бы тепло — душе!

Будьте здоровы.

Ваш Ив. Шмелев.

Очень я растериваю все, а были (цели ли?) очень лестные отзывы американской печати о «Чаше». Но что американцы!? Пусть «Чаша» «сама» скажет тем, кто может слышать. И. Ш.

4. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
<?>, 5 марта 1931 г.

5 марта 1931

Многоуважаемая и дорогая Елена Юстиниановна,

Кажется мне, что Вашей открытки не получал, а может быть и запомнил — затерялась в моей бумажной массе, да еще во время болезни — все последствия

²² Имеется в виду кн.: Liebe in der Krim. Aus dem Russischen Übertragen und mit einem Nachwort versehen, von Rebecca Candreia. Leipzig, 1930. О Реббеке Кандрейя (1882–1972) см. в кн.: «Современные Записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. М., 2014, по указателю.

²³ Предположительно речь идет о писателе Virgilio Brocchi (1876–1961): он дружил с Никулиным и жил в Нерви.

²⁴ Нерви — городок на лигурийском побережье.

гриппа, и до сих пор еще. Посылаю вырезки из газетных статей профессора Н. К. Кульмана. Не помню также, посылал ли Вам газету: кажется, послал с книгами. Чудеса — да и только!

Вы правы: предисловия лучше не надо, раз не по настроению²⁵. Нужны ли краткие биографические сведения? Сами решите. Если владеете немецким языком, pošлю «Liebe in der Krim». Будьте здоровы, и дай Бог, чтобы «Чаша» воплотилась.

Сколько работали Вы над ней!

Ответил ли наконец R. Küfferle? Я написал ему и указал Ваш адрес, точно. И опять получил от него только две мои итальянские книжки: «Человека» и «Под горами»²⁶, только.

Все мои кланяются Вам сердечно и посылают свои надежды. А так — что Господь дает.

Ваш Ив. Шмелев.

Всюду кризис, и книжное дело плохо.

5. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
Севр, 27 апреля 1931 г.

27 апреля 1931 г.

Sèvres

Дорогая Елена Юстиниановна,
Христос Воскресе!

Болезнь моя и хлопоты с переездом, упаковкой и прочее — опять пришлось делать рентгеновский снимок! — задержали мой отъезд²⁷. А на днях надо на летнее местожительство, и голова идет кругом, приходится большей частью лежать, — невесело и даже мрачно на душе.

Все равно, лишь бы «Чаша» вышла. Нет, ни в каком случае не имеете Вы права отказываться от гонорара, что Вы! Я удовлетворюсь любым гонораром, какие еще там тысячи! Что Вы?! Рад, что Rinaldo Küfferle может устроить. Я писал Вам, какой это чудесный человек. Затрудняюсь только, какой рассказ можно

²⁵ О решении издавать книгу без предисловия Шмелев так сообщал в письме А. Амфитеатрову от 16 декабря 1931: «Кстати, о “предисловии” к “Чаше”. Когда-то переводчица Е. Ю. Григорович писала мне, что издат<ельст>во не сочло удобным давать мое предисловие к голл<андскому> и америк<анскому> издан<иям>, чтобы книга не имела какой-нибудь связи с “политикой нынешнего времени”, — это вредит книге. М<ожет> б<ыть>, оно и право. Я-то писал, что посвящ<аю> книгу молодежи — вообще, — имеющей в душе *идеалы*. Пусть же “Чаша” остается “Чашей”, и говорит *сама*, да не увидят еще и в ней “тенденции”. Писалась она — как грезилась. И правду сказать — никогда я не стремился, чтобы мои творческие работы *учили* и толкали к<ого>-либо» // Amfiteatrov Manuscripts, Lilly Library, Indiana University, folder “Shmelev”.

²⁶ Ivan Schmeliov. 1) Memorie di un cameriere; romanzo tradotto direttamente dal russo da Lia Neanova e Caesar Stadlin, Milano: Delta, 1928; 2) Al piede dei monti. Romanzo. Trad. integrale dal russo di Ossip Félyne. Edizioni Corbaccio, Milano, 1929.

²⁷ Судя по переписке с Бальмонтом этого периода Шмелев собирался в Капбретон.

включить в книжку вместе с ... «Чашей»? Нет у меня такого. Единственно, что можно, — это «Росстани»²⁸. Я Вам, Бог даст, пришлю, когда устроюсь на летнее житие, как всегда — летом. Адрес старый.

От Küfferle сведений пока не имею, получил фотографию его. Обещался он быть скоро в Париже, но но вряд ли он меня застанет.

Жалко бедных Никулиных! Поправилась ли его жена, бедная? Кланяйтесь им от меня, пожалуйста. Спасибо Вам за заботы, дорогая, славная Вы! Господь да благословит Вас.

Шлем все дружеский привет Вам.

Ваши О. и Ив. Шмелевы.

На конверте:

Madame E. Grigorovich

Viale Umberto Primo, 4.

Genova-Nervi.

Italia.

Exp. I. Chmélev Sèvres

Рукой Григорович карандашом: Письмо И. С. Шмелева.

6. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
Капбретон, 12 июня 1932 г.

12 VI 32

Дорогая Елена Юстиниановна,

В ноябре Вы мне писали по дороге в Швейцарию о «Чаше», что выходит, и обещали написать подробно. Я ждал, не зная Вашего адреса. Спасибо Вам за работу достойнейшую. Когда же выйдет книга? Не имею сведений от Кюфферле. Может быть Вы что знаете? Жду с нетерпением книги и весточки от Вас. Как Ваше здоровье? Черкните, добрый друг и дорогой сотрудник.

Ваш Ив. Шмелев.

Открытка, на обороте фото Capbreton sur Mer.

Canal du Boudigau et l'Eglise

Адрес:

Madame E. Grigorovitch

9, via Podgora

Milano

Italia

²⁸ Рассказ, впервые опубликованный в 1913 г., был включен в кн. Шмелева «Родное: Про нашу Россию. Воспоминания. Рассказы», Белград, 1931. Н. Кульман в своем отзыве на него отмечал: «Речь богатая, ритмичная, иногда слово стих». (Цит. по: *Е. А. Осьминина. Шмелев Иван Сергеевич // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Книги. М., 2002. С. 631).*

Капбретон. Канал Бёдиго и церковь.
Открытое письмо, посланное И. Шмелевым к Е. Григорович

7. Е. Ю. Григорович — И. С. Шмелеву
Милан, 22 января 1933 г.

22.I.33
Milano 114, via Podgora 9

Дорогой Иван Сергеевич,
только что получила от Никулиных (из Nervi) благою весть и спешу поделиться: они видели в книжном магазине «Неупиваемую чашу» в моем переводе. Значит наша с Вами Чаша — исполнилась.

А я третьего дня написала Küfferle еще одну мольбу о «Чаше», предложила написать предисловие, просила сообщить, послал ли Вам испанский экземпляр²⁹. Никаким тараном не удавалось пробить стену его упрямого молчания.

Ну — все хорошо, что хорошо кончается.

Не знаю, кто корректировал, как издана. Завтра пойду искать «Чашу» по книжным лавкам. Обычные издания Vietti очень неказисты, а Никулину дали отбой (без слов, конечно).

Хотелось написать Вам к Праздникам, да рука не поднялась — нечем было порадовать. Душой горячо поминала, желала обновленных сил телесных и но-

²⁹ Имеется в виду, видимо, издание «Чаши» на испанском языке.

вого творчества. Примите с Ольгой Александровной этот запоздалый привет. Да будет Вам благим наступивший год.

Писал ли хоть Вам Küfflerle? Послал ли авторские, хоть и малые монеты? А испанский экземпляр? А итальянский?

Всем Вам горячий привет

Ваша Е. Григорович

8. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
<Север?>, <конец января 1933 г.>³⁰

С Новым Годом, дорогая Елена Юстиниановна, пусть он будет для Вас по-хорошему, Новый, окрыляющий. Рад — вышла «Чаша»³¹. Написал Биетти — прислать авторский экземпляр. Похлопочите, Кюфферле больше ни слова больше года. А мне надо кой-кому послать. Нужно ли послать ученому-монаху, редактору³²? И как его именовать? Напишите, что я должен ему начертать. Сделаю. *Кому послать?* Хочу Ананьину³³, он пишет в газетах или журналах итальянских. Как думаете? Амфитеатров может быть напишет? Ему надо. Но Папе... — думаю, не подходит, не до сих книг ему, теперь мне ежливо <так! — А. Ш., Э. Г.> стало. Все это — житейское, пусть — искусство. Черкните адрес Кюфферле, пожалуйста! Гонорар за «Чашу», пустяшный, я еще 16 месяцев тому назад истратил на железную дорогу с дачи. Вот какой гонорар. Книжки от Кюфферле, кажется, получил, испанский экземпляр и английский, кажется. Спасибо за извещение о выходе «Чаши». Спасибо за труд Ваш! Если будут какие отзывы, — сообщите, пришлите. Поклон Никулиным, я не виноват в небрежении издательском, очень мне горько.

Живу — тесно-тесно, тесней нельзя. Терпи. Морозы... всяческие. Милые Бальмонты невеселы. Бывают ред-ко... Отшельничаем... и так мало душе дают люди, что не испытываем лишения от пустынности. О. А. кланяется.

Ваш Ив. Шмелев.

Открытка. Адрес:
Signora E. Grigorovitch
via Podgora
Milano 114
Italia

³⁰ Датируется по содержанию.

³¹ Calice inconsumabile. Romanzo. Traduzione autorizzata di E. Grigorovich. Milano, Casa editrice Bietti, 1932.

³² Шмелев имеет в виду, как можно думать, о. Тринкери и E. Dodsworth.

³³ Евгений Аркадьевич Ананьин (1888–1965) — медиевист, автор книг о Возрождении, о Ницше, Леопарди, Пушкине и Горьком. См. о нем: Вяч. Иванов: Pro et Contra. Антология. Т. I. СПб., 2016. С. 959; Д. Рицци. Е. А. Ананьин // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019.

9. Е. Ю. Григорович — И. С. Шмелеву
 Милан, 3 февраля 1933 г.

3. II. '33
 Via Podgora 9, Milano (114)

Дорогой Иван Сергеевич,
 спешу послать адрес Küfferle:
 via Ampère 46 (Città degli Studi)
 Milano

Эти дни провожу на границе инфлюэнцы, миную, но еще не выхожу. Как только смогу, съезжу в Изд-во. Мои хождения по магазинам ни к чему пока не привели — у них нет «Чаш», говорят, что Bietti направляет новые издания в провинцию. Заказала, чтобы прислали мне на дом — обещали и не присылают!

Попрошу Никулиных послать мне несколько экземпляров, если получу, отправлю Вам хоть один-два.

И Padre пошлю с приветом от Вас. Ананьину и Амфитеатрову — да. А Папе? Если бы издание было сколько-нибудь приличнее! Может быть красиво переплести? До новой, надеюсь скорой вести. Сердечный привет Ольге Александровне.

Ваша Е. Григорович.

10. Е. Ю. Григорович — И. С. Шмелеву
 Милан, 4 февраля 1933 г.

4. II. '33
 Milano, Via Podgora 9

Дорогой Иван Сергеевич,

Вчера получила от Изд-ва 5 экземпляров, значит, послали и Вам — надеюсь! Если нет, дайте знать, поеду громить.

Сегодня отправила Вам заказной бандеролью — пусть будет у Вас итальянская «Чаша» от меня. Я исправила по своему экземпляру опечатки, какие удалось обнаружить при просмотре — как будто больше нет. Все несущественные, больше в именах, кроме одной, вопиющей: на стр. 126 вместо *nuova* «исправил» идиот-корректор *nuova*!! И вышло, что не Госпожа новая, а шаль новая! В моих рукописях нет описок, тем более столь ответственных. Küfferle сделал большую гадость, не послав мне корректуры и вообще скрыв от меня, что книга печатается. Ему должно было быть стыдно за издание, но это еще стыднее.

Кроме того у меня значилось «novella», а Изд-во заменило «romanzo» — это уж по коммерческим соображениям: для толщины тома подкинули Мэри и Марса³⁴ (какой очаровательный пес! Точно такой же характерец был у нашего

³⁴ В том вошли также переводы рассказов «Мэри» («Mary») и «Мой Марс» («Il mio Marte»), оба рассказа в переводе Iris Felyne (псевд. Эрны Осиповны Блиндерман).

в Москве. Мы его шутя называли “Центровой” и “Главпес”, но имя было Тузик! хотя в остальном Ваш Марс).

Я так много и долго горевала за издание — грошовую оправу Вашей жемчужине, — а сегодня, как-то вдруг, просветлела. Подумала: будь книга дорогая, мало кто мог бы купить, а из могущих купить много ли способных почувствовать? А теперь будет «Чаша», в своей одежонке «porolage», на всех площадях и улицах (в Италии очень распространена продажа книг на улицах, в ларях, и покупают много и многие: и простые, и учащаяся молодежь, и интеллигенция. Ларам скидка. В книжных лавках, как обозначено, 3 ½ лиры, а в ларах 1 ½ л.

Так купила и Никулина. А будь издание роскошное — кому теперь впору 12–15 лир! Одним «rescesani» (акулам: это здесь кличка для nouveaux riches). А что они поймут?

Простые люди в Италии чуткие. Пусть на них и прольется радость неупиваемая, пусть книга, как икона Ильи, «ходит, ходит» по базарам и площадям Италии и очищает и целит. Сытые не примут в себя этот «Тихий свет».

Таинство свершилось в этом — таком — появлении Вашей «Чашы» на ее второй родине. Снаряжалась она к отплытию в «городе Генуе» и пошла ходить в убогой ризе, не в пример всем прочим переводам. Я не берусь судить о своем переводе (думаю, что хороший!), но та сила, какой творился этот перевод, то, что переживалось мной, верю, будет невидимо творить благое — как молитва.

Вот, дорогой Иван Сергеевич, пусть все это и с Вас снимет горечь за все внешние недочеты и даст Вам ту радость, какой просветлела я.

Папе, я думаю, можно послать и такое издание. Или, быть может, изъять из книги одну «Чашу» и отдать в переплет?

Для отзывов я пошлю книги своим литературным знакомым (итальянцам). Еще напишу Вам скоро.

Привет — светлый — Вам и Ольге Александровне.

Ваша Е. Григорович

И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович³⁵
Париж, <лето 1941>

Ma chère Elena Just.

Merci pour votre carte. Je suis en bonne santé, grâce à Dieu. Je n'écoute rien de Balmont. Je n'espère pas visiter l'Italie, hélas. Je vous prie beaucoup, de bien vouloir vous informer de mon roman «Le soleil des mort», avec l'article d'Amfitheatroff défunt, traduction de Signor Rinaldo Küfferle. Il m'a écrit, il y a 4 ans, que le livre est prêt, mais il ne paraît pas chez Bietti (il se repose sur les rayons de cette édition). J'espère qu'à présent il n'y aura pas d'obstacle. Veuillez m'informer des résultats de vos démarches. J'écris part IIme de mon roman «Les voies célestes» — c'est à la demande opiniâtre de mes lecteurs. Je vous remercie chaleureusement pour votre traduction de «Calice». Je baise votre main, ma chère sœur en esprit et (âme?)

Votre dévoué J. Chmeleff

³⁵ Письмо составлено по-французски, видимо, из опасения военной цензуры.

Перевод:

Дорогая Елена Юстиниановна,

Благодарю за Вашу открытку. Благодаря Господа, здоров. Ничего не знаю о Бальмонте. Увы, нет надежды посетить Италию. Очень прошу Вас осведомиться о моем романе «Солнце мертвых» с предисловием покойного Амфитеатрова, переведенным г-ном Ринальдо Кюфферле. Четыре года назад он писал мне, что книга готова, но она так и не появилась в издательстве Биетти (где она покоится на полках). Надеюсь, что в настоящее время не будет препятствий. Сообщите мне о результате предпринятого Вами. Пишу вторую часть романа «Воздушные пути» по настойчивому желанию моих читателей. Горячо благодарю Вас за Ваш перевод моей «Чаши». Целую Вашу ручку, моя сестра по духе (и по душе?).

Преданный Вам И. Шмелев

Открытка. Адреса:

J. Chmeleff
91, rue Boileau
Paris, 16^e

Signora Elena Grigorovich
Pittrice
via Podgora 9
Milano 114
Italia

Почтовый штампель неразборчивый. Рукой Григорович карандашом: Risр. 24.VII. Scr. 29.VII.

12. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
Париж, 10 октября 1941

10 X. 41

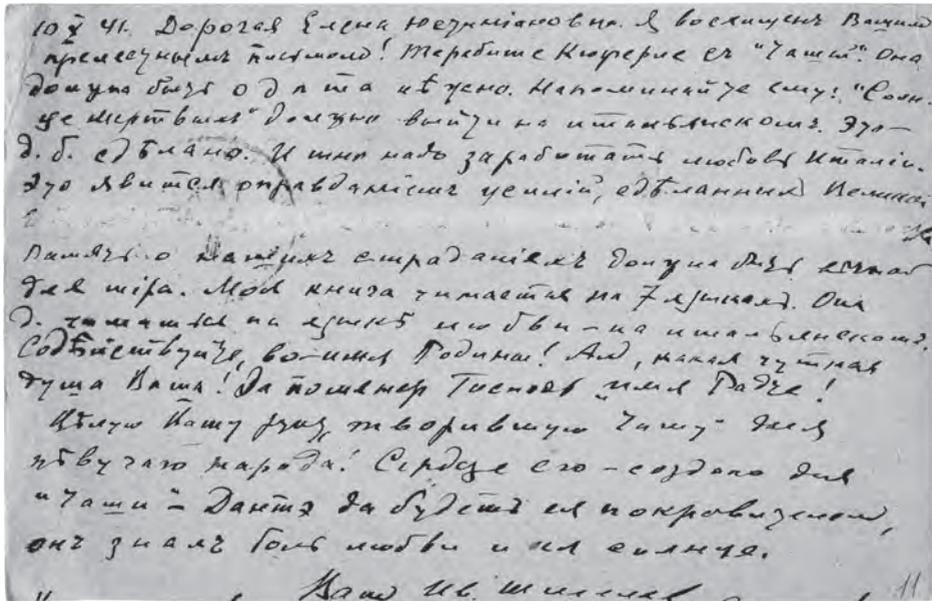
Дорогая Елена Юстиниановна,

Я восхищен Вашим прелестным письмом! Теревите Кюфферле с «Чашей». Она должна быть *одета* нежно³⁶. Напоминайте ему: «Солнце мертвых» должно выйти на итальянском. Это — должно быть сделано. И мне надо заработать любовь Италии. Это является оправданием усилий, сделанных Великой <...>³⁷. Память о наших страданиях должна быть вечной для мира. Моя книга читается на семи языках. Она должна читаться на языке любви — на итальянском. Содействуйте, во имя Родины! Ах, какая чуткая душа Ваша! Да помянет Господь имя Padre! Целую Вашу руку, творившую «Чашу» для певучего народа! Сердце его — создано для «Чаши» — Дантэ да будет ее покровителем, он знал боль любви и ее солнце.

Ваш Ив. Шмелев.

³⁶ Можно предположить, что речь идет о художественном оформлении предполагавшегося второго издания «Чаши».

³⁷ Далее строка полностью выскоблена — надо думать, немецкой или итальянской цензурой. Нижняя часть открытки с текстом обрезана.

Открытое письмо И. Шмелева к Е. Григорович от 10 октября 1941 г.
с изъятиями немецкой военной цензуры

Открытка. Адреса: Expéditeur J. Chmeleff
91, rue Boileau
Paris, 16^e

Destinataire: Signora E. Grigorovitch
via Podgora
9 Milano
Italia

На той же стороне круглая печать: Geprüft Oberkommander der Wehrmacht и личный номер цензора: 3211.

Рукой Григорович карандашом: отв. 4. III.

13. И. С. Шмелев — Е. Ю. Григорович
Париж, 9 августа 1947

9.8.47

Дорогая Елена Юстиниановна,
И пишу наудачу, и говорю наудачу, — здравствуйте, милый друг! Здравствуете ли? Сколь-ко пережито, — всеми! О себе... жив: это — все. Писал. Пишу. Даже издаюсь, — и на чужих языках. Стремлюсь... на воздух. Тоскую по... Курумилле и Валентину Гиллуа. Помните — Густава Эмара³⁸? Так вот. Тянет под стены

³⁸ Романы Г. Эмара (Aimard, 1818–1883) «Курумилла» (1860) и «Валентин Гиллуа» (1862).

св. Обитатели. Только — «под», не — «за». Но нет капиталов, хотя можно и без оных. (Там — есть — «у Троицы»! Чудесная).

Проданы Исп<ании> «Пути небесные»³⁹ — ждал аванса, верного. Дождался: veto от отцов-иезуитов: «греховное»! Издательство рот разинуло и хочет заменить другим романом.

Не возьметесь ли за перевод... «Истории любовной»? (она прогремела в немцах!). «Пути» проданы и в Италию, но я еще не знаю издательства: это, по договору с французским издательством — ихний агент стряпал, и я жду, когда получу несчастные 10 тысяч. Чепуха. Кто переводит — не вем. Узнаю фирму — напишу. Может быть, еще и *не* переводят.

Очень прошу: дознайте у Vietti: что же? «Солнце мертвых»? Лежит? Нельзя?... И — теперь?.. Что же с переводчиком — Р. К<ю>фферле>? Есть ли надежда на переиздание «Чаши»? Здесь было намерение — *édition de lux!* но... книжный рынок в хаосе. Не до жиру...

С горя хочу писать одному мульти-миллионеру⁴⁰ в Буйный-Арест⁴¹. Этот когда-то просил автографы... коллекционер. Послал ему на его золотообрезных картах — два. Он очень оценил мои книги: «El Camarero»⁴² и «Чашу». Нужны деньги на *полет*. Расплачусь, когда сяду.

Мно-го надо. Но на их «вальпараисы» или «рейсы» — пустяк. Моя старуха (в рассказе «Чудесный билет») когда-то 40 тысяч серебром выиграла на... «билет адресной конторы». Бывают чудеса.

У Дона (не «Тихого») Мигуэля, — слышно, — ходило в прериях около миллиона голов овец и 500 тысяч мустангов. Что ему!.. Нишу Пушу на-ура, пропадай марка в 10 франков (читай: 10 сантимов). Меня гложет квартира: 30 тысяч франков! С <I нрзб.>. Как и все.

Написано — много. А «толку» мало. Толк — потом. Но не ропщу. Иные мои книги стали — всенародными. Если бы *наша* Россия, в каждом доме были бы «Лето Господне» и «Богомолье». Будут, когда меня не будет. Но это не важно: *есть*. «Богомолье» переводится на немецкий язык. Надо бы... латинский! Хотя и французы, но я сдерживаю. «Лето Господне», пополненное 25^ю главами (все 40) — выходит у ИМКА-press осенью⁴³. Большой том, страниц 500. Все мои книги разошлись. Их *ищут*. А я ищу... на проезд. «Подайте мальчику на хлеб... Он Велизария питает»⁴⁴. Но не ропщу. Медитирую. Надо завершить *путь*. И — до-сказать... полным голосом. А потому — пишу даже ското-воду. Авось и *отдойт*...? Несмотря ни на что — *верю в человека*.

Господь с Вами! Может быть, и получите сие и отзоветесь...? Один мой добрый и старый читатель, генерал Ознобишин⁴⁵ — скоро поедет в Рим. Я тогда

³⁹ Этот роман Шмелева был опубликован на французском (1946) и немецком (1965) языках.

⁴⁰ Лицо не отождествленное.

⁴¹ Эмигрантское ироническое словотворчество Шмелева — имеется в виду Буэнос-Айрес.

⁴² «Человек из ресторана». Имеется в виду изд.: El Camarero. Novela. La traducción del ruso la sida necha por N. Tasin. Madrid-Barcelone, 1920.

⁴³ Полное издание вышло в YMCA-PRESS в Париже в 1948 г.

⁴⁴ Строки из стихотворения А. Мерзлякова «Велизарий».

⁴⁵ Дмитрий Иванович Ознобишин (1869–1956), известный коллекционер и мемуарист. О его отношениях со Шмелевым см.: И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах. Т. 2. М., 2005 (по указателю).

напишу Вам. Он очень культурный человек. Очень — родовитый. И — очень богатый. Но я не хочу портить добрые отношения, а «займы»... — яд для отношений. Лучше — ското-гоны! Он — далеко-о-о... и не испортится. Жму руку. Жду.

Ваш Ив. Шмелев — памятный

<Приписка на полях:> Моя «хата» была вдребезги разбита бомбами 3 сентября 1943. Господь спас: явно. Знаю. Я лежал в постели. Меня осыпало стеклами и чуть посекло через ватное одеяло. <продолжено в верхнем правом поле первой страницы — Э.Г., А.Ш.:> Во время удара бомб — ко мне влетела Мадонна из чужого дома — через ставни. А на календаре этого числа (3 сентября) — обрывок *моей* «Царицы Небесной», из «Лета Господня»⁴⁶.

Открытка. Адрес:

Madame Elena J. Grigorovitch

femme de lettres

via Podgora 9

P. Susa 1

Milano Italie

en cas de changement du domicile — prière de faire suivre

Exp. J. Chmeleff

91, rue Boileau

Paris, 16^e

(redigée en russe)

Risp. 22. VIII e 25 IX.

14. Е. Ю. Григорович — И. С. Шмелеву

Милан, 14 августа 1947 г.

Дорогой Иван Сергеевич,

Вот нечаянная радость! Это только немедленный отклик, на днях напишу по-настоящему⁴⁷.

Ваша Елена Григорович

14 Авг. '47

Адрес: Milano

Piazza Susa 1.

Monsieur Jean Chmeleff

91, rue Boileau

Paris

Francia

⁴⁶ Подробно об этом событии см.: М. С. Расловлев. Из личных воспоминаний о И. С. Шмелеве // Духовный путь Ивана Шмелева. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2009. С. 419–420.

⁴⁷ На этой открытке переписка обрывается.

ВОССОЕДИНЕНИЕ КАК ОТРЕЧЕНИЕ:
К ИСТОРИИ ОБРАЩЕНИЯ ЛЬВА КОБЫЛИНСКОГО-ЭЛЛИСА
В КАТОЛИЧЕСТВО

Федор Поляков

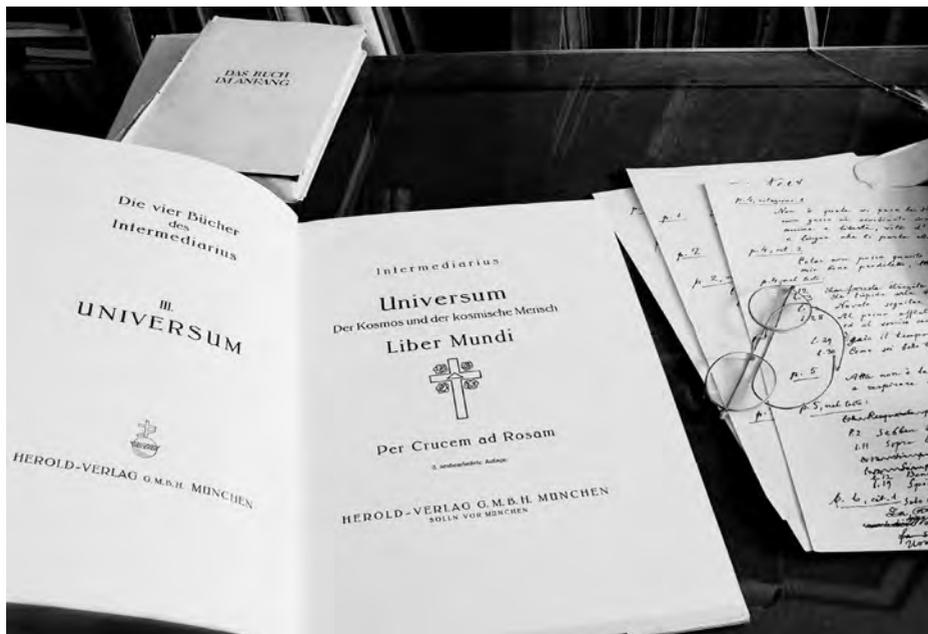
Католические симпатии Эллиса (Льва Кобылинского, 1879–1947) сформировались уже в ранний период его творчества, определив репертуар мотивов и имен его поэзии на фоне западноевропейских историко-культурных реминисценций. Средневековый идеал Эллиса, включаемый в синкретическую культуру русского символизма, носил экзальтированный характер. Стремление Эллиса установить средневековый код в качестве одного из равноценных идиомов символистской культуры Андрей Белый охарактеризовал следующим образом:

Эллис с его латинизацией символизма мне чужд; я стою на позиции «русского» символизма, имеющего более широкие задания: связаться с народной культурой без утраты западного критицизма <...>¹.

Однако между литературной обработкой католической символики и совершенном в зрелом возрасте обращением Эллиса в католичество пролегал огромный путь. Начиная с 1920-х годов Эллис посвятил немало сил разработке собственной амальгамы богословских и религиозно-философских представлений, стремясь соединить церковную традицию с интерпретацией воззрений Владимира Соловьева и *Intermediarius'a* (*Johanna van der Meulen*, 1874–1959)². При этом деятельность Эллиса протекала в период т.н. «унионального движения», задолго до различных соборных постановлений об экуменическом общении католиков и православных, и была связана главным образом с немецкоязычным миром. От русского литератора-символиста, не получившего богословского образования, потребовалась не только внятная аргументация

¹ *Белый Андрей*. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 449–450. Неосуществленным планом такой «латинизации» был, как представляется, задуманный Эллисом сборник *Vox coelestis*: Письма Эллиса к Блоку (1907) / вст. ст., публ. и комм. А. В. Лаврова // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. С. 275 (Литературное наследство, 92/4).

² Сведения о личности *Johanna van der Meulen* см. в работах: *Юнгрэн М.* Лев Кобылинский, *Intermediarius* и вице-бургомистр Винтер // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 806–814; *Ljunggren Magnus*. Голландская связь: вклад Йоханны ван дер Мейлен в русский символизм // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 190–203.

Книга Йоханны ван дер Мейлен (Intermediarius) на «историческом» столе Вяч. Иванова. Рим

на чужом языке, но и общение с профессиональными богословами, священниками и монахами, литераторами и публицистами католического модернизма. Отметим, что на этом поприще Эллис добился выдающихся успехов, вовлекая в диалог немало собеседников и корреспондентов из немецкоязычных католических кругов.

В скрытой от нас в своих подробностях религиозной жизни Эллиса тем не менее прослеживается близость к тому пути воссоединения с католической Церковью, который связывается с конфессиональным опытом Владимира Соловьева. В основе его лежит представление не столько об *отречении*, требуемом католическим ритуалом³, сколько о восстановлении *первоначального христианского единства*. Позиция Соловьева, существенная и для понимания русского духовного развития XX века в целом, и для реконструкции истории русского католического движения, отразилась в его формуле воссоединения, модификация которой была позднее предпринята также Вяч. Ивановым⁴.

³ См. пояснение современного специалиста по католическому церковному праву: Cyril Vasil S.J. *Chiese orientali in diaspora nell'Europa orientale. Cattolici russi di rito bizantino // Nuove terre e nuove Chiese. Le comunità di fedeli orientali in diaspora*, a cura di Luis Okulik. Venezia, 2008. P. 147–159, особ. p. 148–151.

⁴ Шишкин А. Б. «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск–М., 2003. С. 159–178; Šiškin Andrej. “Rußland” und “Universelle Kirche” in den Übertrittsformeln Vladimir Solov'evs und Vjačeslav Ivanovs // Adelbert J. M. Davids / Fedor B. Poljakov (Hrsg.). *Die russische Diaspora*

Такое стремление «дышать обоими легкими» красноречиво свидетельствует о поиске не институциональной реформы, но о надежде на примирение традиций исторической Церкви. Как мы полагаем, в своей деятельности Эллис руководствовался межконфессиональными возможностями именно этого соловьевского архетипа.

В рамках истории русского символизма, религиозной жизни русской Диаспоры и в более широком контексте межконфессионального диалога христианских культур в Европе до Второй мировой войны путь Эллиса в лоно католической Церкви может рассматриваться в сопоставлении с обращением Вяч. Иванова. Если Вяч. Иванов биографическое мифотворчество наделило кардинальской мантией⁵, то и католические привязанности Эллиса также воплотились в легенду:

После временного увлечения антропософией, сделав все логические, психологические и религиозные выводы из бодлэризма, Эллис стал католическим священником в Германии, а позднее вступил в орден иезуитов, что тоже согласовывалось с Бодлэром — несколько раз писавшим о своей симпатии к иезуитам <...>⁶.

Не вызывает сомнений, что священного сана Эллис не имел и членом Общества Иисуса не был; как представлялось ему самому, именно с этим орденом он находился в напряженных отношениях. Так, в письме к художнику Николаю Зарецкому в Прагу упоминается о таком глубинном противостоянии (№ 1, без даты, на конверте рукой Зарецкого карандашом добавлена дата получения письма: «7/VIII 1933»):

Конечно, Вы работаете в центре русской культурной эмиграции и в среде специалистов и знатоков, обладая необходимыми свойствами и средствами. Я же вынужден обстоятельствами работать в изолированно-чуждой среде. Кроме того все мои появившиеся в католических издательствах книги систематически замалчиваются католической прессой, руководимой иезуитскими и ультрамонтанскими организациями, глубоко ненавидящими Россию и все русское и глухими ко всем призывам Папы к соединению церквей. С другой стороны, круги православные опасаются католических издательств и трудно упрекать их за это. Но для меня «золотой век русской поэзии» и особенно А. Пушкин интересны не ввиду церковно-политических соображений, а сами по себе, что и доказывает уже моя книга о Жуковском.

in Europa im 20. Jahrhundert. Religiöses und kulturelles Leben. Frankfurt am Main, 2008. S. 137–150 (Russian Culture in Europe, 4); Юдин Алексей. Еще раз об «обращении» Вяч. Иванова: Формула присоединения или формула отречения? // Символ. № 53–54. 2008. С. 631–642. См. также: *Tamborra Angelo*. Chiesa cattolica e Ortodossia russa. Due secoli di confronto e dialogo. Dalla Santa Alleanza ai nostri giorni. Cinisello Balsamo (Mi), 1992 (Storia della Chiesa. Saggi, 7); *Pettinaroli Laura*. La politique russe du Saint-Siège (1905–1939). Roma, 2015 (<http://books.openedition.org/efr/2933>); Голованов С. В. Русское католическое дело. Римско-католическая церковь и русская эмиграция в 1917–1991 гг. Омск, 2015.

⁵ Доценко Сергей. Как Вячеслав Иванов стал кардиналом: случайное и закономерное в механизме возникновения литературных мифов // Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции: сб. ст. / под ред. Ал. Данилевского, С. Доценко и Ф. Полякова. Frankfurt am Main, 2016. С. 9–18 (Russian Culture in Europe, 13).

⁶ Валентинов Н. Два года с символистами / под ред., с предисл. и прим. Г. П. Струве. Stanford, 1969. С. 159.

Ведь подделать дух и стиль подобных работ невозможно. Подобные эксперименты не проходят безнаказанно!

Среди молодых сил (писателей, священников, монахов) католичества находятся все же лица (немногие), искренне и горячо интересующиеся русским вопросом и русской мистикой и культурой. Они терпят преследования, но их симпатии не ослабевают. Зачем же поворачиваться к ним спиной? В. А. Жуковский и А. С. Пушкин были примерами беспристрастия во всех вопросах Духа. Культурная, спокойная, человечечно-терпимая работа на пользу русской духовной правды, чуждая всяких партийных, узких выкриков, работа, которой и Вы преданы всей душой, одна на потребу⁷.

О природе своих разногласий с Pontificio Istituto Orientale Эллис пишет Зарецкому в контексте обсуждения возможности продажи значительной библиотеки Зарецкого (№ 11, 15 декабря 1934 г.):

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Васильевич!

Спешу ответить Вам на Ваше письмо пока лишь несколько слов по неотложно-деловому вопросу об адресе института в Риме, отлагая невольно ввиду большой занятости остальную часть моего письма до рождественских праздников.

Адрес и точное имя института таковы: Istituto di studi orientali, Roma 129 Piazza St. Maria Magiorre 7 Ref. Pater Rector E. Hermann <sic>⁸.

Больше ничего не могу сообщить Вам об этом учреждении и его ректоре, ибо я сам не состою с ними ни в каких сношениях и ввиду моей позиции в вопросе о соединении церквей и значении идеи Владимира Соловьева считаюсь персоной ingrata.

Не знаю, поможет ли ссылка на меня, хотя даю Вам полное право на это. Скажите, что слышали от меня о возможности интереса к русской библиотеке etc.

Знает ли ректор Германн <sic> русский язык — не знаю, едва ли? Конечно там работают и лица, знающие русский язык, переводчики.

Если хотите, я готов перевести Ваше письмо на немецкий язык, если сообщите мне русский текст. Я предполагаю, что деньги там есть и желание увеличить запас книг также, но они хотят не быть никому обязанными, все делают по собственной инициативе. Со мной они не считаются, поэтому лучше всего дайте тон предложению Вашему совершенно официальный: «Нижеподписавшийся имеет честь обратиться к Вам с предложением и т. д. будучи осведомлён (или узнав, услыхав etc.) в кругу (среди) русских эмигрантов, что Ваш почтенный институт приобретает книги» — Или: «От одного из русских эмигрантов Dr. L. Kobilinskij я узнал, что Ваш институт etc.»

⁷ New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture, Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers, Box 11. Здесь и далее приводятся ссылки на номера писем в подготовленном нами издании этой переписки. За помощь в работе с этим фондом искренне благодарим куратора Бахметевского архива Татьяну Чеботареву (Нью-Йорк).

⁸ Упомянут специалист по каноническому праву P. Dr. Emil Herman S. J. (1891–1963), ректор PIO с 1931 по 1951 г. См. подробнее: *Georges Ruysen S. J. Emil Herman S. J. (1891–1963) ed il suo contributo alla canonistica orientale // Iura Orientalia. VIII. 2012. P. 73–101*. Несмотря на столь категорическое мнение Эллиса, следует заметить, что перу Emil Herman S. J. принадлежит весьма положительная рецензия на книгу Эллиса о Жуковском: *Orientalia Christiana. T. XXXII. 1933. P. 289–290*. См. также: *Poljakov Fedor B. Literarische Profile von Lev Kobylin'skij-Éllis im Tessiner Exil. Forschungen — Texte — Kommentare. Köln–Weimar–Wien, 2000. S. 15* (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, N.F., Reihe A, 29).

Для них абсолютно безразлично все, кроме списка Ваших книг. Если он окажется подходящим, то Вы можете рассчитывать на точные приличные деловые отношения. Если нет, то Вы получите вежливо официальный отрицательный ответ. Вот и все! Вопросы сердца, увлечения для них = 0. Это машина! Сумейте поэтому составить интересный каталог с подробными указаниями и данными *по-русски*. *Это самое главное!* Что касается цены книг, не продешевляйте. Я повторяю, если они захотят купить, смогут. <...>

Рассмотрим основные вехи *внешней* истории присоединения Эллиса к католической Церкви на основании упоминаний в его корреспонденции, а также документального свидетельства об этом акте. В начале 1920-х годов, уже после переселения в Локарно, Эллис находит двух единомышленников — священника Бертрама Шмитта (Bertram Schmitt, 1895–1966) и поэта Рихарда Книса (Richard Knies, 1886–1957), которому принадлежало издательство Matthias-Grünwald-Verlag (Mainz). Их сотрудничество получило реализацию в опубликованных переводах Вл. Соловьева, однако многие планы совместной работы не были осуществлены из-за перемены политической ситуации в Европе после прихода к власти в Германии национал-социалистов⁹.

Программа издательства Рихарда Книса позволяла Эллису участвовать в публикациях, которые имели непосредственное отношение к межконфессиональному диалогу. Особый интерес представляет подготовленный к концу 1925 г. альманах издательства под заглавием «Колосья из снопа» и подзаголовком «Царство Христово на Востоке», с отсылкой к Вл. Соловьеву и проблематике воссоединения Церквей¹⁰. В предисловии Книс благодарит Эллиса за «все предложения по этому альманаху и за его большую действительную помощь» (“für alle Anregungen zu diesem Jahrbuche und für seine große tätige Mithilfe”), что прямо указывает на соучастие Эллиса в концептуальном оформлении самого издания. Эта книга также привлекла внимание и Вяч. Иванова (она упоминается в его письмах в ноябре 1926 г.)¹¹.

Среди немецких корреспондентов Эллиса сборник вызвал сочувственный отклик в рецензии специалиста по литургике Р. Odo Casel OSB с характерной оговоркой: «При этом выявляется, как много сохранилось в Восточной Церкви от духа раннехристианского времени до разделения Церквей, как впрочем и то, что некоторые [аспекты] получили одностороннее развитие, поскольку отсутствовала римская норма» (“Es zeigt sich dabei, wieviel von dem Geiste der altchristl<ichen> Zeit vor der Kirchentrennung in der östl<ichen> Kirche bewahrt geblieben ist, wie manches sich aber auch einseitig entwickelt hat, weil die römische

⁹ Poljakov Fedor B. Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Éllis im Tessiner Exil. S. 16ff.; Поляков Ф. Вячеслав Иванов в неопубликованном эпистолярном наследии Эллиса 1920–1930-х годов: аспекты пост-символистской культуры в эмиграции // S. Averincev und R. Ziegler (Hg.). Vjačeslav Ivanov und seine Zeit. Frankfurt am Main [et al.], 2003. С. 547–560.

¹⁰ Christi Reich im Osten. Die gesitige Bedeutung Wladimir Solowjew's und die inneren Voraussetzungen zur Wiedervereinigung der russisch-orthodoxen und der römisch-katholischen Kirche. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1926 (Ähren aus der Garbe. Kleines Jahrbuch des Matthias-Grünwald-Verlags für das Jahr 1926).

¹¹ Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией // Символ. № 53–54. 2008. С. 499, 501.

Norm fehlte”)¹². Напротив, резкое отторжение книга встретила в рецензии Странника (князь Д. А. Шаховской, впоследствии — Иоанн, архиепископ Сан-Францисский, 1902–1989): «Прочтя статью Шмитта и выдержки из сочинений В. Соловьева и отца Флоренского, помещенные в сборнике, убеждаешься, что Соловьев и его ученики, как православные, так и католики грешат против чистоты православного учения, общего у нас с католиками»¹³. Как можно предположить, для самого Эллиса такая аргументация, при которой его занятия наследием Соловьева перемещались в область конфессиональной полемики, только обостряла чувство собственного одиночества, сродни тому замалчиванию, по его выражению, «католической прессой, руководимой иезуитскими и ультрамонтанскими организациями, глубоко ненавидящими Россию и все русское и глухими ко всем призывам Папы к соединению церквей» (см. выше); такая же горечь сквозит и в строках некоторых его писем к Р. Odo Casel OSB.

Одним из авторов издательства Matthias-Grünwald-Verlag, имя которого важно упомянуть в данном контексте, был католический священник профессор Ludwig Berg (1874–1939) — «официальный уполномоченный по попечению о русских эмигрантах» (“amtlich beauftragt mit der russischen Emigranten-Fürsorge”) в Берлине до 1927 г.¹⁴ Людвиг Берг возглавлял на протяжении двух с половиной лет (с ноября 1924 г.) организацию *Russische Emigranten-Fürsorge* в Берлине, которая являлась одним из центров каритативной помощи российским беженцам со стороны католической Церкви в Германии; здесь же работал и Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев (1886–1959), известный католический священник восточного обряда¹⁵. О благотворительной деятельности Берга историк и искусствовед Иван Владимирович Пузино (Пузына, 1888–1960) писал:

¹² Odo Casel OSB // Jahrbuch der Liturgiewissenschaft. Bd. 6. 1926. S. 393. Ср. о нем также: Poljakov Fedor B. Vladimir Solov'ev als Gedächtnisfigur und Kommunikationsstifter der russischen Diaspora. Materialien aus der Korrespondenz des Lev Kobylinkij-Ellis // Het Christelijk Oosten. 52. 2000. S. 52–56.

¹³ Странник. Русский соблазн // Возрождение. № 355. 23 мая 1926. С. 2–3. Впрочем, в парижском журнале «Путь», сочувственно отзываясь о сборнике, анонимный рецензент особо отмечает именно статью Бертрама Шмитта: «Русская религиозная мысль на немецком языке» // Путь. 1926. № 3. С. 151; с исправлением опечаток приведено также в книге: Проф. Д-ръ Людвигъ Бергъ. Новые религиозные пути русского духа. Майнц: Издательство Маттиасъ-Грüneвальдъ, 1926. С. 203.

¹⁴ См. о нем подробнее: Brandt Hans Jürgen / Häger Peter (Hg.). Biographisches Lexikon der katholischen Militärseelsorger Deutschlands 1848–1945. Paderborn, 2002; Pettinaroli Laura. La politique russe du Saint-Siège (1905–1939). P. 420–421; “Pro fide et patria!” Die Kriegstagebücher von Ludwig Berg 1914/18. Katholischer Feldgeistlicher im großen Hauptquartier Kaiser Wilhelms II. Eingeleitet und herausgegeben von Frank Betker und Almut Kriele. Köln-Weimar-Wien, 1998.

¹⁵ Организация располагалась по адресу: Oranienburger Straße 13/14 (Emigranten-Fürsorge des Deutschen Caritas-Verbandes). Отношения между ее представителями и православными кругами были несколько напряженными из-за упреков католиков в прозелитизме под прикрытием материальной поддержки: Mitteilungen des Päpstlichen Hilfswerkes für die Russen in Deutschland. 1928. Nr. 1 (этот бюллетень издавался как приложение к журналу *West-Östlicher Weg* в издательстве Р. Книса под редакцией Б. Шмитта). Информация о сотрудничестве с Бергом Д. В. Кузьмина-Караваева дана на основании материала из фонда Римского архива Вяч. Иванова (опись 5, картон 22). О Д. В. Кузьмине-Караваеве см. также: Constantin Simon S. J. Pro Russia. The Russicum and Catholic Work for Russia. Roma, 2009. P. 237–240 (Orientalia Christiana Analecta, 283); Голованов С. В. Русское католическое дело (passim).

С грустью узнает русский Берлин об отъезде проф. Л. Берга, особо уполномоченного по организации помощи русским беженцам. В течение двух с половиной лет пр<оф>. Берг с неутомимым рвением стремился принести помощь русским эмигрантам. Поддерживая русские организации (приюты, школы, общежития), проф. Берг широко шел на помощь личным нуждам русских беженцев, защищая их интересы перед административными властями, возбуждая соответствующие ходатайства в министерствах, помещая больных в лечебницы, детей в приюты и школы. Множество русских людей перебивало за эти годы у проф. Берга со своими нуждами, и для каждого из них у него нашлось доброе слово утешения, каждому помог он так или иначе. Мягкое сочувствие к горю и отзывчивость чувствовал со стороны проф. Берга всякий, кто обращался за его помощью. И помощь проходила скоро и как-то незаметно просто. Человек науки, проф. Берг не был оторванным от жизни теоретиком. Вопросы действительности интересовали его в равной мере, как и отвлеченная теория.

Друг России, ценитель православия, проф. Берг с величайшим сочувствием следил за жизнью православных, с этой целью совершив осенью 1926 г. поездку на Балканы. Убежденный сторонник воссоединения церквей, проф. Берг основой своей помощи клал не свои симпатии, а нужду и горе своих посетителей, отзываясь на людские страдания мягким и любящим сердцем. С его отъездом русский Берлин теряет испытанного защитника и друга!¹⁶

Предлагая Вяч. Иванову сотрудничество в сборнике 1927 г. *Ex Oriente* (см. ниже), сам Людвиг Берг так определял характер своей деятельности:

Unterzeichneter ist mit der Russen-Fürsorge in Berlin beauftragt und ist infolge dieses kirchlichen und weltlichen Auftrages außerordentlich glücklich diesen durch die politischen Wirren in größter Not lebenden, im Glauben getrennten Brüdern auf jede mögliche Weise nach besten Kräften helfen zu können.

Außer der caritativen Hilfe bei der materiellen Not, möchte ich gerne in geistiger und religiöser Beziehung mit Gotteshilfe Licht und Kraft den in dunklen Schatten des Emigrantentums lebenden Russen bieten¹⁷.

Перевод:

Отправителю письма поручена забота о русских в Берлине, и на основании этой церковной и светской миссии он исключительно счастлив, что может, прилагая все свои силы, сделать все возможное, чтобы помочь живущим из-за политической смуты в величайшей нужде, разделенным в вере братьям.

Помимо благотворительной помощи в материальной нужде я желал бы представить в духовном и религиозном отношении с Божьей помощью свет и силу русским, живущим во тьме эмиграции.

В рамках своей программы Л. Берг также опубликовал несколько книг по-немецки и по-русски, в том числе и в издательстве Р. Книса¹⁸. При содействии Р. Odo Casel OSB Эллис поместил в его журнале отзыв на подборку материала

¹⁶ Пузино И. Отъезд из Берлина проф. Л. Берга // Руль. № 1950. 30 апреля 1927. С. 4. Об авторе этой статьи см.: Голованов С. В. Русское католическое дело. С. 400.

¹⁷ Письмо Л. Берга к Вяч. Иванову из Берлина от 10 апреля 1926 г. / Римский архив Вяч. Иванова. Опись 5. Картон 22. Л. 1.

¹⁸ Prof. Dr. Ludwig Berg. Die römisch-katholische Kirche und die Orthodoxen Russen / Проф. Д-ръ Людвигъ Бергъ. Римско-Католическая Церковь и православная Россія. Berlin: Verlag der "Germania" A.-G., 1926 (2-е изд.; 66 стр.); Проф. Д-ръ Людвигъ Бергъ. Новые религиозные пути русского духа. Майнц: Издательство Маттиасъ-Грюневальдъ, 1926 (207 стр.).

в изданном Л. Бергом сборнике *Новые религиозные пути русского духа*¹⁹. В этой заметке содержится указание на несоответствие между обоснованием перехода (Konversion) в католичество трех русских католиков, статьи которых попали в сборник, с позицией самого Соловьева, а также дается положительная оценка усилий Берга приблизиться к точке зрения Соловьева и понять особенности его мировоззрения²⁰.

Важнейшая публикация Берга в Matthias-Grünwald-Verlag под заглавием *Ex Oriente* представляет собой сборник объемом в 427 страниц, с участием около 30 авторов и названием на двух языках (весьма любопытно, что в русском варианте из заглавия выпадают унияты)²¹. Как выясняется из письма Берга к Вяч. Иванову от 10 апреля 1926 г., к участию в сборнике были приглашены следующие лица: Николай Арсеньев (Кенигсберг), Владимир Ильин (Париж), Вяч. Иванов (Рим), Эллис (который фигурирует здесь как “Herrn Dr. Elias <sic> Kobylinsky, Locarno”), Дмитрий Мережковский и (Влад.) Злобин (Париж)²². Из этого перечня в сборнике присутствует один только Эллис.

Как упоминается в письмах Л. Берга к Вяч. Иванову, инициатива приглашения и его самого и других русских авторов к участию в этом издании исходила от Reinhold von Walter (Роман Романович Вальтер, 1882–1965). С Вяч. Ивановым петербуржца Р. фон Вальтера связывало давнее знакомство, и поэт был также посвящен в перипетии драматической семейной истории фон Вальтера²³. Близкие отношения, уходящие в общее символистское прошлое и поддерживаемые общими духовными интересами, сложились у фон Вальтера и с Эллисом²⁴. Таким образом, отмеченная К. М. Азадовским

¹⁹ *Kobilinski-Ellis L.* <Rez.:> Neue religiöse Wege des russischen Geistes hg. von L. Berg // Jahrbuch der Liturgiewissenschaft. Bd. 8. 1928. S. 264–265. В уведомлении о несопадении взглядов редакции с мнением Эллиса последний назван «известным православным богословом» (“<...> dem bekannten orthodoxen Theologen”). Такое профессиональное обозначение в специальном журнале конечно отражает его статус в межконфессиональных дискуссиях того времени.

²⁰ В этой рецензии Эллис полемически упоминает Н. А. Лаппо-Данилевскую, Леонида Страховского и бывшего дипломата, члена Общества Иисуса о. Михаила Андреева; см. о нем также: *Constantin Simon S. J.* Pro Russia. P. 236; *Голованов С. В.* Русское католическое дело. С. 346–347 (с неточностями).

²¹ *Ex Oriente. Religiöse und philosophische Probleme des Ostens und des Westens. Beiträge orthodoxer, unierter und katholischer Schriftsteller in russischer, französischer und deutscher Sprache. Mit einem achtfarbigem Titelbild und sechs einfarbigem Bildern. Herausgegeben von Prof. Dr. theol. Ludwig Berg / Ex Oriente. Религиозныя и философскія проблемы Востока и Запада. Статьи православныхъ и католическихъ писателей на русском, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ главнымъ листомъ въ восемь красокъ и шестью иллюстраціями подъ редакціей проф. др. богословия Людвигъ Берга. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag / Майнцъ: Издательство Маттиасъ Грюневальдъ, 1927.*

²² Римский архив Вяч. Иванова. Опись 5. Картон 22. Л. 10б. Эллиса такая ошибка в написании его имени, вероятно, заставила вспомнить своего старшего брата — Илью Кобылинского.

²³ *Азадовский Константин.* Р. фон Вальтер между Блоком и Рильке // *Скращения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov.* Edited by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla and Michael Wachtel. Berlin, 2019. С. 117–136 (Stanford Slavic Studies, 49).

²⁴ *Поляков Ф.* Автографы символистского круга в архиве Рейнгольда фон Вальтера // *На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова.* М., 2009. С. 574–582.

связующая функция Р. фон Вальтера между русской и немецкой культурой проявилась и здесь, в более частной форме, при общении с Людвигом Бергом и его берлинским окружением²⁵.

Сборник *Ex Oriente* являлся завершением сотрудничества Л. Берга с издательством Книса: он покинул свой пост в Берлине летом того же 1927 г., а сама книга вышла в свет не позднее 30 ноября (объявление от имени *Russische Emigranten-Fürsorge*, за подписью: “Dr. Dimitri Kuzmin-Karawajew, Berlin”)²⁶.

В конце сборника *Ex Oriente* издательство поместило объявления о своих тематически близких публикациях, и в этих анонсах имя Эллиса (Dr. L. Kobilinski-Ellis) появляется на трех страницах из четырех. В частности, оно представлено следующей цитатой из его отзыва на предыдущий сборник Л. Берга *Новые религиозные пути русского духа* (1926): “Ich möchte besonders hervorheben, daß ich von der Lektüre des Buches den erfreulichen Eindruck eines bedachtsamen, ruhigen und achtungserfüllten Stellungnahme Rußland gegenüber, fern von jeder Einseitigkeit und Intoleranz, erhalten habe...” («Я хотел бы особенно подчеркнуть, что получил от прочтения книги отрадное впечатление вдумчивого, спокойного и исполненного уважения отношения к России, далекого от какой-либо односторонности и нетерпимости...»). Интересно, что приведенная цитата не встречается в печатной рецензии Эллиса на ту же публикацию 1926 г. (см. выше; возможно, она содержалась в частном письме или же текст был написан *ad hoc*). Отметим, что в этой рецензии Эллис также подчеркнуто положительно отзывается о сборнике Берга 1927 г., отмечая некоторое сближение Берга с религиозной позицией Соловьева. Рецензия завершается такой оценкой: “Dieses Sammelbuch ist als eine sorgfältige, parteilose und vielseitige Auswahl und organische Zusammenfügung von sehr bedeutenden Materialien (sowohl vom Osten wie auch vom Westen) zur Frage der kirchlich-universellen Einheit ein wahres Meisterwerk” («Этот сборник, представляя собой тщательный, беспристрастный и разносторонний отбор и органичное объединение очень значительных материалов (как восточных, так и западных) в вопросе церковно-универсального единства, является настоящим шедевром»)²⁷.

Основной труд Эллиса, опубликованный в издательстве Рихарда Книса, — это выполненная им подборка текстов из сочинений Владимира Соловьева, переведенных на немецкий, с примечаниями и пояснениями и дополненная статьей словенского богослова Franc Grivec (1878–1963)²⁸. Первоначально выход

²⁵ Отметим, что в Берлине Р. фон Вальтер общался также с упомянутым нами сотрудником Берга Д. В. Кузьминым-Караваевым: *Поляков Ф.* Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М., 2010. С. 295.

²⁶ Римский архив Вяч. Иванова. Опись 5. Картон 22. Л. 11.

²⁷ *Kobilinski-Ellis L.* <Rez.:> *Neue religiöse Wege des russischen Geistes* hg. von L. Berg. S. 265. Этот отзыв повторен в книге: *Prof. Dr. Ludwig Berg. Was sagt Sowjet-Rußland von sich selbst? 2.*, vermehrte Auflage. Gladbach-Rheydt: Volksvereins-Verlag, 1930. S. 198 (здесь Эллис назван «православным писателем» (“orthodoxer Schriftsteller”)).

²⁸ *Monarchia Sancti Petri. Die kirchliche Monarchie des heiligen Petrus als freie und universelle Theokratie im Lichte der Weisheit.* Aus den Hauptwerken von Wladimir Solowjew systematisch gesammelt, übersetzt und erklärt durch L. Kobilinski-Ellis. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1929 (XXXII+632 S.).

в свет этой книги намечался на первую половину 1926 г.²⁹ По свидетельству богослова Karl Pflieger (1883–1975), восходящему к беседам с самим Эллисом, именно работа над *Monarchia Sancti Petri* имела непосредственное отношение к его обращению в католичество³⁰.

Другим значительным событием в жизни Эллиса, повлиявшим на его решение, было общение с высокопоставленным представителем католического ученого мира Johann Peter Kirsch (1861–1941) — профессором христианской археологии в Фрибуре, основателем Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana³¹. Сам факт такого знакомства Эллиса с приближенным к Папе Пию XI духовным лицом, действительно, удивителен. Точные обстоятельства их знакомства нам не известны; как мы предполагаем, оно могло состояться в Швейцарии после выхода *Monarchia Sancti Petri*. Известно, однако, что Кирш не только посещал Эллиса и Йоганну ван дер Мейлен в Локарно, но также благодаря своему положению в Ватикане представил Пию XI несколько выпущенных в Германии книг Эллиса. В беседе с Пфлегером (предположительно, июль 1934 г.) Эллис называл в связи с этим столь же исключительным событием две свои публикации — *Monarchia Sancti Petri* и книгу о В. А. Жуковском³². По его описанию после передачи книг он был удостоен благословения от Папы на продолжение своей деятельности. Об этом Эллис упоминает, например, в письмах к Рихарду Кнису от 27 декабря 1935 г. и 7 января 1936 г., говоря о возможности использовать поддержку Св. Престола для воплощения их общих издательских планов. Кроме того, Пий XI также рекомендовал создать сообщество связанных с католической Церковью русских интеллектуальных сил. Реализация этой идеи представлялась Эллису совершенно непосильной ввиду его расстроенного здоровья.

Однако несмотря на столь авторитетную поддержку попытка Эллиса найти материальную основу для издания своей биографии Пушкина (следующего тома в той же серии о «золотом веке» русской поэзии, где до этого вышла книга о Жуковском) не увенчалась успехом. По совету Кирша 26 ноября 1934 г. он обращался к P. Augustinus von Galen OSB (1870–1949), основателю *Catholica Unio*; упомянув о благословении Папы, он просил выделить средства на издание своего труда о Пушкине, но безрезультатно³³. Отметим, что в письме к Вяч. Иванову от 27 апреля 1936 г. Эллис сообщает, по-видимому, об аналогичном представлении в Ватикане Киршем книг Йоганны ван дер Мейлен

²⁹ Christi Reich im Osten. Die gesitige Bedeutung Wladimir Solowjews. S. 274 (“Erscheint Frühjahr 1926”).

³⁰ *Poljakov Fedor B.* Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Ëllis im Tessiner Exil. S. 38–39.

³¹ См. о нем подробно: *Heid Stefan.* Johann Peter Kirsch // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis zum 21. Jahrhundert. Herausgegeben von Stefan Heid und Martin Dennert. Bd. 2. Regensburg, 2012. S. 732–735.

³² *Dr. L. Kobilinski-Ellis.* W. A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1933 (Das goldene Zeitalter der russischen Poesie, [I]); *Poljakov Fedor B.* Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Ëllis im Tessiner Exil. S. 42–43.

³³ *Baumer Iso.* Von der Unio zur Communio: 75 Jahre Catholica Unio Internationalis. Freiburg, Schweiz, 2002. S. 350–352 (Ökumenische Beihefte zur Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie, 41).

COMMISSIONE PER... Profession de foi. 2
 Moi Dr. Leon Habiciński, Fils de mon Père Leon et de ma mère Barbe
 Je crois fermement et je professe toutes et chacune des choses qui sont contenues
 dans ce symbole de la foi dont se sert la St. Eglise romaine, à savoir:
 Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem caeli et terrae, visibilium
 omnium et invisibilium. Et in unum Dominum Jesum Christum, Filium Dei
 unigenitum, ex Patre natum ante omnia saecula, Deum de Deo, lumen de lumine,
 non Deum versum de Deo vero, Genitum, non factum, consubstantialem Patri,
 per quem omnia facta sunt. Qui propter nos homines et propter nostram
 salutem descendit de caelis. Et incarnatus est de Spiritu Sancto et Maria
 Virgine, et homo factus est. Crucifixus, tamen pro nobis, sub Pontio Pilato
 passus et sepultus est. Et resurrexit tertia die secundum Scripturas. Et as-
 cendit in caelum, sedet ad dexteram Patris. Et iterum venturus est cum
 gloria iudicare vivos et mortuos, cuius regni non erit finis. Et in Spiritum
 Sanctum, Dominum et vivificantem qui ex Patre Filioque procedit, qui
 cum Patre et Filio simul adoratur et conglorificatur, qui locutus est
 per prophetas. Et in unam sanctam, catholicam et apostolicam Eccl-
 esiam. Confiteor unum baptisma in remissionem peccatorum, et
 expecto resurrectionem mortuorum, Et vitam venturi saeculi. Amen.
 Je crois en un seul Dieu, je crois que Notre Seigneur Jésus Christ est
 Dieu et homme, Dieu parfait et homme parfait, que la divinité et
 l'humanité unies de une manière ineffable et incompréhensible
 dans l'unique personne du Fils de Dieu ont constitué un seul
Jésus Christ, que partant la B. Vierge conçue sans péché est vraiment
 mère de Dieu, que dans le même Jésus Christ il y a deux natures
 sans confusion aucune, deux volontés naturelles et deux opérations
 naturelles.
 Je crois qu'il y a vraiment et proprement sept
 sacrements de la foi nouvelle institués par Jésus Christ n.S.
 nécessaires à chaque fidèle en particulier, à savoir: ce Baptême
 la Confirmation, l'Eucharistie, la Pénitence, l'Extreme Onction
 l'Ordre et le Mariage. Je crois qu'ils confèrent la grâce et que
 se reiterer. Je crois que le corps du Christ se consacre vrai-
 ment aussi bien, en agnus quam deux espèces. Je crois que le lien
 du mariage une fois consommé, est absolument indissoluble et qu'encore
 que par cause d'adultère l'heresi ou autres de même gravité puisse se
 faire la separation de corps entre les deux époux, Toutefois, il ne leur
 est permis de contracter un mariage nouveau.
 Je crois que les âmes des fidèles qui sont en étant morts dans la
 pénitence, ont après la mort purifiées dans les peines du Purgatoire.
 Je crois qu'à les soulager dans les peines, servent les suffrages des fidèles,
 encore vivants, c. a. d. ce st sacrifice de la Messe, les prières, les au-
 mones et autres actes de miséricorde que les fidèles ont continués
 d'accomplir envers ces autres fidèles selon la doctrine de l'Eglise.
 Je crois que les âmes de ceux qui, après avoir reçu le baptême,
 ont commis aucun péché au lieu, ayant péché, ont fait au-
 tement pénitence durant cette vie ou ont expié leurs fautes
 après la mort dans le Purgatoire sont incontinent reçus au Paradis
 où elles voient Dieu en nature et divinité en personnes, clairement

(Intermediarius): «4 книги эти посылались в Рим, и автор их *после этого* перешел из кальвинизма в католицизм, даже вступил в 3 орден (терциариев св. Франциска)»³⁴.

* * *

Итак, мы рассмотрели внешние обстоятельства деятельности Эллиса, которые сопровождали его на пути соединения с Римом: его сотрудничество с Matthias-Grünewald-Verlag, положение в кругу католических богословов, определившее его репутацию, влияние на него близких друзей. Теперь обратимся к свидетельству о переходе Эллиса в католичество, в котором названа и одна из важнейших дат для его биографии. Это документ, хранящийся в *Archivium Sacrae Congregationis Ecclesiarum Orientalium* (Città del Vaticano), со штампом *Commissione per la Russia*, входящим номером 107/1931 и датой получения (18 июля 1931 г.), был любезно предоставлен нам проф. Андреем Шишкиным, которого мы искренне благодарим за поддержку нашей работы.

Amministrazione Apostolica di Lugano

Lugano, 16 Luglio 1931.

Alla Sacra Commissione Pro Russia

Città del Vaticano

Ci preghiamo comunicare a codesta S. Commissione che il russo Dr. Leone Kobilinski-Ellis, figlio fu Leone e fu Barbara nata Goliwanowa, nato a Mosca il giorno 13 Agosto 1874, ora domiciliato a Locarno, diocesi di Lugano, si è convertito alla Chiesa Cattolica. Già da vari anni il convertito studia con impegno la Religione cattolica, fu esaminato e trovato molto bene istruito, così che fu ammesso all'abiura ed alla professione di fede ed accolto nel grembo della Chiesa Cattolica.

Uniamo copia dell'abiura e professione di fede, scritta in due copie dal convertito e letta davanti al Delegato dell'Ordine diocesano, alla presenza di quattro testi.

Coi sensi della massima venerazione di codesta S. Commissione, umilissimo servo

sac. Emilio Cattori
Priore gen.

sac. M. Tomamichel
Cancelliere Venerabile

³⁴ Письма Эллиса к Дмитрию Мережковскому и Вячеславу Иванову / вступл. и комм. Ф. Полякова, подг. текста А. Шишкина // Русско-итальянский архив. II. Salerno, 2002. С. 156. Первое издание этих четырех выпусков книги *Intermediarius* (Leipzig: Xenien Verlag, 1914; Basel: Frobenius, 1919, 1923, 1927) к началу 1930-х годов разошлось; второе, мюнхенское, издание появилось в значительно переработанном виде (München: Herold-Verlag, 1932/1933). В письмах к Р. Кнису Эллис также упоминает сочинение Й. ван дер Мейлен, называемое им сокращенно *Reisebeschreibung* («Описание путешествия»), которое относится, видимо, к паломничеству в Рим и связано с ее обращением. Нам не известно, сохранился ли этот текст; Эллис предлагал опубликовать его в издательстве Книса.

et face a face, mais a des degres divers selon ce mortal personnel
 degres de leurs merites. Enfin que ces ames de ceux qui mourant
 au etat de peche (original) mortal personnel vont en Enfer, et
 celles de ceux qui meurent en etat de peche original restent prives
 de la vision beatifique. Je crois que le S. Siege apostolique
 et le Pontife romain ont la Primauté sur tout l'Univers
 catholique, que le même Pontife romain est le Successeur de
 St. Pierre et le vrai Vicaire de Jesus Christ, Chef de toute l'Eglise
 Père et Docteur de tous les Chrétiens et que en la Personne de
 St. Pierre il a reçue de N. S. J. C. plenus pouvoirs de pasteur,
 regir et gouverner l'Eglise universelle.

J'admets sans aucune hesitation et je professe tous les autres
 points de doctrine qui ont été declarés et définis par les saints
 Conciles et les Conciles oecuméniques, spécialement par les Conciles
 de Florence, Truente et du Vatican, en particulier sur tout ce
 qui se rapporte a la Primauté et au magistère infailible
 du Pontife romain et en même temps je rejette et condamne
 toutes les doctrines contraires, les schismes et les heresies que
 l'Eglise a condamnés. Cette vraie Foi hors de laquelle
 nul ne peut être sauvé, je la professe librement et j'y
 adhère en Verité, avec l'aide de Dieu je veu la retenir
 et la conserver jusqu'au dernier jour de ma vie!
 Ainsi moi (en posant la main droite sur l'Evangile) je
 promets et je jure. Que Dieu me soit en aide ainsi que ces
 St. Evangelistes!

Locat. no 3 Luglio 1931.
 In seguito all'adunata e professione
 di fede, ho assolto il signor Dr. Leone
 J. Kobliński dalla censura,
 e l'ho ammesso nella commissione
 della S. Chiesa Cattolica, Ap. Romana.

Tr. J. J. J.
 arch. Giuseppe Petrotti, Delegato.

Lugani, di 16 Juli 1931.
 Visum et recognitum.
 Fr. M. Tommasini
 Cancellarius

Signé: D. J. Kobliński
 av. G. Petrotti Delegato
 Com. Antonio Profina
 Stanbury Bernasconi
 Alfrido Rizzoni
 J. H. van der Meulen.

Акт о присоединении Эллиса к католической церкви. 3 июля 1931 г.
 Автограф. Л. 1 об.

Перевод:

Апостольская Администратура Лугано

Лугано, 16 июля 1931 г.

В Священную Комиссию Pro Russia

Ватикан

Имеем честь сообщить Св. Комиссии, что русский д-р Лев Кобылински-Эллис, сын Льва и Варвары, урожденной Голивановой, родившийся в Москве 13 августа 1874 г. и ныне проживающий в Локарно, Епархия Лугано, обращен в Католическую Церковь. Уже несколько лет новообращенный усердно изучает католическую религию, сдал экзамен и, оказавшись хорошо подготовленным, был допущен к обряду отречения и к свидетельству веры, после чего был принят в лоно Католической Церкви.

Прилагаем в двух экземплярах текст отречения и вероисповедания, написанный и прочитанный новообращенным в присутствии представителя Епархии при четырех свидетелях.

С чувством наивысшего почтения к Св. Комиссии смиреннейший слуга

Священник Эмилио Каттори
Генеральный приор
<Подпись>

Священник М. Томамикель
Достопочтенный секретарь
<Подпись>

В документе названа неверная дата рождения Эллиса, которая сообщалась им самим в Швейцарии и таким образом отразилась в официальной документации (в действительности Лев Кобылинский родился 2 августа 1879 г.)³⁵. Указание девичьей фамилии матери Эллиса — Варвары Петровны Кобылинской — в форме *Goliwanowa* (даже если это опечатка вместо *Голованова*) остается неясным³⁶. Здесь также упоминаются две духовные особы — представитель знаменитого тессинского рода Don Emilio Cattori (1889–1968) и уроженец Лугано, профессор духовной семинарии Michael Tomamichel (1895–1960)³⁷.

В заключение остается подчеркнуть, что по сравнению с изощренными формальными действиями, имевшими место при процедуре присоединения Вяч. Иванова к католической Церкви в марте 1926 г., ритуал обращения Эллиса с внешней стороны представляется вполне соответствующим принятым нормам. Однако его духовный идеал, который получал свое выражение в стремлении сохранить всю таинственную неоднозначность религиозного пути Владимира Соловьева, сближает его в гораздо большей степени с Вяч. Ивановым, чем их литературные биографии.

³⁵ Поляков Ф. Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского) // Schamma Schahadat (Hg.). *Lebenskunst — Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв.* München, 1998. С. 129–130 (Die Welt der Slaven. Sammelbände — Сборники, 3).

³⁶ Генеалогические связи Варвары Петровны Кобылинской прослежены в статье: Глуховская Е. «Дело Л. Л. Кобылинского» в архиве Охранного отделения // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N. S. Bd. 7. 2019 (в печати).

³⁷ Maissen Felici. Schweizer Studenten am Kollegium De Propaganda Fide in Rom von 1634–1920 // Zeitschrift für schweizerische Kirchengeschichte / Revue d'histoire ecclésiastique suisse. Bd. 69. 1975. S. 337. Nr. 79.

THE PAINTER AND THE VISIONARY: IVANOFF AND IVANOV

Powell Atlas

In the Ivanov Family Archives (IFA) there are four letters of correspondence from an artist, Serge (Sergei Petrovich) Ivanoff (1893–1983)¹. Serge’s letter, dated July 29, 1939, opens with a quick acknowledgement of his having received a postcard from Vyacheslav Ivanovich Ivanov. Serge has spoken with M. Kaplan² straight off, and informs Vyacheslav that his “poetry book” will be printed following the August 15th holiday. Serge explains that “no new corrections/changes” can be made; that the artist himself will proofread the Greek; everything will be fine:

Получил Вашу открытку и немедленно звонил Каплану, чтобы узнать, когда он думает выпустить Вашу книгу стихов. Он сказал, что, конечно, нельзя думать о новых корректурах, но что он уверен, что все будет сделано как следует. Книга будет напечатана только после 15го августа, и я побываю у печатника, чтобы проверить греческие обозначения.

Within fifteen days of the earliest possible printing, Germany invades Poland (September 1, 1939); two days later France declares war on Germany; and nine months later (May 1940) Germany invades France. It was a short window of opportunity for “Chelovek”/“Man” to survive in manuscript before finally being published, in Paris 1939³. Vyacheslav’s “Chelovek” would therefore not suffer the fate of his earlier book and manuscript, *The Hellenic Religion of the Suffering God*, that was reduced to ashes in a St. Petersburg fire the day after its publication⁴. Serge Ivanoff designed the cover of “Chelovek”, but more important, he shepherded the publication from receipt of the manuscript through a final draft, found a publisher, and had the “mutual baby” with Vyacheslav.

The relationship of Serge, Vyacheslav, Lydia Vyacheslavna, Dimitri Vyacheslavovich and Olga Alexandrovna Shor (Vyacheslav’s secretary since 1927) has been unexplored; the letters from the IFA and some recently discovered letters between Vyacheslav and Dimitri (published in *Studia Litterarum*, 2019, by Andrej Chichkin and P. Atlas) will serve here as a beginning.

Serge’s 1939 letter continues with an appeal for Vyacheslav to reconsider his low expectations in terms of the public’s reception of “Chelovek”. («Мне

¹ Ivanov Family Archives, Rome. Inventory 5, Box 5.

² M. S. Kaplan (1894–1979), Russian editor in Paris.

³ Vyacheslav Ivanov, “Chelovek” (Paris: Dom Knigi, 1939).

⁴ See V. Blinov. Chronology of Life and Works of Vyacheslav I. Ivanov, *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic, Philosopher*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986, p. 452.

кажется, что это общее дитё будет не так уж неудачно, как Вы изволите думать»). Ivanoff then passes on to Vyacheslav some news of Dimitri, his whereabouts, his literary career, and that Serge understands that Lydia (“Kiska”) will be visiting Dimitri in Northern Italy and that “it is such a miracle, how well everything turned out between our Koshko-Kozlokot (Cat-Goat Cat) families” («вообще это такое чудо, что всё так устроилось между нашими Кошачье-Козлокотскими семьями».)

Ivanoff ends the letter with a description of himself and Dimitri (“Dima”) talking about the family, “sometimes until 2am, me lying in bed and Dima sitting at my feet wearing his blue pyjamas”⁵. («...Всегда говорим о Вас всех, иногда до двух часов ночи, я — лёжа в кровати, а Дима сидя на моих ногах в своей голубой пижаме».) Serge addresses Vyacheslav as our “Chief Cat”, sends his regards to Olga (“Flamingo” in other letters) and asks to be remembered to “Marquisa” (Andrei Beloborodov), “Transfiguration” (unidentified person), Mme. (Elen/Helen) Piccolo and “Detinushka” and her children.

In an undated letter (likely from 1938, prior to Dimitri’s first return to Rome, and following the start of his teaching appointment in Chartres), that was drafted in haste and to be hand-delivered to Vyacheslav by Dimitri, Serge writes “I will never forget you...and the things that I saw and felt when I was near you...” He then informs Vyacheslav less about his paintings themselves than about the *morphosis* of his approach that refers to a discussion they had in 1937 in Rome. Serge is reporting, updating him on his progress, his evolution as an artist.

Димочка скоро едет снова к Вам, и я пользуюсь случаем писать Вам. Никогда не забываю Вас и Вашу милую ласку и шкапы и все все что я видел и чувствовал когда так полюбил Вас. Но годы летят и так много пронеслось невероятных событий. Что ценно это та *continuation d’effet*, которые в нас. Это единственное счастье в жизни. Все окружающее мне часто противно. Наконец-то я начинаю чувствовать, что я приближаюсь к некоему познанию в живописи, но каждый день все новое обретаю и новому обучаюсь. Все это чудесно!

On the last page of the letter, he returns to this relationship and adds “I hope you will love what I aspire to... I am searching for simplicity and intimacy in how / what I am painting.”

Авось скоро увидимся и тогда покажу Вам, что я делаю и надеюсь, что полюбите то, к чему я стремлюсь. Все больше ищу простоту и интимность в изображаемом, и кажется близок к этому.

The letter ends with a private joke recalling a friendly threat from Vyacheslav while Serge was in Rome, “I am looking forward to a huge cupboard (*armoire*) on my head, but only from you, my dear chief”. (С нетерпением жду *даже огромного* шкапа на голову, но только от Вас, дорогой шеф.)

⁵ This written description is portrayed in a caricature drawing — see colour illustration n. IX. — by Ivanoff included on a letter by Dimitri Ivanov dated February 21, 1942 that was written to his father. The 31 month difference between written description in the 1939 letter and this caricature drawing within the 1942 letter speaks to the “*continuation d’effet*” and the warmth of the relationship between the families. The unabbreviated variant of this letter of the same date from the Archive of the IFA is published below, p. 00.

An introduction of Kozlo-Kot (the Goat-Cat)

Ivanoff in Russia:

Sergei Petrovich Ivanoff (1893–1983) was the fifth child of Petr Alexandrovich Ivanoff and Ekaterina Sergeievna (Schmaroff) who lived in Moscow. Sergei's father worked for his wife's father who operated a company of boulangeries in Moscow for the well known and wealthy Filippov family. Their first two children (Zinaida and Vasilli) died at early ages; two other children, Lydia and Vladimir, were born in the late 1880s. When Sergei was an infant in 1894, all three children contracted scarlet fever; Sergei was the only child to survive⁶. By his environment he belonged to the Silver Age of Russian culture.

Between 1900 and 1909, three additional siblings were born⁷. At the age of 12, circa 1905, Sergei had begun to receive training in drawing and painting. In 1909, when he was 16, the family, including the father-in-law and his family moved from Moscow to Saint Petersburg to live in a corner building on Nadiezhdinskaia Street, a short distance off the Nevsky Prospect where the father-in-law opened a luxury boulangerie and restaurant, "Le Bristol", described as the Fauchon, for its time, of Saint Petersburg.

Between 1914–17 the young Ivanoff served as a Russian officer along the Polish front during World War I, having interrupted his studies at St. Petersburg's Fine Arts Academy upon the onset of War. In October 1916, he married Thamara Sergeievna Fresnoy (1890–1978) who, although born in Russia, carried French citizenship. Between 1916 and 1921, the couple had two daughters, Marianne (1918–1998), and Galina (1919). In 1918, the family would have had their income dramatically reduced⁸. Because of Thamara's French nationality, she was able to leave St. Petersburg, by then, Petrograd, with the children. In the autumn of 1921, she and the children left for Paris. Ivanoff was to re-join them at a time, at best, uncertain.

In the meantime, after March 21, 1921, following the opening of the "Reconstructed" Academy of Fine Arts of Petrograd, Ivanoff returned to the university to complete his degree. In May 1922, he graduated, having studied under Dimitri Kardovsky and Osip Braz⁹. It has been suggested that between 1918 and 1922, Ivanoff met Alexandre Benois who had been recruited by Maxim Gorky and Anatoly Lunacharsky¹⁰,

⁶ From a taped oral history of the Schmaroff-Ivanoff families recounted by Thamara Fresnoy-Ivanoff. The tape was made circa 1974.

⁷ Ekaterina (1900 – circa 1980), Anna (1902 – circa 1970), Petr (1909–1982).

⁸ It is uncertain as to how the luxury store, "Le Bristol", that had provided very well for the Schmaroff/Ivanoff families prior to 1917, was able to remain open and profitable following the ban, early that year, of the importation of luxury goods, let alone going forward over the 4 years of rationing and dwindling food supplies that spread throughout the country during the civil war that ensued between the Red and White Armies.

⁹ Osip Emmanuilovich Braz (1873–1936, Paris). The artists painted portraits of one another in 1933.

¹⁰ See "Day book of Alexandre Benois": https://project1917.com/heroes/aleksandr_benua

the head of the Department of Education, to become Head Curator of the Hermitage Collection. It was a time when everyone needed a life boat, including the collections of the Hermitage. Each person, each family, each town, and each city understood they were living on a knife's edge, both personally and culturally. In 1918 Petrograd ceased to be the capital; by March 1919, Moscow, the new capital, had no water service, thereby eliminating steam heating in the city during the following three winters. Food subsidies were not allowed to be distributed to the intelligentsia or their children until 1923¹¹. The Peasants were to fare far worse, particularly in the Volga region throughout the period 1918–23.

Having acquired the technical tools of an artist, with his parents' and siblings' livelihood in question due to rationing, and the poor economic outlook to even produce bread, Sergei's help would have been needed.

During this period, Ivanoff entered a contest for the design of a poster, and was selected. The government, through the Department of Education, gave him a position designing and painting posters for the sides of trains¹², part of the Agit-train program, created to win the hearts and minds of the country, or, in its most concrete form, advertising to recruit peasants to join the Red Army and solidify Bolshevik/Soviet control over a substantial portion of the country. At approximately the same time, Ivanoff, when he had time, was making a painting of the interior of the Hermitage Museum's old master collection and the large malachite vases housed in the 1851 skylit galleries. Ivanoff, though a skilled illustrator, designer and artist, was not a revolutionary.

While painting the interior, Ivanoff was asked by a man who was a director at the museum if he would sell him that painting. Ivanoff declined¹³. That painting was to remain in Russia. I believe the director was Alexandre Benois, with whom, in France, Ivanoff formed a lasting friendship.

The Civil Wars (1918–1921) left the country poised for mass famine. Maxim Gorky, having been ejected from Soviet Russia in 1921, published an open letter "To All Honest People" in late July, 1921. "I ask all honest European and American people for prompt aid to the Russian people. Give bread and medicine"¹⁴.

Gorky served as an intermediary to arrange a meeting in Riga between representatives of the American Relief Administration (ARA) and the Soviet Government; on August 24th a formal agreement was signed for the delivery and distribution of food to address the famine.

At the same time the Soviet Government was also negotiating separately with Fridtjof Nansen (1861–1930)¹⁵. In the end the ARA would do the work and shoulder the bulk of expenses; Nansen's group, associated with the Red Cross, would receive most of the credit. Both groups quickly established offices in Moscow and Petrograd.

¹¹ See Bertrand M. Patenaude. *The Big Show in Bololand, The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford Press, 2002. P. 178–9.

¹² From personal conversation with Serge Ivanoff circa 1979–80.

¹³ From personal conversation with Serge Ivanoff circa 1979–80.

¹⁴ See Bertrand M. Patenaude. *Ibid.* 27. Details of the timing and involvement of Gorky, Nansen, the Patriarch Tikhon, Litvinov and Herbert Hoover are carefully researched and described by Bertrand M. Patenaude in his book.

¹⁵ See footnote above and: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1922/nansen/biographical/>

С. П. Иванов. Портрет голодающего.
Галькино, 1922

The first ARA kitchens opened September 6, 1921 in Petrograd; a few days later, the second was open in Moscow. It was vital, from the ARA perspective, that the effort be successful: it was believed that feeding the population of Russia would curtail an appetite for systemic change elsewhere.

Ivanoff took an interest in this developing news. He may have met with the representatives of the ARA in Petrograd but if he did he could have run the risk of exposing his family to repercussions from his “working with” the ARA. He likely would have preferred a more neutral approach; Nansen’s operation through the Red Cross would have been a safer alignment through which to make the trip to the Volga region, and perhaps through it, find a path to emigrate.

In August 1922, Ivanoff left Petrograd for Moscow, then, later boarded a train with a special car that was bound for the city of Samara, a trip that would

take 36–40 hours to the East-South East, by the compass, then gradually into small towns and villages to the south in the region¹⁶. It is hard to imagine a more counter-intuitive solution to the problems Ivanoff faced.

Why, if food is scarce in the city, work difficult to obtain, and your wife and children are to the west, does one go in the opposite direction to an area where millions are dying of hunger? At the very least, Serge would have needed some governmental authorization or an umbrella organization to know where to go and people to contact while there. Ivanoff does not reveal any information on this in the book or the two articles he was to publish later¹⁷.

Regardless of how Ivanoff was granted permission and who prepared him with transit papers to travel into the area of the famine, when he returned home after five weeks in the Volga region, having visited over 9 small towns and villages, he was carrying a journal he kept to track and describe his daily experiences and 253 drawings to memorialize what he had seen: the condition, both moral and physical, of the people he had met. The images captured his descent into a Hell on earth as few would choose to experience. What he distilled from these experiences was an understanding of humanity through a gentle, participatory thoughtfulness within the act of creating his drawings. His experience never left him; it tempered and forged him at his core.

¹⁶ See Serge Ivanoff, *La Famine en Russie Bolcheviste* (Paris: Nouvelle Librairie Nationale), p. 5–24.

¹⁷ Serge Ivanoff, 1. “The Terror in Russia” *The Graphic* (London), April 7, 1923, p. 473–4; 2. “La Russie affamée: De la Famine au cannibalisme» // *La Revue Française*. No. 31, 5 Aout, 1923, p. 152.

Страницы из публикации С. П. Иванова «Террор в России» в журнале «График». Лондон, 1923

The Famine of 1921–23 represented a loss of 5 million people even as the relief efforts managed, at their height, to feed over 11 million people per day which stemmed the tide of the famine.

By the time Ivanoff left Russia three months later in December 1922 at 28 years of age, he had witnessed and studied with members of the World of Art (*Mir Iskousstva*) movement, contributors to the Silver Age /Russia's Renaissance, and witnessed in the Volga Region a descent into a Inferno¹⁸ of starvation and ever present hopelessness. The first he participated in due to the fortunes of his birth, the second experience was his by choice.

As others had done and others would continue to do, Ivanoff left Russia by night for Finland once the marsh areas were frozen and traversable on foot. He carried only what he considered essential, his pencil case, his Famine journal, and the bulk of the 253 drawings. He arrived near dawn at Ilya Repin's refuge, "Les Penates", across the newly drawn border between Soviet Russia and Finland¹⁹. On December 19, 1922, Ivanoff received a Passport Nansen n. 01123²⁰. He then traveled to London. He stayed there for nearly 3 months, then left England from Hull on March 23, 1923 to find his wife and children in Paris.

¹⁸ See, for a description of Samara by F. A. Mackenzie, Bertrand M. Patenaude, (*Ibid.*), p. 59.

¹⁹ In conversation with Serge Ivanoff.

²⁰ The Passport Nansen was the idea of Fridtjof Nansen that was approved as a means of documentation for travel purposes of people who were fleeing their country without authorization. It was first approved by the Geneva Convention in July 1922.

Ivanoff in Paris:

Once in France, Ivanoff sought work as an artist, illustrator, set, costume, and even furniture designer. He edited his journal from the famine, and in 1924 published *La Famine en Russie Bolcheviste* with 31 of his illustrations. He, along with many, lost all contact with members of his Russian family until the decade of the 1960s; at that time, he was able to re-establish contact with his brother and sisters²¹.

The Russian Revolution offered a Draconian choice to the creative individual; many found the choice existentially intolerable. The Revolution targeted the bond within families and prioritized a national identity. This proved untenable for some artists; others found or re-discovered new ties: those of the shared or common experience of exodus, those of religion, culture, and of a common understanding, and sense of humanity. These refugee ties coalesced in Berlin, Paris, and Rome.

Zinaida Serebriakova (1884–1967) arrived in Paris in 1924. Her first place to live was in the borrowed apartment of Andrei Beloborodov (1886–1965) who had arrived in Paris three years before but was already spending most of his time in Rome²². In 1926, Alexandre Benois (1870–1960), who was Zinaida's uncle, moved definitively to Paris. Benois and his wife were magnets. He left late in the first emigration and was responsible for helping others to obtain visas to leave Soviet Russia. Through Benois, later to become a neighbor of Ivanoff during the German Occupation of Paris and a frequent visitor at Ivanoff's atelier/apartment, Ivanoff expanded his contacts with the slightly older generation of the diaspora russe including: Ivan Bunin, Fyodor Stepun, the Riabushinsky family, Yuri Annenkov, Paul Milioukov, Natalia Gontcharova, Boris Zaitsev, Serge Lifar, and Nicolai Kalmakov²³.

While developing contacts and relations with colleagues in the printing industry, Ivanoff also honed his craft and skills as a portraitist. Members of the Baschet Family, owners of the Magazine *Illustration* were among them. Ivanoff was hired in 1929 to furnish illustrations for occasional articles in that revue and gradually became well known while his portrait work was often mentioned in reviews of the Salons by the news magazines as well. Ivanoff had found a convenient and relatively comfortable means of earning money. Comfort and luxury, however, were not his true goals.

On January 9, 1937, *L'Illustration* published a news story in their magazine noting the health of Pius XI "fort ébranlée"; *L'Illustration* subsequently gave Ivanoff the assignment to go to Rome, make contact, and complete a portrait of Pius XI

²¹ It was not until then that he learned of his father's death in 1928 from dysentery and his mother's death in 1942 during the siege of Leningrad.

²² Letters of Zinaida Serebriakova. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1967, p. 83. The apartment was on the rue Malbranche, Paris V.

²³ See interview of Serge Ivanoff in the documentary film: Annie Tregot, *L'Ange de l'Abîme*, (Copro-Films with participation of TF1 Films Production and l'Office de Creation Cinematographique: 1982); see also Francis Eyraud, *Kalmakoff, L'Ange de l'Abîme 1873–1955 et les peintres du Mir Iskousstva*, Musée-Galerie de la Seita. 1986). See also René Guerra, *L'art russe en exil à Paris 1920–1970*, Moscow, Avant Garde, 1995, p. 133, 134, 149.

Фотопортрет С. П. Иванова работы Анни Тресгот (© Annie Tresgot). 1982

as soon as possible. He arrived February 2, 1937. From the Ivanov Family Archives' Ivanoff letter to Vyacheslav dated September 1, 1937, we know that Ivanoff returned to Paris by August 10, 1937.

Ivanoff in Italy:

There is neither a journal nor a day book of any sort that informs about Ivanoff's stay in Rome. There are documents regarding work produced for *L'Illustration* during his time in Italy as well as articles, with illustrations, that were produced during his stay. It is unknown if there is any correspondence in the *Illustration* archive available for research. Letters to Ivanoff's wife from the period of time in Italy may exist in the family's archives but these have yet to be catalogued for a precise chronology and better understanding of how the short trip stretched to more than 6 months. Nonetheless, there is a partial "journal" we can construct from the work Ivanoff completed in Rome.

The Pope, although in poor health, was nonetheless occupied with considerable duties of State that precluded sitting for an unsolicited and likely an undesired portrait of himself as an ill man. Who would want to sit for such a portrait? The artist was asked to wait. Maybe the artist would simply go home?

Ivanoff requested permission to paint the interior rooms of the Papal Apartments. April 5, 1937 he received permission²⁴ and promptly executed four paintings.

²⁴ Permission notification from Vatican. Ivanoff Archive of the author.

С. П. Иванов. Портрет кардинала Э. Тиссерана. 1937

He then requested permission for access to the Papal archives; it was granted. He then asked to paint the celebration of two masses that the pope was to present, Easter being one. It was granted. Ivanoff painted pictures of the Pope at these events. Ivanoff then painted four individual portraits of four Cardinals: Tisserant, Mariani, Canali, and Tedeschi, all of whom had been elevated to the College of Cardinals by Pius XI. In mid to late summer, Ivanoff was given an audience with Pius XI and was able to complete his portrait at the Pope's summer residence of Castel Gondolfo. All seven of the paintings of the Pope and the Papal Apartments were included in the February 1939 Special Album of *L'Illustration* dedicated exclusively to Pius XI²⁵.

Ivanoff did not meet Vyacheslav prior to his arrival on February 2, 1937. I believe that he was introduced either through Alexandre Benois or through Benois' niece, the painter, Zinaida Serebriakova, and perhaps through her association with Andrei Beloborodov.

We also do not know when or how the friendship began between the poet Vyacheslav Ivanov and the artist, Serge Petrovitch Ivanoff.

On June 6, 1983, Dimitri, Vyacheslav's son, told me about his memory of his first meeting with Serge Ivanoff which occurred in 1937. He explained that he had been away and was returning home to the Ivanov residence. He spoke of his entrance across a threshold, his threshold at via Monte Tarpeo, 61, the house on the Capitoline Hill that looked down over the excavations of ancient Rome. Olga Alexandrovna ("Flamingo") wrote, "[Vyacheslav] decided to cease living *en pension* and instead live *en famille*,

С. П. Иванов. Портрет Вяч. И. Иванова.
Рим, 1937

С. П. Иванов. Портрет Д. В. Иванова.
Париж, 1938

²⁵ *L'Illustration* (Paris), Fevrier 1939.

in his own home. As if by magic, a dwelling was found on the Capitoline itself, with a view that in its beauty and grandeur was quite exceptional even for Rome”²⁶. Zinaida Gippius gives this description: “And there is the magical staircase of the Capitoline...there is not a single step from the steep side street into the house where Ivanov lives. But the old houses on the Tarpean Rock have their surprises...” Dimitri explained that at that threshold he heard laughter from within; he knew something was different before crossing the threshold. It surprised him to hear this stranger and his family on familiar terms, with nicknames, all having occurred during his absence. He explained to me that his family tended to be formal with visitors, yet Serge seemed already to be a part of his family, though someone he had never known. He was caught off guard. He told me the nick-names of the members: Kot, Kiska, Flamingo, and Kozlokot.

The painter Ivanoff made a living through commissioned portraiture and illustrations. This was not his life’s work. Following the completion of a commission, his pattern from this time on would be to return to his real work, work that meeting Vyacheslav had helped inspire him to do. The painting record begins to show Eden-esque landscapes of harmony between humanity and Nature, reflective paintings that symbolically address subjects at the edges of Culture, a domain that was understood as the dominion of Hekate and the understanding of borders. Ivanoff’s experiences in Russia, especially those during the famine, were formative at the depths of his character — particularly his philosophy of perseverance; his experience in Rome with Vyacheslav helped shape a poetics and an interiority and a timelessness, in this special sense, an intimacy of their two compatible visions. Serge Ivanoff developed paintings upon these themes for the next forty-five years.

²⁶ See V. Blinov. Chronology of Life and Works of Vyacheslav I. Ivanov (*Ibid.*), p. 469 also on same page, Z. Gippius’s description of the location of the home.

ПИСЬМА СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА ИВАНОВА К ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

Публикация Андрея Шишкина

1*

1 sept. 1937, Paris

Дорогие Вячеслав Иванович и Ольга Александровна.

Сие есть послание от Козлокота, который прозябает в Париже. Он продолжает халтурить и скучать, ибо все это в конечном итоге зря. Жизни не видишь, время уходит и ничего серьезного не могу делать. Я никогда не забуду моего пребывания там около вас. Там были и прогулки, и время для писания, и обстановка совершенно особенная, располагавшая к мечтам о каких-то реализациях. Я с грустью думаю о моих проектах написать моего «Прометей» и так далее. Когда это будет?

Я что-то расхандрился совсем здесь.

Моя семья уехала вчера «en vacances» в Аркашон. Я один и перешел на консервное кормление, ибо лень спускаться с моего четвертого этажа на улицу.

Дима вот уже три недели как уехал к Бернаносу¹. Судя по его первому письму, мне кажется, что ему там нравилось. Но что-то молчит с тех пор, хотя я ему писал уже два раза. Не знаю, право, что он собирается делать в этом году. Может быть, ему было бы хорошо попробовать пожить здесь в Париже, и я ему предлагал воспользоваться моей мастерской, которая будет пустой с февраля месяца, так как я собираюсь уехать в Америку на 4–5 месяцев.

Может быть, это было бы полезно для его литературного дела? Но как с его экзаменами будет?

Я думаю, это Б<арба>блю² Вам рассказал о нашем житьи-бытьи здесь и о том, как мы весело бузили³ с ним, и об наших приключениях в Varall'e.

* Письма 1–4 печатаются по автографам: Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. Карт. 5. Письмо 5 — там же: Оп. 5. Карт. 9. Всюду новая орфография. Сохраняются особенности авторского правописания.

¹ Georges Bernanos (1888–1948) — французский католический писатель. О пребывании Д. В. Иванова в доме Бернаноса см.: *D'Ivanov à Neuvecelle. Entretiens avec Jean Neuvecelle recueillis par Raphaël Aubert et Urs Gfeller*. Montricher: Les Ed. Noir sur Blanc, 1996. P. 133–136, 175.

² Возможно, одно из прозвищ А. Я. Белобородова.

³ В оригинале описка: будили.

С. П. Иванов. Голова кота. Рим, 1937

Я собираюсь ехать в Венецию числа 10 октября и быть в Риме, если Бог пошлет, числа 25го. Прошу Вас, Ольга Александровна, передать М^{ме} Piccolo, что я, наконец, сделал <1 нрзб.> оба рисунки для ее мебели и вышлю их на этих днях. Я был в затруднении, ибо отвык это делать, и как-то не клеилось. Прошу передать ей самые мои искренние приветы для нее и ее милой семьи. Здесь была М^{lle} Ratti⁴ на 10 дней, с которой я был два раза на выставке. Она говорила, что М^r Франческо⁵ собирается тоже приехать сюда. Буду рад видеть его у себя. Вернулся ли в Рим Ананьин⁶? Он славный очень и совсем был другой здесь, чем в Риме. Жаль, что он не застал меня перед своим отъездом. Я писал несколько раз Киске в Сиену⁷, но что-то не имею ответа. Может быть, она теперь снова в Риме? Жаль, что она в общем не имеет отдыха в этом году. J'ai hâte de vous revoir, et la branche de laurier que tient la petit mannequine me rappelle toujours⁸ Тарпееву Скалу⁹ и Вас.

Привет Вам от искренне любящего Вас
Козлокота.

Познакомился во время Диминого пребывания здесь с Брюкбержэ¹⁰. Очень симпатичный и хороший человек. Никогда не забуду утренней обедни в Sacre Coeur'e, когда Дима ему прислуживал. Это было так чисто и трогательно. Я заеду в его монастырь по дороге в Италию и напишу там две-три вещи, я думаю.

⁴ Лицо неотожествленное.

⁵ Francesco Piccolo (1892–1970) — историк литературы, писатель и журналист. Ряд его книг в библиотеке Вяч. Иванова с инскриптами; см.: Русско-итальянский архив. III: Salerno, 2001. С. 451, прим. 9.

⁶ Е. А. Ананьин (1888–1965) — историк, медиевист, журналист. См. о нем статью Д. Рицци в изд.: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019; а также: Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 1. СПб., 2016. С. 959.

⁷ Дочь поэта Лидия Иванова (1896–1985) в том году находилась в Сиене. См. о ней статью А. Шишкина в изд.: Русское присутствие в Италии... М., 2019.

⁸ «Не могу дождаться увидеть вас снова и лавровая ветвь, которую держит маленький манекен, всегда напоминает мне...» (франц.)

⁹ Вяч. Иванов в это время жил по адресу: via Monte Tarpeo, 61. З. Гиппиус назвала свой очерк о нем «Поэт и Тарпейская скала» (1937).

¹⁰ Raymond Léopold Bruckberger (1907–1998) — писатель, доминиканский священник. О его отношениях с семьей Вяч. Иванова см.: Шишкин А., Пирон Ж. «J'entrevois et j'aime la véritable âme française...» (К теме «Вячеслав Иванов и Франция») // Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива. М.: Изд-во «Три квадрата», 2017. С. 182, 197.

Париж, 23 декабря 1937

Дорогие мои друзья,

Вы, конечно, догадываетесь, что мое молчание не вызвано крокодильничаньем только, и не бросали еще шкапы¹¹ в отсутствующего Козлокота.

Вот в чем дело. На другой день по нашем возвращении из Arcachon'a с семьей моя жена вдруг заболела. Она всегда страдала печенью, а тут вдруг случилось что-то с аппендицитом. В продолжении недели она страшно мучаясь пролежала дома, а потом пришлось отвезти ее в клинику, где она и пробыла два месяца, и вот совсем недавно возвратилась домой. Ее так и не оперировали и доктора надеются, что теперь этот кризис обойдется так. Дима, который видел, как мы живем, и вы поймете, какая это была сложная история в моей многочисленной семье <так! — *A. III*>. Марьяна в Орегà, Галя на своей работе, Согé в школе и возвращается завтракать¹². Мне все время пришлось проводить между моим ателье и квартирой и ездить в клинику к жене. Где уж тут думать об Италии, и конечно пришлось махнуть рукой на мою поездку в Рим до лучшего момента. Сейчас, слава Богу, все в порядке. Вся моя семья шлет Вам привет и поздравляет с праздниками. Я несколько времени тому назад послал Вам «*l'Illustration*» с моими рисунками и несколько экземпляров оттисков для наших общих знакомых в Риме. Будьте так добры и распределите их. Белобородову, *Trasfigurazione*¹³, сыну, Ганчикову¹⁴, отцу Филиппу¹⁵, Mme Belin¹⁶ и Ананьину и Tommasini¹⁷. *Elen'e Piccolo* я также послал № и оттиск для Mlle Ratti.

Я все время думаю о Вас там в Риме и завидую Вам. Ибо здесь я в общем не живу, а зарабатываю и трачу, и свободного времени у меня нет. Когда я вспоминаю о Риме, я отдыхаю душой и рвусь вернуться к Вам, где все так спокойно, красиво и где я видел настоящую жизнь. Но может быть я не вполне прав. Я все же работаю и для себя в данный момент. Я пишу три больших картины. Две уже почти совершенно закончены — это *San Sebastian*, которого я задумал будучи в России, и *Нарцисс* — третья, две девушки на фоне архитектуры и моря. Скажу Вам, что я счастлив, так как я, кажется, действительно нашел самого себя теперь. Все это вылезло из меня вдруг, и очень неожиданно для меня самого. Я наконец работаю с радостью и не ненавижу то, что делаю. Будучи в Италии мне казалось,

¹¹ На семейном языке Вяч. Иванова это выражение означало бурную критику.

¹² Перечислены дочери художника: Марианн (1918–1998), Галина (1919) и Элизабет (прозвище Согé, 1930–?).

¹³ Прозвище неотожествленного лица.

¹⁴ Л. Я. Ганчиков (1893–1968) — историк литературы и философии; см. о нем: Переписка В. И. Иванова и Л. Я. Ганчикова. Публ. С. Гардзонио // Русско-итальянский архив. X. Салерно, 2015. С. 113–134; Русское присутствие в Италии... М., 2019.

¹⁵ Филипп Де Режис (1897–1954) — ректор Руссикума, см. о нем: *Юдин А.* Вяч. Иванов и Филипп де Режис // Символ. 2008 № 53–54. С. 631–642.

¹⁶ Лицо неотожествленное.

¹⁷ Anselmo M. Tommasini (1876–?) — писатель и богослов, автор эссе на тему статьи Вяч. Иванова «Анимус и Анима», 1940; см. обзор его писем к поэту на электронном ресурсе <http://www.russinitalia.it>

что самое сильное впечатление произвела на меня Венецианская живопись, а оказалось совсем не так — Botticelli, Fra Angelico и античные мастера. Как это странно все вышло. Я все время отмахивался от них, а они проникли в меня через поры и вот лезут теперь из меня. Я очень счастлив, право, и никогда еще не работал с такой радостью и такой легкостью. Когда закончу, пришлю Вам фотографии.

Сейчас получил новый большой заказ для «l'Illustration» для специального № весеннего о Париже и начал уже работать, ибо надо все сдать в конце января. В феврале, если Бог даст, уеду в New York, как собирался. Если же это не удастся, то приеду снова к Вам в Рим.

Я получил Вашу коллективную открытку. Спасибо всем за память. Посылаю также пакет писем для Димы, которые хранила консьержка. Брюкбержэ приезжал в Париж, и мы с ним виделись несколько раз. Его очень полюбили все наши. Многоуважаемую Кошку¹⁸ прошу писать мне. Кстати, я ей пришлю на днях переработанное либретто для цирка <?>. Надо все уместить в первой картине, а закончить на *финале первой* картины. Все, что нам не совсем нравилось во второй, выкинуть, и надо чтобы все это длилось 50 минут максимум. Я уже говорил об этом в Опере с Areline, но за недостатком времени не мог основательно заняться livret и привести в порядок костюмы, чтобы взять Rochèr. Кошка очень умоляется Козлокотом писать ему о своих циферблатных <?> подвигах, послеобеденных отдохновениях и композиторских экспериментах¹⁹. Просят также объяснить Козлокотино положение друзьям Римским, чтобы они не дулись напрасно и не бросали <сь> тухлыми яйцами в несчастное животное. Надеюсь, что les amitiès ne m'abandonneront pas jusqu'à mon retour²⁰. Скажите милой Елене это. Поцелуйте от меня la vieille Marquise Barbabianca²¹, неоубиенную Transfiguratione²², сына, и если разрешит terrible Gancikoff, la charmante Gina²³, у которой должно быть уже есть маленький Gancikoff. Мой привет дорогому отцу Филиппу, и славной Mme Belin. Я напишу им всем отдельно, надеюсь. Привет также Anagnine'ым, если не было очередных шкапов. Крепко обнимаю Вячеслава Ивановича, Киску, Диму и Ольгу Александровну. С Новым Годом!

Ваш любящий Вас Сергей Иванов.

3

<1938–1939>

Дорогой Вячеслав Иванович!

Димочка скоро едет снова к Вам, и я пользуясь случаем пишу Вам. Никогда не забываю Вас и Вашу милую ласку и шкапы и все-все, что я видел и чув-

¹⁸ Лидия Вячеславовна Иванова.

¹⁹ Этот совместный балетный проект, насколько нам известно, не был воплощен.

²⁰ Дружеские отношения сохраняются до моего возвращения (франц.).

²¹ Имеется в виду А. Я. Белобородов.

²² Неотождественное лицо.

²³ Джина (Джузеппина) Дзанина (1907–1989); см. о ней: Ганчикова А. «Родившийся в рубашке». О судьбе моего отца // Ганчиков Л. Я. О направлениях русского духа. М., 2018. С. 229–231.

становал, когда жил около Вас и когда так полюбил Вас. Но годы летят, и так много пронеслось невероятных событий. Что ценно, это то *continuation d'effet*²⁴, которые в нас. Это единственное счастье в жизни. Все окружающее мне часто противно. Наконец-то я начинаю чувствовать, что я приближаюсь к некоему познанию в живописи, но каждый день все новое обретаю и новому обучаюсь. Все это чудно!

Стремлюсь снова как-нибудь к Вам в Рим, но кажется, раньше поеду в Америку. Все подготавливаю для этого себя<,> здесь в данный момент разгром. Дима говорил мне, что Вы работаете над «Ахинеей»²⁵. Как хотелось бы быть около Вас, вокруг вечерней лампы.

Дима скажет Вам, как мы живем. Привет милой Лидии и дорогому Фламинго. Всего Вам <I нрзб.> Я рад за Диму и думаю, что его работа выдвинет его и здесь. Но как он активен. Это что-то исключительное!..²⁶

Не посылаю Вам никаких новых фоточек, но много нового у меня в данный момент. Авось скоро увидимся и тогда покажу Вам, что я делаю, и надеюсь, что полюбите то, к чему я теперь стремлюсь. Все больше ищу простоту и интимность в изображаемом, и кажется близок к этому.

Крепко обнимаю Вас и Лидию и розового Фламинго и искренне люблю Вас.

Ваш Козлокот
Сергей Иванов.

С нетерпением жду *даже огромного* шкапа на голову, но только от Вас, дорогой шеф.

Громадный привет Маркизе-Б<арба>блю.

Здесь распространились слухи о его женитьбе на итальянской маркизе!?!...

4

Париж, 29 июля 1939

Получил Вашу открытку и немедленно звонил Каплану, чтобы узнать, когда он думает выпустить Вашу книгу стихов²⁷. Он сказал, что, конечно, нельзя думать о новых корректурах, но что он уверен, что все будет сделано как следует. Книга будет напечатана только после 15го августа, и я побываю у печатника, чтобы проверить греческие обозначения.

²⁴ «Постоянство чувства» (франц.).

²⁵ Так на семейном языке Ивановых именовалась «Повесть о Светомире царевиче».

²⁶ В эти годы Д. В. Иванов активно публиковался во французской прессе и готовился к поступлению в докторат в Сорбонне. См. статью А. Шишкина в изд.: Русское присутствие в Италии... М., 2019.

²⁷ Речь идет об издании мелопеи Вяч. Иванова «Человек».

Мне кажется, что это общее дитё будет не так уж неудачно, как Вы изволите думать. Кажется, что все приложили все усилия, чтобы родить его конвенательно. Вот только не знаю, как будет с обложкой из-за кота, но я думаю, что Дима Вам все это объяснит, когда будет в Риме.

Шлю открытку от Димы из Масунаг^и²⁸, куда он, кажется, ждёт Кошку и где глетчеры и очень красиво, как он говорит. У меня здесь был и бывает Ананьин, но кажется завтра собирается в Италию обратно. Я конечно все собирался тоже вернуться в Рим, но печёнка слаба²⁹. Но работаю много сейчас, и авось придет время, когда смогу позволить себе эту роскошь. Дима также хорошо работал всю зиму, и я думаю, что он на хорошем пути сейчас в смысле литературной карьеры. Мы его все любим, как сына, и вообще это такое чудо, что всё так устроилось между нашими кошачье-козлокотскими семьями.

Всегда говорим о Вас всех, иногда до двух часов ночи, я — лежа в кровати, а Дима — сидя на моих ногах в своей голубой пижаме. Передайте мой привет Ольге Александровне <I нрзб.>. Кошке буду писать на Димин адрес.

Целую Вас крепко, дорогой «главный кот».

Любящий Вас Сергей Иванов.

Маркизе, Transfiguration, Piccolo и <I нрзб. > с чадами привет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

5. Д. В. Иванов и С. П. Иванов — Вяч. И. Иванову

46 Rue la Bruyère, 21–2–42

Carissimo Puffi,

abbiamo scritto una lunga lettera con Sergio proprio ora, ma con tanti disegni che finalmente invece di finirla e di spedirla scriviamo soltanto due righe per mandarvi i nostri auguri carissimi per la festa Geneatliaca augurando *dies faustos felices fortunatosque*. Bisogna che l'anno nuovo sia saggio e ricco e propizio ai riscontri tra la via Lactea e Leonbattista.

In quest'ultima il poetastro s'installò, avendo quattro stanze, una stufa, un letto e basta. Alle 7, lo sveglia la Cattedrale. Ma lui spesso fa la sourdeoreille marmotticamente. Oggi ho preso il tè da amici italiani. (La maitresse de maison, ex-moglie di Borowski mi diceva di avermi conosciuto da piccolo e mi raccontava di aver vissuto nell'ammirazione di Puffi negli anni 1913–1917).

Sto scrivendo nella sala da pranzo dei cugini, Sergio alla radio sente la voce simpatica dell'Usignolo dell'Eion <?> (“Lodoletta” di Mascagni alla Scala). La piccola Korè sta scrivendo i compiti e mi chiede come si scrive il trattato di Ryswyk. Sono venuto dal venerdì pomeriggio e riparto lunedì mattina. A Chartes mi rimetterò

²⁸ Городок в горах Пьемонта.

²⁹ Печенка на «кошачьем» семейном языке Ивановых означает «деньги».

a organizzare la nuova casa. Vi manderò fra poco, due poesie — frutti precocemente nati della Musa di cui parla parnassianamente Puffi.

Vedo spesso Z. Hippius tra molte difficoltà con editori e traduzioni ma per ora ho l'impressione che dal punto di vista materiale, elle tient le coup.

Vi saluta tutti.

Penso che Lidia è ritornata nella sua rustica residenza dove sarebbe così divertente visitarla. Dovrebbe lavorare al balletto di Sergio. Ci sarebbe ora modo di realizzare. Sergio di che è un crimine di abbandonare le invenzioni bellissime che lei aveva già trovate.

Marianna balla molto ed ha molto successo. Anche Sergio, gli fanno molte commandes e pagano subito e lui brandisce i biglietti di banca e saluta con due dita soltanto. Avete voi avuto la visita della signora che vi doveva portare i numeri di "Illustration"?

Perché non mi scrivete e perché — avendo un minimissimo di notizie di Puffi non ne ho di Fiammingo. Esagera il laconismo — elle verse trop dans les 7 sages che son tali per aver detto nulla. E le cronache di Lidia? E il fratello di signora Mutta <?> che vidi qui prima di natale? E Belo? E Transfigurazione? La salutiamo tutt'e due.

È tempo di andare al letto. Quando Sergio accende la sua grossa stufa (che illumina rosamente l'atelier) io trascino il mio grabat vicino al fuoco e dormiamo intorno. Ora ci andiamo e vi abbracciamo tanto tanto e auguriamo e salutiamo come si conviene al zar Baran.

Dimi.

Sergio congratula il Capogatto con la nascita e manda i suoi auguri carissimi con *pozelui*.

Serg Ivanoff Koslokoto.

«ВАШ ТОН БЫЛ ТОН ПРИКАЗА ИГУМЕНА ПОСЛУШНИКУ»:
ПИСЬМА П. А. СОКОЛОВА В. И. ИВАНОВУ И ЕГО СЕМЬЕ (1947–1961)

Марко Каратоццоло

Публикуемые письма представляют интерес для темы русской эмиграции в Италии, освещая несколько эпизодов из жизни и творчества поэта Вячеслава Иванова и до сих пор малоизученного персонажа русской эмиграции в Апулии историка литературы Павла Александровича Соколова (1892–1964). Первый не нуждается в представлении, а биография и деятельность второго получили заслуженное внимание только в последнее время.

С 1947 г., хотя и с перерывами, Вячеслав Иванов и (после смерти поэта) его дочь Лидия были в переписке с Павлом Соколовым. Ответные письма Иванова и его близких Соколову, на которые однако сам адресат ссылается в своих посланиях, к сожалению не выявлены. Из сохранившейся переписки — всего десять документов — здесь публикуются семь писем. Исключены письма, не представляющие особого интереса, в частности: апрельское письмо 1947 г., в котором Соколов описывает свое плохое здоровье, — тема, обычная в его переписке; пасхальное письмо мая 1948 г. и декабрьская открытка 1948 г., где Соколов торжественным комплиментарным стилем поздравляет поэта и его семью с праздниками, сообщая о посылке сладостей. Письма свидетельствуют о теплых, любезных отношениях между Соколовым и Ивановым, но если внимательно читать их, нетрудно убедиться в том, что первый испытывал к поэту не только дружескую близость, но и высокое уважение, то уважение, которое (по словам самого Соколова) «послушник показывает игумену».

Имя Павла Александровича Соколова только в последние годы вышло из забвения, тем не менее его вклад в историю русской эмиграции в Италии можно считать далеко не поверхностным, если иметь в виду его биографию и научную деятельность. Более подробно о Павле Соколове (Paolo Sokoloff, по итальянской официально принятой транскрипции) можно узнать из переписки с апулийским писателем и политическим деятелем Томмазо Фиоре (Tommaso Fiore, 1884–1973). Их переписка с подробным описанием жизни и научной деятельности Соколова опубликована в X-м выпуске данной серии¹.

¹ См.: *Marco Caratozzolo. Russia e Italia nella corrispondenza di Tommaso Fiore e Paolo Sokoloff (1945–1952)* // Русско-итальянский архив / Archivio russo-italiano. X. Salerno, 2015. С. 297–328.

Подробная биографическая статья с указаниями всех архивных и книжных источников о нем содержится в издании *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия* (М., 2019)². Кроме того, вышла недавно более обширная статья о жизни и творчестве Соколова, о личности которого был представлен доклад на «Барградских чтениях» 2018 г., посвященных теме паломничества³.

Напомним здесь самые важные события его жизни и творчества. Павел Соколов происходил из обеспеченной и образованной семьи ювелиров; у него было два брата и сестра. Через одного из старших братьев в 1905 г. он сблизился с партией социалистов-революционеров, его политическая деятельность привела к аресту и недолгому заключению в Бутырской тюрьме. Окончив два курса в Московском университете, пошел добровольцем на фронт Первой мировой войны. На войне его, вероятно, серьезно ранили, поэтому в последующие годы, даже имея полную работоспособность, он называл себя «инвалидом Мировой Войны»⁴. После Октябрьского переворота, покинув отечество, Соколов пять лет странствовал по Европе: «Польша, Чехословакия, Австрия, Сербия, Болгария, Крым, Константинополь, Полуостров Галлиполи, снова Болгария, потом Париж и наконец Милан»⁵. По его собственным словам, это было некое «паломничество»⁶. В Париже работал и изучал философию в Сорбонне, но об этом периоде почти не найдено свидетельств. Благодаря помощи Ватикана получил возможность (вместе с другими русскими студентами-беженцами, в том числе и Леонидом Ганчиковым) поселиться в Милане и продолжить учебу в Католическом университете. Окончив в 1927 филологический факультет, жил безработным до 1933 г., когда переехал в Бергамо и начал преподавать английский и французский языки в учебных заведениях.

Выиграв государственный конкурс в 1940 г., Соколов стал «преподавателем с постоянным постом» английского языка в апулийском городе Мольфетте, куда переехал с женой и единственной дочкой Татьяной. Он более двадцати лет преподавал английский язык в мольфеттском Классическом лицее, где познакомился с вышеуказанным Томмазо Фиоре, который в том же училище преподавал латинский и греческий. Благодаря этому знакомству Соколову открылись двери Барского Университета, где преподавал русский язык в качестве «professore straordinario», не получив постоянного места. Он в Мольфетте жил небогато, и, как объясняет самому Иванову в письме от апреля 1949 г., его слабое здоровье не сочеталось с апулийским климатом. В Мольфетте Соколов не только преподавал, но и написал несколько интересных научных статей и монографию,

² См. электронную версию: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=875>. См. также: М. Талалай. Русские студенты-эмигранты в Католическом Университете г. Милана в 1920-е годы // Русское зарубежье. История и современность. Выпуск VI. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 186–193; Л. Ганчиков. О путях русского духа / Сост., ред., пер. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2019. С. 189–192.

³ М. Каратоццо. Профессор-эмигрант Павел Соколов, между Апулией и Россией // Барградские чтения. Вып. 1. М.: Индрик, 2019. С. 169–182.

⁴ Liceo Classico “Leonardo da Vinci” di Molfetta. Stato del Personale dei Professori 1936-1948. P. 87.

⁵ Там же.

⁶ Письмо к Фиоре от ноября 1946. Цит. по: *Russia e Italia nella corrispondenza*. С. 314.

П. А. Соколов (в первом ряду в центре).
Фрагмент групповой фотографии средней школы в Мольфетте

эти труды опубликованы в университетских изданиях⁷. В марте 1964 г., уже тяжело больным, Павел Александрович с женой переехали в Австралию — под Сидней, где жила дочь Татьяна, ставшая профессором итальянского языка в Сиднейском университете. Там через три месяца П. А. Соколов скончался.

Из публикуемой здесь переписки можно узнать несколько небезынтересных подробностей об Иванове и Соколове: с одной стороны, в письмах Соколова имеется подтверждение того, что к прославленному поэту русские эмигранты относились с огромным уважением и считали его не только литературным, но и духовным

⁷ См.: *P. Sokoloff* 1. Il comunismo francescano e il comunismo moderno. Milano, C. Ferrari, 1927; 2. Il problema della proprietà terriera nella storia del contadino russo // «Annali della Facoltà di Economia e Commercio dell'Università di Bari», VIII, 1948, pp. 361–398; 3. L'S. O. S. di Leonida Andreev: nel 30. anniversario della morte // «Annali del Corso di lingue e letterature straniere presso l'Università di Bari», I, 1950, pp. 371–387; 4. Ivàn Pòsoškov e il suo “Libro della povertà e della ricchezza”, Molfetta, Scuola tipografica dell'Istituto provinciale “Apicella” per sordomuti, 1953.

наставником («игуменом»), по выражению самого Соколова). Павел Александрович неоднократно высоко оценивает советы, полученные от Иванова, ставит произведения Иванова в центре своей преподавательской и научной деятельности, испытывает к нему и членам его семьи глубокое уважение и вспоминает с большой радостью их встречи. С другой стороны, обнаруживаются новые подробности не только об апулийской жизни Соколова, но и о его римских контактах. Друг Соколова Леонид Ганчиков тоже был связан с Римом, где с 1933 работал на кафедре славистики, главой которой был Этторе Ло Гатто. Их переписка не выявлена, но, вероятнее всего, именно Ганчиков познакомил Соколова с Ивановым и с Этторе Ло Гатто. По совету последнего Соколовым была написана книга о Посошкове⁸.

Соколов и Вячеслав Иванов виделись лишь дважды, в январе и в июле 1947 г.; с Лидией Вячеславовной и Димитрием Вячеславовичем встреча имела место дважды, в Апулии и в Риме в 1961 г. Переписка Соколова с поэтом относится в основном к 1947 году и начинается после их первой римской встречи 4 января 1947 г. Свидетельством теплых отношений является не только учтивый и приветливый стиль писем Соколова, но и его склонность «исповедаться» поэту и рассказать ему о своих «перипетиях». В частности, нетрудно понять, что (если исключить тему физического и психического здоровья) одним из центров их разговоров была «русская душа», о которой сам Вяч. Иванов «посоветовал написать» Соколову (письмо от января 1947). Соколов также пишет о том, как трудно ему снова «встать» после семейных трагедий и травм эмиграции. Его «болезненная чувствительность», сводившаяся к психоневрозу, уменьшает его работоспособность, и к нему часто приходят тяжелые мысли; в Иванове Соколов находит идеального учителя: «с января, когда мы познакомились, не проходило, кажется, дня, чтобы я не устремлялся к Вам со своими думами». В ответ на рассказ о тоске и отчаянии, порой охватывающих Соколова (они в чем-то сходны с пессимизмом Джакомо Леопарди), Иванов советует молодому эмигранту бросить рефлексировать и просто действовать: «...перед уходом я сказал Вам, что подумаю обо всем, что... А Вы мне так строго: “не думайте”!» (письмо от декабря 1947).

В данной публикации приводятся тексты писем из Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме: Оп. 5. К. 10. П. 11. Л. 1–1 об; 6–6 об; 8–13; 18–19 об; 22–24 об.; публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

1. П. А. Соколов — Вяч. И. Иванову

Via De Luca, 41
Molfetta (Bari)
Январь 1947

Дорогой Вячеслав Иванович.

Спустя два дня после моего визита к Вам, 6 января, я уехал с семьей из Рима, покрытого снегом. И чем дальше ехали к югу, тем снег шел всё сильнее, и когда

⁸ См. *P. Sokoloff, Ivàn Pòsoškov e il suo “Libro della povertà e della ricchezza”*. P. 3.

мы подъезжали к Мольфетте¹ (она в 25 километрах не доезжая Бари), из окна вагона открывался экзотический вид: оливковые сады, с миндальными и фиговыми деревьями, покрытые снегом. И от станции до дому шли почти по сугробам².

Поездка в Рим и свидание с Вами меня оживили, и я вернулся в нашу глушь с твердым намерением начать работать интенсивнее и, следуя Вашему совету, готовиться к будущим экзаменам для получения штатской кафедры при университете³.

Только в 20-х числах января мне предложили начать лекции (хоть, на юге, как общее правило, не торопятся), и я начал свой курс как-раз в Татьянин день, 25 января. Поехал я в Бари в торжественном настроении, и хотя экстраординарные профессора официальной вступительной лекции не читают, я решил открыть курс лекцией о Ломоносове, посвятив второй час плану работы и общей характеристике языка и литературы. Как талисман, взял с собой Вашего «Человека» и положил перед собой на кафедре⁴.

Никакого извещения о начале курса сделано не было, хотя я и просил об этом за несколько дней и секретаря факультета и местную газету. Когда я за два дня перед началом курса познакомился с профессором немецкой литературы⁵, он мне сказал, что на его первой лекции было всего три студента. У меня в 11 часов, когда по расписанию должна была быть моя лекция, в аудитории никого не оказалось. И вообще в университете из-за плохой ли погоды, или из-за близости февральской сессии экзаменов, студентов было мало. Пришла моя адъюнкт-профессорша, и мы с нею сидели перед пустым амфитеатром, в ожидании второго часа. Около 12 появились наконец две студентки и, вспомнив профессора немца, я решил не откладывать, хотя невольно перед тремя слушательницами мажорный тон, в котором предполагалась лекция, уступал место минорному, тону беседы. Но наверно Св. Татьяна присутствовала незримо вместе с Николой Милостивым⁶, об особенном почитании которого на Руси я упомянул в самом начале лекции, и поэтому приподнято-торжественное настроение меня не покинуло весь

¹ Соколов жил в Мольфетте с 1940-го по 1964-й год по двум различным адресам.

² Судя по имеющимся данным, зима 1947-го года была одна из холоднейших в XX веке. В Мольфетте же имела в течение всей зимы средняя температура -3, снегу было много, что совсем не обычно для Апулии.

³ Соколов имеет в виду квалификационный экзамен к получению «libera docenza» (роль свободного доцента). В тогдашнем университетском законодательстве это было званием, при получении которого кандидат мог в частной форме вести курсы в университете. Контракт на ведение курсов возобновлялся из года в год.

⁴ Имеется в виду парижское издание ивановской поэмы «Человек», опубликованное в 1939 г., которое, как можно думать, поэт подарил Соколову при римской встрече.

⁵ Вероятнее всего, имеется в виду Джованни Некко (1895–1961), который стал в 1954 г. «professore straordinario» (штатный профессор в ожидании подтверждения) немецкой литературы, но до этого работал в Барском университете в качестве «libero docente». Некко был автором «Истории немецкой литературы» (Storia della letteratura tedesca, Vallardi, Milano, 1957), которая с конца 50-х годов пользовалась большим успехом в лицах.

⁶ К данному письму Соколов приложил открытку с изображением Св. Николая. См.: Архив В. И. Иванова. Опись 5. Картон 10. Папка 11. Л. 2об [http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k10.htm].

тот день. А вечером собрались у нас несколько моих коллег, и мы за чашкой чая отпраздновали Татьянин день, именины моей дочери и мою первую университетскую лекцию. Я вспоминал Вас и Вашу семью: как бы мы были рады видеть и Вас всех за нашим столом, который почти такой же, как Ваш. И мы решили послать Вам маленькую посылку с самодельным печеньем и пр. и просим Вас не отказать принять тот подарок, приняв таким образом хотя и *post factum*⁷ участия в нашем празднике, хорошо?

На второй лекции у меня было уже больше двадцати студентов и по слухам уже дошедшим сюда, студентам очень понравился и курс, и моя манера говорить. Ну и хорошо, если так.

Давая общую характеристику русской литературы, коснулся я и русской души, о которой Вы мне посоветовали написать. Мне думается, что евангельские слова о любви к ближнему, об истине, справедливости и милосердии «пронзили» русское сердце так глубоко, что если «страдальческую грудь волнуют страсти роковые»⁸, если наша вера часто утверждается после того, как переходит через «горнило сомнения», если стальных душ пустынный холод «доводишь до отчаянья, — все-таки русская душа готова, как Мария, к ногам Христа навеки прильнуть». Я еще бы добавил: не так на Западе, где Христа приняли, правда, как дорогого гостя, с поклонами и уверениями в преданности, но, за редкими исключениями, во внутренние покои не «допустили». А может быть я ошибаюсь?

Говоря о языке, процитировал суждения Ломоносова, Тургенева, Проспера Мериме⁹, указал на его положение в семье индо-европейских народов, говорил о Миссии Кирилла и Мефодия, о церковно-славянском языке и т. д., иллюстрируя лекцию снимками со старинных памятников письменности.

Надеюсь, что Вы, Лидия Вячеславна, г-жа Шор и Дмитрий Вячеславич¹⁰ (пишут и Вячеславовна и -вович, как правильнее?) почувствуйте себя хорошо. Мне было так приятно провести с Вами тот вечер. Спасибо Вам всем за ласковый привет!

Читаю сам и читаю своим Вашего «Человека»¹¹, Вячеслав Иванович, вспоминаю часто Вас и Вашу семью, и мы шлем Вам всем наш сердечный привет.

С глубоким уважением,

Павел Соколов

⁷ Латинскими буквами в тексте.

⁸ Здесь и далее Соколов цитирует стихотворение Тютчева *О, вещая душа моя!* (1855).

⁹ См. в частности: «La langue russe qui est, autant que j'en puis juger, le plus riche des idiomes de l'Europe, semble fait pour exprimer les nuances les plus délicates. Douée d'une merveilleuse concision qui s'allie à la clarté, il lui suffit d'un mot pour associer plusieurs idées qui, dans une autre langue, exigeraient des phrases entières. Le français, renforcé de grec et de latin, appelant à son aide tous ses patois du Nord et du Midi, la langue de Rabelais enfin, peut seule donner une idée de cette souplesse et de cette énergie» (P. Mérimée, *Œuvres complètes*, Texte établi et annoté par Henri Mongault, Paris, 1932, Tom II: *Etudes de littérature russe*, p. 5).

¹⁰ Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) — дочь поэта, музыкант, композитор и мемуарист, автор книги *Elementi di ritmo e di forme musicali* (Рим, 1960); Ольга Александровна Шор-Дешарт (1894–1978) — литературовед, ученица и ближайший сотрудник Вячеслава Иванова, жила в Италии с 1927; Дмитрий Вячеславович Иванов (1912–2003) — сын поэта, журналист и писатель.

¹¹ См. сн. 4.

2. П. А. Соколов — Вяч. И. Иванову

11 апреля 1947

Воистину Воскресе!

Дорогая Лидия Вячеславна.

Письмо Вячеслава Ивановича и Ваше для меня — гора с плеч. Прежде всего слава Богу, что у Вас все благополучно, а потом хорошо, что если Вы все меня и побранили за наше «малое приношение», и это в конце концов обошлось. Пока я писал Вячеславу Ивановичу у меня уже был готов проект письма и к Вам. Знаете, много спустя после Татьянина дня стал я думать, что ведь я Вас всех хорошо-то и не знаю, что может быть в Вашем обиходе есть и заслуженная важность, и известные условности; что, с другой стороны, и Вы меня первый раз в жизни увидели и не знаете о моей склонности к опрощению и упрощению. И упрекал я себя, и хорошие русские пословицы вспоминал — об «иной простоте»¹², и о «не спросясь броду» или «не поглядев в святцы», но уже делать было нечего. Да и с эстетической стороны вышло что-то неладное из-за этой несчастной жестянки из-под флита (правда давным-давно служащей для этой цели, мытой, перемытой и прокипяченной), но другой в доме не было.

И чтобы не возвращаться к этому «вопросу», я очень прошу Вас всех смотреть на подобные посылки — если бы я мог их делать больше! — сквозь пальцы, хорошо? Времена теперь трудные для всех порядочных людей, как для Вас, так и для нас. Вы рассуждайте так: если эта маленькая посылка пришла, значит она как-то могла пойти — вот и хорошо! И поверьте мне, что — но Вы мне поверьте и без объяснений, правда? И тогда — спасибо. Когда я опять увижусь с Вами, я Вам расскажу о применении «сравнительного метода» в жизненных перепециях (и не только Пугачевская башня¹³, но и кое-что посерьезнее), тогда и познакомимся поближе, и пенять на меня не будете.

Спасибо за Ваше письмо, и сердечный привет от нас Вам, Ольге Александровне и Дмитрию Вячеславичу. До-свидания.

Ваш П. Соколов

3. П. А. Соколов — Вяч. И. Иванову

Via De Luca, 41
Molfetta (Bari)
19 июня 1947

Дорогой Вячеслав Иванович.

Простите, что так долго не писал Вам. Еще с Пасхи начался у меня один из тех мучительных периодов почти полной потери работоспособности, когда

¹² Соколов имеет в виду следующие русские пословицы: «Иная простота хуже воровства», «Не спросясь броду, не суйся в воду», «Не поглядев в святцы, да бух в колокол».

¹³ Арестованный в 1905 г. в связи с участием в деятельности социалистов-революционеров, Соколов содержался именно в Бутырской тюрьме, называемой также «Пугачевская башня».

после двух-трех часов работы в гимназии или в университете уже делаешься неспособным чем-нибудь заняться. Глицер-фосфаты и стрихнина что-то мало помогали в тот раз. Сейчас делают мне впрыскивания американского препарата «Liver Extract»¹⁴, и как будто начинаю чувствовать себя лучше. Эти периоды более или менее продолжительные мучили меня и прежде, еще в Москве, а теперь иногда доводят до отчаяния, тем более что условия жизни стали куда лучше чем в былые времена.

Так как Вы меня мало знаете, у Вас наверно создается странное представление о новом знакомстве. Наверно надо быть очень чутким, чтобы не подумать, что мое долгое молчание не просто русская халатность. Нет, дорогой Вячеслав Иванович, я очень часто Вас вспоминаю, правда, «как перед Истинным!» — думаю о том, что напишу Вам в своем «большом» письме, когда неспособен написать и маленькое! Кстати, большие письма всегда были моею слабостью. Компенсировалось ли ими бессознательно, хоть в малой степени, желание — неудовлетворенное — заняться литературным трудом, или же они свидетельствовали о неумении, которое обличал в своем грозном корреспонденте кн. Курбский, «в кратких словах замыкать многой разум»¹⁵?

Помню, в прошлом письме я упомянул о расходе с самим собою. Я мог бы много написать об этом, но мне неловко «распространяться» о самом себе. По натуре и по воспитанию я наверно романтик чистой воды, но под «ударами судьбы», лицом к лицу с реальной жизнью все чаще и чаще стал впадать в отчаяние и подошел к «последней черте» — равнодушию. И остановился в раздумье. Да уже слишком долго думаю. И вот, не люблю себя. И от этого наверно «все качества». Слишком уж критически отношусь к себе, часто наверно просто придираюсь к мелочам. И в то же время такая снисходительность к другим. Другие, если и виновны, заслуживают снисхождение, а к себе — беспощаден: хромого на обе ноги, не сумел умереть вовремя, пройду без следа. Чтобы жить, мне надо играть чужую роль, а я чужих ролей не хочу. Когда же играю самого себя, вспоминаю замечание Л. Шестова в одной из его критических статей, что человеческий взгляд не выносит зрелища безнадежности¹⁶. Может быть, из-за всяких условностей жизни, в иных случаях «играть самого себя» вообще невозможно.

¹⁴ Liver Extract, содержащий витамин В-12, был в те годы американским лекарством от разных болезней.

¹⁵ Неточная цитата из Второго (не датированного) послания Курбского Ивану Грозному. Во Втором письме Курбского царю содержится острая критика на неуместный стиль, которым царь написал свое «широковещательное» послание. Критика оправдывается убеждением Курбского в том, что способность правильно говорить «учит зѣло красно и превосходне глаголати, ово вкратце многой разум замыкающе, ово пространне расширяюще, но и то под мѣрами, не допускающе со велеречением много звягати».

¹⁶ Отсылка на очерк Льва Шестова о творчестве Чехова (1908): «Сам дядя Ваня проделывает это открыто, на людях, но как потом больно ему вспоминать о своей невозддержанной откровенности! Когда все разъезжаются после бессмысленной и мучительной сцены, дядя Ваня понимает, что *молчать* нужно было, что нельзя признаваться никому, даже самому близкому человеку в известных вещах. *Посторонний глаз не выносит зрелища безнадежности*» (Творчество из ничего (А. П. Чехов) // Л. Шестов. Сочинения в двух томах. Томск: Водолей, 1996. Том II. С. 208).

И знаете, Вячеслав Иванович, я пишу и думаю: ты находишь, что все это может быть интересно? Не знаю. Вероятно я уже давно как в заколдованном кругу, где «физика» влияет на психику и наоборот. Корень зла наверно частью в наследственной болезненной чувствительности, частью в семейной трагедии, омрачившей мою молодость. Потом годы войны, в которую меня наверно толкнул тот же демон самоубийства, что незадолго перед тем погубил мою старшую сестру, а потом брата. А замкнула круг революция и изгнание. В польском плену¹⁷ ждал я несколько часов рассвета и обещанной, под пьяную руку, пули в лоб. А затем несколько месяцев «мертвого дома» в концентрационном лагере; побег, которым навсегда отрезал себя от возможности вернуться домой; последние месяцы белой армии в Крыму, полуголодное галлиполийское сидение и работы каторжного типа в Болгарии¹⁸. Все это не прошло даром. Это вот прошлое, о котором я сказал Вам, что «нависло» надо мною. Трудно было и в Париже, где я работал как чернорабочий; но я пытался и в университет там ходить, не говоря уже о воскресеньях!¹⁹ Не легко жилось и в Италии после окончания университета. Когда выдержал конкурс и надеялся и отдохнуть немного, и создать что-нибудь свое, опять началась война, опять нужда, опять нервы расшатались, и все планы пошли прахом. Вы говорили мне, и может повторили в письме, о *libera docenza*²⁰, о будущем... О, мне так дорого и Ваше внимание, и Ваша вера в мои способности. По русскому-то масштабу это было нелегко и не всем дано; или уж людям жалостливым, или архидобросовестным и кропотливым Вагнерам. Здесь в университете, кажется, создалось хорошее обо мне мнение, и меня уже утвердили на будущий год. Но вот я Вам написал о своем состоянии. Как Вы думаете, Вячеслав Иванович, возможно ли серьезно работать, когда чувствуешь себя так плохо? Я сомневаюсь. Да и нет у меня такой амбиции, которая толкает вперед даже заурядных людей. А я, что я сделал в жизни, чтобы считать себя незаурядным? Часто мне и больно, и стыдно. И тогда я молю о чуде, об исцелении. Ведь моя «основа» создалась в ранней молодости, к 18–20 годам, когда и много читал, и много слушал и не видел кругом никого кроме близких и друзей. А потом безумная тоска, война, кровь и грязь и глупость человеческая, изгнание, и «госпожа Забота». И в конечном счете вижу, что уже десятки лет сиднем сижу. Двадцать лет тому назад покойный

¹⁷ Во время советско-польской войны (1919–1923) в польских лагерях находились не только красноармейцы, но и солдаты русской армии, которые возвращались на родину после заключения в немецких лагерях, а также солдаты Белой армии генерала Н. Э. Бредова (1873 — после 1945).

¹⁸ См. письмо Соколова к Томмазо Фиоре от ноября 1946 г.: «Постоянный фон — голод и нищета. Маршрут: Польша, Чехословакия, Австрия, Сербия, Болгария, Крым, Константинополь, Полуостров Галлиполи, снова Болгария, потом Париж и наконец Милан» (цит. по: *Russia e Italia nella corrispondenza*, цит. С. 314).

¹⁹ Известно, что Соколов учился в Сорбонне во время своего пребывания в Париже. Тем не менее, когда он приехал в Милан и с помощью Ватиканской стипендии поступил на курсы Католического Университета, его курсы в Сорбонне не были засчитаны (засчитана только двухлетняя учеба в Московском Университете), вследствие чего он смог записаться на третий курс (см.: Archivio della Segreteria di Stato Vaticano. Фонд 1927. Опись 181. Д. 1. Л. 84).

²⁰ По-итальянски в тексте.

Giulio Salvadori «открыл» меня в университете, уговорил меня напечатать мой реферат о францисканской «коммуне»²¹, советовал работать и дальше, как советуете Вы теперь. Но тогда еще была вера, и сильна надежда, и равнодушные еще не покушались на любовь. Но кончил университет, очутившись почти что «на улице», и началась работа о куске хлеба, работа, безработица. И надо всем тоска по родине, по семье, что там осталась...

Простите, Вячеслав Иванович, сейчас я решил послать Вам то письмо, а то оно опять «залежится», или я передумаю его посылать. Я буду Вам еще писать, если хотите. Буду очень рад, если Вы мне ответите и напишите о себе, как Вы себя чувствуете. Очень может быть что я в конце июля поеду на север, куда нас зовут друзья²², и тогда задержусь на несколько дней в Риме. Буду очень, очень рад повидать Вас и Ваших. А пока до свидания, сердечный привет Вам всем.

Ваш П. Соколов

P. S. Жена и дочь, хотя и не знают Вас лично, шлют и свой сердечный привет Вам всем. Вот два любимых существа, которым нет-нет да и приходится страдать, видя мою тоску. И это о себе меньше всего могу простить!

4. П. А. Соколов — Вяч. И. Иванову

Via De Luca, 41
Molfetta (Bari)
18 декабря 1947

Дорогой Вячеслав Иванович.

Поздравляю Вас и Вашу семью с наступающим праздником и от всего сердца желаю Вам всем здоровья и всякого благополучия.

Я давно собирался написать Вам и если бы сейчас написал все, о чем мысленно говорил с Вами в последние месяцы, вышел бы наверно добрый десяток страниц, посвященных собственной персоне, а Вы бы подумали: ну, и эгоист же этот мой новый знакомец! Так странно: с января, когда мы познакомились, не проходило, кажется, дня, чтобы я не «устремлялся» к Вам со своими думами. А точно чувствовал, что Вы знаете то «слово», которое мне было так нужно тогда, чтобы «умирить» свою жизнь. И я Вам написал о тревоге, которую вызывало во мне мое тогдашнее состояние и, приехав в Рим, выслушал Ваш ответ. Со дня

²¹ Джулио Сальвадори (Salvadori, 1862–1928) — итальянский поэт, литературный критик и журналист. В 1923 г. отец Агостино Джемелли позвал его на кафедру Итальянской литературы Миланского университета Каттолика, где он познакомился с Соколовым. Под руководством Сальвадори Соколов написал и опубликовал дипломную работу P. Sokoloff, *Il comunismo francescano e il comunismo moderno*.

²² Соколов имеет в виду своих бергамских знакомых и друзей. Насколько нам известно, он жил и работал в северном городе с февраля 1933 г. до октября 1940 г. Преподавал в «Техническом Бергамском Институте», в Бергамском Классическом Лицее, в «Коммерческом Институте» (Liceo Classico “Leonardo da Vinci” di Molfetta. Stato del Personale dei Professori 1936-1948. P. 88).

этой второй встречи с Вами прошло более четырех месяцев²³. Я послушался Вас и «не думал» (помните, перед уходом я сказал Вам, что подумаю обо всем, что... А Вы мне так строго: «не думайте!»), не думал, смогу ли я пойти по указанной дороге, а прямо свернул на нее. И не был крутым этот поворот для меня, в юности воспитывавшегося на Евангелии, на стойках, на Паскале и Амизэле²⁴, на Достоевском и Толстом; и я не мог не знать, что Вы мне укажете путь веры, но я не знал, *как* вы это сделаете. Вы же с Вашею проницательностью не могли не почувствовать, что мне нужно слово веры, сказанное с всееляющего ее верою же. И Ваш тон был тон приказа игумена послушнику — слушаться и «не думать». Спасибо! И правда, разве на верном пути не должны кончаться думы, мучающие нас на просельках? Правда, Вы, знаете, как и я, что не даром индусы сравнивают путь к спасению с лезвием бритвы (это сравнение из Упанишад взял эпиграфом к своему роману «Razor's Edge» W. S. Maugham)²⁵. Значит, — но я как будто опять слышу Ваш голос: значит, не надо «думать»!

В былые времена я от веры переходил к отчаянию и, казалось долгое время, нашел истину в мысли Леопарди, что *tutto è vano fuorché il nostro dolore...*²⁶ Хорошо еще, что я действительно больше страдал от «нашей» общей скорби, а не от своей собственной; до такого беспардонного эгоизма я не дошел бы. Но уверовав, что все тщетно, кроме нашей скорби, я не мог не приучить тому, к чему пришел и от чего теперь сказалось уйти как можно дальше.

И на этом я хочу кончить это письмо. И еще, и еще раз спасибо!

Я надеюсь, что Вы и все Ваши в добром здоровье. Как бы я был рад опять повидать Вас. Если бы почувствовал себя лучше, поехал бы, но если на душе у меня стало спокойнее, то со здоровьем в эти месяцы не важно. Правда, со зрением стало лучше, зато хуже с головой. Мне нужно бы было посоветоваться с хорошим невропатологом, а то я стал часто впадать в какое-то странное состояние неспособности к систематической работе, которое я называю — *amago far niente*, горе мне грешному!

Сердечный привет Вам и всем Вашим. До свидания.

Ваш П. Соколов

P. S. Жена готовит для Вас маленькую сладкую посылку к Рождеству и мы все будем рады если Вам понравится ее искусство.

У меня Ваша книга — «Былины»²⁷. Буду Вам очень благодарен, если позволите поддержать их еще некоторое время.

²³ Соколов и Иванов встречаются в Риме второй раз в конце июля 1947.

²⁴ Имеется в виду швейцарский философ Анри-Фредерик Амьель (Amiel, 1821–1881), на труды которого обратил внимание Лев Толстой. В 1894 г. последний написал предисловие к *Дневнику Амьеля*. Отрывки переведены дочерью писателя Марией Львовной и в том же году опубликованы в отдельном издании (*Из Дневника Амьеля*. СПб., 1894).

²⁵ Так гласит полный текст эпиграфа: «The sharp edge of a razor is difficult to pass over; thus the wise say the path to 'enlightenment' is hard» (*W. S. Maugham. The Razor's Edge. London, Vintage, 2000. P. 1*).

²⁶ Неточная цитата из стихотворения Дж. Леопарди *Ultimo canto di Saffo* (1822).

²⁷ Вероятнее всего имеется в виду сборник: *Былины* (Вступ. ст. Е. А. Ляцкого). СПб.: Огни, 1911. Эта книга о былинах не упоминается в Каталоге библиотеки Вяч. Иванова, возможно, Соколов ее получил от поэта и не успел вернуть.

5. П. А. Соколов — Вяч. И. Иванову

Via De Luca, 41
Molfetta (Bari)
Апрель 1949

Дорогой Вячеслав Иванович.

Перечитываю Ваше такое доброе письмо и надеюсь, что в этот близкий перерыв Вы не очень плохо думали обо мне, правда? Это письмо я начинал несколько раз, и в феврале, и в марте, и каждый раз останавливался, убеждая себя, что было бы лучше подождать писать, полечиться еще, стать самим собою! Ответить Вам несколькими строками я не мог: было бы и больно и стыдно, и чем дальше, тем больше. Вот я и ждал — дни, недели, два месяца! И сегодня начинаю писать со страхом, что вот-вот опять не могу продолжать.

Уже несколько месяцев как мне точно тисками голову сжали и она оцепенела. Наверно, как Вы мне советовали тогда, надо мне было прошлым летом хорошо отдохнуть, а это как-то не удалось. Опять я простудился, схватил страшный бронхит, сердце и нервы ослабели. Так как голова плохо работала, я стал принимать фосфор, который мне когда-то помогал, но на этот раз было иначе. Доктора нашли, что у меня *psiconevrosi*²⁸ и общее истощение, что надо не возбуждать нервную систему, а успокаивать; прописали мне кальций с бромом, валериану, железо, кровь; канфору для сердца, гуайякол против бронхита. Поправлялся я очень медленно, а бром очевидно слишком сильно не мог подействовать. Вероятно в таких случаях надо вести растительную жизнь, ни о чем не думая и ни о чем не заботясь. А я не мог бросить ни гимназию, ни университет, на которых меня еще кое-как «хватало», но после которых я уже сильно уставал. И места себе не находил к вечеру, чувствуя, что не могу работать еще, что потерял работоспособность.

Только несколько дней тому назад стал чувствовать себя лучше, а семье прямо не верится, что мозги «зашевелились» наконец. От радости собираюсь продолжить пасхальные каникулы на неделю, вплоть до русской Пасхи, ничего не делать и хотеть ничего не делать: «*Vorrei voler, Signore, quel che non voglio*»²⁹, как молился Микель-Анджело...

Перечитал я первую страницу: очень она похожа на больничный «скорбный лист»; Вы уже меня простите, Вячеслав Иванович, но я все чаще рад, что хоть об этом могу писать!

Один знакомый медик еще давно говорил мне, что здешний климат не для меня, и сами мы думали не раз, что следовало бы переселиться ближе к северу; но мы и сейчас бедны, а тогда будет совсем разорение. Приходится пока-что оставаться здесь, но и гораздо больше заботиться о здоровье, чем я это делал прежде: в прошлом году Вы и это поняли и подчеркнули. Здесь хорошо с по-

²⁸ На итальянском языке в тексте.

²⁹ Цитата из сонета № 87 Микеланджело Буонарроти по названию *Vorrei voler, Signor, quel ch'io non voglio* (около 1534).

ловины апреля до середины июня; еще лучше с сентября до декабря, когда как-будто осень с весной встречается, когда выжженная летом трава в октябре опять зеленеет... А вот враги мои здесь это — scirocco, от которого «влажный воздух идет над поморием счастливым»³⁰, tramontana, что дышит «буйным острым хладом», а третий зовется favorio: нервам, и бронхам и глотам плохо. Правда, нечего Бога гневить, а глазами у меня все лучше и лучше.

Сильнее же всяких недугов мучили меня всегда воспоминания и размышления о прошлом — и о нашем русском, и о своем личном. Доктора говорят, что и от этого надо было давно лечиться. Острую чувствительность мою, которая иногда мне казалась чуть-ли не даром свыше, они называют ipersensibilità, ipereggitabilità³¹: надо стараться отупеть! То, что за эти тридцать лет изгнания я не мог успокоиться, что всегда со мной мои «неотлучные», что «очей с меня не сводит бывшее»³² (сегодня я Вам же Вас цитирую!) — это, видите ли, все навязчивые идеи, говорят медики, психоз...

Не знаю, как сложилась бы моя жизнь в России, если бы не случилось то, что случилось. Но в изгнании я не мог жить спокойно, а постоянные волнения и тревожения доводили меня до отчаяния, место которого иногда заступало безнадежное равнодушие, от которого мне два года тому назад удалось избавиться, благодаря Вашему внушению. Станные у меня бывают периоды иногда; вот этой зимой душа будто перед страшным судом стояла, и не хотела оправдываться. Разве лишь думалось, что ведь в прошлом кто-то другой действовал, и думал, вольно и невольно. В покаянном каноне у нас грешник, перечисляя свои грехи, сам себя спрашивает: «душе моя грешная, сего ли восхотела еси?»³³ И без колебания говоришь: «нет, и за себя теперь, и за себя прошлого». Кто же тогда «восхотел»? И я вспоминал то, что Вы мне говорили об animus и об anima³⁴.

Видно, что и мне суждено было проходить через «горнило сомнений», что и для меня пришло время «душевного дела». Докторам я об этом не говорил; они и здесь найдут какой-нибудь другой «ipereg» и соответствующее лекарство. Стал я усерднее молиться и стало лучше.

Уже второй раз, Вячеслав Иванович, Вы спрашиваете, не сержусь ли я, и пишете о «неосторожности» и даже о «ярости» своей! Мне сейчас очень хотелось бы войти к Вам и крепко Вас обнять, чтобы доказать, как Вы мне дороги, чтобы уверить Вас, что все было хорошо. Наверно я не всегда ясно излагал свою мысль, и это могло Вас раздражать, но это моя вина, а не Ваша. Я не раз думал, как бы это мне опять повидаться с Вами, если Вы позволите, но пока-то мне

³⁰ Здесь и далее неточные цитаты из стихотворения Вяч. Иванова *Трамонтана*, которое гласит: «Если влажный воздух густ / Над поморием счастливым, / Над ленивым, горделивым, — / Дхну я буйным острым хладом / Из тесниных гулких уст» (Вяч. Иванов. Собр. соч. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 773).

³¹ На итальянском языке в тексте.

³² Цитата из стихотворения Вяч. Иванова *Неотлучные* (1906).

³³ Цитата из Пятой Песни *Канона Покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу*.

³⁴ Об ивановской интерпретации понятий *Animus* и *anima*, см. две статьи, опубликованные им по-немецки: *Terror Antiquus* // «Согопа», 1933–34, п. 6. S. 133–164; *Anima* // «Согопа», 1934–35, V, п. 4. S. 373–389. См. также более поздний комментарий Отца Ансельмо Томмазини: *Fra A. Tommasini, Animus e anima* // «Rivista di filosofia neo-scolastica». 1940, I. P. 86–100.

наверно лучше сидеть дома, а вот летом, если буду чувствовать себя лучше, непременно двинусь в путь.

Я хотел бы еще написать Вам о своей работе в прошлом году, но скоро пройдет через наш городок римский поезд, и было бы хорошо если бы это письмо поскорее дошло до Вас, а то, неровен час, оно опять задержится. Вот я и решил кончить это послание в следующем, пасхальном, письме, из которого будут истомы и «болезнь, и печаль, и вдохновение».

Сердечный привет Вам и всей Вашей семье от меня и от моих, которые благодарят за Ваше внимание в Вашем последнем письме. Напишу Вам и о них, если Вам интересно. Сейчас в доме предпраздничная уборка, от которой я любезно устранен и по уважительным и по неуважительным причинам. Поэтому иду на вокзал опустить письмо, а потом за-город, в оливковый сад.

До свидания!

Ваш Павел Соколов

P. S. Большое спасибо дорогой Лидии Вячеславне за совет принимать эмотиль³⁵; это очень хорошее средство, которым меня лечили еще в Bergamo³⁶, лет десять тому назад и которым сейчас мы «подкрепляем» нашу Таню. Мне же здесь прописали вспрыскивания, может-быть более сильного Neoepatan vitaminico³⁷. С душевным прискорбием, мало по-малу вот так изучаешь фармакологию! У меня в шкафу одна книжная полка пошла под аптеку...

П. С.

6. П. А. Соколов — Л. В. и Д. В. Ивановым

Via De Luca, 41
Molfetta (Bari)
Мольфетта
Рождество 1949 г.

Дорогие друзья, — надеюсь, Вы позволите мне обращаться к Вам так, я же постараюсь заслужить эту честь, — поздравляю Вас с Праздником и с Новым Годом и желаю Вам здоровья и благополучия; к этому пожеланию присоединяются и моя жена, и дочь.

Так мне и не удалось повидаться с Вами осенью как я прежде рассчитывал. Осадили меня мои болезни так, что и думать нельзя было о дальнейшей поездке, а теперь, «чтобы не сглазить», я и загадывать боюсь о будущем.

Для Вас, как и для меня, прошедший год был печальный. Я знаю, много времени проходит прежде чем примиряешься с великими потерями, но от всей души желаю, чтобы новый год принес Вам утешение и радость: этого хотелось бы и Вячеслав Иванович, разве неправда?

³⁵ Лекарство от анемии, которое в Италии продавалось тогда в форме сиропа.

³⁶ О бергамском периоде жизни Соколова см. сн. 22.

³⁷ Мультивитаминный комплекс, продававшийся в Италии в то время.

Я был бы очень рад, если бы Вы черкнули о себе на досуге. Мы на-днях послали Вам маленькую посылку со сладостями и нам будет приятно, если она Вам понравится. Я же их сейчас могу только «пробовать», так как из множества принятых лекарств приходится соблюдать диету. Глагол «принимать» так часто употребляется в нашем обиходе, что я иногда говорю жене: «я уже принял яйцо и сейчас буду принимать чай». Смесь и горе!

В былые времена праздничное настроение продолжалось у нас с католического Рождества до православного, но всегда, и чем дальше, тем больше, это настроение становилось у меня печальным. Его можно сравнить с настроением, какое испытываешь, слушая Requiem³⁸ в сверкающем огнями концертном зале. Всегда неотступное воспоминание в эти дни о тех, с кем когда-то встречал и проводил эти праздники, о близких и друзьях, которых уже нет, или которых может быть никогда не увидишь. Воспоминания о Москве, — помните у Марины Цветаевой, — «Где на земле, где — крепость моя, кротость моя, доблесть моя, святость моя!... Где на земле — мой дом, мой — сон, мой — смех, мой — свет, Узких подошв — свет...»³⁹

Так и в этом году.

Лидия Вячеславна, у меня к Вам просьба; я все ее откладывал; думал прежде, что вряд ли удастся что-нибудь узнать. Но ведь «попытка — не пытка». С 1922 до 1937 года я переписывался с моей московской семьей, потом они перестали отвечать мне. С того времени не раз мне приходила мысль узнать что-нибудь стороной. В '23 и в '24 я жил в Париже, работая, как простой черно-рабочий. Как-то в общем письме мама написала мне, что у них была подруга моей покойной старшей сестры — Елиз[авета] Ник[олаевна] Елеонская, дочь московск[ого] профессора богословия⁴⁰. Она знала семью Буниных и просила мне написать, чтобы я пошел к ним, что они могли бы помочь мне советом. Я тогда был полубольной, с издержанными нервами, да еще страшно бедный, плохо одетый... Сейчас не помню, вероятно из гордости, а в тогдашнем моем положении к Буниным не пошел. Г.-жа Бунина, если не запамятовал — Вера Николаевна — хорошо знала Е. Н. Елеонскую. Если Вы, Лидия Вячеславна, переписываетесь с Буниными, не могли бы Вы узнать, не переписываются ли они или кто-нибудь из их друзей с Елеонскими. Тогда может быть можно было бы узнать о судьбе моих в Москве. Или же напишите мне их адрес, и я сам

³⁸ Латинскими буквами в тексте.

³⁹ Неточная цитата из стихотворения Марины Цветаевой «*Башенный бой*», от мая 1921 г.

⁴⁰ Николай Александрович Елеонский (1843–1910) учился в Московской Духовной Академии, в 1869 стал преподавателем гомиетики и литургики в Московской семинарии. Назначен в 1879 ординарным профессором богословия в Петровской земледельческой и Лесной Академии Москвы. Автор многочисленных исследований, статей и брошюр. Среди них выделяется критическая брошюра *О новом Евангелии графа Л. Толстого* (1889). См. об Елеонском, в частности: *И. Соловьев*. Заслуженный профессор богословия в Московском Императорском Университете, протоиерей Николай Александрович Елеонский. Сергиев Посад, 1910. В истории науки известна дочь Елеонского — Елена (1869–1951) — специалист по этнографии и фольклору. В семинаре по Пушкину, который в 1919 г. вел в Москве Вяч. Иванов, участвовала Елизавета Николаевна Елеонская (*А. Шишкин*. Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 786–787), но о ней сведений не выявлено.

напишу г-же Буниной. У меня мало надежды: вряд ли письма Буниных цензура пропускает, вряд ли Е. Н. Елеонская может писать за-границу. Но все может быть, как Вы думаете?

Напишите на досуге о всех Вас. До-свидания. Сердечный привет и от меня, и от моих.

Ваш П. Соколов

7. П. А. Соколов — Л. В. и Д. В. Ивановым

Viale Pio XI, 17
Molfetta (Bari)
Рождество Христово 1960
Новый 1961 Год

Дорогие друзья,

Мы все поздравляем Вас и желаем всякого благополучия. Еще раз спасибо за вашу к нам доброту и любезность когда мы были в Риме. На обратном пути я простудился, и должен был начать учебный год с того, что подал прошение об отпуске по болезни. В конце ноября приехавший из Неаполя наш доктор нашел у меня такое общее истощение, что сказал — надо серьезно лечиться или конец. В декабре я стал питаться больше чем прежде, стал лечить нервы и сейчас говорят, что выгляжу гораздо лучше, чем прежде. Нервы успокоились, реже сердечные перебои и исчезла опухоль ног от неправильного кровообращения. Жена и Таня тоже чувствуют себя много лучше, так что надеемся на лучшее.

Как вы все поживаете? Вернулся ли Дмитрий Вячеславич? Мне очень жаль, что я не мог поехать на *Veiano* на могилу незабвенного Вячеслава Ивановича⁴¹. Я думаю, что на Пасхе мы соберемся в Париж, где мои гренадеры ждали меня в прошлом году, но в последний момент из-за нездоровья пришлось поездку отложить. Значит приеду и в Рим. Я здесь приводил в порядок книги и журналы и нашел один номер журнала «Русская Мысль» за 1920 г., и несколько номеров парижской газеты «Русская Мысль» за 1956 г. Когда вы были в Мольфетте у нас, Дм[итрий] Вяч[еславович] спросил меня, есть ли у меня «Русская мысль», и я сказал что нет, и я совсем забыл что кто-то мне прислал не помню кто и откуда (сентябрь 1956 — 1, окт[ябрь] — 6, ноябрь — 9 и декабрь — 2, всего 18 номеров). Почему Дм[итрий] Вяч[еславич] спросил меня об этой «Русской мысли»? Помню наизусть отрывок из стихотворения Оцуа о смерти А. Блока⁴².

⁴¹ Вячеслав Иванов похоронен в захоронении Греческой коллегии на римском кладбище Кампо Верано.

⁴² Видимо Димитрий Вячеславович интересовался памятной статьей поэта-эмигранта Николая Авдеевича Оцуа (1894–1954) о Блоке, первоначально опубликованной в «Русской мысли» (*Н. А. Оцуа. Лицо Блока // «Русская мысль». 1956. № 989–991*). Вероятнее всего, Соколов ссылается на стихотворение «*Блока гроб я подпирал плечом*», которое содержится в первой части оцуповской автобиографической поэмы *Дневник в стихах* (Париж, 1950).

Вышло ли английское издание о Вячеславе Иванове?⁴³ Если да, то напишите, сколько я должен выслать денег, Ольга Александровна, если Вы этим ведаете. Посылаю, вкладывая сюда, копию ответа Вячеслава Иванова Бальмонту за посвящение ему «Адама». Есть у Вас первый венок сонетов Вяч[еслава] Иван[ова]? Есть у вас и венок сонетов «Адама» Бальмонта? Ведь и эти сонеты — сейчас взглянул — были напечатаны в «Русской мысли» за 1915 г.⁴⁴, случайно сохранив[шейся] в русск[ой] библиотеке в Милане (все старые журналы были выброшены за неимением места для книг)⁴⁵. Простите, что доставили Вам в Риме беспокойство, а Вы, Ольга Александровна, за то что из вагона бросил «*porta fortuna*»⁴⁶: потом Вам расскажу, почему этот оригинальный жест. До свидания, целую Ваши руки, Лидия Вячеславна и Ольга Александровна и крепко жму руку Дмитрия Вячеславича.

Ваш П. Соколов

⁴³ Имеется в виду издание книги Вяч. Иванова «Свет Вечерний», вышедшее в 1962 г. в Оксфорде и снабженное комментариями О. А. Шор.

⁴⁴ Венок сонетов «Адам» // «Русская мысль». 1915. № 5. С. 1–7. Посвящение Бальмонта гласит: «Медвяному Поэту, / что первый в России сплел венок из сонетов, / Вячеславу Иванову, / этот сонетный венок братски отдаю». Текст ответа Иванова см. в изд.: В. И. Иванов. Собр. соч. Т. IV. Bruxelles. 1987. С. 31 cf. С. 715.

⁴⁵ О Русской Библиотеке в Милане, см. в частности: <http://www.russinitalia.it/luoghidettaglio.php?id=158>.

⁴⁶ На итальянском языке в тексте.

Протоиерей Владимир Левицкий
ХРОНОЛОГИЯ ЛЕТНИХ ПРЕБЫВАНИЙ И ПРОЧЕГО

Публикация М. Г. Талалая

Владимир Иванович Левицкий родился в 1842 г. в селе Сехновичи Гродненской губ. в семье священника. Окончив Литовскую духовную семинарию и С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, женился на дочери о. Иосифа Васильева, строителя и первого настоятеля Александро-Невского собора в Париже. В 1867 г. рукоположен в Петербурге во священники и командирован в Ниццу, где в 1867–1878 гг. служил настоятелем Никольского («старого») храма. В 1870 г. получил степень магистра богословия С.-Петербургской духовной академии за диссертацию о богомильской ереси. Главным делом его жизни стало строительство Христорождественского храма во Флоренции, первым настоятелем которого он и стал. В 1879 г. получил сан протоиерея, в 1922 г. уволен за штат по старости. В течение многих лет писал корреспонденции из Италии в разные периодические издания, собранные затем в книгу «Современные стремления папства» (СПб., 1908). Скончался 2 июля 1923 г. во Флоренции и погребен на семейном участке Левицких некатолического кладбища Аллори. Его «Журнал сооружения русской церкви во Флоренции» опубликован нами в монографии «Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии» (СПб.: Коло, 2011, с. 193–287).

Публикуемые ниже записки, начатые о. Владимиром сразу после его переезда за границу, хранятся в архиве русской церкви во Флоренции. При подготовке текста старая орфография приведена к современной, авторская орфография и пунктуация сохранены.

Протоиерей Владимир Левицкий

Наша благодарность — протоиерею Георгию Блатинскому, настоятелю русской церкви во Флоренции, за содействие в публикации.

1868. В Ницце, в церковном доме, 19/31 июля род. Сережа¹.

1869. В Cimiez², villa Ratti, прогулка на Montchauve³, починка церкви⁴, воз-
 жение войны в церкв. совете с фон Дервизом⁵.

1870. В церк. доме, 15/27 июля родилась Саша; фр-прус. война.

1871. В конце мая — морем в Геную, потом в Вену, Варшаву, Брест (обо-
 крадены на станции жидами), Сехновичи⁶; в июле и августе — в Гатчине;
 в сентябре — в Сехновичах; по возвращении в Ниццу 12/25 окт. умерла Саша,
 заболела возвратн. тифом. Мама⁷ с расстройст. легких; переселились на церк.
 счет в maison de Vilaine, rue de Ateliers.

1872. Начало лета в Cannes, потом в Шварцвальде, в <нрзб.> по ошибочному
 указанию др. Реберга, потом по совету в Гейдельберге Фридриха — в Интерлакен,
 куда приезжал из Карлсбада Иосиф Васильевич⁸ повидать больную Маму, Сережу
 и 5-месячного Ваню⁹; ездил на служение 29/30 авг. в Ниццу, говели в сентябре
 в Женеве и, по возвращении, поселились в нанятой на церк. счет квартире, maison
 Romilly (2.500 fr.), за что подверглись жестоким нападкам в церк. совете и в газетах.

1873. В Сен-Дальмас де Танд, в комнатах в сад, неоднокр. поездка в Ниццу
 на служения; вновь внедрился в ц. совет Чачков¹⁰, изгнанный было в 1870 г.

1874. Опять в St. Dalmas, в комнатах на улицу; Анюте 5 месяцев¹¹. Ваня
 болен поносами, Сережа упал в речку. Ездил в Прагу нанимать хор для Дервиза,
 в августе переехали через Кунео в Лугано, где с Иосифом Вас[ильевичем
 Васильевым], протоиер. Орловым¹² и диак. Тессельским¹³ освящали домовую

¹ Сергей Левицкий скончался во Флоренции в возрасте 26 лет; см. ниже запись за 1894 год.

² Симье, предместье Ниццы.

³ Гора Мон-Шов близ Ниццы.

⁴ Никольская приходская церковь (полное титулование — в честь свв. Николая Чудотворца
 и царицы Александры) в Ницце, на рю де Лоншан, была основана в 1858 г., когда Лазурный
 берег еще принадлежал Савойскому королевству (не путать с более поздним «новым» собором
 св. Николая в Ницце).

⁵ Барон Павел Григорьевич фон Дервиз (1826–1881), владелец виллы Вальроз под Ниццей,
 где он в 1874 г. устроил домовую церковь — вероятно, после разногласий с церковным советом
 Никольской церкви в Ницце.

⁶ Село Кобринского уезда Гродненской губернии (Белоруссия), где родился о. Владимир
 Левицкий.

⁷ Мамой автор называет свою супругу — Надежду Иосифовну (Осиповну) Левицкую (урожд.
 Васильева, 1850–1938).

⁸ Протоиерей Иосиф Васильевич Васильев (1821–1881), строитель Александро-Невского
 собора в Париже.

⁹ Иван Левицкий (1872–1902).

¹⁰ Василий Васильевич Чачков, автор книг «Доходы римского духовенства и положение
 римского народа (По итальянским источникам)» (СПб., 1860) и «Ницца, ее климат, местопо-
 ложение, жизнь» (СПб., 1876) — обе изданы под псевдонимом В. Тунеев.

¹¹ Анна Левицкая (в замужестве Харкевич, 1874–1960).

¹² Протоиерей Михаил Орлов (1831–1878), настоятель русских церквей в Неаполе и Флоренции,
 духовник Великой княгини Марии Николаевны в бытность ее пребывания в Тоскане; умер
 и похоронен во Флоренции.

¹³ Георгий Савич Тессельский служил в 1865–1908 гг. диаконом в парижском соборе
 св. Александра Невского. Известен как церковный регент и переводчик русской богословской
 литературы на французский язык.

церковь¹⁴ в присутствии адмирала Шестакова с супругой¹⁵; за сим проводили Иосифа Васильевича в г. Тремедзо, на пути его на старокатолич. конгресс в Берне¹⁶, сам ездил на Комское озеро в Черноббио причащать Голубкову¹⁷ и ночевать на другой стороне озера у сестры ее графини Самойловой¹⁸ на вилле Taglioni¹⁹, где очутился и диак. Тессельский. Осенью ездил из Ниццы в С.-Ремо служ[ить] у Имп. Марии Александровны²⁰.

1875. В январе сильнейшая скарлатина у Сережи и Вани. Летом в St. Martin <нрзб.>, casa Barolli.

1876. По случаю ревматизма у Сережи — в Aix les Bains, за сим в St. Martin у Бунэн, где 15 июля род. Илюша, а 19го умер; к концу лета приехал из Лугано брат Александр, псаломщик фон Дервиза, уже совсем больной.

1877. Ниццкие передраги в апогее: подана жалоба в Консисторию от Совета по приезде в Гатчину, в июне, произошла из-за этого очень крупная размолвка с Иосифом Васильевичем, однако Консистория оправдала и <нрзб.> Совету нас²¹. На обратном пути в сентябре 2 недели в Экс-ле-Бэн, без особой пользы.

1878. Весною внезапно умер Чачков, Совет поставил ему памятник²². Подано прошение о переводе во Флоренцию, и поселились в С. Мартен, у нотариуса Филиппи. Ездил в Ниццу освящать закладку дома, никогда не окончившегося, кн. Леона Кочубея²³, и в июле во Флоренцию для осмотра. С 1 по 14 сентября в Виареджио в Pension Rosa. К Воздвижению — во Флоренции.

1879. И. Васильевич с Анной Евфимьевной²⁴ в июне у нас на поправке. После проводил И. В. в Виареджио, Casa Rustici, привезли дифтерит Анюта, Сережа, Ваня.

¹⁴ Домовая церковь П. Г. фон Дервиза в Лугано, в честь Рождества Христова, постройки арх. Д. И. Гримма. Позднее прот. Левицкий считал ее приписанной к флорентийской церкви. Разобрана в 1960-е гг.

¹⁵ Иван Алексеевич Шестаков (1820–1888), флотоводец и государственный деятель; жена — Надежда Алексеевна (урожд. Михайловская).

¹⁶ Церковная группировка католиков, не принявших решения Первого Ватиканского собора, и названная старокатоликами, в 1870-е гг. провела серию конференций с православными делегатами с целью установления евхаристического общения. Конференция 1874 г. проходила, однако, в Бонне, а не в Берне.

¹⁷ Елена Павловна Голубкова (урожд. графиня фон дер Пален, 1820–1874).

¹⁸ Графиня Юлия Павловна Самойлова (урожд. графиня фон дер Пален, 1803–1875) широко известна как «муза» Карла Брюллова.

¹⁹ Вилла принадлежала знаменитой балерине Марии Тальони (1804–1884).

²⁰ Курортный зимний сезон 1874–1875 г. имп. Мария Александровна провела в Сан-Ремо, подарив городу пальмы, которые были высажены на морском бульваре, названном позднее в ее честь — Corso Imperatrice. В 2010 г. на этом бульваре был установлен ее бюст.

²¹ Возможно, «передраги» были вызваны недовольством части прихода неудачным архитектурным решением церковного здания: многие требовали его решительной переделки.

²² Надгробный памятник В. В. Чачкову на ниццком православном кладбище Кокад сохранился.

²³ Князь Лев Викторович Кочубей (1810–1890); в 1850-х гг. дважды избирался на должность Полтавского губернского предводителя дворянства; в 1870-е гг. переселился в Ниццу, где и скончался.

²⁴ Жена о. Иоанна Васильева (†1897).

Князь Лев (Леон) Викторович Кочубей,
шесть поз (одна с неизвестным лицом). Париж, 1858

1880. В Casa Rustici grande до августа, потом в Cutigliano, Casa Ferrari alla Foga, до 13 окт., масса грибов рыжиков из Abetone, смерть сторожа Лоренцо тотчас по возвращении. Приезд В. Кн. Сергия и Павла А[лександрови]чей в ноябре и декабре²⁵.

1881. Болезнь печени, поездка в июле в Штутгарт с Сережей, приезд остальных и переезд в Гейдельберг на попечение д-ра Фридрейха и Вэйля; возвращение в сентябре, венчание, в крайнем изнеможении, Лаврентьева, приезд учителя-псаломщика Скуратовича, начало экземы. Смерть 24 дек. Иосифа Васильевича в Гатчине.

1882. В июне в Ишле²⁶ у Мещерских, после 3-недельного лечения экземы в Ронченьо²⁷, потом — семья в Половцах²⁸, сам же в Гатчине, а с сентября 13, 14, 15, и 16 в Москве; возвр. в октябре.

1883. В Виарджио в Casa de Marie u Burlamacchi, рыболовство.

²⁵ Имена великих князей открывают Книгу для пожертвований на строительство храма во Флоренции (каждый пожертвовал по тысяче лир).

²⁶ Бад-Ишль — бальнеогрязевой горный курорт в Австрии.

²⁷ Совр. Ronseppo Terme — курорт в провинции Тренто.

²⁸ В селе Половцы Гродненской губернии проживала семья брата о. Владимира Левицкого — Павла.

Церемония закладки русской церкви во Флоренции, 28 октября 1899 г.
(о. Владимир Левицкий — четвертый слева в камиллавке и с кропилом)

1884. С Сережей в Вене, потом все в Cutigliano, casa Sicchi, в сентябре в Виарджио, Casa Selvatici.

1885. В июне 26 в Киеве с Демидовой²⁹, семья в Половцах, болезнь папаша, в сентябре, возвратясь из Гатчины, взяли Костю и в Виареджио, [via] Ugo Foscolo, 4, до нач. ноября.

1886. В апреле закладка дома, нарыв подмышкою, в июле в Виареджио, via Garibaldi, потом Ugo Foscolo, но операция в начале августа, отвоз Вани в Вильну.

1887. После бронхита Сережи едва лишь в августе в Виареджио, на Ugo Foscolo, 4, до октября 20-х ч., переехали в нов. свой дом.

1888. В июне в Casciano, потом в Виареджио, у Элизы, куда в сент. 9 привез из Вены больного брата Павла; 16^{то} святили временную церковь, а 17^{то} отпевали иерея Павла, †15^{го}³⁰.

1889. В июне в Casciano, потом в Виареджио, у Марианны, куда прибыли с Ваней и Афанасием, до 15 октября.

²⁹ Елена Петровна Демидова, княгиня Сан-Донато (урожд. Трубецкая, 1853–1917); супруга Павла Павловича Демидова, владельца Виллы Пратолино, известная благотворительница (на строительство церкви во Флоренции пожертвовала 75 тыс. лир).

³⁰ Священник Павел Левицкий (1846–1888) похоронен на флорентийском кладбище Аллори.

Титульные листы книг архимандрита (позднее епископа) Владимира (Путяты) «Государственное положение церкви и религии в Италии» и прот. Владимира Левицкого «Современные стремления папства. Письма из Италии»

1890. В июне на 10 дней в Виареджио, потом в Вольке (?) до 17го июля, потом с Сережей в Вильно для воинской повинности, потом в СПб. и Гатчине, Сережа — сверхштат. псаломщиком, зимой всеобщая инфлуэнция, особенно у Кости.

1891. В Виареджио у Марианны.

1892. Тоже, с больным Костей, †15 октября. <Нрзб.>

1893. В июне в Бари, Неаполь, Рим; Сережа с февр. штатн. пс[аломщик].

1894. В России, возвращ. с Сережей, 5 сент., неделя в Виареджио, 28 окт. заболел Сережа, 5 ноября скончался, Мама с Анютой из России приехали 6го.

1895. В июне в Табиано, потом с Ваней в Равенне, июль и август в Флоренции, начало сент. в Венеции с Ваней, потом из Триеста в Табиано до 14/26 сентября.

1896. В июле 5 недель в Иннихене³¹, до сентября в Гатчине, 25 свадьба Вани, в конце окт. отъезд с Ваней во Флоренцию, Анюта с мамой в СПб. до Крещения.

1897. Рожд. 3 июля Надюши³², в авг. отъезд в Венецию, Левико, Комано, Рива, Сало; возвр. к 14/25 сент. Ваня в Пратолино³³.

³¹ Итальянское название — Сан-Кандидо (до 1918 г. — в составе Австрии).

³² Внучка автора, дочь Ивана (о. Иоанна) Левицкого и его супруги Зинаиды Андреевны. Умерла в 1899 г. (см. об этом запись).

³³ То есть у Демидовых, князей Сан-Донато.

1898. В <нрзб.> 3 нед., с 1 авг. до 1 сент. в Борнио, до 20 в Prese (?), 21 в Самадене (?), 22 ночью в Лугано, на Lago Maggiore, 24 до 28 в Люцерне, Hotel du Cygne, 29 — дома; Ваня в Forte [dei] Marmi.

1899. Начало строения храма, Ваня в России, мама с Анютой в Валломброзе, сент. 1–18 в Рагаце, Hotel Tamina, 18–19 в Люцерне, 20 в Como, 21–31 сент. в <нрзб.>, 5/17 окт. возвр. Надюша больная, 16/28 закладка церкви; 30 окт. в воскр. сконч. Надюша.

1900. С 10 июля по 31 авг. в Валломброзе, с 3 по 27 сент. в Бурбуле³⁴, 28, 29, 30 в Париже, 2–3 окт. в Женеве, 6го дома.

1901. с 18 июля по 27 авг. в Валломброзе, по 3/16 сент. Бурбуль, потом Женева, Борн, Люцерн, 17/30 сент. <нрзб.>, 2 окт. отпев[ание] Панкратьевой³⁵, впервые замеч[ена] болезнь Ванюши.

1902. В январе Ваня в Давосе, Анюта в <нрзб.>, 9 июня род. Андрей, 28 июня сконч. Ваня³⁶, 4/27 июля приехали с причтом, 19го отпевали с архим. Владимиром³⁷; 21 и 26 консультация об Анюте. 30 выезд в Берн к Кохеру, 5 авг. в Шинцнах, 1–10 сент. в Цуге, к 26 возвращ. во Флоренцию, 8 окт. освящ. нижн. церкви.

1903. Всей семьей в Шинцнахе 7 недель — до 2 сент., потом в Амштеге и <нрзб.>, 12 сент. снег, до 25 в Локарно, 26го октября освящ. верхней церкви, сватовство Анюты³⁸.

1904. Харкевичи в России, мы в Виарджио из-за коклюша, потом в Шинцнах, с Харкевичами в <нрзб.>, до последн. чисел сентября.

1905. Всей семьей в Абетоне, потом в Шинцнахе, с 1 сент. все в Виарджио до конца октября, болезнь Анюты.

1906. В Валломброзе, N[otel] Paradisino и Шинцнах, Харк. в Сальсо.

1907. В Saltino, villa Ginogi, мы в Шинц[нахе]. 23 дня до сент. Один [Адриан] Харкевич в Сальсо с 1 по 15 сентября.

[Конец текста]

³⁴ Французский курорт Ля-Бурбуль.

³⁵ Варвара Михайловна Панкратьева (урожд. кнж. Горчакова, 1825–1901); после отпевания во Флоренции тело увезено для погребения в Варшаву.

³⁶ О смерти сына о. Владимир Левицкий пишет также (говоря о себе в третьем лице): «Сын и помощник его, священник Иоанн Левицкий, принимавший участие в освящении места постройки, а также в торжестве основания храма, заболевши горлом летом 1902 г., по всей вероятности — вследствие заражения в военно-морском госпитале в городе Специя при исполнении пастырских обязанностей у русских матросов, скончался в Давосе (Швейцария) на 30-м году своей жизни и в конце 6-летия своего священства, 28 июня (11 июля) в 9 часов вечера. Надежда как самого страдальца, так и его близких, на участие его “в служении под золотыми куполами [флорентийской церкви]” (слова его последнего письма) не сбылась!» // *Талалай М. Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2011. С. 259.

³⁷ Архимандрит Владимир (в миру Всеволод Владимирович Путята, 1869–1936) — с 1902 г. настоятель посольской церкви в Риме, с 1907 г. епископ (лишен сана в 1918 г.).

³⁸ Дочь автора — Анна Левицкая (1874–1960) — в 1904 г. вышла замуж за Адриана Ксенофонтовича Харкевича (1877–1961), командированного в 1903 г. во Флоренцию в качестве псаломщика.

Неизвестный художник. Кастельгандольфо. 1830-е (?)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ *

1. С. П. Шевырѐв. Послание к А. С. Пушкину. Неизданная авторская версия. РГАЛИ (Москва). Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5об.	75
2. С. П. Шевырѐв. Послание З. А. Волконской. Автограф. Первый и последний лист. Альбом кн. З. Волконской. Houghton Library, Harvard University (США).....	90
3. Н. П. Ульянов. Портрет Е. В. Муратовой. 1906. Бумага, карандаш. Местонахождение неизвестно	105
4. А. С. Глаголева. Автопортрет с Н. П. Ульяновым. 1910. Местонахождение неизвестно. Фотография. Частное собрание	105
5. Н. П. Ульянов. Портрет Р. В. Хвоцинской (Затковой). 1912. Лист альбома. Бумага, карандаш. 12,3×7,2. Частное собрание	106
6. Н. П. Ульянов. Портрет П. П. Муратова в магическом плаще. 1922. Фронтиспис издания: П. П. Муратов. Магические рассказы. М., 1922.....	108
7. Н. П. Ульянов. Фабричные матери. 1908. Меццо-тинто. Местонахождение неизвестно. Воспроизводится: П. П. Муратов, Б. А. Грифцов. Николай Павлович Ульянов. М.-Л., 1925. С. 51	113
8. Н. П. Ульянов. Аппиева дорога. 1912. Этюд. Бумага, карандаш. Справа вверху надпись: <i>На дороге Аппия</i> . РГАЛИ. Ф. 2022. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1	116
9. Н. П. Ульянов. Рим. Повозка с вином. 1912. Бумага, графитный карандаш. 26,2×40,5. Слева внизу надпись: <i>Рим Повозка с вином</i> . Справа внизу подпись: <i>Уль 1912</i> . ГТГ. Инв. Р-1057.....	117
10. Н. П. Ульянов. Олевано. 1912. Лист из альбома. Бумага, карандаш. 12,3×7,2. Частное собрание	118
11. Н. П. Ульянов. На Сабинских горах. 1912. Эскиз. Бумага, карандаш. РГАЛИ. Ф. 2022. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 4.....	118
12. Н. П. Ульянов. Несет траву. 1912. Лист из альбома. Бумага, карандаш. 12,3×7,2. Частное собрание	119
13. М. Горький. Письмо к Зиновию Пешкову. 1913. Автограф. Музео Наполеонико. Рим	142
14. Н. П. Прахов в Киеве. 1956. Фотография.....	146
15. Удостоверение Л. В. Ивановой для входа на репетиции в театр «Аугустео». 1925–1926. РАИ	169

* Иллюстрации (кроме № 3–12) подобрал А. Шишкин.

16. Л. В. Иванова. Рисунок черного кота в письме от 3 февраля 1927 г. Бумага, чернила. РАИ	177
17. Л. В. Иванова. Рисунок «кошачьего семейства» в конце письма от 3 февраля 1927 г. Бумага, чернила. Внизу в центре написано: <i>par науки</i> ; справа: <i>SUITE JESUITE! Jesuite! Jesuite!</i> РАИ.....	179
18. С. П. Иванов. Портрет кота. 1930-е. Бумага, тушь. РАИ.....	180
19. Л. В. Иванова. Письмо от 15 февраля 1927 г. Автограф. Листы 1 и 1 об. РАИ	182
20. Л. В. Иванова и ее венгерские друзья в Риме — Эдит и Маргарита. 2 февраля 1927 г. Рим. Фотография. РАИ	184
21. Л. Рибольди и Вяч. Иванов. Павия, 1932. Фотография. РАИ	190
22. Панорама Парижа с видом на мост Александра III. Открытое письмо без даты.....	191
23. Дворец Трокадеро. Париж. Открытое письмо от 16 июля 1927 г. РАИ	192
24. Перспектива авеню дель Опера ночью. Париж. Открытое письмо без даты.....	194
25. С. Кусевичкий. 1910-е. Фотография.....	199
26. Л. В. Иванова. Схема Солемского аббатства. Из письма к отцу от 25 июля 1927 г. РАИ.....	208
27. Солемское аббатство. Открытка Л. Ивановой к отцу от 24 июля 1927 г. РАИ	209
28. Солемское аббатство. Открытка Л. Ивановой к отцу от 22 августа 1927 г. РАИ.....	211
29. Л. В. Иванова. Рисунок в письме к отцу от 24 августа 1927 г. РАИ	214
30. И. С. Шмелев. Париж, 1934. Фотографии Бориса Липницкого.....	217
31. Ринальдо Кюфферле. 1905. Фотография	221
32. И. С. Шмелев и К. Д. Бальмонт. Париж, начало 1930-х. Фотография Бориса Липницкого. РАИ.....	224
33. Капбретон. Канал Бёдиго и церковь. Открытое письмо, посланное И. Шмелевым к Е. Григорович	228
34. Открытое письмо И. Шмелева к Е. Григорович от 10 октября 1941 г. с изъятиями немецкой военной цензуры. Автограф. РАИ.....	233
35. Книга Йоханны ван дер Мейлен (<i>Intermediarius</i>) на «историческом» столе Вяч. Иванова. Рим. Фотография.	237
36. Акт о присоединении Эллиса к католической церкви. 3 июля 1931 г. Автограф. Исторический архив Конгрегации Восточных церквей. Рим. Листы 1 и 1 об.	246, 248
37. С. П. Иванов. Портрет голодающего. Галькино, 1922. Бумага, карандаш. Коллекция П. Атласса, США	254

<i>Список иллюстраций</i>	295
38. Страницы из публикации С. П. Иванова «Террор в России» в журнале «График». Лондон, 1923.....	255
39. Фотопортрет С. П. Иванова работы Анни Тресгот (© Annie Tresgot). 1982.....	257
40. С. П. Иванов. Портрет кардинала Э. Тиссерана. 1937. Местонахождение неизвестно. Фотография. Частное собрание.....	258
41. С. П. Иванов. Портрет Вяч. И. Иванова. Рим, 1937. Бумага, карандаш. 19×16. Справа внизу подпись: <i>SERGE // IVANOFF // ROMA // 1937</i> . РАИ.....	259
42. С. П. Иванов. Портрет Д. В. Иванова. Париж, 1938. Бумага, карандаш. 28×20. РАИ.....	259
43. С. П. Иванов. Голова кота. Рим, 1937. Холст, масло. 20×13,5. В нижнем левом углу надпись: <i>ROMA 1937</i> ; в правом углу: <i>КОШКЕ от Козлокота на память о Пылеросе</i> . РАИ.....	262
44. П. А. Соколов (в первом ряду в центре). Фрагмент групповой фотографии средней школы в Мольфетте.....	270
45. Протоиерей Владимир Левицкий. Флоренция, 1880-е. Фотография. Архив русской церкви во Флоренции.....	285
46. Князь Лев (Леон) Викторович Кочубей, шесть поз (одна с неизвестным лицом). Париж, 1858. Ателье Андре-Адольфа-Эжена Дисдери. Фотография. Архив Кочубеев-Трубецких (США).....	288
47. Церемония закладки русской церкви во Флоренции, 28 октября 1899 г. (о. Владимир Левицкий — четвертый слева в камилавке и с кропилом). Фотография. Архив русской церкви во Флоренции.....	289
48. Титульные листы книг архимандрита (позднее епископа) Владимира (Путяты) «Государственное положение церкви и религии в Италии» и прот. Владимира Левицкого «Современные стремления папства. Письма из Италии». РНБ (Санкт-Петербург).....	290
49. Неизвестный художник. Кастельгандольфо. 1830-е (?). Бумага, карандаш. Альбом кн. З. Волконской. MS Russ 46-46.14. Houghton Library, Harvard Library, Harvard University (США). Публикуется впервые.....	292
50. Неизвестный художник. Пейзаж с башней. 1830-е (?). Бумага, карандаш. Альбом кн. З. Волконской. MS Russ 46-46.14. Houghton Library, Harvard Library, Harvard University (США). Публикуется впервые.....	310
51. Федор Матвеев. Пейзаж в окрестностях Рима. 1820-е (?). Альбом кн. З. Волконской. MS Russ 46-46.14. Houghton Library, Harvard Library, Harvard University (США). Публикуется впервые.....	311
52. Страница из статьи: Як. Б. Полонский. Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Римѣ: новые материалы // Временник общества друзей русской книги. IV. Париж, 1938.....	313

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ОТДЕЛЬНОЙ ТЕТРАДИ

1. Неизвестный художник. Портрет С. П. Шевырева. 1850-е. Холст, масло.
Музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН..... I
2. Н. П. Ульянов. Падуя. Химера. 1907.
Бумага, графитный карандаш, акварель. 21,1 × 27,8.
Справа внизу граф. кар.: *Ул.*; слева внизу: *Падуя, Химера*.
ГТГ. Приобр. в 1999 через РОСИЗО..... II
3. Н. П. Ульянов. Венецианки. 1907. Картон, черный карандаш, акварель.
26,8 × 39,3. Слева внизу граф. кар. неразборчиво: *Улья*.
Приобр. в 1999 через РОСИЗО. ГТГ. Инв. РС-14874..... III
4. Н. П. Ульянов. Венецианская лавочка. 1907.
умага, акварель. 27,3 × 38,6. ГТГ. Инв. Р-995..... III
5. Н. П. Ульянов. Русская Равенна. 1908. Картон, масло. 35 × 55.
Справа внизу подпись: *Н. Ульян*. В 1998 в дар по завещанию
К. А. Киселёвой. ГТГ. Инв. ЖС-5657..... IV
6. Н. П. Ульянов. Равенна. Пинетта. 1907.
Бумага, акварель, тушь, перо. 27,9 × 38,3.
В 1998 в дар по завещанию К. А. Киселёвой. ГТГ. Инв. Р-4934..... IV
7. Н. П. Ульянов. Неаполь. 1912 (?).
Бумага, акварель. 39,2 × 41,4. Слева внизу подпись: *Уль Неаполь*.
Пост. от Московской закупочной комиссии. ГТГ. Инв. 25663..... V
8. Н. П. Ульянов. Портрет В. И. Иванова. 1920. Холст, масло. 88 × 71,5.
Приобр. в 1920 у автора. ГТГ. Инв. 4393..... VI
9. Н. П. Ульянов. Парижская витрина. 1909–1911. Холст, масло. 66 × 99.
Справа внизу подпись: *Н. Ульянов*. Приобр. в 1918 у автора.
ГТГ. Инв. 4249..... VII
10. Н. П. Ульянов. Фабричные матери. 1910. Холст, масло. 45,5 × 66,5.
Справа внизу подпись: *Ульян*. Приобр. в 1983 у К. А. Киселёвой.
ГТГ. Инв. ЖС-5715..... VII
11. Н. П. Ульянов. Метаморфозы. Из античного цикла. 1913.
Бумага, акварель, тушь. 31,6 × 43,4. ГТГ. Инв. Р-1059..... VIII
12. Н. П. Ульянов. Качели. 1920. Вариант.
Холст, масло. 64,5 × 88,5. Справа внизу подпись: *Н. Ульянов 1920*.
Приобр. в 1982 у К. А. Киселёвой. ГТГ. Инв. ЖС-3454..... IX
13. Рисунок С. П. Иванова «Голодающая Россия»
на обложке журнала *La Revue Française*, 1923. № 31. 5 августа..... X
14. С. П. Иванов. Портрет кардинала Доминика Мариани. 1937.
Холст, масло. Архив семьи С. П. Иванова (Париж)..... XI
15. С. П. Иванов. Портрет Вячеслава Иванова. 1937. Холст, масло. 57 × 49.
В правом верхнем углу подпись: *Serge / Ivanoff / Roma / 1937*. РАИ..... XII
16. С. П. Иванов. Портрет Лидии Вячеславовны Ивановой. 1937.
Холст, масло. 36 × 25,5. Справа на фоне надпись:
Serge / Ivanoff / Roma / 1937. РАИ..... XIII

17. Д. В. Иванов. Неотправленное письмо к отцу, В. И. Иванову, от 21 февраля 1942 г. с шуточными рисунками С. П. Иванова, изображающими парижскую квартиру художника и римскую поэта. Бумага, тушь, чернила, цветной карандаш. Архив семьи С. П. Иванова (Париж). Публикуется впервые..... XIV
18. С. П. Иванов. Портрет папы Пия XI. Рим, 1937. Печатается по публикации в специальном выпуске журнала *Illustration* (1939, февраль), посвященном кончине папы Пия XI..... XV
19. Неизвестный художник. Портрет В. П. Зубкова (?). 1820–1830-е. Бумага, карандаш. Альбом кн. З. Волконской. MS Russ 46–46.14. Houghton Library, Harvard Library, Harvard University (США). Публикуется впервые XVI
20. Неизвестный художник. Портрет Д. В. Веневитинова (?). 1820–1830-е. Бумага, карандаш. Альбом кн. З. Волконской. MS Russ 46–46.14. Houghton Library, Harvard Library, Harvard University (США). Публикуется впервые XVI

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Alexay Edith — *см.* Эдит А.
Amiel H.-F. — *см.* Амьель А.-Ф.
Anagnine E. — *см.* Ананьин Е. А.
Andreev L. 270
Angelico, fra 264
Annenkov Yu. 256
Atlass P. 250, 294
Aubert R. 261
- Baumer I. 245
Belin Mme 263–264
Beloborodov Andrei (Marquisa) — *см.* Белобородов А. Я.
Belo — *см.* Белобородов А. Я.
Benois A. — *см.* Бенуа А. Н.
Berdiaeff N. — *см.* Бердяев Н. А.
Berg L. 241–244
Bernanos G. 261
Bietti, издательство 216, 219–221, 228–232, 234
Blinov V. 250, 260
Bonaiuto E. 177–178
Bogowski, знакомый Вяч. Иванова 266
Botticelli C. 264
Bracco R. 142
Brandt H. J. 241
Braz O. 252
Brocchi V. 225
Bruckberger R. L., O. P. — *см.* Брюкбержэ Р., доминиканец
Bunin I. — *см.* Бунин И. А.
Buzzi P. 122
- Canali N., cardinale 259
Candreia R. — *см.* Кандрейя
Caratozzolo M. 268
Casini G. 220
Catena, римская знакомая Ивановых 177
Cattori E., свящ. 247, 249
Chmelev (Chmeleff) I. — *см.* Шмелев И. С.
- Cirro, каприйский сосед Н. А. Прахова 163
Clark, каприйский сосед Н. А. Прахова 165
Coré — *см.* Ivanoff Elizabeth S. (Coré)
- D'Annunzio G. 142
D'Herbigny Michel, S. I. 199
D'Indy V. 169, 200–201, 206
Dall'Oglio E. 223
Davids Adelbert 237
Deledda G. 142
Dodsworth E. 220, 222, 229
Domenici G. — *см.* Доменичи Г.
- Evola J. 220
Eyraud F. 256
- Felyne I. — *см.* Блиндерман
Feretti P. M. 212
Filippov, семья 252
Fioravanti R. A. — *см.* Фиораванти Ридолфо
Fiore T. 268
Flamingo — *см.* Шор (Дешарт) О. А.
France A. 177
Fresnoy-Ivanoff T. S. 252
Frühwirth A. — *см.* Фрювирт А.
- Gancikoff L. — *см.* Ганчиков Л. Я.
Gfeller U. 261
Giacosa G. 142
Gina — *см.* Д. Дзанина
Gippius Z. — *см.* Гиппиус З. Н.
Gislardi A. — *см.* Фрязин А.
Goliwanowa B. — *см.* Кобылинская В. П.
Gontcharova N. 256
Gorky (Gor'kij) Maxim — *см.* Горький М.
Grigorovitch E. — *см.* Григорович Е. Ю.
Grivec F. 244
Guerrà R. 256

- Häger P. 241
 Heid S. 245
 Hermann E. 239
 Hildegarde O. S. B., Mère 212
 Hippus Z. 267
 Hoover H. 253
 Huré Francis 140
- Ivanoff Anna P. 252
 Ivanoff Ekaterina P. 252
 Ivanoff Elizabeth S. (Coré) 263
 Ivanoff Galina S. 252, 263
 Ivanoff Lydia P. 252
 Ivanoff Marianne (Marianna) S. 252, 263, 267
 Ivanoff Petr A. 252
 Ivanoff Petr P. 252
 Ivanoff Sergei P. (Serge, Sergio) — *см.* Иванов С. П.
 Ivanoff Vasili P. 252
 Ivanoff Vladimir P. 252
 Ivanoff Zinaida P. 252
 Ivanov Dimitri Vyacheslavovich (псевдоним — J. Neuvécelle) — *см.* Иванов Дим. Вяч.
 Ivanov Lydia (Lidia) Vyacheslavna (Kiska) — *см.* Иванова Л. В.
 Ivanov Vyacheslav (Vjačeslav) — *см.* Иванов В. И.
- Jakubisiak Augustin — *см.* Якубисиак Августин, о.
 Joukowski W. A. — *см.* Жуковский В. А.
- Kalmakov N. 256
 Kaplan M. S. 250
 Kardovsky D. 252
 Kiki de Montparnasse 193
 Kirsch J. P. 245
 Kiska — *см.* Иванова Л. В.
 Knies R. 240
 Kobylinskij-Éllis L. — *см.* Эллис
 Kot — *см.* Иванов В. И.
 Kozlokot — *см.* Иванов С. П.
 Kufferle P. 221
 Küfferle R. 219–221, 225–231
 Kuzmin-Karawajew D. 244
- Lifar S. 256
 Litvinov M. 253
- Ljunggren M. 236
 Lunacharsky Anatoly — *см.* Луначарский А. В.
 Lupi M. 221
- Maissen F. 249
 Mariani Domenico, cardinale 259, 296
 Marquise Barbabianca — *см.* Белобородов А. Я.
 Mascagni P. 266
 Maugham W. S. 278
 Meulen van der J. (Intermediarius) 236–237, 247, 294
 Milioukov P. 256
 Mocquereau A., O. S. B. 209, 212
 Molinari B. 203
 Mongault H. 221, 273
 Morgano Enrico 165–167
 Mérimée P. 273
- Nansen F. 253–255
 Nencioni E. 142
 Neuvécelle Jean (псевдоним, наст. имя — Димитрий Вяч. Иванов)
 Nietzsche Friedrich 222
 Nikulin V. 222
- Pascarella C. 142
 Patenaude B. 253, 255
 Pavlillo, каприйский сосед Н. А. Прахова 163
 Pechkov Zienovi — *см.* Пешков З. А.
 Perwoukhine M. 146
 Pettazzoni R. — *см.* Петтаццони Р.
 Pettinaroli L. 238, 241
 Pflieger K. 245
 Piccolo Elen/Helen 251, 263
 Piccolo F. 262
 Pirandello L. 142
 Pius XI — *см.* Пий XI
 Poljakov F. 237, 239–241, 243, 245
 Prin Alice E. — *см.* Kiki de Montparnasse
 Puffi — *см.* Иванов В. И.
 Pòsoškov I. 270–271
- Ratti Mme 262–263
 Reclam P. 225
 Repin Ilya 255
 Riabushinsky, семья 256
 Riboldi L. — *см.* Рибольди Л.

- Roussel A. — *см.* Руссель А.
 Rubini Dodsworth Edmondo M. 16, 220
 Ruysen Georges S. J. 239
- Saffo 278
 Salvadori G. 277
 Salvatore, каприйский сосед Н. А. Прахова 163
 Scarfoglio E. 142
 Schmaroff E. S. 252
 Schmeliov I. — *см.* И. С. Шмелев
 Schmitt B. 240
 Schmurlo E. 146
 Serebriakova Z. 256, 259
 Shor O. A. (Flamingo, Fiammingo) — *см.* Шор (Дешарт) О. А.
 Signorelli A. 177
 Simon Constantin, S. J. 241, 243
 Sokoloff P. 268, 270–271, 277
 Solov'ev (Solowew) Vladimir (Wladimir) — *см.* Соловьев Вл. С.
 Spaziani M. 142
 Steiner R. 222
 Stepun F. 256
- Tamborra A. 140, 238
 Tedeschi, cardinale 259
 Tikhon (Belavin), патриарх 253
 Tisserant, cardinale 258–259, 295
 Tomamichel Micahel, sacerdote 247, 249
 Tommasini Anselmo M. 263, 280
 Towianski A. 222
 Trama Don Carlo 147
 Tresgot A. 256–257, 295
 Trinchero G. 222
- Vasil' Cyril, S. J. 237
 Verga G. 142
 Vernon Lee — *см.* Вернон Ли
 Vian G. 189
- Walter, Reinhold von — *см.* Вальтер Р. Р.
 Ward J. B. 212
- Zaitsev Boris 256
 Zanotti Bianco Umberto — *см.* Дзанотти Бьянко У.
- Šiškin Andrej 237
- Август, имп. (Augustus) 54, 89, 95
 Авенариус Р., философ 152
 Аверинцев С. С., академик 170
 Адан П. 122
 Азадовский К. М. 217, 243
 Айхенвальд Ю. 216
 Аккаттоли А. 141
 Аксаков К. С. 21, 101
 Аксаков С. Т. 62, 65
 Алданов М. 221
 Алевиз Фрязин 138
 Александр I, имп. 25, 29
 Александр II, имп. 12, 15
 Александр III, имп. 191, 220, 294
 Алексинская Т. И. (урожд. Евтихева) 145
 Алексинский 165–167
 Аллеш Г. 217
 Альбилокки 197
 Амфитеатров А. В. 140–141, 144, 162, 216–220, 223, 226, 229–232
 Амьель А.-Фр. 278
 Анашкин Е. А. 229, 262, 264, 266
 Андреев Л. Н. 144
 Андреев Михаил, О. И. 243
 Андреева-Бальмонт Е. А. 217
 Андреева Инна 103
 Андреева М. Ф. (урожд. Юрковская) 140, 142, 144–146, 152–154, 162–163
 Аничков Е. В. 176, 183
 Антокольский М. М. 144
 Антоний (Марк Антоний, Marcus Antonius) 42
 Антонов, каприйский знакомый Горького 167
 Ариосто Л. (Agiosto L.) 46
 Аронсон М. И. 9, 33–34, 43–48, 50, 52–53, 57, 59, 63, 67, 70–71, 77, 80–81, 85, 87
 Арсеньев Н. С. 243
 Атрощенко О. 156
 Ашукин Н. С. (псевд. Николай Никин) 129–139
- Базаров В. А. (наст. фамилия — Руднев) 144
 Байрон Дж. Г. (Byron) 26, 86
 Балтрушайтис Ю. К. 103
 Бальмонт К. Д. 193, 217, 224, 226, 229, 231–232, 284, 294
 Банзерук О. В. 15

- Баратынский Е. А. 10, 20, 24, 43, 47, 102
Барма Иван, архитектор 138
Барсуков Н. П. 12, 14, 20
Баталов А. Л. 138
Бах И. С. 168, 200–201
Бахтин Н. М. 170, 196
Бахтурин К. А. 39, 41–42
Башуцкий А. П. 33
Белинский В. Г. 7–8, 28
Беллини Дж. 110
Белобородов А. Я. (Beloborodov Andrei, Belo, Marquisa, Marquise Barbabianca) 251, 256, 259, 261, 263–267
Белосельский-Белозерский А. М., кн. 22
Белый Андрей 9, 102, 108, 120, 236
Бенуа А. Н. 210, 252–253, 256, 259
Берг Людвиг 241–244
Берг Н. В. 15, 21
Бердяев Н. А. 107, 170, 172, 189, 191, 193, 199, 201
Бердяева (Рапп) Л. Ю. 170, 172, 189, 191, 193, 196–197, 199, 201, 206, 212
Бернанос Ж. 261
Бетховен Л., ван 158, 168
Бёклин А. 175
Благинский Г., протоиерей 285
Блиндерман Э. О. (Iris Felyne) 230
Блок А. А. 35, 39, 43, 102–103, 112, 130–131, 135, 236, 243, 283
Бобринская Е. А. 122
Бобринский В. А., гр. 12–14
Богаевский К. Ф. 104
Богданов А. А. (наст. фамилия Малиновский) 144–146, 152–153, 162, 165
Боголюбова Н. 184–185
Бодлер Ш. 238
Бонград-Левин Г. М., академик 217
Боровский А. К. 186–187
Бородин А. П. 15, 169, 194–195
Борхард Н. 17, 25
Боткина А. П. 121
Боттичелли С. 174
Бредиус-Субботина О. А. 234
Бредов Н. Э. 276
Брейгель-Старший Питер 103
Брейнингер-Уметаева О. А. 49
Брут (Brutus) 41–42
Брюкбержэ Р., доминиканец 262, 264
Брюллов К. П. 20, 99, 287
Брюсов В. Я. 129–130, 185
Брюсова Н. Я. 185
Буасере (Буассере) И.-С.-М.-Д. (Boisserée) 79
Бугровы 159
Будайтис А. 220
Булгаков Сергей, свящ. 170, 189, 197
Булгаковы 100
Булгарин Ф. В. (Bułharyn) 8, 47
Бунин И. А. 143–144, 152, 162, 216, 221, 223, 256, 282–283
Бунина г-жа — см. Муромцева-Бунина В. Н.
Бунэн 287
Бураго Л. П. 140–141
Буренин Н. Е. 146
Бутурлин Д. П. 17–18
Бутшеры, владельцы квартиры в Риме 205
Буцци П. 122
Бычков И. А. 15
Вагнер Р. 175, 276
Валентинов Н. В. 238
Валленштейн А.-В.-Е., фон (Waldstein/Wallenstein, von) 17, 36–37, 64, 66
Вальтер Р. Р. 243–244
Ван дер Мейлен Йоханна (Иоганна) 236–237, 245, 247, 294
Ванькович Г. 185
Василий Блаженный 133, 138
Васильев И. В., протоиерей 285–288
Васильева А. Е. 287
Васнецов В. М. 144, 159
Вассена Р. 222
Ватман Дж. (Whatman) 99
Вахтина П. Л. 43
Вейдле В. В. 196
Веласкес Д. 103
Вельтман А. Ф. 29
Веневитинов Д. В. 23, 44, 297
Вергилий (Vergilius) 39, 95
Вернон Ли (псевдоним, наст. имя V. Paget) 116, 136
Верстовский А. Н. 65
Вершинин Л. А. 140
Винкельман И.-И. (Winckelmann) 25, 30, 32
Винтер, вице-бургомистр 236
Вирджиния, служанка 179
Витте С. Ю. 159
Власов А. С. 70

- Власова М. А. (урожд. княжна Белосельская-Белозерская) 70–71, 88, 97
 Волконская З. А., кн. (урожд. княжна Белосельская-Белозерская) 21–25, 27, 40, 59–60, 64, 70, 78, 84, 88, 90–91, 94, 293, 295, 297, 313
 Волконский А. Н., кн. 21–22, 24, 54, 64, 94
 Волконский Н. А., кн. 23
 Волошин М. А. 115, 217
 Волинский А. Л. 144
 Воронец, каприйский знакомый Горького 165, 167
 Воронцов 167
 Воронцова-Вельяминова А. Г. 173
 Востокова Н. С. 170–171, 195
 Врубель М. А. 144, 158–159
 Вяземский П. А., кн. 8–11, 21, 24, 47, 77
- Гагарина Е. П., кн. (урожд. Соймонова) 63–64
 Гагарин Г. И., кн. 64
 Гамсун К. 114
 Ганчиков Л. Я. 263–264, 269, 271
 Ганчикова А. Л. 264
 Гардзонио Ст. (Garzonio) 16, 37–38, 146, 263
 Гаретто Э. 141, 215–217, 220
 Гарибальди Дж. (Garibaldi) 15, 101
 Гвиччоли Т., гр. (Guiccioli) 86
 Гедиминовичи 13
 Гербель Н. В. 49, 66
 Герцен А. И. 8, 12–13, 19, 45
 Гёте И.-В., фон (Goethe, J. W. von) 8, 16–17, 19, 23, 25–27, 29, 41, 64, 68–69, 78–79, 87, 98–99, 172
 Гёте О.-В.-Э.-Г., фон (Goethe, O. W. E. H., von, урожд. баронесса von Pogwisch) 26
 Гёте Ю.-А.-В. фон (Goethe, Julius August Walther von) 26
 Гинзбург Л. Я. 48, 50
 Гиппиус З. Н. 196, 260, 262
 Гирт И. О. 14–15
 Глаголева А. С. (в замуж. Ульянова) 103–106, 109, 115, 128, 293
 Глазунов И. И. 101
 Глинка М. И. 41
 Глуховская Е. А. 249
 Глюк К. В. Р., фон (Gluk, C. W. R., von) 159
 Гнедич Н. И. 74
- Гоген П. 126
 Гоголь Н. В. 8, 13, 15, 18, 20, 39, 185–188
 Гойя Фр. 127
 Голицын Б. В., кн. 13
 Голованова Варвара — *см.* Кобылинская В. П.
 Голованов С. В. 238, 241–243
 Голубкова Е. П. 287
 Гольштейн А. В. 210
 Гомер ("Ομηρος) 39
 Гораций (Horatius) 30, 41–42, 53–54, 65, 70–71
 Горбатов К. И. 154, 161–162
 Горький А. М. (Максим Горький, Алексей Максимович Пешков) 140–146, 150, 152–163, 165–167, 171, 229, 252–253, 293
 Гоффман Э.-Т.-А. (Hoffmann) 29, 130
 Гоцци К. 108
 Грабарь И. Э. 121
 Гранатович Л. В. 15
 Грациелла 148, 163
 Греч Н. И. 8
 Гречанинов А. Т. 181, 195, 198, 200
 Григорович Е. Ю. 215–220, 222–233, 235, 294
 Григорьев А. А. 130–131
 Гримм Я., Гримм В. 175
 Грифцов Б. А. 109, 112–114, 120, 124, 293
 Грот Я. К. 16
 Гуляева Н. А. 195
 Гунст Е. О. 200
 Гусев-Оренбургский С. И. 144
 Гюисманс Ж.-К. 211
- Д'Амелия А. 140–141
 Д'Энди В. — *см.* D'Indy V.
 Давыдов Д. В. 40, 84
 Дагаев С. М. 44
 Дандоло Ф. (Dandolo) 137
 Данте Алигьери (Dante) 16, 18–20, 27, 29, 38–39, 41, 46, 65, 72, 76, 84, 86, 95–96, 99, 112, 232
 Дараган К. Ф. 199, 204
 Даргомьжский А. С. 178
 Дельвиг А. А., барон 71, 76–77
 Делёз Ж. 120
 Демидов П. П., кн. Сан-Донато 289–290
 Демидова Е. П., кн. Сан-Донато 289–290
 Дервиз П. Г. фон, барон 286–287

- Державин Г. Р. 30–31, 43, 46, 65, 73–74, 187
 Державина В. 184
 Джером К. Дж. 183
 Джулиано Дж. 140
 Джустиниани Дж. (Giustiniani) 18, 41
 Дзанина Джина (Джузеппина, Gina) 264
 Дзанотти Бьянко Умберто (Umberto Zanotti Bianco) 141
 Дмитриевская Д. М. 182
 Дмитриев П. В. 173
 Долгорукий Юрий, кн. 138
 Доменичи Г. 177
 Дорман, каприйский знакомый Горького 167
 Досекин Н. В. 155
 Достоевский Ф. М. 278
 Доценко С. Н. 238
 Дукельский В. А. (гетероним — Вернон Дюк) 169, 191, 193, 195
 Дурьлин С. Н. 25, 27, 42
 Дьяконов А. А. 103
 Дягилев С. П. 190–191, 193–195
- Евдокимов А. В. 141
 Егоров Б. Ф. 131
 Едошина И. А. 129, 131
 Екатерина II, имп. 13
 Елагина А. П. (урожд. Юшкова, по первому браку Киреевская) 26
 Елеонская Е. Н. 282–283
 Елеонский Н. А. 282
 Елпатьевский С. Я. 144
 Есенин С. А. 39
- Жантийом-Кутырин Ивистион (Ив, Ивик) 222
 Жантийом А.-Р. 222
 Желябужская Е. А. 163
 Желябужский Юрий (Юрочка) 154, 157
 Жуковский В. А. 26, 41, 43, 73–74, 238–239, 245
- Забелин И. Е. 131, 138
 Забелло Н. Г. 171, 177, 186
 Заблоцкий Н. А. 44
 Загоскин М. Н. 65
 Зайонц Л. О. 45
 Зайцев Б. К. 102–104, 106–107, 110, 120–121, 170, 195, 221
- Зайцева В. А. (урожд. Орешникова) 103–104, 170, 195
 Зайцевский Е. П. 39–41
 Закревский А. А., гр. 13
 Замятнина М. М. 172
 Зарецкий Николай 238–239
 Заткова Ружена — см. Хвошинская Р. В.
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 206
 Злобин Владимир 243
 Золя Эмиль 122
 Зоргенфрей В. А. 44
 Зубков В. П. 297
- Иван I Данилович Калита 137
 Иван III Васильевич 137–138
 Иван (Иоанн) IV Грозный 8, 138, 275
 Иванов В. И. 36, 120, 168–179, 181, 183, 186–193, 195–204, 207–208, 210–214, 217, 220, 229, 237–238, 240–245, 247, 249–251, 257, 259–284, 294–297
 Иванов Дим. Вяч. 170, 173, 176, 178, 181, 186, 193, 196, 199, 202, 204–205, 207, 210, 212–214, 240, 250–251, 259–266, 271, 273–274, 281, 283–284, 295, 297
 Иванов С. П. 180, 250–267, 286–290, 294–297
 Иванова Галина (Галя) — см. Ivanoff Galina S.
 Иванова Л. В. 168–214, 240, 250–251, 260, 262, 264–268, 271, 273–274, 281–284, 293–294, 296
 Иванова Марианна (Марьяна) — см. Ivanoff Marianne S.
 Иванова Элизабет (Coré) — см. Ivanoff Elizabeth S. (Coré)
 Ильин Владимир 243
 Импости Г.-Э. (Imposti) 49
 Иоффе Г. И. 84
 Ирвинг В. (Irving) 31
- Казанова Дж. 108
 Каллаш В. В. 79
 Каллимах (Καλλιμάχος) 77
 Кандауров К. В. 104, 115–116
 Кандрейя Р. 225
 Каплан М. С. 250, 265
 Каразин Н. Н. 158
 Карамзин Н. М. 73
 Каратоцоло М. 268–269

- Карл-Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский, герцог 25
 Карпова Е. В. 221
 Кастальский А. Д. 176
 Каттори Эмилио, свящ. 249
 Кёниг Г.-Й. (Koenig) 9–10, 25, 28–29, 31, 49, 98–99
 Киреевский И. В. 24, 26
 Киреевский П. В. 26
 Кирилл (Константин), св. 273
 Кириш — *см.* Kirsch J. P.
 Киселёв-Сергенин В. С. 45, 47–48, 50, 77, 81
 Киселёва К. А. 112, 296
 Киска (прозвище) — *см.* Иванова Л. В.
 Книс Р. 240–242, 244–245, 247
 Кобылинская В. П. (урожд. Голованова) 247, 249
 Кобылинский Л. Л. — *см.* Эллис
 Кобылинский Илья 243
 Ковалевский П. О. 147, 161
 Жожинов В. В. 34, 50
 Козицкая Е. И. (урожд. Мясникова) 22
 Козлокот (прозвище) — *см.* Иванов Сергей Петрович
 Койранская М. М. 185
 Кон Г. 122
 Кондюрина А. 168
 Кононов (наст. фамилия Татаренко) Н. М. 48
 Корвин-Коссаковская А. И. (урожд. Лаваль), гр. 24
 Коровин Константин (Костенька) 155, 159
 Корсак Ю. (Korsak) 37
 Косса Франческо дель 104
 Коссовская В. М. 191
 Коссовская К. Я. 191
 Коссовская Н. М. 191
 Костина Т. В. 13–14
 Котарбинский В. А. 144
 Котка (прозвище) — *см.* Иванова Л. В.
 Коул Т. (Cole) 31
 Коцюбинский М. 144
 Кочубей Л. В., кн. 287–288, 295
 Кошелев А. И. 27
 Кошка Иванова, также К. И. (прозвище) — *см.* Иванова Л. В.
 Кравцов П. И. 181
 Красовицкая Т. В. 144–146
 Крусанов А. В. 123
 Крюгер А. Ф. 148
 Кузмин М. А. 36, 122
 Кузнецова Е. 34, 50, 210
 Кузьмин-Караваев Д. В. — *см.* Kuzmin-Karawajew D.
 Кузьмина В. В. (урожд. Суворова) 149–153, 155–156, 158, 161–162
 Кузьмина Леночка 149
 Кузьмин Н. Н. 149
 Кузьмин Сережа 149
 Кульман Н. К. 224, 226–227
 Кульюс С. К. 168
 Кумпан К. А. 177
 Курбский Андрей, кн. 275
 Кусевицкий С. А. 169–170, 176, 186, 189–190, 193–195, 199, 201–203, 294
 Кутырина Ю. А. 222
 Кюфферле П. 220–221
 Кюфферле Р. 216, 218–221, 223, 227, 229, 232, 234, 294
 Лаврентьев 288
 Лавров А. В., академик 236, 243
 Ладыжников И. П. 153
 Лаппо-Данилевская Н. А. 243
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 30, 49
 Ларионов Михаил Федорович 125
 Левицкая А. В. (в замуж. Харкевич) 286–287, 290–291
 Левицкая З. А. 290
 Левицкая Н. И. 286, 290–291
 Левицкая Н. О. 290–291
 Левицкий В. И., протоиерей 285–291, 295
 Левицкий И. В., свящ. 286–287, 289–291
 Левицкий П. В., свящ. 288–289
 Левицкий С. В. 286
 Ленин В. И. 103, 110, 134, 144–146, 152
 Леонардо да Винчи 102
 Леонкавалло Р. 159
 Леопарди Дж. 229, 271, 278
 Лепид (Lepidus) 41–42
 Лермонтов М. Ю. 46, 101
 Лившиц Б. К. 44
 Лихачёв И. А. 44
 Ло Гатто Э. 271
 Лобанов В. М. 144
 Ломоносов М. В. 43, 187, 272–273
 Лонги Пьетро 108

- Лоти П. 122
 Лошилов И. Е. 44
 Лукан (Lucanus) 19
 Лукреций (Lucretius) 19
 Луначарский А. В. 144–146, 152–153, 162, 164–167, 252
 Лунина-Риччи Е. П., гр. 23
 Лурье А. С. 195
 Лядов А. К. 167
 Ляцкой Е. А. 144, 278
- Маймин Е. А. 45
 Макарий, митрополит 138
 Максимович М. А. 101
 Малмстад Дж. 168
 Мамиконян С. Г. 79
 Мамонтов С. И. 155, 159
 Манасеина Н. И. 129
 Мандельштам О. Э. 36
 Манн Т. 111
 Маргарита, венгерская подруга Л. В. Ивановой 184–185, 294
 Маринетти Ф. Т. 106, 114, 122–124, 126–128
 Мария Александровна, имп. 287
 Мария Николаевна, вел. кн. 286
 Мария Павловна Саксен-Веймар-Эйзенахская (урожд. вел. княжна М. П. Романова), вел. герцогиня 25
 Маркиз Барбаблю — см. Белобородов А. Я.
 Марков И. А. 140–141
 Мартынов И. И. 77
 Марциал (Martialis) 19
 Масканья П. 159
 Матвеев Ф. М. 295, 311
 Мах Э., философ 152
 Маяковский В. В. 39, 195
 Медовой М. И. 24, 52
 Мейерхольд В. Э. 113
 Мельгунов Н. А. 9–10, 18, 29, 31, 99
 Мережковский Д. С. 107, 196, 243, 247
 Мерзляков А. Ф. 18, 234
 Мериме П. 273
 Метерлинк М. 110
 Метнер Н. К. 198, 200, 204
 Мефодий (Михаил) св. 273
 Мещерские 288
 Микеланджело Буонаротти (Michelangelo) 72, 279
 Миллиор Е. А. (Нелли) 170, 177
- Мин Д. Е. 39
 Минаев Д. Д. 38
 Мирбо О. 122
 Миролюбов В. С. 144
 Митраков Н. И. 67
 Митракова Н. С. (урожд. Топорнина) 67
 Михайлов А. Б. 12–13
 Михед П. В. 15
 Мицкевич А.-Б. (Mickiewicz) 16–17, 37, 63, 81
 Моника, венгерская подруга Л. В. Ивановой — см. Эдит А.
 Морозов С. Т. 159
 Муратов П. П. 103–104, 106–109, 111–114, 116–117, 119–122, 124, 130, 136, 175–176, 183, 187, 195, 293
 Муратова Е. В. (урожд. Пагануцци) 103–108, 121, 293
 Муратова Е. С. (урожд. Урениус, в первом браке Грифцова) 136, 176
 Мурашко А. А. 144
 Муромцева-Бунина В. Н. 152, 282–283
 Мурчислава (прозвище) — см. Иванова Л. В.
 Мусоргский М. П. 159, 175
 Мюзр (Muir) М. 177, 181, 205, 212
 Мясин Л. Ф. 194
- Наполеон I, имп. (Napoléon) 23, 29, 141–142
 Наумова Авдотья 295, 313
 Некко Дж. 272
 Некрасов К. Ф. 129–130
 Некрасов Н. А. 20
 Немзер А. С. 50
 Немирович-Данченко В. И. 144
 Нестеров М. В. 144, 164
 Никин Николай — см. Ашукин Н. С.
 Николай, св. 272
 Николай I, имп. 8, 11, 17–18, 33, 45, 92
 Николай II, имп. 155
 Никулин Вс. П. 222–223, 225, 227–231
 Ницше Фридрих 120, 229
 Новиков А. П. 152
 Новиков И. А. 178
 Норов А. С. 11, 14, 18
- О'Коннор, настоятель церкви 197
 Обатнин Г. В. 173
 Одоевский А. И., кн. 21

- Одынец А.-Э. Ф. (Odyniec) 37, 63, 81
 Ознобишин Д. И. 234
 Ойетти У. 141
 Окороков Г. В. 190, 212
 Орешникова В. А. — *см.* Зайцева В. А.
 Орлов Г. Г., кн. 13
 Орлов М. Н., протоиерей 286
 Осколков 161
 Осоргин М. А. 104, 107–112, 117, 121–122
 Остапенко Л. М. 15
 Остроумова-Лебедева А. П. 109
 Остроухов И. С. 104, 106, 120–121
 Осьминина Е. А. 227
 Оцуп Н. А. 283
 Ошеров С. А. 95
- Павел I, имп. 22
 Павел Александрович, вел. кн. 288
 Павлов Н. Ф. 10, 24
 Павлова Т. П. 183
 Пагануцци Е. В. — *см.* Е. В. Муратова
 Пайчадзе Г. Г. 176
 Панкратьева В. Н. 291
 Парсамов В. С. 18
 Парфенова И. 194
 Пархомовский М. А. 140
 Паскевич И. Ф. 92
 Патя (прозвище) — *см.* Муратов П. П.
 Паунд Э. (Pound) 220
 Первухин М. К. 146
 Персий (Persius) 19
 Перфильева Т. Е. 176
 Перцов П. П. 130, 133, 136, 138
 Петацциони Р. 179
 Петр I, имп. 33–35, 45, 47, 49, 51–52, 138
 Петрарка Ф. (Petrarca) 40–41, 46, 63–64
 Петр Иваныч, знакомый Л. В. Ивановой — *см.* Кравцов П. И.
 Петров Гр., свящ. 129
 Пешков (Свердлов) З. А. 140–143, 293
 Пешкова Е. З. 140–141
 Пешкова И. 194
 Пий XI, папа 221–222, 245, 256, 259, 297
 Пикассо П. 194
 Пинтуриккио 179
 Пирон Ж. 262
 Плавт (Plautus) 19
 Платон 136, 206
- Погодин М. П. 8, 11–12, 14, 16, 20, 38, 40, 50, 53–54, 57, 61–63, 67–68, 77, 81–88
 Полевой Н. А. 7–8, 35–36, 47, 63–64
 Поленов А. Д. 115
 Поленов В. Д. 115, 144
 Поленов Д. Д. 115
 Поленова Е. Д. 104, 115
 Полонский Я. Б. 295, 313
 Поляков Ф. Б. 236, 238, 240, 243–244, 247, 249
 Посошков И. Т. 271
 Правоверова Л. Л. 102–103, 120
 Прахов А. Н. 147–148, 164
 Прахов В. Н. 147–148
 Прахов Н. А. 144–167, 293
 Прахов Н. Н. 147–148
 Прахов Ю. Н. 147
 Прахова Анна Августовна (урожд. Крюгер) 147–149, 151–152, 154, 161
 Прахова Елена Адриановна (Лёля) 164
 Прахова Н. Н. 147
 Прахова Ольга Адриановна (Мума, в замуж. Алябьева) 164
 Прахова Эмилия 164
 Примоли Дж. (Primoli) 141–143
 Прокопович-Антонский А. А. 10, 29
 Прокофьев С. С. 169, 189–190, 193–195, 200, 203
 Пугачёв Е. И. 34
 Пузыно (Пузына) И. В. 241
 Путята В. В., кн. (в постриге архимандрит Владимир) 290–291, 295
 Пуффи (прозвище) — *см.* Иванов В. И.
 Пухта Г.-Ф. (Puchta) 79
 Пушкин А. С. 8–10, 13, 18, 20, 22, 24, 26, 30–31, 33–35, 37–41, 43–49, 53, 64, 71–75, 77, 86, 95, 101, 108, 130, 133, 174–175, 178, 188, 229, 238–239, 245, 282, 293
 Пфлегер К. — *см.* Pfleger K.
 Пятницкий К. П. 144, 154, 157
- Рабенек А. Л. 128
 Рабенек Е. (Элла) И. 115, 128
 Радич Гита (также Гита-Венгерочка) 212
 Расловлев М. С. 235
 Ратников К. В. 92
 Рафаэль (Raffaello) 57, 82
 Реберг 286
 Режис Филипп де, О. И. 263–264

- Рейсер С. А. 43
 Рембрандт 127
 Ремизов А. М. 223, 295, 313
 Ремизовы 189
 Репин И. Е. 114, 144
 Ресневич-Синьорелли О. — *см.* Синьорелли О.
 Респиги О. 169
 Рёскин Дж. 102
 Рибольди Л. 179, 188–193, 197–199, 201, 212, 294
 Рильке Р.-М. 243
 Римский-Корсаков Н. А. 159
 Риола Монтанаро В. К. (урожд. Бочарникова) 163
 Рицци Д. 141, 229, 262
 Риччи М., гр. (Ricci) 23–24, 84
 Роден О. 127
 Рожалин Н. М. 25–27, 35–37, 78–79
 Романов А. С. 164
 Рони-старший Ж.-А. 122
 Рубини И. П. (Rubini) 16, 220
 Румер М. А. 185
 Руссель Альбер 169, 195, 200
 Руффо М. — *см.* Фрязин М.
 Рыбачкова-Григорович Е. Ю. — *см.* Григорович Е. Ю.
 Юриковичи 13
- Салтыков-Щедрин М. Е. 16
 Сальвадори Дж. 277
 Самойлова Ю. П., графиня 287
 Сати Э. 169, 194
 Сафо 195
 Саша Чёрный (наст. фамилия Гликеберг А. М.) 38
 Сведомский А. А. 144
 Сведомский П. А. 144
 Свердлов Ешуа — *см.* Пешков З. А.
 Свечина С. П. (урожд. Соймонова) 64
 Сезанн П. 104, 126
 Семенов Алеша 149
 Семенова Ася 149, 156
 Сенковский О. И. (Sękowski) 47
 Серао М. (Segao) 142–143
 Серафимович А. С. 130
 Сергей Александрович, вел. кн. 288
 Сергиевский И. 44
 Серов В. А. 103–104, 114, 159
 Синьорелли А. — *см.* Signorelli A.
- Синьорелли О. 141, 177, 186
 Скворода Г. С. 29
 Скотт В. (Scott) 31
 Скрыбин А. Н. 189, 200–201
 Скуратович 288
 Соболев А. А. 65, 170
 Соболева А. А. 65
 Соболевский С. А. 38, 78–80
 Соколов П. А. 268–284, 295
 Соколова Т. П. 269–270, 273, 277, 281, 283
 Соколова 269–270, 277–278, 281–283
 Сокольников М. П. 123
 Солженицын А. И. 216
 Соловьев Вл. С. 171, 236–237, 239–241, 243–245, 249
 Соловьев И. 282
 Соловьева П. С. 129
 Сомов О. М. 45, 77
 Соранцо Дж. (Soranzo) 137
 Срезневский И. И. 11
 Стенич (наст. фамилия Сметанич) В. И. 44
 Стравинский И. Ф. 169, 193–195, 200–201
 Страховский Л. И. 243
 Струговщиков А. Н. 64, 69, 87
 Сухотин П. С. 130
 Сытин И. Д. 129, 144
- Талалай М. Г. 163, 269, 285, 291
 Тальони М. 287
 Тассо Т. (Tasso) 27, 38, 46, 81, 83, 85, 88
 Теренций (Terentius) 19
 Тессельский Г. С. 286–287
 Тиран (прозвище) — *см.* Рибольди Л.
 Тириш Ф.-В., фон (Thiersch, von) 79
 Тихон, св. 112
 Тихонов Н. С. 39, 43–44
 Токарева Е. 221
 Толбузин С. И. 138
 Толстая М. Л. 278
 Толстой А. К., гр. 21
 Толстой Л. Н., гр. 16, 221, 278, 282
 Томамикель М., священник 249
 Томашевский Б. В. 84
 Томмазо Н. (Tommaseo) 16
 Томмазини Ансельмо 280
 Топорнина М. А. 67
 Топоров В. Н. 77
 Торвальдсен Б. 202

- Тресгот А. — *см.* Tresgot Annie
 Тринкери Дж. 222, 229
 Троцкий Л. Д. 146
 Трубецкой Н. С., кн. 43–44, 46
 Трубников А. А. 102
 Тугендхольд Я. А. 114
 Тургенев И. С. 12–13, 16, 273
 Тэффи (наст. имя — Н. А. Лохвицкая) 221
 Тютчев Ф. И. 21, 24, 32–34, 43, 128, 273
- Уваров С. С., гр. 17–18
 Уитмен У. (Whitmen) 122
 Ульянов Н. П. 102–128, 293, 296
 Ульянова А. С. — *см.* Глаголева А. С.
 Урениус Е. С. 116, 136, 176
- Фет А. А. 43
 Фетисенко О. Л. 168
 Филарет, митрополит (в миру Дроздов В. М.) 11
 Филина Юлия 144–145
 Филип, свящ. — *см.* Режис Филипп де, О. И.
 Филиппи 287
 Филькина Е. Ю. 48, 53
 Финдейзен Н. Н. 65
 Фиораванти Ридолфо 138
 Фиоре Т. (Fiore) 268–269, 276
 Фламинго (прозвище) — *см.* Шор (Дешарт) О. А.
 Флоренский П. А., свящ. 241
 Форнарина (La Fornarina) 82
 Франциск Ассизский, св. 247
 Фридрих 286, 288
 Фрювирт А., кардинал 178, 185
 Фрязин (Руффо) Марк 138
 Фрязин Антон (Antonio Gislardi) 138
- Харкевич А. К. 291
 Хвоцинская Р. В. (урожд. Заткова) 106, 293
 Хвоцинский В. Б. 106
- Хлебников В. В. 36
 Хомяков А. С. 21, 44, 47
- Цветаева М. И. 282
 Цезарь Ю., имп. (Caesar) 42, 89, 95
 Цертелев Н. А., кн. 21
 Цявловская Т. Г. (урожд. Зенгер) 84
- Чачков В. В. 286–287
 Чеботарева Татьяна 239
 Черепнин Н. Н. 200
 Чертковы 13
 Чехов А. П. 275
 Чоботько А. В. 15
 Чони П. (Cioni) 140, 145, 152
- Шаляпин Ф. И. 144, 159, 178
 Шаховской А. А., кн. 65
 Шаховской Д. А. (архиеп. Иоанн) 241
 Шварсалон В. К. 172
 Швейцер, знакомый Л. В. Ивановой 213
 Шевырёв П. С. 9
 Шевырёв С. П. 7–101, 293, 296
 Шевырёва С. Б. (урожд. Зеленская) 13
 Шекспир У. (Shakespeare) 19
 Шелли П. Б. (Shelley) 198
 Шеллинг Ф.-В.-Й., фон (Schelling, von) 25, 79
 Шершеневич В. Г. 122
 Шестаков И. А. 287
 Шестакова Н. А. (урожд. Михайловская) 287
 Шестов Л. И. 189, 275
 Шиллер И.-К.-Ф., фон (Schiller, von) 16–17, 25–26, 36–37, 64–66, 98
 Шишкин А. Б. 49, 168, 174, 215, 220, 237, 247, 250, 261–262, 265, 282, 293
 Шлёцер Б. Ф. 189, 195, 200, 202
 Шлёцер Т. Ф. 189
 Шмелев И. С. 215–235, 294
 Шмелева О. А. (урожд. Охтерлонин) 222, 227
 Шмитт Б. 240–241
 Шнейдерман Э. М. 44
 Шор (Дешарт) О. А. 172, 177, 204, 229–230, 250–251, 259–262, 264–267, 273–274, 284
 Шор Е. Д. 212
 Шорн Л. фон (Schorn, von) 79
 Шрейдер Г. И. 152–153, 166
 Штакеншнейдер А. И. 22
 Шубинский В. И. 49
- Щербаков Р. Л. 129
- Эвола Ю. (Evola) 220
 Эдит А., венгерская подруга Л. В. Ивановой 178, 184–185, 196, 294

- Эйхенбаум Б. М. 43
Эллис (псевдоним, наст. фамилия Л. Л. Кобылинский) 236–249, 294
Эмар Г. 233
Энгель, каприйская знакомая Прахова 163
Эрн В. Ф. 172, 192, 206
Эткинд Е. Г. 37–39, 47
- Ювенал (Iuvenalis) 19
Юдин А. В. 238, 263
Юзефович В. А. 169, 176, 186, 193
- Юлиан Отступник, имп. 107
Юнггрен М. 236
Юркун Ю. И. (Юркунас) 44
- Яворский Б. Л. 213
Якобсон Р. О. 43
Яковлев А. Н. 145
Яковлев Постник, архитектор 138
Якубисиак Августин, о. 197–198, 201, 205, 207, 210, 212
Якулов Г. Б. 195

Неизвестный художник. Пейзаж с башней. 1830-е (?)

Федор Матвеев. Пейзаж в окрестностях Рима. 1820-е (?)

ABSTRACTS

Igor Vishnevetsky

ITALY AND RUSSIA IN THE POEMS
AND POETRY TRANSLATIONS COMPOSED
BY STEPAN SHEVRYOV IN 1829–1833, 1837, AND 1843

In his pioneering study of poetic *oeuvre* of Russian Romantic poet, literary theorist and creator of contemporary literature studies at the Moscow Imperial University Stepan Shevryov (1806–1864) Igor Vishnevetsky deals with the poems and poetry translations composed by Shevryov during (or inspired by) his first sojourn in Italy in 1829–1832 as a private tutor of Princess Zinaida Volkonskaya's (1789–1862) son Prince Alexander Volkonsky (1811–1878), later a Russian diplomat and a writer.

Since no satisfying edition of Shevryov's poetry exists to this moment and the only book-size collection of his verse published in Leningrad in 1939 contains considerably less than half of the poems and poetry translations authored by Shevryov, Vishnevetsky relies mostly upon numerous manuscripts and rare, often anonymous, publications preserved in the archives and libraries of Moscow, St. Petersburg, and Boston. As a result, the poems, previously identified as Shevryov's, are amended with corrections, missed or previously misread lines; and a considerable number of new, never published poems is added to the list.

The study is followed by a detailed bibliographical commentary to 74 poems and poetry translations identified as the ones pertaining to Shevryov's first visit to Italy, with 14 "Italian poems" appearing in print for the first time ever and 15 more being finally published by Vishnevetsky in their unaltered, uncensored, original form, including such extremely important texts as "Petrograd" (1829) and "Epistle to A. S. Pushkin" (1830). One more unpublished poem, composed by Shevryov in the 1850's, is quoted in full in the text of Vishnevetsky's main essay which brings the total number of unpublished and restored poems to 30.

First hand knowledge of the sources allows Vishnevetsky to argue that it is time to reassess young Stepan Shevryov as a major Russian Romantic poet, who produced his own highly original version of "poetry of thought" rooted both in the Age of Reason and deeply anti-bourgeois Romantic sensibility of a supposedly "peripheral" Western country (similar to the sensibility of American Romantics). The fact that Shevryov the poet was engaged in a productive literary dialog with his great contemporaries Pushkin, Tyutchev, Gogol (who made Shevryov an executor of his literary will), and Mickiewicz further testifies to the importance of his *oeuvre*. Moreover, Shevryov's "Italian" poems and poetry translations (mostly from Dante Alighieri and Torquato Tasso) demonstrate the unusual depth of their author's engagement with bringing Russian and Italian literary traditions together and are discussed in a context of his aesthetic evolution. Shevryov's posthumous literary reputation and his "falling out of grace" with some of his contemporaries is scrutinized with new, previously unpublished documents in hand. Special attention is paid to Soviet research on Shevryov and ideologically charged (re)publications of his poetry in the 1930's and 1970's.

Ljudmila Pravoverova

LA COMPRESIONE DELL'ITALIA: NIKOLAJ UL'JANOV E GLI ALTRI

All'inizio del XX secolo l'intelligenza russa vive un picco di interesse per l'Italia. Raramente alle mostre non si esponevano studi eseguiti durante un viaggio in Italia e i letterati pubblicavano con regolarità note di viaggio. Il pittore Nikolaj Pavlovič Ul'janov (1875–1949), seguendo questa tradizione, visita l'Italia due volte. Nel 1907 compie il primo viaggio insieme a Pavel Muratov, all'epoca critico d'arte alle prime armi, e a Firenze incontrano anche gli scrittori Boris Zajcev e Michail Osorgin. Tutti e quattro hanno dedicato alla permanenza in Italia alcune loro opere, la più famosa delle quali è “Immagini d'Italia” (1911–1912) di Muratov. Nell'introduzione l'autore mette in evidenza che il tema principale da lui trattato è il passato del paese. Osorgin sfidò Muratov a un originale duello letterario, raccogliendo una serie di suoi articoli di giornale nel volume “Saggi sull'Italia contemporanea” (Mosca 1913). Qui determina il limite tra “l'Italia apparente”, che rappresenta una “pittoresca pagina di storia”, e “l'Italia autentica”, paese di proprietari terrieri, operai, artigiani, mercanti. Ul'janov visita per la seconda volta l'Italia nel 1912 seguendo i consigli di Muratov, che gli suggerisce una variante di percorso. Sulla base delle impressioni ricevute dal viaggio l'artista ha creato un ciclo di opere pittoriche e grafiche che per la trattazione del soggetto si divide nettamente in due parti. Nel 1907 l'artista condivide in pieno il pensiero di Muratov e perlopiù rappresenta “l'Italia apparente”, provando solo in alcuni lavori a penetrare oltre la “cornice tratteggiata dal Baedeker” e mostrare che gli italiani avevano imparato a vivere in una scenografia creata dalla storia. Durante il secondo viaggio ha la possibilità di comprendere meglio la vita dell'Italia contemporanea, aspetto della percezione del paese che lo accomuna ad Osorgin. La traccia lasciata dall'Italia resterà impressa nell'opera di Ul'janov ancora a lungo, influenzando sia i soggetti che la scelta dei mezzi plastici. Inoltre costringe l'artista a guardare in modo nuovo anche alla Russia, prendere coscienza del fatto che nella natura del paese c'è “molto di simile al “silenzio” italiano”.

Gli anni trascorsi tra un viaggio e l'altro sono per Ul'janov periodo di assimilazione di nuove impressioni e influenze. In Europa e in Russia si afferma sempre di più l'avanguardia, i cui rappresentanti tendono a stabilire contatti con i propri sodali. Tra i primi corrispondenti russi dei futuristi italiani c'è Ul'janov. L'appendice al saggio comprende un testo in cui si narra di quando Ul'janov ricevette da Marinetti i manifesti futuristi nella primavera del 1911 e una variante (inedita) della sua risposta. All'Esposizione internazionale di Roma del 1911, infatti, Ul'janov aveva esposto il quadro “L'altalena”, il cui dinamismo aveva molto colpito Marinetti che gli aveva inviato i manifesti futuristi. La risposta di Ul'janov è una lettera (quasi un articolo per la densità del suo contenuto) di cui esistono diverse varianti, sebbene non si sappia se sia mai stata recapitata. Nella missiva l'artista riflette sul concetto di originalità dell'arte ma polemizza, non senza ironia, con la lotta alla vecchia arte in nome di quella nuova, dai contorni poco definiti, propugnata dai futuristi.

Irina Edošina

“IL MIO TRISTE SGUARDO ACCAREZZANO LE OMBRE...”

(su Nikolaj Ašukin-scrittore)

Viene qui presentata la novella di Nikolaj Ašukin (1890–1972) intitolata “Venezia”, scritta e pubblicata nel 1902 sul secondo e ultimo numero della rivista “La parola artistica” (redattore Valerij Brjusov). Il testo della novella è preceduto da un saggio introduttivo in cui sono

riportate brevi notizie biografiche di Ašukin. Agli studiosi di letteratura è noto più come autore di saggi introduttivi a opere di classici russi o come editore del “Dizionario delle frasi alate” di Sergej Maksimov (1954), ma ancora di più come uno degli autori del dizionario “Frası alate. Citazioni letterarie. Espressioni poetiche” (1955), spesso riedito in URSS tra gli anni Cinquanta e Sessanta. Ma che Ašukin abbia iniziato come poeta e scrittore è noto a pochi. La presente pubblicazione vuole colmare almeno in parte questa lacuna. Il testo di Ašukin è scritto nel genere classico della novella, in cui risulta determinante un evento riportato verso la fine e legato alla morte del protagonista. Lo spazio della novella è ripieno di citazioni dirette e indirette da E. T. H. Hoffman, Aleksandr Puškin, Apollon Grigor’ev, Petr Percov, Ivan Zabelin, Aleksandr Blok, Vernon Lee; si tratta di un complicato intreccio tra passato e presente, tra reale e mistico, tra la bellezza femminile e la bellezza di Venezia, mai vista dal protagonista.

Giuseppina Giuliano

UNA LETTERA SCONOSCIUTA
DI MAKSIM GOR’KIJ A ZINOVIJ PEŠKOV (1913)

Nella collezione di oggetti d’arte e documenti d’archivio del conte Giuseppe Primoli (1851–1927), conservata presso il Museo Napoleonico di Roma, si trova un breve biglietto di Maksim Gor’kij al figlio adottivo Zinovij Peškov scritto nel maggio del 1913 a Capri. Verosimilmente il biglietto, che dovrebbe rientrare nel carteggio di Gor’kij e Zinovij conservato presso l’Archivio Gor’kij dell’Istituto di Letteratura Mondiale di Mosca, fu acquistato ad un’asta dal conte Primoli, il quale ne aveva con ogni evidenza compreso il valore. Gor’kij scrive poche parole al figlio, che si trovava a Fezzano, in Liguria, presso Aleksandr Amfiteatrov, pregandolo di distribuire tra gli operai alfabetizzati alcuni suoi libri tradotti in italiano (“La madre”, “I nemici”). Lo scrittore fa inoltre cenno alla visita fattagli in quel periodo dal futuro premio Nobel Ivan Bunin.

Tat’jana Krasovickaja, Julija Filina

LE MEMORIE DI NIKOLAJ ADRIANOVIČ PRACHOV
SULLA VITA A CAPRI

Vengono qui pubblicate e commentate alcune fonti archivistiche del pittore, critico d’arte e memorialista Nikolaj Prachov (1873–1957) conservate presso il Reparto manoscritti della Galleria Statale Tret’jakov di Mosca. La prima parte di questi materiali inediti è costituita dalle memorie “Il ritorno a casa”, la seconda parte da una serie di lettere di Prachov a membri della sua famiglia. Il destino di Prachov, come quello di gran parte dell’intelligenza russa è molto legato all’isola di Capri. Ricordi e lettere contengono un largo spettro di informazioni e gettano luce sia sulla vita degli emigrati russi all’interno della società italiana, sia sull’aspetto professionale e artistico della loro permanenza sull’isola. I fatti più notevoli riportati riguardano comunque l’attività della scuola di partito al cui centro si trovavano Maksim Gor’kij e Marija Andreeva.

Andrej Šiškin

LIDIJA VJAČESLAVOVNA IVANOVA
NELLE LETTERE AL PADRE (1927)

Viene qui pubblicata una selezione di lettere del carteggio tra la compositrice, musicista e memorialista Lidija Ivanova (1896–1985) e il padre, il poeta Vjačeslav Ivanov, risalenti al 1927. Questo è stato nella vita di Lidija un anno particolare e persino cruciale. Abbandonata per sempre la patria nel 1924 e stabilitasi in Italia, termina a Roma il conservatorio, dove studia composizione con Ottorino Respighi. All’inizio dell’estate del 1927 parte per Parigi allo scopo di entrare in contatto col mondo musicale francese. Qui Lidija Ivanova incontra Sergej Prokof’ev, Sergej Kusevickij, padre Sergij Bulgakov, Boris Schläezer, Nikolaj Bachtin, la famiglia di Nikolaj Berdjaev e Boris Zajcev, ascolta la musica di Stravinskij, Prokof’ev, Dukel’skij, Erik Satie, sente per la prima volta parlare di Albert Roussel, Vincent d’Indy. Nel monastero benedettino di Solesmes conosce il maggiore teorico di canto gregoriano, André Mocquereau. Particolarmente proficuo risulta l’incontro a Parigi con la moglie di Berdjaev, Lidija Rapp, che aiuterà Lidija Ivanova a superare una crisi spirituale durata un decennio. Questo carteggio è un mirabile monumento epistolare della cultura del XX secolo. Nella cronaca particolareggiata, e in alcuni casi quasi quotidiana, della vita di Lidija in Italia e in Francia troviamo testimonianze del contatto a volte conflittuale degli esuli russi con la vita di tutti i giorni, testimonianza delle loro speranze e delusioni, della loro difficile assimilazione allo stile di vita occidentale. I passaggi linguistici dal russo all’italiano e al francese, i maccheronismi frequentemente adoperati in famiglia (“un buffo modo di scrivere usando espressioni straniere”, come spiega un dizionario del 1911), concedevano spazio a ironia e autoironia.

Elda Garetto, Andrej Šiškin

“ANCHE IO DEVO GUADAGNARMI L’AMORE DELL’ITALIA”:
LA CORRISPONDENZA TRA IVAN ŠMELEV
E ELENA GRIGORVIČ

La corrispondenza tra Ivan Šmelev e Elena Grigorovič, autrice della traduzione italiana di “Il calice inconsumabile”, illustra il difficile percorso della diffusione dell’opera di uno dei maggiori scrittori dell’emigrazione russa in Italia. La corrispondenza prende avvio nel 1930, all’inizio del lavoro di traduzione; Šmelev discute con la traduttrice del significato della sua novella, già tradotta in molte altre lingue, si sofferma sul contesto storico/culturale e su alcuni dettagli lessicali, rivelando la sua profonda conoscenza della vita russa. Si apprende che il progetto iniziale prevedeva che l’editore Bietti pubblicasse contemporaneamente anche il “Sole dei morti”, la tragica epopea, definita successivamente da Solženicyn “la prima autentica testimonianza sul bolscevismo”, ma nel 1932 uscì soltanto “Il calice inconsumabile”. Di particolare interesse è l’ultima lettera, datata agosto 1947: scampato ai bombardamenti, Šmelev si compiaceva che alcune sue opere fossero diventate patrimonio universale, ma si rammaricava che il suo *terribile* “Sole dei morti” non avesse ancora trovato una versione italiana.

Fedor Poljakov

DIE WIEDERVEREINIGUNG ALS ABSCHWÖRUNG:
ZUR GESCHICHTE DES ÜBERTRITTES
DER VON LEV KOBYLINSKIJ-ELLIS ZUM KATHOLIZISMUS

In der vorliegenden Studie werden die biographischen Zeugnisse des russischen Dichters und Übersetzers Ellis (eig. Lev Kobylinskij, 1879–1947) vorgestellt, die seinen langen Weg nach Rom über die Auseinandersetzung mit Vladimir Solov'evs konfessionellem Erbe dokumentieren. Hierbei berührt das biographische Material eine wesentliche Seite der Entwicklung des russischen Symbolismus; auch für die Erforschung geistiger Bewegungen innerhalb der russischen Exilkultur sind diese Zusammenstellung vom Belang. Die Untersuchung basiert auf einer Anzahl von Archivalien, darunter auf Ellis' Briefen an den in Prag ansässigen Maler Nikolaj Zareckij, sowie auf den Dokumenten aus dem *Archivium Sacrae Congregationis Ecclesiarum Orientalium* (Città del Vaticano).

Ausgehend von der Betonung einer Parallelität zu Vjačeslav Ivanov wird hier Ellis' Beschäftigung mit Solov'evs Werk geschildert, welche im Schweizer Exil mit seiner Übersetzung dieses Religionsphilosophen aus dem Russischen ins Deutsche zusammenhängend und mit Unterstützung des Matthias-Grünwald-Verlag (Mainz) stattfand. Dabei wird auf die Rolle dieses Verlages und dessen Gründers, des Dichters Richard Knies (1886–1957), eingegangen. Die ersten Veröffentlichungen von Ellis zu Solov'ev werden somit in den Zusammenhang der sich in Deutschland vollzogenen Unionsbewegung gestellt. Ferner wird die Rolle der persönlichen Kontakte von Ellis zum Professor der Christlichen Archäologie an der Universität Fribourg und dem Begründer des römischen Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana Johann Peter Kirsch (1861–1941) hervorgehoben. Aufgrund des Briefwechsels mit Nikolaj Zareckij lassen sich überdies die wohlwollende Aufnahme von Ellis' Engagement durch den Papst Pius XI. bestätigen. Am Schluss des Artikels wird das Übertrittsurkunde von Ellis mitgeteilt, das den Zeitpunkt seiner vollzogenen Konversion exakt feststellen lässt.

Powell Atlass

IL PITTORE E IL VISIONARIO: IVANOFF E IVANOV

La presente pubblicazione riguarda l'artista Sergej Petrovič Ivanov (1893–1983), di cui si raccontano le origini, i legami familiari e i primi passi in campo artistico. Nell'agosto del 1922 va nella regione Samara, flagellata da una terribile carestia, e tiene un diario in cui descrive le sue esperienze quotidiane. Durante questo viaggio realizza 253 disegni per eternare il ricordo di ciò che gli era toccato di vedere: la condizione, morale e fisica, delle persone che aveva incontrato. Egli riesce a portare con sé questo diario e i 253 disegni (alcuni pubblicati nel presente volume) quando alla fine del 1922 fugge dalla Russia sovietica sul ghiaccio del Golfo di Finlandia. Riesce a pubblicare una serie di suoi disegni nel 1923 sulla stampa inglese e francese.

Si stabilisce a Parigi e dal 1929 inizia a collaborare con la rivista francese "L'Illustration". All'inizio del 1937 la rivista lo manda a Roma a dipingere un ritratto di papa Pio IX, la cui salute era fortemente compromessa, e dei cardinali papabili. Questi erano Tisserant, Mariani,

Canali e Tedeschi. Nella capitale italiana l'artista fa la conoscenza di quasi tutta la "Roma russa". Stringe rapporti amichevoli soprattutto con Vjačeslav Ivanov e con i membri della sua famiglia: nel 1937–38 realizza i ritratti di Vjačeslav, Lidija e Dimitrij Ivanov. La conoscenza del mondo artistico italiano, prima di tutto Botticelli, Beato Angelico e i maestri dell'antichità, risulta particolarmente significativa per l'artista. Come ammette lui stesso in una lettera grazie a questa conoscenza "riesce a trovare se stesso" (lettera del 23 dicembre 1937 pubblicata in appendice da Andrei Chichkine).

Marco Caratozzolo

“IL SUO TONO ERA IL TONO DI COMANDO DI UN IGUMENO A UN NOVIZIO”:
LE LETTERE DI P.A. SOKOLOV A VJAČESLAV IVANOV
E LA SUA FAMIGLIA (1947–1961)

Nel presente lavoro vengono pubblicate e commentate le lettere (fino ad ora inedite e attualmente custodite presso l'archivio del poeta russo) inviate a Vjačeslav Ivanov dal professore e saggista russo Paolo Sokoloff (1892–1964), emigrato in Italia nel 1923 e vissuto a Molfetta, in Puglia, dal 1940 fino alla morte. Le lettere di Ivanov a Sokoloff, che completerebbero la corrispondenza, non sono ancora state rinvenute, ma già dai documenti che qui si pubblicano emergono circostanze di grande interesse nella biografia di Sokoloff e dello stesso Ivanov. Da tali documenti trova tra l'altro conferma il prestigio morale e scientifico di cui Ivanov godeva presso i connazionali emigrati, prestigio in virtù del quale Sokoloff lo considera una vera e propria guida spirituale. Completano la corrispondenza alcune lettere, non prive di rilievo, che Sokoloff inviò alla famiglia di Ivanov dopo la sua morte, fino al 1961.

L'arciprete Vladimir Levickij
CRONOLOGIA DEI SOGGIORNI ESTIVI ED ALTRO

(Pubblicazione di Michail Talalaj)

L'arciprete Vladimir Levickij (1842–1923) è stato uno dei membri più autorevoli della colonia russa a Firenze, tra i cui meriti c'è la costruzione della prima chiesa russa in Italia. Sacerdote colto scrisse numerosi articoli storico-religiosi e compilò anche diversi diari. Quello principale, dedicato alla costruzione della chiesa fiorentina, è già noto al pubblico; insieme ad esso c'era un breve diario intimo in cui il sacerdote registrava eventi familiari, nonché informazioni su viaggi, riunioni, occasioni speciali. Alla cerchia di padre Levickij appartenevano, oltre al clero, rappresentanti della nobiltà russa che vivevano costantemente fuori dalla Russia: Elena Demidova, principessa di San Donato; il barone Pavel von Derviz; la contessa Julija Samojlova; il principe Lev Kočubej ecc. Gli itinerari del parroco, legati a compiti familiari e professionali, erano molto estesi: Germania, Francia, Svizzera, tutta l'Italia; naturalmente erano frequenti i rientri in Russia, mentre Viareggio era il luogo tradizionale di cura e relax. Le sue note forniscono materiale utile per la ricostruzione della vita russa in Italia a cavallo tra il XIX e il XX secolo.